

УЧРЕДИТЕЛИ:

Белгородская региональная
общественная организация
«РАДУНИЦА»
(Есенинское общество)

Предприниматель В. Шаповалов

З В О Н Н И Ц А

БЕЛГОРОДСКИЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор:
Владислав ШАПОВАЛОВ

Редакционная коллегия:

В. П. БАБИНЦЕВ
В. Н. ВОЛОБУЕВ
(ответственный секретарь)
Н. Н. ГРИЩЕНКО
Е. Ф. ДУБРАВНЫЙ
(зам. главного редактора)
В. У. КАЛУЦКИЙ
Д. А. МАМАТОВ
В. В. ОВЧИННИКОВ
В. А. СТАРИКОВ

Мот 4
2003

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ — 50 ЛЕТ

Евгений Степанович Савченко. С Родиной в сердце	3
Николай Федорович Васильев. Благодатный край — Белгородчина	13
П. Н. Беспаленко, В. В. Овчинников. Они были первыми	23
В. П. Бабинцев, А. А. Гармашов. Проблема определения стратегии развития Белгородской области	43
Белогорье родное, тобой я живу! Стихи и проза школьников	51

ВЕНОК СЛАВЫ ПОЭТАМ ФРОНТОВИКАМ

Виталий Буханов	67	Наталья Овчарова	107
Николай Волобуев	72	Иван Овчинников	113
Алексей Кривцов	76	Никита Пашнев	118
Леонид Кузубов	80	Михаил Тверитинов	122
Константин Мамонтов	83	Геннадий Ураков	127
Митрофан Молчанов	90	Владимир Федоров	130
Константин Новоспасский	98	Марина Федорова	136
Федор Овчаров	100	Николай Шульга	139

ПРОЗА О ВОЙНЕ

Владислав Шаповалов. Руки матери	142
Евгений Дубравный. Трофейное ружье	229
Николай Мантров. Сквозь дым и огонь	236
Владимир Калущкий. Гипербореи	243
Сергей Бережной. Встреча	269

СОЛДАТСКИЕ МЕМУАРЫ

Николай Яковлевич Чуев. Три Славы	176
Сергей Михайлович Никулин. Воспоминания	183
Петр Иванович Лежебоков. Мои личные воспоминания о войне	188

ПОЭТЫ О ВОЙНЕ

Лира Абдуллина	221	Владимир Михалев	265
Дмитрий Маматов	222	Леонид Попов	266
Сергей Анохин	235	Вера Решетникова	266
Виталий Волобуев	242	Петр Рошупкин	268
Анатолий Авдеев	256	Татьяна Рыжова	273
Петр Брудков	257	Александр Филатов	274
Николай Гладких	259	Николай Филатов	275
Николай Грищенко	260	Анатолий Форов	276
Николай Грибанов	261	Анатолий Папанов	277
Игорь Инютин	264	Валерий Черкесов	279
Иван Крупа	264		

КУЛЬТУРА, ИСТОРИЯ, ПУБЛИЦИСТИКА

Галина Киянова. Военное братство	197
Алексей Копин. Духовное наследие моей семьи	208
Мария Плеханова. Елизавета Романова и ее творчество	283
Галина Половина. Художник Борис Пупынин	287
Галина Слезкина. Воздушные бои в Валуйском небе	291
Александр Стовпец. Вовеки будут Русь и Украина	293

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Зарегистрирован в Средне-Русском межрегиональном территориальном управлении

Мининформпечати РФ, свидетельство ПИ № 8-1346.

Формат 70x108¹/₁₆. Объем 37 п.л. + цв. вклейка 2 п.л. . Тираж 1000 экз.. Печать офсетная. Подписано в печать 17.11.2003.

Издатель Владислав Мефодьевич Шаповалов. Тел. (0722) 25-86-06.

Отпечатано в ПЦИШ. 308033, Россия, Белгород, ул. Губкина, д.20, к.13.

**САВЧЕНКО
ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВИЧ**
губернатор Белгородской области

С РОДИНОЙ В СЕРДЦЕ

Белгородская область в качестве самостоятельной территориально-административной единицы образована полвека назад, спустя десятилетие, как русские земли были освобождены от немцев, как отгремели бои на Огненной дуге, на знаменитом Прохоровском поле, где взойшла наша Победа в Великой Отечественной войне. В благодарность за ратный подвиг земляков, других освободителей белгородской земли на Танковом поле установлен Памятник Победы — Звонница известного русского скульптора Вячеслава Михайловича Клыкова, в самой Прохоровке — храм Петра и Павла. Именно в день этих святых, 12 июля 1943 года, произошло сражение, которому суждено было войти в историю войн как самая массовая битва танков — более тысячи с обеих сторон. И, кажется, неслучайно здесь, в русском черноземе, увязла немецкая техника, сорваны были планы Гитлера покорить Россию, вывезти ее лучшие, плодородные земли в Германию. Мощные, достигающие до метра, пласты чернозема, находятся как раз под Прохоровкой. Черноземами представлена пашня и в двадцати других сельских районах области. А под нею далеко вглубь, иногда на целый километр, — залежи большой руды.

Уникальным богатством наделила Природа белгородцев, предопределив их основную деятельность, сделав работу непосредственно на земле и в земле — добычу полезных ископаемых, прежде всего железной руды — главным смыслом жизнеустройства.

Напомню: Белгородская область образована указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1954 года. То был период «перекройки» карты СССР. В одном случае преследовались политические цели и иные какие-то соображения государственных деятелей, в нашем же — преимущественно экономические. Народнохозяйственный комплекс страны динамично развивался и требовал новых ресурсов. В числе масштабных акций того времени — освоение целины, газовых месторождений Западной Сибири, бассейна Курской магнитной аномалии, основная часть которого, четыре пятых разведанных запасов, находятся на территории нашей области. То, что они близко расположены к поверхности земли, позволило вести добычу руды открытым, более дешевым способом.

Предприятия Белгородской Магнитки в районе Губкина и Старого Оскола возводились методом народной стройки. Комсомольцы, молодежь ехали сюда не только со всех концов Советского Союза, но и из стран социалистического содружества. Все вместе они проделали трудный, как у всех первопроходцев, путь к руде. Это был первый опыт открытой разработки месторождений. Аналогов его не было ни в отечественной, ни в зарубежной практике. Хотя смелые проекты, надо заметить, для того времени были обычной практикой. Не пугала ни новизна, ни колоссальный объем работы. Специалисты приводят такое сравнение. Объем крупнейшей египетской пирамиды Хеопса — чуть более 33 миллионов кубометров. Приблизительно столько же грунта — 33,1 миллиона кубометров — было вынуто при сооружении только первой очереди Лебединского комбината. И все это надо было поднять и переместить на значительное расстояние.

18 декабря 1959 года «Белгородская правда» зафиксировала историческое событие: «В шесть часов утра бригадир экскаватора № 9 Павел Анисимович Павлов вскрыл руду. Машинисты экскаваторов П. А. Павлов и Герой Социалистического Труда И. В. Ермоленко начали расширять рудное поле». Далее газета приводит рассказ непосредственно «виновника торжества» Павлова, работавшего в ночную смену: «С большим трудом отколол ковшом глыбу величиной с чемодан. Подошел начальник смены Василий Иванович Солошенко, посмотрел внимательно и говорит: «Ну, ребята, поздравляю, дошли до руды». А с раннего утра к забою началось паломничество. Люди шли, чтобы собственными глазами взглянуть на руду. Куски бурой, тяжеловесной руды с острыми гранями переходили из рук в руки... Ради этих радостных минут, которые останутся в памяти на всю жизнь, стоило бороться с водой, работать в 30-градусные морозы и гололед, недосыпать и волноваться так, как только могут родители перед рождением долгожданного ребенка».

26 декабря в Губкин приехали видные ученые, геологи, инженеры, горняки из Москвы, Ленинграда, Харькова, Куйбышева, Воронежа, чтобы присутствовать при первом взрыве... Земля вздрогнула, вспоминал кто-то из очевидцев, на какое-то время заставив оцепенеть. Может, кому-то показалось, что это отозвалось эхо недавней войны. И лишь когда огромные куски руды осели на землю и все вокруг стихло, вниз, в карьер, хлынула народная лавина. Все шупали, нюхали руду, брали кусочек на память. Здесь же состоялся митинг, на котором было принято приветственное письмо в адрес руководства страны. А 29 декабря из Губкина в Липецк ушел первый эшелон с рудой — 1560 тонн.

Не менее впечатляющую картину представляло собой строительство Стойленского комбината, который был по сути градообразующим для Старого Оскола, вплоть до рождения в нем еще одного технологического чуда — первенца бездоменной металлургии — Электрометаллургического комбината.

Параллельно с развитием добычи и переработки руды набирали мощь другие отрасли народнохозяйственного комплекса молодой Белгородчины. Заметным явлением не только в рамках Российской Республики, но и всего Советского Союза стала специализация в животноводстве, строительство в каждом районе нашей области крупных комплексов по промышленному производству свинины, говядины, молока, яиц и мяса птицы, а также выращиванию нетелей для ремонта молочного стада. Все это требовало укрепления кормовой базы, которое происходило, прежде всего, за счет высоких урожаев, использования передовых технологий, лучших сортов и гибридов всех посевных культур, повышения общей культуры земледелия. Свои рекорды показывали свекловоды. Отдельные из них получали с гектара до 500 и более центнеров сахарной свеклы. Не отставали сахаровары, которые целенаправленно работали над совершенствованием технологических процессов с целью увеличения выхода сахара из свеклосырья. От них не отставали молочные и мясокомбинаты.

За экономическим подъемом села последовал, без преувеличения, социальный. Вся область представляла собой одну большую строительную площадку. Сюда приезжали многочисленные делегации, союзное правительство «окрестило» Белгородчину «полигоном» сельского хозяйства, на котором отрабатывались передовой опыт,

достижения отечественной науки, а также новейшие технологические разработки, используемые за рубежом.

Ударный труд многих белгородцев был отмечен в те годы высокими государственными наградами. В 1967 году на знамени области появился орден Ленина — за подвиг белгородцев в годы войны и успешное восстановление и развитие народного хозяйства.

Стратегический расчет относительно Белгородской области полностью оправдался. Сегодня можно смело говорить, что она состоялась как субъект Российской Федерации, самостоятельный и самодостаточный, более того прочно заняла лидерство по многим направлениям социально-экономического развития. И в первый ряд слагаемых этого успеха я ставлю человеческий фактор. Коллективная характеристика содержит эпитеты в превосходной степени. Каждое поколение белгородцев было поколением созидателей, поколением победителей. И можно только радоваться, что каждое подходило к своей роли на этой земле достаточно ответственно, достойно подхватывало эстафету созидания, обеспечивая стабильность и поступательность, являя организаторский талант руководящего корпуса, удивительную работоспособность и живое творчество трудящихся масс, деятельный патриотизм тех и других. Люди были разными по возрасту, профессии, уровню образования, культуры, однако их единило то, что каждый жил и творил с любовью в сердце, любовью к отчему дому, родному селу или городу, нашей общей малой родине.

Иначе за короткий исторический срок невозможно было бы преодолеть тот путь, что удалось пройти белгородцам. Назову всего пару-другую цифр. Пятьдесят лет назад четыре пятых населения Белгородчины проживало в селе, которое давало в день 30 тонн мяса. К настоящему времени в селе осталось меньше трети жителей, а производство того же мяса выросло в пять раз. В 1954 году ежедневно добывали 500 тонн железной руды, сейчас — около ста тысяч тонн. На долю Белгородской области, где живет один процент россиян, приходится 39 процентов ее общероссийской добычи, 10 процентов — цемента, 30 процентов асбестоцементных труб и муфт, 13 процентов — стиральных машин. Свое место в новой экономике нашли многие наши ведущие предприятия черной металлургии, машиностроения, металлообработки, медицинской, мучной, крупяной и комбикормовой промышленности.

Народнохозяйственный комплекс Белгородчины — сложный, динамично развивающийся организм. Устойчивый рост показывают многие отрасли. Но ведущими были и остаются горно-металлургическая и аграрная. Первая дает региону основные налоговые поступления, другая — выполняет не менее важную социальную функцию. Во-первых, поставляет к столу россиян продукты: пятую часть молочных консервов и четыре процента сливочного масла, каждую пятую тонну сахара, десятую часть — растительного масла. По душевому объему производства основных продуктов животноводства Белгородчина лидирует в Центральном федеральном округе и в целом по стране. Так, в прошлом году опережение среднероссийского уровня мясного производства в расчете на душу населения составило 2,6 раза, по ЦФО — 3,1 раза; валовому надою молока — 2 и 2,3 соответственно, намолоту зерна — 2,2 и 3 раза. Во-вторых, село выполняет другие, не менее значимые для государства, нации задачи.

Основополагающие начала нации — земля и человек. Во все времена любая деятельность осуществляется в явном и скрытом их взаимодействии. В русле этого мировоззрения нашему народу удавалось наилучшим образом согласовывать свое личное, семейное, общественное и государственное бытие с суровыми реальностями. На этом основывалось могущество России, ее особая культура, отмеченная высочайшей духовностью, которая удивляла и продолжает удивлять и восхищать весь мир.

Этой философии, которую называют еще мысленным проектом истории, белгородцы следовали всегда, даже в сложный период смены режимов, реформирования всего и вся, заставшие нас на исходе двадцатого столетия, когда в результате недобросовестной конкуренции со стороны Запада и чудовищного диспаритета цен из села были выкачаны многие миллиарды рублей. Не в наших силах было изменить ход исторического процесса, тем не менее мы наши выход из критического положения,

предложив в принятом 14 декабря 1999 года постановлении главы администрации области № 710 «О мерах по экономическому оздоровлению неплатежеспособных сельскохозяйственных предприятий области» свою концепцию вывода отрасли на конкурентоспособный уровень, главный смысл которой заключался в том, чтобы соединить капитал с разумной формой экономических отношений.

При этом исходили из того, что в современных рыночных условиях они определяются в первую очередь возможностью свободно распоряжаться произведенной собственностью. Вовсе не форма владения землей является определяющим условием успешности бизнеса в сельском хозяйстве, а искусное управление, наличие и эффективное использование ресурсов, включая ту же землю, плюс должная трудовая мотивация. Естественно, большое влияние оказывают еще природные факторы, а также позиция государства, его желание или нежелание поддержать родного товаропроизводителя, защитить от недобросовестной конкуренции в условиях тотальной экономической глобализации.

С учетом перспектив мирового развития и был сделан наш выбор с пользу мощных интегрированных структур — агрохолдингов и корпораций. Хотя сразу же должен уточнить: они выполняют роль локомотива, но это не значит, что среднему и мелкому агропроизводству отводится второстепенная роль. Небольшие и средних размеров самостоятельно действующие хозяйства, включая фермерские, подсобные крестьянские, кормят само село, обеспечивают занятость трудоспособного населения, дают существенный дополнительный, в отдельных случаях — основной доход в семейный бюджет, в целом благотворно влияют на социальный фон. Создание многоукладной экономики также отвечает мировым тенденциям и отечественным традициям. История сняла вопрос об исключительном преимуществе той или иной формы собственности.

Но надо понимать, что именно крупный, корпоративный бизнес в условиях жесткой конкуренции имеет больше возможностей в совершенствовании технологического процесса и — что не менее важно — продвижении своей продукции, вытеснении из товаропроводящей сети разного рода посредников. Он прямо заинтересован в возрастающих поставках производимого селом сырья, чтобы обеспечить непрерывный цикл и полную загрузку заводских мощностей. В рамках корпоративного объединения происходит свободное переливание капитала, выравнивание экономических условий разных производств, повышается доля непосредственно сельхозтоваропроизводителя в конечной цене продукции.

За три года оздоровительного процесса в сельхозпроизводство инвестировано более пятнадцати миллиардов рублей. Благодаря частному капиталу удалось спасти в основном крупное животноводческое производство — те самые спецхозы, начало которым положено было в шестидесятые годы. Сохраняя и в этом плане преемственность, мы скорректировали программу развития отрасли с учетом новых экономических условий. На современном этапе приоритетным направлением остается скороспелое и менее затратное производство мяса птицы и свинины. Реализация масштабных проектов позволит белгородским животноводам уже через три-четыре года предложить потребителям до 150 тысяч тонн мяса птицы и не менее 100 тысяч тонн свинины.

Задача по выводу из кризиса агропромышленного комплекса, можно считать, решена. По ряду позиций мы не только вернулись на дореформенный уровень, но и превзошли его, например, по производству мяса птицы, сахара, включая переработку сырья, по продуктивности дойного стада. Все это я рассматриваю как крупный успех белгородских аграрников. И говорю об этом без ложной скромности. В советское время подобные титанические усилия, скорее всего, были бы отмечены высокими государственными наградами.

У нового времени — масса проблем. Белгородцы, как и все россияне, стараются быстрее пройти ликбез, чтобы стать активными гражданами демократического общества с рыночной экономикой, где достойную жизнь обеспечивает только высокая доходность бизнеса и высокая заработная плата. И власть овладевает своей новой ролью, поняв главное: чем больше будет на той или иной территории

высокодоходных юридических и хорошо зарабатывающих физических лиц, тем она будет богаче в целом, тем больше у нее будет возможностей для решения социальных задач, коих — великое множество.

Для полнокровной жизнедеятельности на нашей святой и грешной земле селу, как воздух, нужны государственная забота и внимание, в плане создания комфортной среды обитания для крестьянина. Отсюда — наше пристальное внимание к судьбе крестьянства, приоритетное направление средств на обустройство сельской территории, повышения уровня образовательной и досуговой сферы — всего того, что характеризует уклад, качество жизни белгородского крестьянства. И мы ясно отдаем себе отчет, что оно будет тем выше, чем больше у исполнительной власти на всех ее уровнях будет партнеров, готовых подставить свое надежное плечо, добровольно разделить груз социальных обязательств в отношении села — по движению души, по зову сердца, по долгу патриота, горячо любящего свою Родину.

У нас были и есть примеры такого социального партнерства. В первом ряду, как всегда, колхоз имени Фрунзе Белгородского района, которым руководит больше сорока лет дважды Герой Социалистического Труда Василий Яковлевич Горин. Экономические успехи колхоза удивляют не только многих отечественных, но и зарубежных почитателей председательского таланта Горина, но в данном случае я хотел бы рассказать не столько о производстве, сколько об опыте самоорганизации территории, близком к тому идеалу, к которому все должны стремиться.

Повышение качества жизни всех проживающих на территории колхоза — это более 5000 человек — было и остается главным смыслом работы коллективного хозяйства. Все объекты социально-культурного назначения построены и содержатся на средства колхоза, равно как и дороги, тротуары. Только в этом году построено шесть километров дорог — силами одного хозяйства и, подчеркиваю, на средства, которые заработаны колхозниками. Они щедро делятся прибылью с детьми, направляя немалые суммы на их питание и само содержание детских учреждений. Такая же забота — о тех взрослых, кто в ней нуждается. Работники медицинских и культурно-образовательных учреждений, пенсионеры получают из колхозной кассы надбавки, ветераны войны, вдовы, участники боев в Афганистане, Чечне — материальную помощь.

Горин и его команда во все времена исповедовали одно кредо: не человек для колхоза, а колхоз для человека. Каждого занятого в хозяйстве и его семью должна кормить основная работа, а не личный огород и сарай. Потому колхозникам созданы все условия для эффективной работы на производстве.

Позаботились здесь и об активном досуге, чтобы люди быстро восстанавливали силы. И не за «рюмкой чая», а за шахматной доской, на футбольном поле или волейбольной площадке, массой других увлекательных и полезных дел в клубах и кружках по интересам. Творчеством здесь охвачены, что называется, и млад и стар. И поют, и танцуют, и физкультурой и спортом занимаются — в общем, каждый находит себе занятие по душе. Кстати, духовые оркестры Бессоновского Дома культуры — постоянные лауреаты областных смотров-конкурсов, детский — занесен в реестр ЮНЕСКО, неоднократно выступал в Германии, Швейцарии, Польше.

Если этот добрый пример заботы о людях кто-то воспримет как исключение, почитает нехарактерным для нового времени: Горин, мол, не капиталист, — есть другой, алексеевской компании «Эфко». Ее базовое предприятие выпускает майонез, растительное масло и жиры под маркой «Слобода», и по мере увеличения на них спроса владельцы вкладывают средства в расширение производства. Одновременно значительную часть прибыли направляют в социальную сферу. В структуре управленческой компании «Эфко-ресурс», которая полностью сосредоточена на работе с 24 сельхозпредприятиями, специально созданы службы помощи личным подсобным хозяйствам, строящие свою деятельность с учетом социологических исследований быта и жизни крестьян. Есть в «Эфко-ресурс» свое управление образования, занимающееся школами и детскими садами. Много внимания и средств тратится на организацию медицинского и бытового обслуживания населения. А в последнее время озаботилась проблемой организации жизнедеятельности территории таким образом,

чтобы ни один человек не чувствовал себя выключенным из общего строя жизни. На территории всех хозяйств созданы потребительские общества, фактически — общественные организации, так как они — в отличие от акционерных обществ или кооперативов — не занимаются производством продукции, а лишь участвуют в передаче аренды земли, отстаивают права владельцев земельных паев перед арендаторами. В состав потребительского общества в качестве пайщиков входят почти все проживающие на территории хозяйства.

Как человеку, вся жизнь которого связана с родным краем, мне импонирует такой стиль работы, и радует, что его демонстрируют многие, как мы их для простоты называем, инвесторы. Они одновременно выполняют функции менеджеров, управленцев. Кто-то из них пришел в село, не имея специальной профессиональной подготовки, однако быстро включился в рабочий процесс, и село нынче представляет для него интерес не только с точки зрения бизнеса. Такой стиль управления можно представить в виде девиза: средства — в производство, душу — в людей, когда мысли заняты не только модернизацией технологических процессов, качеством продукции, но и тем, как создать соответствующую атмосферу труда, выработать идеологию взаимоотношений, особую систему внутренних ценностей в духе социальной справедливости. Понятно, что простого подбора кадров и материальной заинтересованности в этом случае недостаточно. Необходимо суметь раскрыть реальный потенциал человека, наполнить уверенностью в собственных силах, пробудить в нем мастера, новатора, творческую личность.

Среди управленцев, пришедших в село на волне интеграции по 710-му постановлению, оказались и явно случайные люди — чего скрывать? Но больше таких, что прикипели к селу, к русскому чернозему, простому русскому мужику, за которого теперь болит их душа, заставляет искать варианты лучшего устройства его жизни и быта, делиться прибылью, остро чувствуя себя ответственным за все происходящее, исповедуя ту философию, о которой я говорил выше. Она стала их внутренним стержнем, и сегодня они призывают других воспринимать село не только с экономических позиций, помнить, что аграрная сфера — это еще и форма жизни. Помимо производственной функции, село выполняет другие, не менее важные для страны задачи: экологические — поддержание равновесия в природе, культурные — сохранение духовных ценностей, национальных обычаев и традиций. Оно служит опорой национального самосознания. Выражаясь современным языком, самоидентификацией страны. И пока живет село — будет жить Россия.

На различного рода мероприятиях государственного масштаба, на встречах с Президентом В. В. Путиным, которые стали регулярными, при всяком удобном случае стараюсь использовать высокую трибуну для умножения числа сторонников приоритетного развития села, чтобы убедить Правительство в том, чтобы оно способствовало реализации хотя бы тех немногих программ, что само же приняло. В частности, Программы развития социальной сферы села, в которой — немало от действующей белгородской модели социальных преобразований. Это плюс. Минус, и большой, заключается в том, что для хорошего и крайне нужного дела не предусмотрено централизованное финансирование. А ведь ничто так не влияет на качество жизни на селе, как развитие социальной сферы. И это доказано всей нашей практикой.

К нам ехали и едут из других регионов целые делегации для детального ознакомления с белгородской моделью управления. За последние десять лет Белгородчину посетили первый и второй Президенты России Б. Н. Ельцин и В. В. Путин, Председатели Правительства РФ Е. М. Примаков, М. М. Касьянов, многие министры, другие государственные деятели и политики. В 2002 и 2003 годах Белгород стал местом проведения Международных экономических форумов Собора славянских народов, который способствует восстановлению интеграционных связей Беларуси, России и Украины. Традиционными стали проводимые на нашей земле международный фестиваль славянских народов «Хотмыжская осень», всероссийский фестиваль «Театры России — Михаилу Щепкину», литературные праздники «Прохоровские чтения», которые проходят обычно в культурно-историческом комплексе в Прохоровке, ставшем своеобразной визитной карточкой Белгородчины. Здесь не раз обсуждались во-

просы государственного значения, в частности, о состоянии отечественного продовольственного рынка, обобщали опыт социального обустройства территорий, и всякий раз в центре внимания была белгородская модель управления, которая традиционно имеет социальную направленность.

Каждый ее этап соответствует своему времени. Для XXI века мы посчитали необходимым существенно улучшить жизнь белгородцев, обозначив эту цель в соответствующей областной среднесрочной программе. Она всецело отвечает нормам социального государства, каковым, по Конституции, статья 7, является Российская Федерация. России начала третьего тысячелетия не хватает главного — политики достижения достойной жизни для всех граждан. Именно ее отсутствие, по моему убеждению, приводит к тому, что общеэкономические успехи, о коих публично рапортует Правительство, не отражаются на жизни россиян — в массе своей.

Что касается Белгородчины, то объемы вложений средств у нас на порядок выше. В 2003 году, например, направили на обустройство только сельской территории около полутора миллиардов рублей. Ведь мы решаем более сложные задачи, так как давно перешагнули те рубежи, которые обозначены в федеральной Программе по газификации, обеспечению водой, телефонами и т.д. Мы проводим более глубокие социальные преобразования. Занимались этой работой и в годы кризиса, и уж тем более намерены заниматься ею впредь еще энергичней. Это не просто позиция исполнительной власти области, поддержанная законодательной. Это наша искренняя вера, и она не меняется ни при каких обстоятельствах.

Белгородцы прочно закрепили за собой славу хороших строителей. Извечно желание любого человека иметь свою крышу над головой. Не государственную, не ведомственную квартиру, какими бы благоустроенными и красивыми они ни были, а именно свой дом, поскольку осознание собственного жилища является для человека той жизненной опорой, которая помогает и преодолевать невзгоды, и получать от жизни радость, полноценное моральное удовлетворение. Поэтому рожденный нами лозунг «Дом — своими руками!», вполне действенный и актуальный для других регионов обновляющейся России, мог бы стать той спасительной национальной идеей, поиски которой безуспешно идут в стране вот уже второе десятилетие. Строящийся человек — мирный человек и прямо заинтересован в том, чтобы хорошо зарабатывать, чтобы в новом доме рождалась новая жизнь. Это не голословное утверждение. Оно проверено на практике Белгородчины, которая по темпам жилищного строительства уверенно держит лидерство среди регионов России. Уже в 1998 году по вводу жилья в расчете на тысячу жителей (513 квадратных метров) наша область опередила Москву (364 квадратных метра), не говоря уже о других субъектах Федерации. А этот показатель, как вы понимаете, является индикатором благополучия территории. Люди не будут строиться тем, где нет перспективы.

Добротные дома и целые микрорайоны новых застроек, появившиеся в последние годы, разительно изменили архитектурный облик сел и райцентров нашей области. И сегодня я делаю такой вывод: если бы такой алгоритм действий, который действует у нас, был запущен по стране лет пятнадцать назад, облик наших сел и деревень, всей России был бы совершенно иным. Иной была бы ситуация с кадрами. Иной вообще культура бытия. Россия покрылась бы коттеджами, а в них звенели бы многочисленные детские голоса. И семьи были бы счастливы. Все работали бы и некогда было пьянствовать от тоски и безысходности.

Хотя нам не приходится теперь заниматься агитацией за дом усадебного типа, даже среди горожан, тем не менее, считаю, не было бы у нас размаха жилищного строительства, если бы не велась работа по комплексному обустройству территорий. Прежде всего мы решили проблему газификации жилищного сектора. Жить в центре европейской части России, этой газовой империи, и не иметь «голубого топлива» в доме — это, считали мы, преступление. И в максимально короткие сроки, за счет концентрации усилий и средств, завершили газификацию всех населенных пунктов, начало которой было положено еще в пору становления области, в 1958 году.

Еще до завершения газификации мы приступили к реализации другой крупной областной программы — комплексного благоустройства территорий, включая

строительство и реконструкцию дорог и тротуаров, чтобы даже крестьянин имел возможность в любую погоду обходиться без резиновых сапог, прокладку водопроводов — там, где их не было до сих пор, установку телефонов и другие блага цивилизации. К этой работе активно подключились все территории, и многие неузнаваемо преобразились. Белгород, Старый Оскол, Губкин, ряд районных центров и сельских населенных пунктов не раз становились призерами различных конкурсов по благоустройству.

Темпы социальных преобразований будут тем выше, чем богаче будет территория, и наша приоритетная задача — обеспечить рост доходности всех отраслей народнохозяйственного комплекса. Как это сделать? Лучше и больше работать. Белгородцы доказали, что это им по силам. Взять последние пять лет: валовой региональный продукт увеличился в физическом измерении на 33,7 процента; объем промышленного производства вырос на 68,5 процента, продукции сельского хозяйства — на 18,9 процента.

Тот потенциал, которым область располагает накануне своего 50-летия, позволил нам первыми в России приступить к реализации Программы улучшения качества жизни населения. Это наш достойный ответ на вызов времени, нового столетия, основной чертой которого станет не битва идеологий, а острая конкуренция за качество жизни.

Около года ученые, специалисты, представители органов власти и общественности работали над концепцией и проектом Программы, в обсуждение которого включились тысячи белгородцев, средства массовой информации. В результате такого соборного авторства Программа получилась и содержательной, и реалистичной. Хотя на этапе ее обсуждения мы нередко сталкивались со скептиками, считавшими, что она преждевременна и для значительной части населения нужно думать об элементарном выживании. Справедливо. Но справедливо лишь отчасти. По моему убеждению, с движением к благополучной жизни по хорошо просчитанному маршруту нельзя поспешить, наоборот, можно только опоздать, надолго, если не навсегда, отстать от других. Такова логика жизни, таковы законы эволюции общественных отношений. И надо не тормозить, а развивать внутренние, глубинные потребности человека к самореализации, творческому поиску, помочь ему в осуществлении его жизненной программы, стремлении к более высокому уровню материального и духовного благосостояния.

Утопистами нас, инициаторов разработки данной Программы, назвать нельзя. В последние годы Белгородчина сумела в основном преодолеть негативные тенденции, вызванные шокowymi реформами, вышла на передовые позиции по основным параметрам: среднедушевым доходам и банковским вкладам, потреблению товаров и услуг, обеспечению жильем, по капитальным вложениям в народнохозяйственный комплекс, что указывает на инвестиционную привлекательность, устойчивые темпы развития. Региональная политика остается ясной, предсказуемой и понятной людям, что благоприятно отражается на социальной и политической ситуации, которую характеризуют стабильность, бесконфликтность, конструктивное взаимодействие государственной власти с формирующимися институтами гражданского общества. Заметно оздоровился морально-психологический климат, белгородцы постепенно преодолевают груз социальной усталости от реформ, более уверенно смотрят в завтрашний день. Растет оплата труда и ее доля в валовом региональном продукте.

В этом я усматриваю также позитивный факт влияния и на увеличение внутреннего спроса, что для экономики России с ее сырьевой направленностью остается единственным источником роста. Для этого необходимо, во-первых, как минимум в три раза поднять заработную плату в бюджетной сфере, которая за десятилетие реформ превратилась в инкубатор по разведению бедноты: четверть россиян-бюджетников за выполнение государственных функций получают не более трех тысяч рублей в месяц. Повышение оплаты труда врача, учителя, работника культуры до семи-восьми тысяч значительно снизит численность бедного населения, к чему призывает всех Президент, и даст сигнал бизнесу к повышению зарплаты своим работникам.

Кратное повышение зарплаты в бюджетной и внебюджетной сферах, несомненно, изменит структуру ВВП страны, доля оплаты труда повысится с 20-25 до 40-45 процентов, что благотворно скажется на инвестиционном потенциале. Он может вырасти до триллиона рублей.

Мы работаем, чтобы жить, а не наоборот. И тут мне остается лишь повториться: достойная зарплата — прямой путь к повышению благосостояния отдельно взятого человека и общества, точка отсчета нового этапа в жизни государства — этапа созидания. Хочется верить, что мы на верном пути, что этап разрушений остался позади и возврата к нему уже никогда не будет. Ведь разрушение без созидания не создает нового исторического движения, а приводит к социальному регрессу, к движению вспять.

Хочется верить, что теперь, когда в верхних эшелонах власти оказались патриоты-государственники, радикальным преобразованиям будет придан созидательный характер, социальная направленность, что реформы будут очеловечены, что россияне — в массе своей — из экономического класса, класса бедноты, перейдут в класс зажиточных, активно действующих творцов.

Предусмотренные областной Программой улучшения качества жизни мероприятия призваны обеспечить физическое существование человека, защитить его жизнь от различных опасностей и угроз. Речь в них идет о реализации демографической политики, воспроизводстве населения, защите материнства и детства, обеспечении высокой продолжительности жизни, праве человека на ее защиту. Что касается конкретно демографической политики, то она направлена на сохранение и воспроизводство населения, обеспечение плодотворной и продолжительной жизни, а это главный, интегрированный показатель качества жизни вообще. С определенной долей осторожности можно утверждать, что перелом наступил. Третий год в области отмечается скромный, но устойчивый рост рождаемости. Это обнадеживающая, радующая тенденция, которую мы обязаны закрепить, сделать необратимой.

Другой аспект улучшения демографической ситуации — обеспечение роста продолжительности жизни. По большому счету, на это направлена вся наша социальная политика. Неслучайно у нас самая низкая смертность и самая высокая продолжительность жизни в Центральном Черноземье. И тем не менее мы очень хотим, чтобы белгородцы жили намного дольше, чтобы мужчины не умирали, не достигнув даже пенсионного возраста.

Мировые стандарты качества жизни предполагают высокий уровень образования, которым определяется интеллектуальная мощь нации — важнейшее условие прогресса в век проникновения информационных технологий во все поры жизни. Мы не хотим быть на обочине цивилизации, и в нашей Программе достижения достойной жизни важное место отводится образованию, обеспечению его высокого качества и доступности, повышению престижа профессии педагога, воспитателя — инженера человеческих душ.

Социальная направленность образовательной политики ощущается во всем. Достаточно сказать, что наибольший удельный вес консолидированного бюджета приходится на образование. Область постоянно находится в числе лидеров по строительству школ. Только за пять последних лет их построено около сорока. Количество учебных мест увеличено более чем на восемь тысяч. Компьютеризацией охвачено две трети классов. Белгородчина превращается в регион с интенсивно развивающимся образовательным пространством.

Подготовку сельских детей по программам повышенного уровня ведут профильные специализированные учреждения. Например, для юношей четырнадцати-шестнадцати лет открыт областной лицей УВД. В Шебекинской гимназии-интернате одаренные девочки со всей области, помимо учебной и профессиональной подготовки, обучаются музыке, танцам, этикету.

Сегодня, когда отечественная школа выбирает путь, по которому она будет развиваться в новом веке, когда одни предлагают утилитарное образование, а другие возлагают надежды на опыт Запада и усиленно изучают методики и стандарты зарубежной школы, мы все больше укрепляемся в понимании того, что процесс образования,

помимо высокого качества учебного процесса, должен быть пронизан духовно-нравственным воспитанием.

Основа такой работы была заложена лет тридцать назад, когда область стояла у истоков сельских учебно-воспитательных комплексов, где дети получали общеобразовательную подготовку и развивали свои эстетические наклонности. Этому же соответствует развитая сеть учреждений дополнительного образования, которую мы сохранили и целенаправленно развиваем. Специально разработанная областная программа «Одаренные дети» предусматривает создание учреждений нового типа (их у нас в области свыше 80), проведение олимпиад и конкурсов по предметам, различным видам детского творчества. И сегодня отрадно отмечать, что число их призеров, победителей спортивных соревнований всероссийского уровня из среды белгородских школьников и студентов из года в год растет. Есть и такие, что выходят на международный уровень, например, Светлана Хоркина — олимпийская чемпионка по спортивной гимнастике, выпускница Белгородского университета.

Наше пристальное внимание к развитию спорта и физкультуры объясняется страстным желанием увести детей из подвалов и подворотен в спортивные залы и клубы по интересам. При всем том мы убеждены, что увлечение спортом не должно подменять трудовое воспитание. В детстве и юности именно физический труд формирует человека, определяет его отношение к работе, будит творческие возможности.

Материальное и духовное должны пребывать в гармонии, и нам без творческого, художественного мировосприятия никак нельзя. Мы не должны забывать о первородном значении слова «окультуривать» — оплодотворять. Наш долг — сохранить и приумножить культурное наследие, доставшееся нам от предшественников. Следуя ему, мы поставили, на первый взгляд, дерзкую задачу — в каждом городе, каждом районе создать культурную среду, приобщить население к лучшим образцам театрального, музыкального, изобразительного искусства, литературы.

Необходимо возрождать народные традиции, развивать краеведение, чтобы лучше знать историю родного края, которая насчитывает куда больше, чем полстолетия, и вместила массу событий, достойных внимания современников. Из далекого прошлого, к примеру, взят нынешний герб области, который можно видеть теперь на флаге Белгородчины, на официальных документах. Более двух с половиной веков назад такой герб впервые был утвержден первым белгородским губернатором князем Трубецким, назначенным Екатериной I. Образованная по ее указу Белгородская губерния просуществовала 52 года.

Верю, у возрожденной в середине двадцатого века Белгородской области более долгая и счастливая судьба, и зависит она не только от государственной воли, но и от воли, таланта и способностей каждого из полутора миллионов, проживающих ныне в области, от нашего с вами желания быть настоящими хозяевами нашей земли, нашего общего дома, имя которому — Святое Белогорье.

Хотелось, чтобы предстоящий юбилей области был в равной степени использован для активизации интереса к истории края и его современности. У каждого времени свой герой. И каждый творит нашу общую историю.

**ВАСИЛЬЕВ
НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ**

БЛАГОДАТНЫЙ КРАЙ — БЕЛГОРОДЧИНА

Как и тридцать пять лет назад, 15 июня 1999 года я ехал в Белгород.

Тогда в далёкие шестидесятые годы, полный надежд и энтузиазма, ехал на пленум областного комитета партии, который должен был избрать меня первым секретарём областного комитета партии, по современной терминологии политическим губернатором области — главой администрации, такого, во всех отношениях замечательного региона Российской Федерации, как Белгородчина.

Тогда моими спутниками были: молодёжь, ехавшая на освоение целины, строительство БАМа и другие ударные комсомольские стройки, озабоченный административно-управленческий персонал, пробывавший в Москве свои региональные и производственные вопросы, россияне, ехавшие по своим личным делам, на отдых в санатории, навестить родственников.

Теперь же по приглашению Е. С. Савченко я ехал на его инаугурацию по случаю повторного избрания его главой администрации области.

Выборы проходили в ожесточённой борьбе с конкурентами, среди которых оказался председатель либерально-демократической партии В. В. Жириновский, и при условиях прямого противодействия ельцинской администрации, которая любым способом хотела сорвать эти выборы, не допустить их проведения и провести своего протеже.

В этих случаях не брезгают никакими средствами, начиная от запрета проведения досрочных выборов до предложения Е. С. Савченко занять пост заместителя председателя кабинета министров РФ. Конечно, это очень лестное предложение — перейти на работу одним из руководителей федерального центра, но это предложение не могло его заинтересовать.

Суд, который разбирал вопрос о президентском запрете выборов, вынес решение о законности и правомерности проведения выборов главы администрации области, а Е. С. Савченко правильно поступил, отказавшись от чести быть избранным зампредом кабинета министров РФ.

В период становления областных органов управления Е. С. Савченко в 1993 году был назначен губернатором, в 1995 году прошли первые прямые выборы, затем прошли повторные и появилась возможность поработать ещё 4 года — это большой срок, и при наличии программы, определённого курса можно много сделать для развития области. И как мы увидим дальше, у белгородцев была такая программа и успешно выполнялась.

Размышляя над предложением поприсутствовать на инаугурации главы администрации, я, естественно, вспоминал о пройденном пути, тревогах и волнениях того периода. Решил принять это очень приятное для меня приглашение.

Я в Белгороде работал с мая 1964 по февраль 1971 г. — неполных семь лет. Затем был назначен первым заместителем Председателя Совета Министров РСФСР, а с мая 1979 года министром мелиорации и водного хозяйства СССР. Таким образом, прошло более 35 лет, и мне было очень лестно, что меня не забыли.

В приветственном адресе мне написали: *«...более тридцати лет, как Вы оставили Белгородчину, но до сих пор добрым словом вспоминают Вас на этой благодатной земле, о тех поистине революционных изменениях в народном хозяйстве области, которые были проведены под Вашим руководством. Благодаря созданному тогда прочному фундаменту область и в наше сложное время успешнее других преодолевает трудности перестройки»*.

Жизнь подтвердила правильность избранного тогда пути, и мы опережали своё время не меньше, чем на два десятилетия. Мы опережали на этом пути все области России и все союзные республики. Постепенно по этому пути пошла вся страна, это стало узаконенным курсом аграрной политики. В 1978 году Пленум ЦК КПСС рассмотрел вопрос о специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. И принял соответствующее решение.

Да, мы первопроходцы, с нас брали пример. На нас равнялись, нас прославляли в средствах массовой информации. Как на святые места к нам ехали изучать передовой опыт со всех концов Советского Союза руководители регионов, специалисты, председатели колхозов, директора совхозов. У нас побывали почти все члены политбюро, министры сельского хозяйства стран социалистического содружества (ГДР, Польши, Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Монголии, Кубы, Вьетнама). Это было похоже на паломничество.

Конечно, ростки специализации были и в других областях, но такого массового, широкого по всему фронту: и в животноводстве, и в полеводстве, в отраслях обслуживающих сельскохозяйственное производство, — такого не было нигде в нашей стране.

Академия наук на заседании президиума одобрила наш опыт и рекомендовала для внедрения во всех районах, ведущих товарное животноводство.

Мне в очередной раз очень крупно повезло в жизни, что попал в такой благодатный край, как Белгородчина.

Не знаю, что было бы с моими новациями, попади я в какую-нибудь другую область, но так, наверное, было predetermined моей судьбой.

Ратные подвиги на Курской дуге и на Прохоровском поле, экономическая необходимость освоения богатейших железных руд и на этой основе развития металлургической промышленности потребовали вновь организовать на Белгородчине областной центр.

Белгородская область была образована в 1954 году. Постановление правительства об образовании Белгородской области дало новый этап развития этого территориального образования и соответственно города Белгорода и других городов и населённых пунктов. А всё последующее её развитие и всё возрастающий вклад в экономику страны непосредственно связан с администрацией области, которую последовательно

возглавляли М. К. Крахмалёв, А. В. Коваленко, я, Н. Ф. Васильев, М. П. Трунов, А. Ф. Пономарёв и в настоящее время глава администрации области Е. С. Савченко. Всех их знал, они были моими друзьями, единомышленниками. Все они разные, но в одном и одинаковые — они патриоты, служили интересам страны, имеют большие заслуги перед Родиной. Их жизненный путь тесно переплетён с судьбой страны, все свои силы они отдали становлению и дальнейшему развитию родной для нас всех Белгородчины. Упомянутые товарищи совместно со всеми трудящимися области сделали её такой, какой она является в настоящее время.

А первым непосредственным организатором был М. К. Крахмалёв, теперь уже ушедший из жизни.

Крахмалёв Михаил Константинович. Родился в 1914 году в семье крестьянина, член КПСС с 1939 года. Образование высшее. С 1934 года техник на дорожном строительстве. С 1939 г. секретарь райкома, обкома комсомола. С 1943 г. первый секретарь райкома, заведующий отделом, второй, первый секретарь Тамбовского обкома партии. С 1954 г. первый секретарь Белгородского обкома КПСС. С 1960 г. первый секретарь Брянского обкома КПСС. Член КПСС. Член ЦК КПСС. Избирался депутатом Верховного Совета СССР.

Надо сказать, что одновременно с Белгородской областью была создана Каменская область за счёт части земель Ростовской области и Балашовская область — за счёт Саратовской области. Через некоторое время Каменская и Балашовская области были ликвидированы и воссоединились с теми областями, из которых в своё время они были выделены. В тот период была развёрнута очень активная кампания по ликвидации Белгородской области. В газете «Известия» была помещена карикатура, маленькая лодочка, изображающая Белгородскую область, и огромный руль, около которого сосредоточено непомерно большое количество управленческого персонала. Была прямая угроза повторной ликвидации Белгородской области, подобно тому, как когда-то, возникшая по царскому указу в 1727 году, губерния была упразднена в 1779 году, просуществовав 62 года.

Все белгородцы должны низко поклониться светлой памяти М. К. Крахмалёва, который, используя свой большой авторитет и доверие, каким он пользовался в Центральном Комитете партии и в правительстве, сумел отстоять область, не допустить её поглощения Воронежской и Курской областями.

Под руководством и при непосредственном участии М. К. Крахмалёва был избран областной комитет партии, областной совет, подобраны и расставлены кадры, начата активная работа по дальнейшему формированию структур и самого областного центра.

В последующие годы Белгород бурно рос и расширялся, значительно увеличивался объём жилищного хозяйства, большие средства вкладывались в благоустройство, развитие коммунального хозяйства. Возникали новые промышленные предприятия. Обновлённый город переживал свою вторую молодость. При непосредственном участии М. К. Крахмалёва подобрано место для Дома Советов и площади перед ним.

Площадь стала украшением всего города. Одно из красивейших зданий на площади — Дом Советов, который является ведущим архитектурным сооружением, определяющим ансамблевую застройку как центральной площади, так и прилегающих к ней улиц.

Как опытный партийный работник М. К. Крахмалёв был переведён на работу в Брянскую область на должность первого секретаря обкома партии для укрепления этой организации и усиления партийного руководства областью. Белгородский областной комитет возглавил А. В. Коваленко.

Коваленко Александр Власович родился 25 ноября 1909 года в селе Николаевка Новосанжарского района Полтавской области. Образование высшее — окончил Харьковский сельскохозяйственный коммунистический университет. Трудовой путь начал в 1921 году батраком у кулаков. Затем работал пастухом общественного стада, разнорабочим, трактористом, председателем рабочкома в совхозе, затем в МТС. В 1932 — 1934 году служил в Военно-Морском флоте. С 1937 года — заместитель директора МТС по политической части, директор МТС. С 1939 года — председатель райисполкома, первый секретарь Нововодолажского райкома КП(б) Украины Харьковской области. В 1941 — 1943 гг. находился в партизанском отряде. С 1943 года работал первым секретарём ряда райкомов партии Харьковской области, с 1954 года первым заместителем председателя Белгородского облисполкома. С 1957 г. председатель Белгородского облисполкома. С 1960 г. — первый секретарь Белгородского обкома партии, а с 1964 по 1980 г. — первый секретарь Оренбургского обкома КПСС. С декабря 1980 г. — председатель Государственного комитета СССР по материальным резервам. Был депутатом Верховного Совета СССР нескольких созывов, избирался членом ЦК КПСС. Дважды Герой Социалистического Труда; награждён шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

А.В.Коваленко не требовалось много времени для того, чтобы войти в курс дела. Сохранялась преемственность, и он сразу же после вступления в должность обеспечил ускорение экономического развития области.

Область в этот период продолжала развиваться очень высокими темпами, продолжала создаваться инфраструктура, буквально по всем направлениям жилищного строительства и соответствующих объектов соцкультбыта. Город на глазах из заурядного небольшого провинциального поселения превратился в культурный промышленный центр.

С каждым годом возникали новые промышленные предприятия, росла их мощность, совершенствовалась техническая оснащённость. Ведущее место в экономике города того периода занимала промышленность строительных материалов.

Лучшим предприятием города был цементный завод. Ему принадлежало ведущее место среди других промышленных предприятий. Белгородский цементный завод, построенный в скором времени после Великой Отечественной войны (1949), уже достиг проектной мощности и являлся самым крупным поставщиком цемента в Советском Союзе, семь его технологических линий давали свыше 2 млн. тонн продукции в год. Продукция завода отгружалась в столицу нашей родины Москву, в Ленинград и другие города. Особую гордость у белгородцев вызывало то, что их цемент широко использовался на строительстве 540 метровой башни Останкинского телецентра. Башня сооружалась из преднапряжённого железобетона, была в то время одной из самых уникальных в мире по своей конструкции, пострадала при пожаре в 2000 году.

Вторым крупным предприятием города, динамично развивающимся, является асбошиферный комбинат. Надо заметить, что строительство и этого завода началось вскоре после победы нашей страны над фашистской Германией, в 1950 году. Трубный цех асбошиферного комбината дал первую продукцию в 1953 году, а шиферный цех вступил в эксплуатацию в 1954 году. Мощность комбината 110 млн. условных плиток шифера и 4 тысячи условных километров асбоцементных труб. Белгородскую марку асбошиферных изделий знали в среднеазиатских республиках, на Украине, Молдавии.

Широко известна как в Советском Союзе, так и за рубежом, продукция Белгородского котлостроительного завода. Строительство завода было начато ещё в 1940 году, однако вероломное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину на несколько лет прервало мирный созидательный труд советских людей.

Но уже в 1947 году работы по строительству завода возобновились, и в 1952 году

он дал первую продукцию. К 1960 году котлостроительный завод представлял собой крупное, оснащённое новейшей техникой предприятие. Коллектив завода в относительно короткий срок освоил производство энергетических котлов большой мощности, производительностью до 50 тонн пара в час. Завод начал выпуск котлов-утилизаторов для использования вторичных энергоресурсов в химической, металлургической и других отраслях промышленности. Организован выпуск стационарных турбинных трубопроводов среднего, высокого и сверхвысокого давления и ребристых экономайзеров.

Многие тепловые электростанции нашей страны оснащены стационарными турбинами, трубопроводами, изготовленными на Белгородском котлостроительном заводе, среди них Красноярская ТЭЦ, Прибалтийская ГРЭС, Новосибирская ТЭЦ, Луганская ГРЭС, Алма-атинская ГРЭС, Мурманская ТЭЦ.

Котлы мощностью на 20, 30 и 50 тонн пара в час поставлялись в Афганистан, Камбоджу, Объединённую Арабскую Республику, Польшу, Болгарию.

Одним из старейших предприятий города, в результате реконструкции получившим «второе дыхание», являлся меловоизвестковый завод комбината стройматериалов. Большие залежи мела в Белгородском районе стали объектом промышленного производства.

Это предприятие давало в год 80 тысяч тонн комовой извести, 20 тонн молотого и 225 тысяч тонн комкового мела. Продукция Белгородского меловоизвесткового завода отгружалась заводам Московской области, Эстонии, Литве, Армении и Азербайджану, а также стекольным заводам Украины.

Большое развитие в Белгороде получила пищевая и лёгкая промышленность. Среди предприятий пищевой промышленности особое место занимали Белгородский консервный комбинат, мясоптицекомбинат, молочный завод, завод лимонной кислоты, винный завод, основанный молдаванами, пивоваренный завод, хлебокомбинат, швейная фабрика, литейно-механический завод, пищевой комбинат, комбинат бытового обслуживания, фабрика индпошива, обувная фабрика.

В этот же период в городе велось строительство витаминного комбината, который в 1962 году дал первую продукцию. Создавалась слюдяная фабрика.

Руководители области заботились не только о развитии промышленности, и сельского хозяйства, очень весом их вклад в создание системы просвещения, культуры, здравоохранения.

В 1957 году, когда был образован Белгородский педагогический институт, в нём было два факультета. Сегодня он стал Государственным университетом и факультетов прибавилось, теперь их больше десяти: русского языка и литературы, иностранных языков, физико-математический, биолого-химический, физического воспитания, экономический, медицинский, юридический, дошкольного воспитания и другие.

При моём участии открывались Белгородский технологический институт строительных материалов, который в последующем стал базовым институтом промышленности строительных материалов страны, Белгородский учебно-консультационный центр Всесоюзного инженерно-строительного института, учебно-консультационный пункт Всесоюзного заочного финансово-экономического института, Белгородский строительный техникум, Белгородское медицинское училище, Белгородское музыкальное училище, профессионально-технические училища.

Белгород становился научно-техническим центром железорудного края. В 1959 году здесь организован Центральный научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт по освоению месторождений полезных ископаемых. Затем создан Государственный проектный институт по проектированию горнорудных предприятий.

Будущее бурное развитие горнорудных предприятий в Старом Осколе во многом обязано этим научно-исследовательским и проектным институтам. Значительно пополнился отряд интеллигенции города. Теперь в городе имелись специалисты самых разных отраслей знаний, ведущих широкую научно-просветительскую работу среди населения.

Я ещё раз хочу подчеркнуть, что корни, истоки начавшихся преобразований, фундамент, на котором возродился Белгород и превратится в крупный региональный центр, закладывался под руководством М. К. Крахмалёва и А. В. Коваленко.

Низкий поклон им всем и всеобщее уважение.

Я был третьим руководителем области. О своих предшественниках сохраняю самые добрые воспоминания. С их участием были приняты такие основополагающие решения, которые легли в основу развития промышленности, науки, культуры, социально-экономического развития города и области.

Область, быстро и динамично развивалась, была на ходу. Мне очень хотелось оправдать оказанное мне доверие, я счастлив, что попал в такую во всех отношениях замечательную область. Уже в последующем, оценивая это обстоятельство, считаю, что мне очень повезло в жизни.

Я проработал в Белгороде неполных 7 лет, но это был особый, незабываемый период в моей жизни, это был мой «звёздный час», мой полёт «в космос». Я вместе с трудящимися Белгородской области заложил хороший фундамент для последующего динамичного социально-экономического развития области. Да, это памятное для меня время! Но об этом потом, это уже будет следующий этап моей жизни и деятельности.

Когда ехал в Белгород на пленум обкома партии, который должен был избрать меня первым руководителем области, я с большой озабоченностью пытался осмыслить складывающуюся ситуацию. Я знал, что если не справлюсь, то это будет последний этап в моей службе. Много размышлял о том, с чего начать и какие должны быть мои первые шаги.

7 мая 1964 года состоялся пленум областного комитета партии. Должен снова повториться и сказать, что мне крупно повезло: судьба забросила меня в такую, во всех отношениях замечательную область.

Белгородчина богата полезными ископаемыми, в её недрах содержатся крупнейшие залежи железной руды и железистых кварцитов, богатейшие месторождения мела и мергеля, развита горнодобывающая промышленность, металлургия, машиностроение, лёгкая и пищевая промышленность.

Для развития сельского хозяйства имеются весьма благоприятные условия. Почвы преобладают чернозёмные, климат умеренно континентальный. Но самым большим богатством являются люди, кадры специалистов, руководителей предприятий, колхозов и совхозов, трудящиеся, далекие потомки тех, кто стоял на Белгородской черте, защищая свою Отчизну.

На должность зампреда по сельскому хозяйству был избран М. П. Трунов, агроном, который окончил Тимирязевку, знал своё дело до тонкостей. Он был моим боевым помощником по селу. И когда я уходил из области, именно его оставил руководителем области и никогда в этом не раскаивался, считал, что сделал правильный выбор. Первое же моё знакомство с сельскохозяйственным производством показало, что оно ведётся на крайне низком уровне, более низком, чем на Украине, откуда я только что прибыл. Поля заросли осотом, и я впервые увидел пырей как сорняк.

Поразил архаичный способ производства в животноводстве. Животноводство велось на мелких фермах, не эффективно, с огромными затратами труда, с большим перерасходом кормов на единицу продукции. В виду скудных рационов корма расходовались только на поддержание жизни, на производство навоза, продуктивная часть кормов была ничтожно мала. Образовался большой перекоп в производительности сельскохозяйственного труда. Если в растениеводстве появились тракторы, комбайны и целый шлейф сельскохозяйственных машин, были разработаны и применялись высокие по тому времени технологии возделывания сельскохозяйственных культур, то в животноводстве во многом было всё так же, как это было в крестьянских единоличных хозяйствах.

Животноводство было убыточным, им никто не хотел заниматься, все стремились сбросить поголовье. Было очевидным, что на этом участке надо сосредоточить все усилия, чтобы изменить создавшееся положение.

Этот вывод и лёг в основу всей моей работы в Белгороде, трансформировался в курс на специализацию и концентрацию сельскохозяйственного производства, перевода животноводства на промышленную основу. Как мировая, так и отечественная практика подтверждали, что только крупные специализированные предприятия в полной мере с большим экономическим эффектом могут использовать достижения науки и техники и быстро получить отдачу.

Переход к новым, более совершенным формам ведения животноводства, внедрение рациональных методов содержания скота, всё более широкая механизация труда на фермах и другие прогрессивные приёмы сопровождаются серьёзными изменениями в характере труда животноводов.

Из тяжёлого с низкой энерговооружённостью, малопроизводительного он становится разнообразностью промышленного труда. Интенсификация животноводства должна достигнуть такого уровня, при котором будут обеспечиваться поточная организация производства, его автоматизация, внедрение непрерывных технологических процессов.

Мы знакомились с очень хорошими хозяйствами, уже накопившими большой опыт в работе, но нигде нам не удавалось увидеть, чтобы были специализированы целые подотрасли животноводства в масштабах всего региона, то есть опыт уже был, но он широко не внедрялся, руководители областей выжидали, медлили, не хотели брать на себя ответственность за очевидные и давно назревшие преобразования.

Перед нами самой жизнью была поставлена проблема: или сохранять мелкие фермы и из года в год получать убытки от животноводства, или создать новые хозяйства, реконструировать старые так, чтобы можно было организовать производство на современном уровне.

Постепенно идея специализации и концентрации получала всё больше сторонников, консерваторы и рутинёры оттеснялись на задний план. Областная печать, радио, агитаторы и пропагандисты изо дня в день настойчиво внедряли в сознание людей необходимость перестройки в животноводстве.

Но я прямо должен сказать, что при проведении аграрных преобразований в области соблюдался строжайший принцип добровольности, никакого администрирования, никакого командования экономическими процессами не было. Мы настойчиво доказывали, что хватит топтаться на месте, что надо более полно использовать сами возможности колхозного строя, и нам поверили и повернули на путь преобразования.

Я почувствовал поддержку областного актива и всех трудящихся области, и поэтому смело и решительно взялся за укомплектование ключевых должностей ответственными работниками. Теперь же, когда мы ввязались в бой за специализацию, нужна была команда надёжных людей, на которую бы я мог опереться. Хороших людей больше, чем плохих, первым, на ком я остановился, был М. П. Трунов.

Михаил Петрович Трунов родился в 1931 г., русский, окончил Московскую сельскохозяйственную академию им. Тимирязева. С 1954 г. главный агроном, директор МТС. С 1958 председатель райисполкома, первый секретарь райкома партии. С 1964 г. секретарь обкома КПСС, председатель облисполкома, В 1971-1983 г.г. первый секретарь Белгородского обкома КПСС, затем председатель правления Центросоюза, председатель Российской ветеранской организации. Был членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР.

М. П. Трунов человек с собственным мировоззрением. Знал сельское хозяйство, постоял на всех ступеньках работы в районном звене, обладал кипучей энергией. Умел чётко и ясно излагать свои мысли, убеждать других в необходимости действовать, добиваться результатов, а если это не помогало, мог применить и командно-административные меры.

Человек лучше всего познаётся в действии, поэтому я начал присматриваться к людям непосредственно на их рабочем месте, в сфере их непосредственной деятельности, приезжая в Валуйский район, где в то время работал М. П. Трунов, сразу же обратил внимание на то, что он обладает чёткими профессиональными суждениями

по всем вопросам партийного строительства и хозяйственной деятельности. Он показался мне инициативным, разбирающимся в быстро меняющейся обстановке.

И поэтому мой выбор пал на М. П. Трунова. В последующем я никогда не раскаивался, что вывел его на областную орбиту и, уходя на республиканскую работу, рекомендовал его своим преемником.

Он курировал строительство спецхозов, принимал участие в отработке технологии содержания скота. Вместе с тем он много работал над тем, как улучшить организационную, партийную и идеологическую работу, как поднять трудовую активность трудящихся. Предметом его особой заботы были вопросы соцкультбыта, организации торговли, ему принадлежит идея создания торговых центров в крупных населённых пунктах. Может быть, поэтому, когда возникла необходимость (в жизни всё связано), он был избран председателем правления Центросоюза СССР, горжусь, что выдвинул на большую работу талантливого, одарённого человека. О потенциальных возможностях этого дорогого для меня человека, его диапазоне и личных качествах свидетельствует и то, что он после Белгорода возглавил Центросоюз, а в 1992 году — Всероссийский комитет ветеранов войны и труда.

Когда я начинал специализацию сельскохозяйственного производства, то думал, что пройдёт немного времени, и будет достигнута вершина производства. Но скоро сказка говорится, да не скоро дело делается, жизнь вносит свои коррективы, на это надо не одно десятилетие.

Я доволен, что дело, начатое мною, активно продолжалось и при смене руководства. М. П. Трунов на посту первого секретаря обкома партии проработал 12 лет, оставил неизгладимый след в развитии Белгородчины. В период работы М. П. Трунова в области выросли гиганты горнорудной промышленности: Лебединский и Стойленский горно-обогатительные комбинаты, Старооскольский электрометаллургический завод.

Алексей Филиппович Пономарёв родился в 1930 г., русский, член КПСС, окончил Харьковский институт механизации и электрификации сельского хозяйства. С 1954 г., главный инженер, директор МТС, начальник управления сельского хозяйства района, области, заместитель председателя Облисполкома, с 1983 года г. — первый секретарь Белгородского обкома КПСС. Избирался членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР.

А. Ф. Пономарёв был требовательным к себе и подчинённым, обладал большой трудоспособностью, как сейчас помню, ежедневно на площади Ленина через открытые окна до полночи раздавался его зычный, требовательный голос, которым он предъявлял претензии своему аппарату или разрешал и ставил задачи районам. Умел работать с людьми, знал своё дело, кроме определённого объёма служебных полномочий всегда находил возможность проявить инициативу и смекалку, вести дело по собственному усмотрению.

Он добился авторитета среди подчинённых. Любую работу он мог выполнить сам и сказать: «Делай, как я». Он во всём своему аппарату мог показать личный пример.

Алексей Филиппович обладал определённым мужеством, смелостью при принятии решений. У него была созидательная твёрдая и упорная воля, развито чувство долга и ответственности, забота об общем интересе, умение разрабатывать и организовывать исполнение программы действия. Вот эти качества привели его в 1983 году на пост первого секретаря Белгородского обкома партии.

Он ни на шаг не свернул с курса специализации и концентрации сельскохозяйственного производства и добился выдающихся результатов. Он был награждён орденом Ленина, и ему (последнему в СССР, после него уже не присваивалось это звание) присвоено высокое звание Героя Социалистического труда. Эта награда трудящимся области, награда курса, которым шла область более 30 лет.

А. Ф. Пономарёв сочетал работу с учёбой, сумел получить звание доктора сельскохозяйственных наук, профессора, в последние годы жизни возглавлял Белгородскую сельскохозяйственную академию. Деятельность А. Ф. Пономарёва тесно пере-

XXVII съезд КПСС. Москва. Кремль. 1986 год
Первые секретари Белгородского обкома КПСС:
Справа: А. В. Коваленко, Н. Ф. Васильев, М. П. Трунов, А. Ф. Пономарев

плетена с ростом развития Белгородчины, он стоял у истоков многих преобразований, выведших Белгородскую область в число наиболее динамично и инициативно развивающихся регионов Российской Федерации.

Осмысливая свою деятельность на Белгородчине, я осознаю, что в те времена, опираясь на людей, нашёл главное звено экономики — строительство и становление специализированных хозяйств, и с помощью этого в области был проведён мощный рывок в развитии сельского хозяйства, а соответственно и благосостояния людей, и заложена база перспективы динамичного развития всей отрасли на будущее. Значит, мной и моими соратниками был выбран правильный и достойный путь. И сейчас я благодарен людям Белгородчины, которые шли за мной и продолжали начатое в те годы и продолжают его сейчас в современных условиях.

И если бы меня спросили тогда и сейчас: «Что самое ценное на Белгородчине?» — не сомневаясь, и тогда и сейчас ответил бы: «Люди, земля и руда».

И говорю это с уважением в общем и самом широком смысле этих слов. Может, кому-то это будет непонятно, потому объясню, что талантливых и одарённых людей на Белгородчине очень много, надо только подобрать идею, увлечь и помочь их таланту раскрыться. И они, как говорят в народе, «способны горы перевернуть».

Безусловно, следующей ценностью является благодатная чернозёмная земля. Даже в настоящее время мы не полностью осознали всей ценности земли и, имея громадные просторы, плохо прививаем уважение к этому природному богатству, а ещё больше своим невежеством губим её. Мне кажется, что само слово «Земля» даже в обычном смысле надо писать с заглавной буквы.

Следующая ценность Белгородчины — это руда. Громадные богатства расположены во многих местах области, в некоторых местах она на небольшой глубине залегания, в некоторых на более чем полукилометровой глубине. А руда — это металл, трактора, комбайны, развитие строительства, обороны, да и собственно нет отрасли, где бы не применялся металл. В те времена мы чётко понимали, что области необходима мощная база стройиндустрии, без неё не сумеем раскрутить железорудные запасы Губкина и Старого Оскола, промышленность Белгорода и других городов, поэтому работали с отраслевыми министерствами, с работниками ЦК КПСС, ведущими эти направления, работали с теми регионами, где была развита соответствующая промышленность. И соответственно строили кирпичные заводы, заводы ЖБИ и КПО, расширяли мощности по производству цемента в Белгороде, строили цементный завод в Старом Осколе, а так же заводы по выпуску силикатного кирпича и т. д. И растили кадры для создания на Белгородчине мощного строительного комплекса.

И при посещении Белгородчины, будучи в поездках по Яковлевскому району, беседуя с его главой А. В. Турьянским, видя его глубину знаний, увлечённость решением экономических проблем и обоснованность, уверенность в своей правоте, мне было приятно видеть таких руководителей в глубинке. Когда во всей стране застой, запущенность и прекращено всякое строительство, в этом районе строятся и вводятся в эксплуатацию очистные сооружения, благоустраиваются сёла, газифицированы практически все населённые пункты, у меня от увиденного всколыхнулись самые добрые чувства, и действительно мне вспомнились те мои, со всеми подробностями, годы, когда я работал на Белгородчине. Такими же были молодыми, знающими, талантливыми, увлечёнными первые секретари райкомов, такими увидел через 30 лет работников Яковлевского района. И самые добрые чувства у меня к губернатору — Е. С. Савченко. Мы ведь объездили весь район, так что поля, фермы, населённые пункты — это не разовая показуха. Это целенаправленная деятельность и творческая созидательная работа команды, и мне было не стыдно за преемников и Белгородчину того времени и настоящего.

П. Н. Беспаленко,

заместитель начальника департамента социальной политики правительства администрации Белгородской области – начальник управления по делам молодежи, кандидат социологических наук

В. В. Овчинников,

чл.-корр. Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения, главный редактор «Белгородской энциклопедии», профессор Международного Славянского университета имени Г. Р. Державина

**ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ:
хроника молодежного движения
в Белгородской области**

Первое десятилетие после победного окончания Великой Отечественной войны было насыщено особо значимыми событиями в жизни страны: это и восстановление эвакуированных или разрушенных объектов народного хозяйства, городов, сел и деревень Белгородчины, налаживание мирной жизни во всех сферах — в образовании, в культуре, в здравоохранении. Раны войны заживали медленно. Нужно было время, чтобы восполнить самое большое богатство земли белгородской — утрату 197 тысяч белгородцев, погибших в 1941-1945 гг. И, конечно, главная надежда на быстрое преодоление последствий войны государственным и политическим руководством страны связывалась с реализацией широкомасштабной государственной молодежной политики, которую призван был в послевоенные годы осуществлять под руководством партии комсомол, как ведущая общественно-политическая организация молодежи. В политической системе страны ему отводилась ключевая роль — не только руководить комсомольским движением, но и комсомольско-молодежными, молодежными коллективами, подростковыми и детскими организациями в промышленности, сельском хозяйстве, социальной сфере, в образовательных заведениях, а также по месту жительства, в целом воспитывать советскую молодежь.

В связи с намеченными мероприятиями по изменению административно-территориального деления, еще до официального решения об образовании области 6 января 1954 г., на заседании бюро ЦК ВЛКСМ 5 января 1954 г. было принято постановление «Об образовании в составе РСФСР Белгородской областной организации ВЛКСМ». Постановление подписал секретарь ЦК ВЛКСМ А. Шелепин.

Первым руководителем областной комсомольской организации бюро ЦК ВЛКСМ 9 января 1954 г. утвердило Ивана Яковлевича Ларченко, который в это время работал вторым секретарем Курского обкома ВЛКСМ. Белорус по национальности, коммунист с 1945 г., он родился в 1923 г. в дер. Мирагощь Мирогощанского района Могилевской области. Участник Великой Отечественной войны, он к моменту назначения был награжден двумя орденами «Красной Звезды», медалями «За победу над Германией», «За оборону Сталинграда». И. Я. Ларченко пользовался непререкаемым авторитетом среди комсомольцев и молодежи Курской области.

Тогда, в январе-марте 1954 года, все было впервые. 23 января 1954 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление о первом составе бюро Белгородского обкома ВЛКСМ. В него были включены: Ларченко И.Я., Иванов М.А., Попов В.И., Жуковский Л.Т., Власова Т.П., Бочаров Н.Я. Первое заседание бюро Белгородского обкома ВЛКСМ состоялось 23 января 1954 г. Первое постановление, принятое бюро ОК ВЛКСМ называлось: «Об участии молодежи Белгородской области в выборах в Верховный Совет СССР». В соответствии с утвержденным первым штатным расписанием работников, в Белгородский обком были выдвинуты 24 ответственных и назначены 6 технических работников.

Первая областная комсомольская конференция состоялась 2-3 марта 1954 г. В момент возникновения Белгородской областной комсомольской организации она насчитывала 80 087 членов, объединенных в 2501 первичную комсомольскую организацию. Как покажут дальнейшие события, рост экономики, концентрация и специализация сельского хозяйства, укрупнение населенных пунктов приведут к значительному сокращению числа первичных организаций. Одновременно, рост влияния и авторитета комсомола среди молодежи, повышение требовательности к вступающим в комсомол обернется в 1954-1960 гг. некоторым сокращением численности комсомольцев.

На протяжении 1954-1960 гг. было сделано чрезвычайно много для того, чтобы улучшить организационную работу областного комсомола, избавить первички от балласта, подобрать и расставить авторитетные и подготовленные комсомольские кадры.

Тогда, 2-3 марта 1954 г., в г. Белгороде собралось 182 делегата первой конференции (было избрано 225 делегатов). Она показала, с какой стартовой площадки начинает движение белгородский комсомол. Обсуждая главный вопрос повестки дня: «Об участии комсомольской организации области в выполнении постановления ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР», молодые белгородцы — механизаторы и животноводы, учителя и учащиеся, комсомольские и партийные работники — основное внимание концентрировали на том, что молодежь Белгородчины должна сформировать собственное лицо в составе союзной организации, проявить свои коллективные и индивидуальные черты, характерные для легендарной земли. Знаменателен и состав делегатов первой конференции, среди которых было 45 рабочих, 48 колхозников, 39 работников МТС, 112 служащих и инженерно-технических работников, 17 учащихся школ и вузов, 54 руководящих комсомольских и партийных работников. И в дальнейшем, на областные конференции первичные комсомольские организации стремились избирать делегатов, которые в полном объеме должны были отражать социальную структуру молодежи Белгородской области. Вместе с тем, в дальнейшем ни разу ни на одной областной конференции не было столько делегатов из числа молодежи, участвовавшей в Великой Отечественной войне. Их было 46 — вестников нашей Великой Победы, тех, кто спланивал ряды, воспитывал себе смену, показывал пример в труде. В этот, передовой отряд белгородского комсомола, входили также 3 делегата, вступившие в его ряды до 1941 г., а также 87 делегатов, вступившие в комсомол в огневые 1941-1945 гг.

Центральными направлениями деятельности молодежи и комсомольцев области на первой конференции были определены: участие в подъеме и развитии экономики области и страны, и, прежде всего, сельского хозяйства, а также весь комплекс мероприятий, связанных с воспитанием молодежи.

Знаменательным событием на первой конференции стало обращение комсомольцев бригады мастерских 2-й дистанции службы пути Огородова В.М., Костенко А.Я., Беседина Н.С. и других с просьбой направить их на освоение целинных и залежных земель. В соответствии с решениями конференции в марте 1954 г. было направлено 450 трактористов в Казахстан и Алтайский край.

К наиболее значимым решениям первой областной конференции следует отнести наращивание участия молодежи в развитии общественного животноводства, в мероприятиях по увеличению производства и заготовки картофеля и овощей, в повышении урожайности зерновых и технических культур, в увеличении производительности работы машинно-тракторных станций.

Делегаты конференции в своих выступлениях отразили то сложное и непростое время, когда советскому народу приходилось многим жертвовать во имя того, чтобы страна занимала лидирующее положение в мире, обеспечивала военно-стратегический паритет с США и с их союзниками и, что вполне естественно, вынуждена была нести бремя поддержки стран-союзников, как в молодом социалистическом лагере, так и среди стран-участниц национально-освободительного движения.

Наряду с обсуждением задач по участию молодежи в социально-экономическом развитии области, делегаты обсудили сложнейшие вопросы воспитательной работы. Последствия войны все еще сказывались на остроте криминальной ситуации. На конференции отмечалось, что за прошедший год 150 молодых людей были задержаны за хулиганство, 205 — совершили кражи, 135 — хищения, 95 — грабежи, 7 — убийства, 5 — изнасилования, 35 — занимались самогеноварением. Из 600 задержанных, 113 оказались членами ВЛКСМ. Такая ситуация становилась нетерпимой и делегаты конференции приняли целый комплекс решений, чтобы изменить ситуацию в лучшую сторону. Их внимание также было приковано к работе с безнадзорными (в 1953 г. было изъято 520 безнадзорных) и беспризорными (в 1953 г. было изъято 59 безнадзорных) детьми. Из общего состава безнадзорных и беспризорных 228 были учащимися. Перед учебными заведениями, школами были поставлены конкретные задачи по улучшению воспитательной работы среди молодежи.

Ярким событием на первой конференции стало избрание делегатов на XII съезд ВЛКСМ. Среди них были: Бочаров Н.Я., секретарь Белгородского горкома ВЛКСМ, Беляева И.С., Гармашов Н.В., секретарь Алексеевского РК ВЛКСМ, Домиенко З.З., Зеленцева И.В., Ларченко Н.Я., первый секретарь Белгородского обкома ВЛКСМ.

Создание Белгородской областной комсомольской организации оказало огромное влияние на улучшение работы с молодежью. В 1954-1955 гг. примерами в труде были тракторист Томаровской МТС Иванчихин В., машинист паровозного депо ст. Белгород Чавкин А., механизатор из Сукмановской МТС Лаптев М.

Своевременной инициативой комсомола области было создание молодежных тракторных бригад (в 1955 г. — 104) и молодежных комбайновых агрегатов (в 1955 г. — 365). Эти новые производственные коллективы позволяли соединить инициативу и творчество как комсомольцев, так и несоюзной молодежи. В МТБ и МКА более активно осваивалась новая техника, быстрее распространялись научно-технические знания, комплексно осуществлялась воспитательная и культурно-массовая работа. На это обстоятельство как раз и обратила внимание 2-я областная комсомольская конференция, которая состоялась 28-29 ноября 1955 г. На нее было избрано 393 делегата (приняло участие 332 делегата). На конференции широко пропагандировался опыт молодежного комбайнового агрегата из Вейделевского района под руководством Сулова М.

В 1954-1955 гг. молодежь Белгородской области приняла активное участие в реализации программ по освоению целинных и залежных земель. Более 2000 молодых людей было направлено на целину, комсомольские организации собрали подарки целинникам на сумму 120 тыс. руб.

В 1950-е гг. остро обозначилась проблема взаимодействия комсомола и школы. Становилось ясно, что школьные комсомольские организации смогут значительно улучшить показатели, если удастся на более высокий уровень поставить работу с молодыми учителями. В этом опорой должны были стать 2260 учителей-комсомольцев (на начало 1956 г.). Рост профессионального мастерства, воспитание активной гражданской позиции, забота о жилищных условиях учителей — эти и многие другие вопросы вышли на передний план в работе городских и районных комсомольских организаций с молодыми учителями. Решительный перелом на этом направлении позволил значительно улучшить работу с 32 тыс. членами ВЛКСМ в школах области. Параллельно приходилось решать проблемы улучшения кадрового состава пионерских вожатых. Среди них было незначительное число людей, имеющих педагогическое образование, опыт воспитательной работы.

В тех условиях система народного образования области под руководством ведущего областного отдела народного образования Гайдукова В.М. переживала не лучшие времена. В 1954-1955 гг. из 159 906 учащихся 22 тыс. не были переведены в следующий класс. Этот отрицательный показатель отразил и последствия войны, и сложности социально-экономического положения страны, и недостаток работы семьи, школы, комсомола, пионерии. Было очевидно, что на этом направлении необходимо было реализовывать не только воспитательные задачи, следовало строить современные школы, насыщать их оборудованием, лучше готовить педагогические кадры, направить усилия предприятий, колхозов и совхозов на всемерную помощь школе. На это обращали внимание в 1955 г. учитель Орликовской средней школы Чернянского района Дюкарева Л.В., первый секретарь Белгородского обкома КПСС Крахмалев М.К., председатель облисполкома Ковалевский Г.П., секретарь Ракитянского РК ВЛКСМ Путивцев В.И., первый секретарь обкома ВЛКСМ И.Я.Ларченко. Именно в эти трудные годы и стал по крупицам закладываться тот самый «белгородский опыт» образования и воспитания, который на протяжении последующих пятидесяти лет неоднократно высоко оценивался в стране. И ныне весомый вклад комсомола тех лет в копилку белгородской школы воспитания вызывает большое уважение и восхищение.

Как показала жизнь, для улучшения воспитания молодежи на производстве потребовалось развивать систему наставничества. Наставник становился не только учителем по профессии, но и воспитателем, который брал на себя ответственность за молодого человека. Внимание к наставничеству было связано не только с усложнением решаемых задач по воспитанию будущей смены, но и с тем, что с каждым годом росла техническая вооруженность промышленного и сельскохозяйственного производства. Требовался новый тип специалиста, работника массовых профессий. На это обстоятельство центральное внимание было обращено в отчетном докладе первого секретаря обкома ВЛКСМ Иванова М.А. на 3-й областной комсомольской конференции, которая состоялась 26-27 декабря 1957 г. В этот период огромный опыт наставничества накопили каменщик Сотников Е.С., звеньевая Киянова В.И., машинист Семькин Н.Ф., птичница Пушкарская А.Н. и многие другие. На плечи наставников легла забота о 10 тыс. комсомольцах, которые трудились в 1958 г. в промышленности, строительстве, на транспорте, о 7 тыс. юношей и девушек, которые были направлены на работу в животноводство. Подготовка кадров рабочего класса и колхозного крестьянства становилась той задачей, без решения которой невозможно было обеспечить прогресс развития промышленности и сельского хозяйства области. Наиболее значимые инициативы 1950-х гг. связаны с улучшением шефства над детскими домами, станциями юных техников.

Высокую активность проявляли молодежь и комсомольцы области в постановке культурно-массовой работы на селе. В тот период они стремились в полном объеме задействовать потенциал 597 сельских клубов и изб-читален, 31 районного Дома культуры, 76 профклубов, 700 библиотек, 348 киноустановок. Через комплекс самых разнообразных мероприятий активисты решали задачи образования и самообразования молодежи, политической и экономической подготовки, культурного развития, военно-патриотического и физического воспитания. Наиболее сложной проблемой

для комсомольских организаций был поиск необходимой материально-технической базы воспитательной работы. Последствия войны ощущались на каждом шагу. Вот почему комсомольским организациям поручалось не увлекаться проведением чрезмерного количества мероприятий, а, наоборот, главное внимание уделить их действенности и результативности.

К началу 1958 г. число первичных комсомольских организаций значительно сократилось и составило 1889, уменьшилось и число членов ВЛКСМ — до 74 158. Эти показатели, как уже отмечалось выше, отражали как внутрисоюзные, так и социально-экономические изменения. 3-я областная комсомольская конференция доверила представлять молодежь области на XIII съезде ВЛКСМ Богачеву П.Л., Иванову М.А., Кабелюженко И.А., Секиркиной М.А., Трофимову В.Д.

В 1958-1959 гг. молодежное движение в Белгородской области, как и в стране в целом, получило дальнейшее развитие. Те выводы, которые сделало политическое руководство страны на XX съезде КПСС в 1956 г. и на последующих пленумах ЦК партии в отношении политического, социально-экономического и духовного развития в период, когда во главе государства находился И. В. Сталин, оказали благотворное влияние на развитие молодежного движения. Молодежь, комсомольцы получили возможность более инициативно и творчески решать молодежные проблемы, реализовывать разнообразные программы.

В 1958-1959 гг. еще 800 юношей и 300 девушек Белгородской области уехали осваивать целину. Руками молодых людей в области было построено 97 клубов, 100 школ, 226 яслей и детских садов, 169 красных уголков, 20 стадионов, 800 простейших спортплощадок. Наставничество стало развиваться не только на производстве. Молодые производственники активно шефствовали над комсомольскими и пионерскими организациями: 728 лучших наставников подрастающего поколения были награждены городскими и районными комсомольскими организациями.

На фоне традиционных, чрезвычайно важных направлений деятельности в промышленности, строительстве, на транспорте, в сельском хозяйстве, образовании, культуре, здравоохранении, в 1959 г. обозначилось новое направление деятельности комсомольцев и молодежи, которое стало одним из главнейших на последующий длительный период — это шефство над ударными комсомольскими стройками. После того, как XIII съезд ВЛКСМ объявил рудники Курской магнитной аномалии ударными комсомольскими стройками, конкретным содержанием наполнилась работа областной комсомольской организации по досрочному введению в строй Лебединского рудника и освоению объемов добычи руды. В 1959 г. здесь трудилось более 5000 молодых строителей. В центре внимания комсомольских организаций находились вопросы профессиональной и технической подготовки молодых специалистов и рабочих массовых профессий, обобщение и распространение передового опыта их работы, рационализаторство и изобретательство, весь комплекс воспитательных мероприятий. Так, только в 1959 г. было внесено 1500 рационализаторских предложений, из них 850 внедрено.

В эти годы высоким авторитетом среди белгородской молодежи пользовались токарь Григорий Грицких, доярка Зина Головина, плотник Иван Оборнев.

Отличительной чертой конца 1950-х гг. было все возрастающее внимание к колхозным и совхозным комсомольским организациям, которых к 1960 г. стало 443. Учитывая то, что в области 33 тыс. молодых людей не имели семилетнего и среднего образования, большинство которых проживало и трудилось в сельской местности, необходимо было, чтобы комсомольские организации на селе приложили максимум усилий по привлечению молодежи в вечерние школы и школы сельской молодежи.

Именно совершенствованию организаторской и внутрисоюзной работы, образованию молодежи большое место уделила IV областная комсомольская конференция, которая состоялась 19-20 декабря 1959 г. В отчетном докладе первый секретарь обкома ВЛКСМ Иванов М.А. обратил внимание на то, что 1594 первичные комсомольские организации, объединяющие 73 800 комсомольцев, призваны перестроить работу таким образом, чтобы в центре их внимания находились не сами по себе вопросы производства и воспитания, а весь комплекс мероприятий по

трудовому воспитанию как наиболее эффективному способу становления и формирования новых поколений белгородцев.

20 декабря 1959 г. состоялся организационный пленум обкома ВЛКСМ, который избрал первым секретарем А. П. Уварова, который занимал эту должность до 20 февраля 1961 г., когда пленум обкома ВЛКСМ избрал первым секретарем Б. Н. Чефранова, работавшего до этого первым секретарем Пермского обкома ВЛКСМ.

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. молодежь и комсомольцы области, работавшие на производстве, главное внимание уделяли повышению производительности труда в промышленности, улучшению качества производимой продукции и услуг. Широкий размах получило соревнование комсомольско-молодежных и молодежных коллективов за досрочное выполнение намеченных планов социально-экономического развития предприятий. Так, например, молодые горняки Лебединского рудника произвели 87 тыс. тонн сверхплановой руды, превысили намеченные показатели молодые рабочие шебекинских предприятий. С целью повышения качества работы комсомольские организации стали создавать контрольные посты, которые вели борьбу с выпуском низкокачественной продукции, с простоями и браком. Пример в труде показывали Борис Ковалев и Александр Рукавников (Южно-Коробковский рудник), токарь и фрезеровщик Белгородского котлозавода Валерий Лукьянов и Павел Литвяков, рабочие Ракитянского машзавода Иван Рубцов и Николай Нестеренко.

Среди первоочередных задач молодежи области было шефство над ускоренным вводом в строй предприятий по добыче железной руды в районе Стойленского месторождения, над вводом строящегося здесь цементного завода, второй очереди Белгородского витаминного комбината, Валуйского сахарного завода.

Высокопроизводительный труд демонстрировала молодежь и в сельском хозяйстве. Примером для многих был опыт работы комсомольско-молодежных звеньев Алексея Кучерявенко из Грайворонского района, Василия Кириллова из Никитовского района, Алексея Алтунина из Волоконовского района, Николая Яковенко из Ракитянского района, Евгения Стрельникова из Корочанского района.

Большое значение в эти годы уделялось сокращению доли ручного труда не только на полях, но и на фермах.

Дали результат и принятые ранее мероприятия по вовлечению молодежи в вечерние школы и школы сельской молодежи. В них обучалось в 1961 г. 12 тыс. молодых людей, в четыре раза больше в сравнении с 1957 г.

Новой формой работы комсомольских организаций стало обеспечение участия работающей молодежи в охране общественного порядка, в проведении совместных мероприятий с органами внутренних дел. Молодежь активно действовала в штабах по охране общественного порядка, была костяком народных дружин.

В начале 1960-х гг. политические решения, принятые руководством КПСС обязывали комсомольские организации активизировать атеистическую работу среди молодежи. Как показало время, эти решения не опирались на многовековые национальные традиции, молодежь к ним в основном относилась отрицательно, многие мероприятия атеистов не достигали поставленной цели. Так, в 1967 г. было крещено 67,1% родившихся детей, в 1968 г. — 53,4%, в 1969 — 61,3%. В конечном счете, сами городские и районные комсомольские организации отмечали, что атеистическая работа носила в основном формальный характер.

В начале 1960-х гг. на систематическую основу была поставлена работа по привлечению молодежи к занятиям спортом, физкультурой. В областных спартакиадах принимало участие от 50 тыс. до 60 тыс. молодых людей, среди которых более 20 тыс. были комсомольцами. Сфера спорта была наиболее ярким свидетельством взаимодействия союзной и несоюзной молодежи. Последняя активно участвовала в различных военно-спортивных и спортивных обществах, созданных с участием комсомола, прежде всего, для подготовки юношей к службе в армии и поступления в военные училища, которые пользовались высоким авторитетом у молодого поколения.

Внимание в предшествующие годы к институту пионервожатых дало свои плоды. Уже в 1960 г. удалось увеличить их отряд до 600 человек, в основном за счет наибо-

лее активной части комсомольцев и молодых учителей. Под руководством старших товарищей крепили пионерские и октябрятские организации. Крупным событием в жизни Белгородской области стало строительство экскаватора ЭКГ-4 «Пионер Белгородчины» из металлолома, собранного пионерами.

На 5-й областной комсомольской конференции, которая состоялась 23-24 декабря 1961 г. делегатами на XIV съезд ВЛКСМ были избраны: Бородин В.И., Великородная М.Т., Зосимов Н.И., Дягилева В.А., Егоров Н.Д., Евсюкова М.Ф., Литвяк Л.Н., Масленников И.А., Мазалова А.Е., Прохоров Н.И., Польский П.И., Романцов А.В., Кривцова Г.М., Соловьева В.М., Рыбалко А.Н., Терехов Ф.И., Чефранов Б.Н.

В 1960-е гг. оставались нерешенными многие вопросы молодежного движения. К ним следует отнести не всегда продуманный и обоснованный подход к приему молодежи в члены ВЛКСМ. Нередко, стремясь увеличить численность комсомольских организаций, комсомольские вожаки снижали требования при приеме в комсомол. В результате из года в год значительным оставалось число комсомольцев, выбывших без снятия с учета. Так, в 1961 г. в Белгородском ГК ВЛКСМ числилось 1000 таких комсомольцев. Немало проводилось формальных мероприятий, нередкими были случаи бюрократизма и казенщины, критике подвергались многие случаи утраты комсомольскими вожаками доверия комсомольцев.

Попытка улучшить руководство промышленными и сельскими комсомольскими организациями нашла свое выражение в разделении областной комсомольской организации на промышленную и сельскую.

30 января 1963 г. прошла 1-я конференция областной промышленной комсомольской организации. В результате перестройки были образованы 5 городских организаций (в Белгороде, Шебекино, Губкине, Валуйках, Старом Осколе) и 2 территориально-производственные — Грайворонская и Алексеевская. Первым секретарем промышленного обкома ВЛКСМ был избран Груздов О.И., работавший ранее секретарем ОК ВЛКСМ.

2 февраля 1963 г. состоялась 1-я конференция областной сельской комсомольской организации. Она констатировала, что в ее состав вошли 1315 сельских первичных комсомольских организаций, объединяющих 59 тыс. членов ВЛКСМ. Первым секретарем сельского обкома ВЛКСМ был избран Чефранов Б.Н., которого вскоре сменил Перемышленников Н.И., ранее возглавлявший Новооскольский РК ВЛКСМ, а затем работавший вторым секретарем ОК ВЛКСМ.

Однако, как показали 1963-1964 гг. такое разделение оказалось неоправданным. Добиться решения многих проблем молодежного движения в области, как и в стране в целом, не удалось. Отрицательных последствий разделения было значительно больше, чем положительных. Вот почему VI пленум ЦК ВЛКСМ принял решение об объединении комсомольских организаций в областях и краях.

Состоявшаяся 17 февраля 1965 г. VII областная комсомольская конференция (первым сельской и промышленной конференциям был присвоен 6-й порядковый номер) была призвана выполнить решение вышестоящего органа. В президиуме конференции были представлены руководящие партийные и советские работники области: Васильев Н.Ф., первый секретарь Белгородского ОК КПСС, Хитров М.Д., Ломовцев А.П., Игрунов Н.С., Леденев Г.Н., Сурков Н.А. и другие, лидеры и активисты белгородского комсомола — бригадир комсомольско-молодежной бригады Стойленского стройуправления Фролов А.И., свиновод из Новооскольского района Чернова Е.И., доярка из Ивнянского района Реутова М.А., первый секретарь сельского ОК ВЛКСМ Перемышленников Н.И.

В 1965 г. в 18 районных и 3 городских комсомольских организациях действовало 1833 первичных комсомольских организаций, объединявших 103191 комсомольца. В эти годы, как показало время, начался необоснованный рост членов ВЛКСМ, который отрицательно влиял на авторитет комсомола среди молодежи и результаты его работы.

Наибольший вклад молодежь Белгородской области вносила в развитие промышленных предприятий. На них работало 30 тыс. юношей и девушек, в том чис-

ле 18 тыс. комсомольцев. Пример высокопроизводительного труда показывала комсомольско-молодежная бригада глубокого бурения Виктора Котенева на шахте имени Губкина.

Мощный резонанс на промышленных предприятиях области получила программа повышения качества продукции «Наш Эльбрус», которую приняла молодежь Белгородского котлостроительного завода. Начинания губкинцев и белгородцев поддержали молодежные коллективы треста «КМАрудстрой», старооскольского завода авто-тракторной электроаппаратуры. Призыв к соревнованию подхватили 5315 бригад, 1245 цехов, участков и ферм, 370 коллективов предприятий и организаций.

Среди молодежи области середины 1960-х гг. огромным авторитетом пользовались комсомольские организации Старооскольского механического завода, завода АТЭ, Шебекинского химкомбината, комбината «КМАруда», Белгородской ЦЭС. Высокой оценки заслужил труд бригадира асбошиферного комбината Зинаиды Колесниковой, работника локомотивного депо Анатолия Старичкова, скрепериста шахты им. Губкина Алексея Игнатова, электрика Шебекинского машиностроительного завода Владимира Аксенова, столяра Василия Кухарева.

В числе новых инициатив областной комсомольской организации в этот период следует выделить начало шефства областной комсомольской организации над строительством складов для хранения удобрений, развитие соревнования за комплексную механизацию и электрификацию процессов в животноводстве, работу по укреплению села молодыми специалистами. Последняя инициатива реализовывалась достаточно последовательно. Если в 1960 г. в комсомольской организации области действовало 2457 специалистов, то в 1965 г. их было уже 10718.

После завершения 7-й областной комсомольской конференции состоялся организационный пленум ОК ВЛКСМ. Первым секретарем был избран Перемышленников Н.И.

В связи с крупными мероприятиями, проводимыми в области по специализации и концентрации сельскохозяйственного производства, требовалось решительным образом перестроить работу сельских комсомольских организаций. На селе в 1966 г. трудилось 108 тыс. молодежи, в том числе почти 40 тыс. комсомольцев. Успешное участие в развитии сельского хозяйства можно было обеспечить только через повышение активности не только комсомольцев, но и всей сельской молодежи. Именно на это обстоятельство обратила внимание VIII областная комсомольская конференция, которая состоялась 1 февраля 1966 г. В решениях конференции была сформулирована развернутая программа повышения активности комсомольских организаций. Конференция избрала делегатов на XV съезд ВЛКСМ. Среди них были: Адамов А.Е., Ананьева М.П., Голосовская С.П., Глотов А.М., Дрога М.М., Дубенцова Е.Ф., Зиновьева П.Н., Звягина Р.С., Игрунов Н.С., Королева М.И., Калинин К.И., Мамонов А.М., Обернихин А.Н., Прохоров Н.И., Рунков Н.И., Шкатула И.М., Широков В.Б.

1 февраля 1966 г. на организационном пленуме ОК ВЛКСМ первым секретарем обкома был избран Н.И.Прохоров, секретарями обкома ВЛКСМ Груздов О.И., Зеликов А.Я., Зинченко С.Б.

В 1967-1970 гг. многие молодежные инициативы и дела были тесно увязаны с подготовкой и празднованием 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, 100-летия со дня рождения В.И.Ленина. В эти годы во всех отраслях экономики и социальной сферы работало 350 тыс. юношей и девушек, из них более 100 тыс. комсомольцев. В организуемых комсомолом соревнованиях участвовали 1385 комсомольско-молодежных коллективов, 700 механизированных отрядов и звеньев, 326 комсомольско-молодежных ферм. Особо отмечались на IX областной комсомольской конференции, которая прошла 2 февраля 1968 г., комсомольско-молодежные коллективы Лебединского рудника, Белгородской слюдяной фабрики, совхозов «Ровеньский» и «Викторополь» и многих других.

Особой заботой комсомола были окружены важные объекты восьмой пятилетки. Несмотря на то, что здесь трудились тысячи посланцев комсомола, областная комсо-

мольская организация подвергалась справедливой критике за невыполнение программ направления молодежи на строительство Стойленского рудника, Старооскольского цементного завода, Лебединского ГОКа.

На IX областной комсомольской конференции ударными комсомольскими стройками были объявлены строительство горно-обогатительного комбината в г. Губкине, Старооскольского цементного завода, колхоза «Знамя» Белгородского района.

Новым направлением деятельности комсомольских организаций стало движение под девизом «Службе быта — комсомольскую заботу». В этой сфере деятельности наиболее активно себя проявляли молодые работники сферы обслуживания в Губкинском, Красногвардейском, Чернянском районах.

Для комсомольских организаций еще одной новой формой работы стало шефство над профессионально-техническими училищами, которых в 1968 г. было в области 25. Все более очевидным становилось, что без современного работника, вооруженного самыми передовыми профессиональными знаниями, невозможно было качественно решать задачи технического и технологического прогресса. Училища в 1960-х гг. ежегодно выпускали 2500 молодых работников, и перед комсомольскими организациями городов и районов во весь рост стала задача не только выдвинуть достойных лидеров комсомола профтехучилищ, но и организовать комплексное воспитание несоюзной молодежи. Как показало время, меры комсомола были правильными — система профтехобразования области справлялась с поставленными задачами, завоевав авторитет не только в Центральном Черноземье, но и в стране в целом.

В связи с принятием в 1967 г. «Закона о всеобщей воинской обязанности» комсомольским организациям области пришлось перестроить многие направления оборонно-массовой и спортивной работы, военно-патриотического воспитания. Укрепилась связь комсомольских организаций с военкоматами, ДОСААФ, ветеранскими организациями. В 1967-1968 гг. в походах по местам гражданской и Великой Отечественной войн приняли участие 120 тыс. белгородских юношей и девушек. Получила дальнейшее развитие следопытская работа. Более 100 тыс. учащихся школ объединились в отряды «Красные следопыты». Комсомольцы и молодежь собрали уникальные документы и материалы о Великой Отечественной войне, что помогло открыть 400 музеев, комнат и уголков боевой и трудовой славы. Большим авторитетом пользовался «Штаб краснозвездных» созданный при редакции газеты «Ленинская смена», который возглавлял Герой Советского Союза Н.Н. Кононенко.

Стали регулярно проводиться операция «Обелиск», городские, районные и областной этапы Всесоюзной военной игры «Зарница». Значительную помощь развитию военно-патриотической работы оказывали молодые учителя и пионерские вожатые, которых к этой деятельности в школе начали готовить на факультетах Белгородского государственного педагогического института.

Всесторонне деятельность комсомольских организаций по достойной встрече 100-летия со дня рождения В. И. Ленина была проанализирована на X областной комсомольской конференции, которая состоялась 6 февраля 1970 г. В президиум конференции были избраны Васильев Н. Ф., Ломовцев А. П., Кирсанова И. Н., Путивцев В. И., Суконцев М. Г., Трунов М. П., Щербаков Е. М., Прохоров Н. И. и другие.

На конференции были избраны делегаты XVI съезда ВЛКСМ: Артеменко В.И., Гулий Р.Н., Гостищев А.Г., Давыдова А.А., Дригайло В.С., Жмакина А.Р., Жерновая Е.П., Захаров В.С., Иванова Т.А., Коломиец А.Н., Косухина О.М., Луншин В.А., Мягкий Ф.Д., Наседкин В.И., Попцов О.М., Прохоров Н.И., Пузанов Н.С., Родыгин А.А., Сапунова Л.Е., Сурков Н.А., Штельмах Р.А., Щеголева Н.Я.

В начале семидесятых годов в стране постепенно, но неуклонно стала пробивать себе дорогу научно-техническая революция. Становилось все более очевидно, что без новых форм организации труда, новой техники и передовых технологий невозможно решать те задачи, которые во весь рост стали перед страной. Вот почему для молодежи был важен конкретный пример, конкретное дело, конкретные цели и задачи в работе. В этом опорой белгородского комсомола были передовики производства, молодые рабочие и специалисты. Среди них бригадир токарей Старооскольского механического завода Владимир Алексеев, молодой специалист комбината «КМАруда»

Виктор Лунев, токарь котлостроительного завода Геннадий Варламов и другие. Тем молодежным и комсомольско-молодежным коллективам, которые достойно трудились, предоставлялось право зачислить в свои коллективы героев Великой Отечественной войны, лучшим бригадам и коллективам присваивались имена Героев Советского Союза, героев Курской битвы.

Молодежь Белгородчины стала активнее участвовать в рационализаторстве и изобретательстве. Примером для белгородцев были молодые химики ВНИИСИНЖ Клавдия Галась и Наталья Родневич, экономический эффект от рационализаторского предложения которых составил 1,5 млн. руб. в год.

Выявлению недостатков в производственной и общественной жизни, в быту способствовал «Комсомольский прожектор». Его выпуски в организациях, районах и городах были способом молодежного контроля за реализацией различных мероприятий, оригинальной формой отношения молодежи к порокам и недостаткам общества.

Новая инициатива комсомола — «Ленинский зачет» хотя и не лишена была различных недостатков, но в тех комсомольских организациях, где к его организации и проведению подходили со всей серьезностью, позволял достигать высоких результатов в воспитательной работе. К новым инициативам начала 1970-х гг. можно с полным основанием отнести и шефство комсомола над молодежными общежитиями, которых в 1972 г. было больше ста.

Улучшению работы со студенческой и учащейся молодежью способствовал 1-й областной слет студентов и учащихся средних специальных учебных заведений, который состоялся 29 декабря 1971 г.

Как одно из достижений комсомола XI-я областная комсомольская конференция, состоявшаяся 26 февраля 1972 года, отметила значительный рост комсомольских рядов — в 1913 первичных организациях на учете состояло 134 тыс. комсомольцев. Это означало, что с 1965 г. областная комсомольская организация выросла вдвое. С одной стороны, влияние комсомола на молодежь значительно увеличивалось, что позволяло многие формы работы комсомола — распространить на большее число юношей и девушек. С другой стороны, планирование приема с постоянным его увеличением, являлось результатом в целом ошибочной стратегии политического руководства страны и руководящих органов комсомола, которая исходила из того, что «больше социализма» требовало «больше коммунистов и комсомольцев». И все же, несмотря на общее снижение качества комсомольских мероприятий, комсомолу удавалось по-прежнему вести целенаправленную работу не только с членами ВЛКСМ, но и с несоюзной молодежью.

В 1970-1972 гг. областная комсомольская организация шефствовала над строительством 21 объекта. На эти стройки было направлено 2300 юношей и девушек. В декабре 1972 г. были введены мощности Лебединского ГОКа на 7,5 млн. т переработки железных кварцитов, а в декабре 1973 г. вторая очередь на 3,7 млн. т. Молодые горняки ежегодно стремились перевыполнять плановые задания. Так, в 1972 г. они сверх плана отправили на металлургические заводы 16 эшелонов руды. Знаменательным событием стало прибытие в 1973 г. в гг. Старый Оскол и Губкин Всесоюзного ударного строительного отряда «Молодогвардеец» численностью 700 чел.

Важнейшим направлением комсомольских организаций продолжало оставаться участие комсомольцев и молодежи в развитии сельского хозяйства области. Много делалось для механизации труда на молочно-товарных фермах, где 90 % работ выполнялись все еще вручную.

Осуществлялись самые разнообразные программы по укреплению кадров села. С призывом «Девушки на трактор!» к девушкам области обратилась замечательная трактористка Ивнянского района К. Я. Шаповаленко. Его только в 1973 г. поддержали 160 девушек, всего же более 20 тыс. юношей и девушек стали изучать новую сельскохозяйственную технику, готовить себя к новым формам организации труда в сельском хозяйстве.

В 1974 г. в сельском хозяйстве области работало 12 тыс. комсомольцев, из них: 3100 в животноводстве, 5543 механизаторами, 1800 специалистами, остальные — руководителями разного уровня. Пример в труде в эти годы показывали трактористка

Надежда Кириенко из Вейделевского района, доярка Екатерина Близнюк из Борисовского района, свинарка Анна Макиева из Яковлевского района, заведующая фермой Раиса Токарева из Чернянского района.

Для молодежи в 1970-1975 гг. на селе было построено 7 тыс. квартир, а также общежития на 3000 мест.

19 января 1974 г. состоялась XII областная комсомольская конференция. Между XI и XII конференциями первым секретарем обкома ВЛКСМ был избран Н. В. Смоленский.

В 1972-1975 гг. комсомольские организации области вели активную подготовку к празднованию 30-летия победы на Огненной дуге и в Великой Отечественной войне, участвовали в строительстве мемориалов, обелисков, памятников в честь погибших воинов. Особое внимание уделялось студенчеству двух высших учебных заведений и 21 среднему специальному учебному заведению, в которых в 1974 году обучалось 18 тыс. комсомольцев. Первые шаги в области сделал Всесоюзный конкурс студенческих научных работ по общественным наукам, истории ВЛКСМ и международному молодежному движению. Студенческие строительные отряды в третьем трудовом семестре 1973 г. освоили 4 млн. капиталовложений.

На XII областной комсомольской конференции делегатами на XVII съезд ВЛКСМ были избраны: Бойкова В.Я., Бондаренко Г.Н., Гребенникова Н.В., Данильченко Л.С., Жиров М.С., Здоровцов Г.И., Здоровцов В.Р., Костомаров Г.К., Красножурская Н.В., Маслова О.П., Мозговая В.И., Полежаев В.И., Пищальченко М.В., Простев Е.Ф., Пчелинцев Н.Н., Смоленский Н.В., Тарасов А.Н., Филатова Е.А., Черноусова Т.И., Цыбина В.И., Швец Т.И.

В начале 1970-х гг. в районе Старого Оскола начал строиться крупнейший в мире электрометаллургический комбинат. Перед молодежью и комсомольцами области встала сложная и многоплановая задача — найти свое место в реализации крупной государственной программы: в 1975-1978 гг. предстояло освоить 900 млн. руб. капиталовложений и к концу 1978 г. произвести 2 млн. тонн окисленных окатышей. Опорой в решении этой задачи были комсомольские организации Лебединского и Стойленского ГОКов, комбината «Электрометаллургстрой», других организаций Старого Оскола и Губкина.

Естественно, за такой масштабной задачей не должны были потеряться многие начинания и иные инициативы комсомола. Именно на это обстоятельство и обратила внимание XIII областная комсомольская конференция, которая прошла 4 декабря 1975 г. Ведь к декабрю 1975 г. численность областной комсомольской организации достигла 155 тыс. комсомольцев, объединенных в 2146 первичных, 4794 цеховых организаций и 1723 комсомольские группы. Решения областного комсомола способствовали улучшению воспитательной работы с кадрами села и студенческой молодежи, распространению среди молодежи, подростков и детей таких популярных игр, как «Кожаный мяч», «Золотая шайба», «Колосок», «Старты надежд». И все же, постепенно за большим числом крупных мероприятий, программ и инициатив, стал теряться непосредственно молодой человек со своими проблемами, чаяниями и замыслами. Именно отдаленность многих «масштабных» дел комсомола от интересов и потребностей молодого человека в дальнейшем и стала причиной прекращения деятельности комсомола, лишь только партия перестала быть ядром государственной системы страны.

Но тогда, во второй половине 1970-х гг. — первой половине 1980-х гг. эти противоречия казались вполне преодолимыми, рассматривались как «болезнь роста» комсомола на новом этапе социалистического строительства.

В 1970-е гг. получила распространение новая инициатива комсомола по трудовому воспитанию подрастающего поколения — ученические производственные бригады и трудовые отряды старшеклассников. В 1975-1976 гг. в них участвовало 3-4 тыс. человек, а уже начиная с 1980 г. в них ежегодно принимали участие более 45 тыс. учащихся.

В конце 1970-х — первой половине 1980-х гг. многие инициативы комсомольских организаций были направлены на развитие соревнования комсомольско-моло-

дежных и молодежных коллективов по повышению эффективности и качества работы. В соревновании под девизом «Пятилетке эффективности и качества — энтузиазм и творчество молодых» в 1980 г. участвовало 200 тыс. юношей и девушек. Вопросы более высокопроизводительного труда комсомольцев и молодежи, роста влияния на решение задач социально-экономического развития области были центральными на XIV (27 января 1978 г.) и XV (11 января 1980 г.) областных комсомольских конференциях.

На XIV областной комсомольской конференции были избраны делегаты на XVIII съезд ВЛКСМ. Среди них: Алексеенко П.Н., Батов Н.А., Белозерова В.С., Вечеркина Т.П., Воробцова В.Н., Герасименко В.Я., Гречишникова Н.И., Ерохина З. М., Захарова Т. И., Ильичев Н.В., Клименко П.И., Кондрашин П.Н., Коротев А. М., Латышев В.П., Малахова О.П., Ряполова Т.М., Серищева Л.И., Сидоренко Н.А., Смоленский Н.В., Спильник Р.И., Целовальников А.И., Челомбитко С.П., Шевченко Н.И., Шепелева Е. А.

С ростом числа объектов, на которых работала преимущественно молодежь и над которыми шефствовала областная комсомольская организация, необходимо было усилить роль первичных комсомольских организаций в сфере строительства. На это, в частности, обращали свое внимание в выступлениях на XIV областной комсомольской конференции первый секретарь Белгородского горкома ВЛКСМ В. Я. Герасименко, начальник Всесоюзного объединения «Центрогтяжстрой», депутат Верховного Совета РСФСР Л. Н. Потапов. Пример доблестного труда на строительных объектах Оскольского электрометаллургического комбината показывали молодежные бригады Юрия Согрина и Игоря Суворова. За должным уровнем качества работ и услуг следили 3 тыс. штабов и постов качества. Комсомол в 1980 г. шефствовал над 135 видами изделий, которые готовились к аттестации на государственный Знак качества.

Многие проблемы, которые возникали на производстве, были связаны с тем, что в школах, училищах, ссузах и вузах не использовались в полном объеме возможности профессионального обучения и воспитания. Большой резонанс в области имело выступление учительницы Яснозоренской средней школы Белгородского района, лауреата премии Ленинского комсомола Т. И. Захаровой. В нем предлагалось более целенаправленно обеспечивать комплексное воспитание молодежи — трудовое, нравственное и эстетическое, работать с молодежью системно, сочетая индивидуальный подход с воспитанием у молодежи коллективистских начал.

Во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. высоким авторитетом среди комсомольцев и молодежи области пользовались такие комсомольские лидеры, как: Смоленский Н. В. , Вербицкий Е.А., Герасименко В.Я., Карайченцева А.П., Клейменов В. С., Толмачев П.И., Костина Т.Д., Гриценко А.Н., Белых В.В., Перверзев А.С., Богачев Г.П., Ходеев А.Г., Постникова Т.И., Оводенко Р.И. Немало добрых дел и инициатив на счету многих первых секретарей райкомов и горкомов комсомола, освобожденных секретарей комитетов комсомола, которые были удостоены права представлять комсомол и молодежь области на съездах ВЛКСМ.

Между XIV и XV областными комсомольскими конференциями произошли организационные изменения в руководстве областного комсомола. Первым секретарем обкома ВЛКСМ был избран В. Я. Герасименко.

В начале 1980-х гг. все отчетливее стало осознаваться, что без усиления внимания комсомола к комплексному воспитанию молодежи невозможно решить главную задачу — добиться того, чтобы новые поколения белгородцев, опираясь на опыт старших, пошли значительно дальше вперед в решении всего комплекса социально-экономических и духовно-культурных задач. Вот почему особое внимание уделялось тому, чтобы молодежь как можно активнее участвовала в государственном управлении, постигала школу управления, труда и воспитания, то, что образно называлось «школой жизни». В 1980-е гг. ежегодно более 5 тыс. молодых людей работало в составах городских, районных и сельских Советов народных депутатов (из них более 3 тыс. комсомольцев), свыше 50 тыс. молодых людей были активистами профсоюзов. Участие молодежи в общественно-политической жизни села, района, города, области имело далеко идущие последствия — социальная активность оборачивалась высоки-

ми показателями в труде, активной гражданской позицией, высоким патриотизмом. При всей противоречивости советской системы нельзя не видеть, что именно социально-активные «семидесятники» и «восьмидесятники» несут на себе основную ношу современных социально-экономических преобразований, взяли на себя ответственность за реформирование всех сторон жизни области — органов власти, экономики, социально-духовной сферы.

Надо признать, что отличительной особенностью 1970-х — 1980-х гг. было пристальное внимание комсомольских организаций к тем молодым людям, комсомольцам, которые ударно трудились, отлично учились, активно занимались воспитательной работой. Поэтому имена комсомольских лидеров и ответственных работников всегда стояли рядом с простыми тружениками, студентами, школьниками, со всеми теми, кто верой и правдой служил смыслу и духу комсомола, в котором, конечно, было и немало попутчиков, и просто людей случайных, и, безусловно, карьеристов.

В начале 1980-х гг. молодежь и комсомольцы равнялись на трудовые успехи слесаря-сборщика Анатолия Панова, шахтера Николая Дулькина, хлебороба Николая Голищева, оператора машинного доения Ольги Карпенко, бригадира Анатолия Проскурина, механизатора Владимира Деревянкина, звеньевго Павла Лазарева, механизатора Алексея Сыряного, старшего аппаратчика Сергея Кислых, врача Евгения Ледовского, маляра Леонида Аляных и других. Только в 1979-1982 гг. 535 молодых тружеников области были награждены правительственными наградами. Примером для молодых людей был труд врача, Героя Социалистического Труда Л. И. Дьячковой, председателя колхоза им.Фрунзе, Героя Социалистического Труда В. Я. Горина и многих других.

Высокий энтузиазм в труде показывали студенческие строительные отряды, которые ежегодно осваивали 25-30 млн. руб. капиталовложений. В 1980-е г. в них принимало участие 14-15 тыс. белгородских студентов.

Подготовка к празднованию 40-летия победы в Курской битве позволила комсомольским организациям наполнить новым содержанием многие традиционные формы военно-патриотической работы. Среди новых инициатив комсомола следует выделить экспедицию «Летопись Великой Отечественной». Участие в ней позволило улучшить поисковую работу, заботу молодежи о ветеранах, братских могилах. Более 30 тыс. молодых людей прошли маршрутами Всесоюзной экспедиции «Моя Родина — СССР», свыше 1200 чел. по комсомольским путевкам побывали в туристических поездках за границей СССР, тысячи — в международных молодежных центрах, санаториях и здравницах. Комсомолу активно помогали органы образования (И. С. Соловецкий, Е. П. Сакулин, П. Г. Коняев, В. А. Ивахнюк, Ю. А. Набережных и др.), органы и организации культуры и исполнительной власти (А. В. Кулабухов, В. И. Слободчук, И. А. Чернухин и др.).

Вопросам улучшения работы комсомола с молодежью ключевое место уделил XIX съезд ВЛКСМ, на который на XVI областной комсомольской конференции (состоялась 19 февраля 1982 г.) были избраны видные представители белгородской молодежи и комсомола: Бесхмельницын М. И., Бондаренко О. В., Борисенко З. Т., Валуйских Т. И., Герасименко В. Я., Голованчук С. А., Дегтев В. В., Закотенко В. И., Каверин С. И., Климова О. А., Клочкова В. А., Кучерявенко А. В., Масленникова Т. В., Никифоров Д. Д., Пашенцев В. Ф., Переверзева С. И., Рыжикова Л. А., Семикопенко К. В., Сергеева Ю. В., Черкасских П. И., Шевченко Н. И.

К середине 1980-х гг. в целом сложился и закрепился опыт руководства комсомольско-молодежными коллективами. На ударных стройках области в 1984 г. работало 8 комсомольско-молодежных управлений, 362 бригады, 15 участков и цехов, 212 транспортных экипажей. Комсомольским организациям приходилось не только совершенствовать их структуру, обеспечивать подбор, расстановку и воспитание их руководителей, но и, самое главное, неформально, открыто и гласно организовывать соревнование между ними, а также соперничество с коллективами, работающими на других ударных стройках страны. При всей сложности руководства этим направлением работы комсомол области на деле доказал свою способность решать крупные государственные задачи.

Между XVI и XVII областными комсомольскими конференциями (XVII конференция состоялась 22 декабря 1984 г.) первым секретарем ОК ВЛКСМ был избран О. Н. Полухин. Выступая на XVII конференции, он особо обратил внимание на то, что в комсомольско-молодежных коллективах трудятся 20 тыс. молодых тружеников, из них половина комсомольцев, с которыми необходимо вести систематическую организаторскую и воспитательную работу, уметь вовремя заметить подающих пример, поддержать тех, кто проявляет инициативу, постараться сделать опыт их работы достоянием всех. При этом главный акцент делался на практические дела молодежи, на воспитание у них гражданского долга и любви к Отечеству.

С этой задачей была сопряжена и программа активизации деятельности белгородской молодежи в сфере рационализаторства и изобретательства. За 1982-1984 гг. юношами и девушками было подано 18 тыс. рационализаторских предложений, из которых внедрено 14,5 тыс., запатентовано 95 изобретений. Экономический эффект от внедрения предложений составил 25 млн. руб.

В 1980-е гг. в вузах области получило развитие движение «Студент и научно-технический прогресс». Наиболее ярко в этом движении проявили себя студенты Белгородского технологического института строительных материалов имени И. А. Гришманова. Активно действовал областной совет молодых ученых и специалистов, который осуществлял разнообразные программы по привлечению комсомольцев и молодежи к научно-исследовательской работе.

К 1985 г. численность областной комсомольской организации составила 170 тыс. человек. После ряда крупных решений руководства КПСС в 1985-1987 гг. по вопросам политического и социально-экономического развития страны перемены и реформы в политике, экономике, духовно-культурной сфере стали рассматриваться не как «научные изыски» инакомыслящей интеллигенции, а как реальные потребности общества в преобразованиях, без которых невозможно разрешить острейшие противоречия во всех сферах жизни страны. «Революция» в советском обществе планировалась как эволюционный процесс, результатом которого должно было стать ускорение социально-экономического развития страны. В то время даже самые критические умы не могли себе представить цену, которую народу предстояло заплатить за вторую по счету в XX века ломку государственного устройства СССР.

Передовой части населения было ясно, что дальнейшее развитие государства не может осуществляться без реформирования политической системы, без создания новой современной законодательной базы, обеспечивающей политический плюрализм, права и свободы граждан, без экономических реформ на базе использования преимуществ государственного сектора экономики и раскрытия возможностей рыночной экономики, предпринимательства, фермерства.

Это и многое другое в 1985-1991 гг. не могло кардинально не повлиять на развитие молодежного движения. Все больше молодых людей связывало свое будущее не только с комсомолом, но и с другими политическими, общественно-политическими, общественными и иными молодежными организациями. Вполне закономерно, что результатом такого процесса стало не только возникновение в первой половине 1990-х гг. многих политических партий, но и сотен, тысяч молодежных организаций и объединений.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. областную комсомольскую организацию последовательно возглавляли В. Ф. Пашенцев, В. М. Захаров и В. А. Коротченков.

Комплекс реформ в стране второй половины 1980-х гг. — начала 1990-х гг. хотя решительным образом и повлиял на жизнь комсомольских организаций объективно не мог затронуть ту часть комсомольцев и молодежи, которая составляла авангард юношей и девушек области. Многие организации продолжали жить полнокровной и интересной жизнью. В эти годы в комсомоле активно работали руководители областного уровня Захаров В. М., Острикова С. А., Алтухов О. С., Беседина Н. А., Перепечаев Ю. И., Корчиго Т. П. и многие другие.

И все же, многие традиционные формы работы комсомола с молодежью наталкивались на реальные проблемы, которые вытекали из существующей системы государственного устройства, из просчетов и ошибок руководства КПСС, областной партий-

ной организации, которые в эти переломные годы неоправданно ограничивали инициативу комсомольских органов по преобразованию комсомола и не позволяли использовать имеющиеся тогда возможности быстрой и действенной перестройки комсомола. И чем более затягивался процесс модернизации комсомола, тем очевиднее становилось то, что с принятием новой нормативно-правовой базы комсомол может очень быстро уступить свое место сотням различных молодежных организаций, которым неизбежно придется пройти длительный путь для того, чтобы завоевать такой же авторитет, какой имел комсомол, и что время, потраченное на становление нового молодежного движения в стране, обязательно отзовется на судьбах не тысяч и десятков тысяч молодых людей, а на целом поколении граждан России.

Попытки руководства ВЛКСМ обосновать линию реформирования комсомола наталкивались не только на предубеждения и заблуждения консерваторов в руководстве КПСС, но и на позиции тех радикалов, которые все решительнее выступали не только с идеей прекращения деятельности КПСС, но и Ленинского комсомола.

Конец 1990-х гг., как свидетельствует история, оказался для комсомола временем упущенных возможностей. Снежный ком проблем нарастал. Начали множиться просчеты и ошибки, повлекшие, в конечном счете, за собой и прекращение деятельности ВЛКСМ в 1991-1992 гг.

Но тогда, в 1987-1991 гг. комсомол на основе имеющихся реальных возможностей стремился преодолеть трудности в руководстве комсомольско-молодежными коллективами, работа которых перестала наполняться новым содержанием, в организации студенческих строительных отрядов, в военно-патриотической и воспитательной работе. Об острейших проблемах комсомола, со всей открытостью говорили многие комсомольские лидеры на XVIII областной комсомольской конференции, которая состоялась 31 января 1987 г. и на XIX областной комсомольской конференции, которая прошла 27 января 1990 г. Они отмечали, что все сложнее и сложнее удается справляться с выполнением обязательств по шефству над ударными комсомольскими стройками, что катастрофически падает эффективность работы комсомола на селе, что молодых кадров в животноводстве и сельском хозяйстве не просто не хватает, а реальностью стало бегство молодежи из села, что все сложнее обеспечивать руководство молодежью с помощью прямых директив и указаний.

Реформирование страны, в том виде, в каком оно проводилось, чрезвычайно болезненно сказалось на молодежи. У немалого числа молодых людей проявились ошибочные представления о своей роли и месте в обществе, распространялись скептические взгляды на место, потребности и значимость молодежных организаций. В комсомоле стал разрастаться тот объективный кризис, который характерен для любой общественной организации, которая еще недавно жестко управлялась руководящей партией и которая вдруг начала действовать самостоятельно, без оглядки на руководящую партию. Такая перестройка была усугублена непоследовательными, нерезультативными и весьма противоречивыми реформами периода «перестройки».

Все это отягощало комсомол как раз тогда, когда страна неуклонно двигалась к решающим событиям, результатом которых стало изменение государственного устройства, когда произошло реформирование не только способа производства, но и всей общественно-политической системы.

Постепенно ослабевала и организаторская работа комсомола, что сразу же сказалось на падении численности областной организации, в которой на учете состояло в 1990 г. 129 тыс. комсомольцев, а в 1991 г. — около 80 тыс. В 1992 г. правопреемником Белгородского комсомола стала областная организация Российского Союза Молодежи, которая в 1993-1994 гг. насчитывала 3-5 тыс. членов.

Но даже в те трудные годы многие комсомольцы продолжали показывать пример в труде и общественной деятельности. Именно такие белгородцы были удостоены высокой чести представлять белгородский комсомол на XX съезде ВЛКСМ в 1988 г. Среди них: Беликов М. П., Боганчиков А. Н., Борисенко З. Т., Боровская Т. И., Григоренко Л. Н., Дегтярев С. В., Кирносов С. И., Ковалевская О. В., Кожухова Н. Д., Кульпинова С. И., Монаков В. А., Орлова Т. М., Пашенцев В. Ф., Попова А. В., Романов Ю. В., Руднева Г. П., Рябикина Л. Н., Сдержиков С. В., Шахова И. В.

Под воздействием решений XX съезда ВЛКСМ комсомольским организациям удалось положить начало новой инициативе — созданию клубов воинов-интернационалистов, военно-патриотических клубов и объединений. В дальнейшем, в 1992–2003 гг., уже при поддержке на основе программ государственной молодежной политики, они вносили и вносят огромный вклад в духовное, нравственное и патриотическое воспитание белгородской молодежи.

В 1988–1991 гг. в рамках комсомола получили свое развитие молодежные хозрасчетные предприятия, фонды молодежных инициатив, которые, после прекращения деятельности ВЛКСМ, стали основой развития многих десятков предприятий и кампаний, завоевавших высокий авторитет на рынке производства товаров и услуг в Белгородской области.

События конца 1980-х — начала 1990-х гг. обусловили прекращение в 1991 г. КПСС и СССР в том виде, в каком они существовали на протяжении семидесяти лет. Центр управления государственной молодежной политикой переместился от одной правящей партии страны к органам государственной власти, естественно, что и комсомол в том виде, в каком он существовал в советское время, не мог сохраниться и продолжить свою деятельность. На XX областной комсомольской конференции 25 декабря 1991 г. фактически были приняты ключевые решения, которые подвели черту под многолетней деятельностью белгородского комсомола. Реорганизация и переименование комсомольской организации, решения о перерегистрации членов ВЛКСМ, о собственности комсомола привели к возникновению в 1992 г. самостоятельных областных организаций российской молодежи, в дальнейшем объединившихся в Российский Союз Молодежи. Решения о прекращении комсомола приняла состоявшийся в 1992 г. XXI съезд ВЛКСМ и Съезд комсомольских организаций РСФСР. Делегатами на XXI съезд ВЛКСМ были избраны: Коротченков В. А., Леднев А. И., Леднев В. И., Польшиков В. М., Поляков С. Н., Почернин О. В., Сыромятников С. Н., Шаповалов А. А. В Съезде комсомольских организаций РСФСР участвовали: Бычкова Т. В., Калинин Е. Н., Коротченков В. А., Леднев В. И., Мурзин С. М., Почернин О. В., Сыромятников С. Н., Титова Е. В.

События 1992 г. с точки зрения реформирования комсомола протекали стремительно. Прекращение СССР поставило задачу создания общероссийской молодежной организации, которая в дальнейшем и конституировалась как Российский Союз Молодежи. Абсолютное большинство комсомольцев отказалось перерегистрироваться и вступать в фактически новую молодежную организацию, наиболее активные юноши и девушки приступили к созданию самых разнообразных молодежных организаций, используя опыт и положительную практику комсомола.

Для государственного руководства страны, органов государственной власти на местах стало очевидно, что малочисленный и переживающий глубокий кризис Российский Союз Молодежи не может и не в состоянии осуществлять государственную молодежную политику так, как это в прошлом удавалось комсомолу. Необходимо было в кратчайшие сроки, на базе уже имеющихся наработок и в законодательстве, и в теории, и в практике воспитания молодежи разрабатывать и принимать концепцию государственной молодежной политики, молодежные программы, создавать структуры государственных органов по работе с молодежью.

В январе-феврале 1992 г. на государственном уровне были приняты важные и принципиальные решения о создании в исполнительных органах власти субъектов Российской Федерации государственных структур по делам молодежи. 25 февраля 1992 г. отдел по делам молодежи был создан в структуре комитета по социально-культурному развитию администрации Белгородской области. Решающий вклад в его становление внесли Н. В. Смоленский, В. Захаров, Т. Корчиги, В. Пономаренко. Стали создаваться отделы по делам молодежи в городах и районах области.

Для становления государственной молодежной политики в стране большое значение имело принятие «Основных направлений государственной молодежной политики в Российской Федерации» Верховным Советом в июне 1993 г. Этот документ создал организационные, законодательные и финансовые основы для осуществления государственной молодежной политики.

Проводимые политические и экономические реформы привели к появлению новых и обострению старых проблем в молодежной среде. Наиболее отчетливо себя обнаружила молодежная безработица. И одним из первых важнейших шагов по реализации государственной молодежной политики в области стало учреждение в 1993 г. областной молодежной биржи «Шанс» (руководитель Ю. В. Коврижных). Принятое 26 ноября 1993 г. постановление главы администрации области «О социальной поддержке и обеспечении занятости молодежи Белгородской области в 1994 году» положило начало комплексной и систематической работе в этом направлении.

Годы становления государственной молодежной политики в области были насыщены сложной и многоплановой работой по созданию нормативно-правовой базы для ее реализации. В результате были приняты следующие Законы Белгородской области: «О дополнительных социальных гарантиях молодому поколению» (1994 г.), «О государственной поддержке талантливой молодежи» (1995 г.), «О системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав в Белгородской области» (1996 г.), «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений Белгородской области» (1997 г.). Введение в действие последнего Закона имело далеко идущие последствия — в Белгородской области стала формироваться система взаимодействия и партнерства молодежных организаций, составляющих молодежное движение Белгородчины начала XXI века. В 2003 г. государственной поддержкой администрации области пользовались следующие общественные молодежные организации: «Белгородский областной союз студентов», «Всестилевая федерация каратэ», «Российский Союз Молодежи», «Федерация детских, подростковых и юношеских организаций» (в становление и развитие двух последних организаций большой вклад внесли Коротченков В. А., Морозова Т. И.), «Молодежное Единство», «Молодежная филармония», «Молодость Белгородчины», «Историко-патриотическое объединение «Поиск», «Старооскольская местная общественная организация инвалидов и ветеранов войны в Афганистане и Чечне», «Российская оборонная спортивно-техническая организация — РОСТО», «Белгородская региональная общественная организация ветеранов локальных военных конфликтов», «Белгородское региональное военно-патриотическое объединение молодежи «Поколение», «Белгородская региональная общественная организация «Федерация вольной борьбы».

Определение приоритетных направлений молодежной политики в области имело следствием подготовку и принятие серии постановлений главы администрации области Е. С. Савченко, которые значительно углубили и конкретизировали ход реализации разнообразных молодежных программ. К наиболее важным постановлениям следует отнести: «Об активизации работы по военно-патриотическому воспитанию молодежи» (2001 г.), «Об областной программе «Патриотическое воспитание граждан Белгородской области на 2001-2005 гг.», (2001 г.), «О проведении областного конкурса научных работ «Молодёжь Белгородской области» и присуждении премии «Молодость Белгородчины» в области технических и сельскохозяйственных, гуманитарных, правовых и экономических наук» (2002 г.), «О государственной поддержке молодых семей в инвестировании строительства и реализации им жилья на территории Белгородской области» (2002 г.), «О первоочередных мерах по усилению профилактики безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних в Белгородской области на 2002 год» (2002 г.), «О мерах по поддержке деятельности студенческих трудовых отрядов в Белгородской области» (2002 г.), «О программе строительства жилья для молодых семей на территории области» (2002 г.), «Об учреждении ежегодного областного конкурса на соискание грантов Белгородской области по поддержке молодёжных социально значимых проектов» (2002 год), «Об утверждении положения о порядке формирования областного реестра молодёжных и детских общественных объединений, пользующихся государственной поддержкой администрации области» (2002 год), «О развитии системы летних трудовых оздоровительных военно-патриотических лагерей несовершеннолетней молодёжи на территории Белгородской области» (2002 год) и другие.

В 1990-е гг. в практику вошло проведение научно-практических конференций, подготовка докладов главе администрации области «Положение молодежи Белгородской области», в которых глубокому анализу подвергался ход реализации государственной молодежной политики, вырабатывались стратегия и тактика работы с молодежью на перспективу. Среди конференций следует выделить: «Молодежь провинциальной России: социальные проблемы и перспективы развития» (1994 г.), «Молодежь и православие глазами молодых» (2002 г.), «Социальная безопасность и здоровье молодежи» (2002 год) и другие.

Во второй половине 1990-х гг. значительно укрепились отделы по делам молодежи в городах и районах области, начальником отдела по делам молодежи администрации Белгородской области был назначен Ю. В. Коврижных. Значительную помощь в реализации государственной молодежной политики ему оказывали В. П. Бабинцев, П. Н. Беспаленко, Т. П. Корчиги, В. В. Овчинников, В. И. Скурятин, В. Д. Трунова, Т. И. Морозова, В. Н. Ковальчук, И. К. Белоусов, С. М. Тимченко и многие другие.

Областная программа «Молодежь Белгородской области» на 2001-2003 гг., принятая постановлением главы администрации области 2 сентября 2000 г., стала логическим продолжением ранее принятых молодежных программ. Руководство ее реализацией возглавил, назначенный в 2002 г. начальником управления по делам молодежи администрации области П. Н. Беспаленко. Особенность программы состояла в том, что она заложила основы и механизмы системы реализации государственной молодежной политики в новом тысячелетии. Целью программы стало содействие молодежи в решении её социальных проблем, а также мобилизация творческого, инновационного потенциала молодежи для участия в социально-экономических, политических и культурных преобразованиях в Белгородской области.

В настоящее время в Белгородской области с молодежью работают 79 работников муниципальных молодежных структур, 68 руководителей клубов и секций по программе военно-патриотического воспитания, 41 координатор общественных молодежных и детских организаций и движений, 116 специалистов по работе с молодежью в сельских административных округах, 132 специалиста в структурах областного управления по делам молодежи (ОГУ «Центр молодежных инициатив», специалисты по работе с молодежью в вузах, аппарат областного управления).

В 2002-2003 гг. в рамках реализации областной молодежной программы «Молодежь Белгородской области», а также в соответствии с постановлениями и распоряжениями главы администрации области Е. С. Савченко, значительно увеличен финансовый ресурс системы государственной молодежной политики в области. Так по итогам 2002 года расходы на реализацию областной программы по реализации мероприятий государственной молодежной политики составили 22,6 млн. рублей из областного бюджета, 5 млн. рублей — финансирование муниципальных молодежных программ, 1,9 млн. рублей — поступления от оплаты населением за сверхнормативную площадь жилья, 3,9 млн. рублей — 2 % отчисления от оплаты жилищно-коммунальных услуг. В Белгородской области средства от 2 % отчислений от объемов жилищно-коммунальных услуг, предоставляемых населению, с 2001 г. направляются на организацию работы с детьми и молодежью по месту жительства. В 2002 г. за счёт этих средств было построено 107 новых и реконструировано 509 действующих спортивно-досуговых площадок.

Молодежь, по данным социологических мониторингов, проводимых в Белгородской области ежегодно, на сегодня может быть охарактеризована следующими параметрами:

1. По своим социально-политическим установкам и ориентациям молодежь российских регионов в основной своей массе — **продемократическая**.
2. По отношению к экономическим составляющим — **прорывочная**, адаптированная к условиям, требующим самостоятельной экономической активности, конкурентоспособности, готовности к риску, опоре на собственные силы.
3. По своим идейным позициям — **плюралистична**.
4. По своим ориентациям на будущее — **оптимистична**.
5. По своим социальным качествам — ощущающая себя **гражданами** новой России, с высокими показателями этноцентричности.

И это не голословное утверждение. На Белгородчине, обладающей мощным молодежным потенциалом (355 тыс. молодых людей в возрасте 14-30 лет, или 23,7 % от числа жителей области), система государственной молодежной политики начала формироваться 11 лет назад, в феврале 1992 года, как и в большинстве российских регионов.

В области на сегодня действуют 79 молодежных и детских общественных организаций, официально зарегистрированных органами юстиции, причем численность составляет 179,5 тыс. молодых людей, что насчитывает 50,5 % от общего числа молодежи региона. Состав детских общественных организаций с 1995 по 2003 год вырос в 10 раз и составил 132,5 тысячи человек. Патриотические — прибавили в своем составе с 2300 человек в 1995 году до 12400 в 2003. Здесь видна четкая тенденция на увеличение и она вполне объяснима, ведь на поддержку социально значимых инициатив молодежных и детских общественных организаций из областного бюджета выделяются денежные средства под конкретные программы и проекты, необходимые жителям области, причём, — на конкурсной основе.

Активность молодежи, поддержка ее инициатив на Белгородчине стали возможны благодаря целенаправленной политике губернатора области Е. С. Савченко, системно, комплексно и адресно подходящего к реализации государственной молодежной политики в регионе.

Мы не без гордости можем сказать сегодня о развитии такого общественного демократического института как Молодежное правительство области. Оно уже четвёртый год работает в структурах департаментов правительства области и девять молодых людей из первого состава этого органа были трудоустроены в администрации области.

Начата работа по организации молодежных кредитно-потребительских кооперативов на селе, ориентированных на муниципальный заказ по производству сельскохозяйственной и животноводческой продукции для нужд учреждений образования, соцобеспечения и здравоохранения.

В 2002 г. по поручению губернатора Белгородской области Е. С. Савченко возрождены студенческие трудовые отряды. Всего их было 26, а заработная плата в них составила от 2,5 до 9,5 тыс. рублей на одного бойца. В 2003 году поставлена новая задача — не менее **четверти** всех капиталовложений в сфере строительства должны быть освоены студенческими трудовыми отрядами.

Развивается российско-украинский альянс молодых предпринимателей из Белгородской и Харьковской областей.

Идейный плюрализм, носящий под собой конструктивную, созидательную основу, развивается и поддерживается через такие молодежные проекты как «Теле-ток-шоу «Поколение NEXT», издание совместного с Белгородско-Старооскольской Епархией публицистического журнала «Ковчег», областную молодежную газету «Смена», студенческие малотиражные газеты, конкурсы PR-проектов, специальную газету для школьников «Веснушка», «молодежные информационные четверги» в областном Интернет-медиа-клубе, а также через совместные проекты, имеющие конкретный социальный результат с общественными молодежными объединениями, в том числе и неформальными (примеры тому: фестиваль хип-хоп культуры, конкурс граффити, боди-арт шоу, байк-ревью и другие).

Нацеленность на будущее и социальный оптимизм белгородской молодежи основываются на программе улучшения качества жизни населения Белгородчины, иницизированной в 2001 г. губернатором области Е.С. Савченко и ставящей своей основной целью — установку на решение, определяющееся формулой — «жить, достойно человека!».

Для молодежи эта формула имеет ряд специфических особенностей. Это, во-первых, образование. И наш суперсовременный университетский комплекс, объединяющий более 18 тыс. студентов, обучающихся по самым современным образовательным технологиям и программам в аудиториях, оборудованных по последнему слову техники, — яркий тому пример. Во-вторых, обеспеченность жильем. На протяжении 6 последних лет в области действуют 4 программы по строитель-

ству жилья, ипотечному кредитованию, адресной поддержке социально слабозащищенных категорий граждан в обеспечении их жилой площадью. 17 % участников этих программ — молодежь. А в 2003 г. областным бюджетом предусмотрено выделить 60 млн. рублей на строительство жилья для молодых семей. В-третьих, занятость, организация досуга, доступность спортивных учреждений. Летом 2002 г. были трудоустроены 12 тысяч несовершеннолетних подростков, работали 4 летних трудовых военно-патриотических лагеря, 526 человек трудились в студенческих трудовых отрядах. В области открыт и успешно гастролирует театр для детей и молодежи. WEB-клуб в областном государственном учреждении «Центр молодежных инициатив», обучающий молодежь на бесплатной основе, работают 426 клубов по интересам, 130 компьютерных салонов, 295 дискотек, 12 пневматических тиров, 13 стрелковых клубов, 5 автошкол, 3 морских клуба, 2 молодежные телестудии, 3 картинг-клуба, 5 ракетно-модельных клубов, 15 радиоклубов, 13 парашютно-десантных секций. 30 объединений, занимающихся подготовкой молодежи к службе в рядах Вооруженных сил России.

В 2003 году открылись 2 новых комплексных ледовых дворца, современный танцпол в областном центре молодежных инициатив, другие спортивно-досуговые объекты для молодежи.

Через институты семьи, Русской Православной церкви, товарищества собственников жилья на Белгородчине реализуется программа духовного и гражданского воспитания молодежи «С верой в Отечество». В комплексе мероприятий по реализации государственной молодежной политики огромную воспитательную роль играют губернатор Белгородской области Е. С. Савченко, Высокопреосвященный Иоанн, архиепископ Белгородский и Старооскольский, Герои Советского Союза — белгородцы, наши глубокоуважаемые ветераны войны и труда.

Совместно с Белгородским филиалом Орловской региональной академии государственной службы реализуется программа «Кадровый потенциал системы государственной молодежной политики». Впервые в декабре 2003 г. 20 специалистов-практиков получают диплом по специальности «Работник сферы молодежной политики».

Несмотря на то, что в Белгородской области много внимания уделяется проблемам подрастающего поколения, нынешние реформы, проводимые в целом по стране, коснулись и части нашей молодежи, которая в нынешних условиях не может реализовать свой природный потенциал. Многие оказались безработными, некоторые, не найдя себе занятия по призванию, имея за спиной дипломы высокой квалификации, были вынуждены уйти в торговлю или стоять на улицах с табличками менял на груди. Резкий рост распространения наркотиков и СПИДа, сплошная алкоголизация населения задела значительный слой и нашего юного поколения, а курение среди девушек и несовершеннолетних приняло уже эпидемический характер. Здесь открывается широкий простор для деятельности молодежных организаций.

Можно еще много рассказывать о новациях и находках в работе по реализации государственной молодежной политики в Белгородской области. Главное сегодня — не растерять тот опыт научно-методической, организационно-массовой и практической работы, который накоплен молодежью, ведь именно она — основной ресурс и потенциал развития не только для страны, а и в целом — для будущего цивилизации.

В. П. Бабинцев,

доктор философских наук, академик Российской Академии гуманитарных наук, заместитель директора Белгородского филиала Орловской региональной академии государственной службы

А. А. Гармашов,

кандидат социологических наук, заместитель директора Белгородского филиала Орловской региональной академии государственной службы

**ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТРАТЕГИИ
РАЗВИТИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

В одном из своих последних интервью известный российский исследователь М. Делягин отнес к числу главных недостатков политических элит России их неспособность к стратегическому мышлению. Он полагает, что нынешние представители отечественного истеблишмента живут от выборов до выборов, не пытаясь даже заглядывать за пределы текущего избирательного цикла.

Разделяя это, во многом верное утверждение, мы полагаем, что оно не вполне точно отражает многообразие социальных сценариев, развертывающихся на всем российском геополитическом пространстве. Ситуация в конкретных регионах далеко не всегда адекватна общероссийской. Не все из них подстраиваются под Москву и терпеливо ждут рецептов, позволяющих изменить к лучшему социальную ситуацию.

Более того, в некоторых субъектах Российской Федерации сегодня предпринята разработка собственных долгосрочных стратегий развития. Федеральный центр в данном отношении далеко не всегда может рассматриваться как образец для подражания. А центральные органы власти и управления в свою очередь встают перед проблемой осмысления и использования опыта разработки и реализации проектов и программ, подготовленных и принятых «далеко от Москвы».

В полной мере это относится к практике подготовки программы улучшения качества жизни населения, апробированной в Белгородской области. Сегодня программа не только утверждена областным законом, действует, но уже получила высокую оценку на федеральном уровне и во многих других регионах страны. К нам вновь, как это не раз было в истории Белгородчины, едут за опытом. Технологии подготовки программы и перспективы ее осуществления обсуждаются на научно-практических конференциях с участием видных отечественных и зарубежных ученых. Посвящена им была, в частности, значительная часть состоявшегося недавно в Белгороде очередного международного экономического форума славянских народов.

Подобное отношение к документу вполне оправданно, поскольку трудно сформулировать сегодня более значимую и отвечающую интересам абсолютного большинства населения задачу, чем задача улучшения качества жизни. Жить достойно хочет каждый нормальный человек. И наши граждане заслужили это право. И не столь уж важно порой, что для большинства людей задача улучшение качества жизни сводится к повышению его уровня. Такое, не вполне точное понимание не меняет сути дела, которая заключается в том, что региональная власть, пройдя через период разрушительного общенационального кризиса (по меньшей мере, через его эпицентр) повернулась к человеку. Уже одно это, как показывают проведенные нами исследования, воспринимается населением однозначно положительно и придает новые положительные черты имиджу органов управления и губернатору области, инициировавшему программу.

Однако, в ходе многочисленных обсуждений нередко упускается из виду один из наиболее важных аспектов концепции и программы улучшения качества жизни населения Белгородской области, который дает основание говорить о ней как о рубежном этапе в развитии Белгородчины. Принятием программы ознаменован *переход к принципиально новой стратегии социального управления, которая, по нашему глубокому убеждению, может быть единственно эффективной в XXI столетии.*

Выработка этой стратегии и составляла одно из направлений работы органов власти и управления области в последние годы. В своем ежегодном послании в 2002 году глава администрации области сделал принципиально важный вывод: настала пора менять кризисную психологию выживания, обреченности на нормальную, позитивную, рассчитанную на собственные силы и поддержку общества. Необходима стратегия управления, ориентированная на социальный рынок, на человека.

В течение последнего года структуры власти и управления области при поддержке федеральных структур, активном участии белгородских ученых и приглашенных специалистов искали ответы на эти и другие вопросы, разрабатывали конкретную и ясную концепцию, которая дает представление, что и как необходимо делать, чтобы люди могли не выживать, а жить достойно. Сегодня можно сказать, что такая концепция существует и может быть положена в основу механизма управленческой деятельности. На базе ее предлагается выстроить систему оценок работы всех органов власти и управления, других социальных институтов.

Суть нового подхода и отразила концепция программы улучшения качества жизни населения. В основу проекта положено несколько исходных идей, которые и концентрируют в себе суть новой управленческой стратегии:

1. Качество жизни людей — это главный ориентир развития общества, своеобразный компас любых преобразований, осуществляющихся в области.

2. Политика, направленная на улучшение качества жизни, рассматривается как долгосрочная перспектива, не ограниченная временными рамками. Недопустимо утверждать, что к какому-то конкретному году мы решим эту задачу и перейдем к достижению других стратегических целей. По сути своей, процесс улучшения качества жизни человека вечен.

3. Как уже отмечалось выше, ошибочным является сведение проблемы качества жизни лишь к ее материальной стороне. Она охватывает все стороны человеческого бытия, в том числе и духовное развитие личности.

4. В улучшении качества жизни нуждаются все группы населения, но в зависимости от их статуса задача наполняется конкретным содержанием.

5. Улучшение качества жизни человека означает создание условий для максимально возможного в данный конкретный момент удовлетворения человеческих потребностей.

6. Власть должна четко представлять эти потребности, не мешать тем, кто сам способен разрешить свои проблемы и помогать тем, кто не может этого сделать в силу объективных обстоятельств.

7. Улучшение качества жизни связано с обеспечением права человека на жизнь, на ее защиту; с созданием благоприятных условий для труда, быта и духовного развития; с наличием у людей надежды на лучшее будущее и с нравственным здоровьем общества.

Данная концепция полностью укладывается в конституционно-правовое поле Российской Федерации и в те стратегические направления социально-экономических и политико-правовых преобразований, которые инициированы российской властью. Она в полной мере соответствует и основам конституционного строя в части статьи 7: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Это положение российской Конституции иногда называют своеобразной «декларацией о намерениях», поскольку любому непредвзятому наблюдателю ясно, что российская действительность пока далека от идеи социального государства. В этом смысле стратегия улучшения качества жизни населения означает, фактически, попытку превратить конституционное положение из декларации в реально работающую норму.

Именно поэтому концепция улучшения качества жизни отражает своеобразную «смену вех» в развитии государства и общества, связанную с изменением ситуации не только в регионе, но и в стране в целом. Сегодня стало ясно, *что традиционный подход в управлении, вполне правильный и обоснованный для периодов кризисов и потрясений, сегодня создает условия, во многом неприемлемые для здоровья и жизни, он не только вступил в противоречие с Конституционным строем, но и неэффективен в отношении социального развития*. Руководствуясь им, мы, казалось бы, немало делаем (строим дороги, производим станки и машины, добываем руду и т.п.), но реальный человек далеко не всегда ощущает результаты наших «героических» свершений. Нам необходима новая точка отсчета в своей деятельности, новые, понятные всем людям показатели ее результативности. Принятие концепции улучшения качества жизни должно в корне изменить психологию поведения, ориентиры и практику работы, как власти, так и населения. В новом своем понимании управление регионом основывается на трех принципах.

Первый принцип — сбалансированность экономики и экологии, достигаемая тогда, когда люди в результате своей производственной и иной деятельности перестают разрушать среду обитания, когда одновременно решают экономические задачи и проблемы сохранения благоприятной среды и природоресурсного потенциала.

Второй принцип — гармоничность развития экономической и социальной сфер, взятых в их человеческом измерении. Это достигается максимально возможным использованием в интересах населения тех ресурсов, которые дает экономическое развитие. Отныне все мы должны ориентироваться не на зачастую лукавые цифры, характеризующие наращивание объемов производства, но на то, как этот рост сказался на жизни человека, какие жизненные потребности он позволил удовлетворить.

Третий принцип — комплексное решение не только текущих, но и перспективных задач. К сожалению, для отечественной системы управления характерна ориентация преимущественно на ситуацию сегодняшнего дня. Принимаемые решения не учитывают их долгосрочных последствий. В результате мы хищнически транжирим ресурсы, наше природное богатство, землю, не думая о том, что достанется детям и внукам. В перспективе психология временщиков должна быть преодолена.

Формулируя данные принципы, авторы программы прекрасно понимали, что существует опасность превращения проекта в красивый, но не работающий документ, в популистский лозунг, а популизм в политическом управлении связан с завышенными

и заранее невыполнимыми обещаниями. Поэтому с самого начала программа разрабатывалась с учетом двух важных условий

1. Представленные в ней цели следовало выразить в конкретных показателях, количественно измеряемых, имеющих однозначную трактовку и трудно фальсифицируемых. Не случайно мероприятия программы предельно конкретны и предусматривают четкие сроки их реализации.

2. Изначально было ясно, что показатели качества жизни должны характеризовать состояние самого человека, те его социальные свойства, без которых общество разрушается. Они были сгруппированы в три блока, каждый из которых может быть определен точными и понятными формулировками. Эти формулировки: «жизнь», «успех», «надежда».

Таким образом, в ходе работы над концепцией и программой улучшения качества жизни населения была сформулирована суть нового подхода к региональному управлению.

Управление отныне должно быть замкнуто на конкретного человека, а не на человека вообще, не на так называемого «абстрактного человека», которого не существует в природе. В качестве безусловного принято требование, что органам управления следует переориентироваться от преимущественного оперирования общими показателями на оценку того, что ими сделано для конкретных людей с их насущными проблемами.

Но этого недостаточно. Отныне при оценке управления следует учитывать не только социальное благополучие, достигнутое сегодня, «здесь и сейчас», но и возможности сохранения и увеличения его в перспективе. Надо заботиться о сохранении ресурсов, прежде всего тех, которые относятся к числу невозобновляемых. В противном случае мы способны сегодня «проесть» то, что принадлежит нашим детям и внукам.

Цели управления необходимо формулировать в виде понятных всем показателей жизни человека. И в концепции программы улучшения качества жизни населения эти показатели и индикаторы определены.

В частности, в ней сказано, что показатели характеризуют качество жизни людей, а их динамика отражает его улучшение или ухудшение. Систематизированными показателями качества жизни являются: здоровье и продолжительность трудоспособной жизни; воспроизводство населения; удовлетворенность жизнью; уровень агрессивности в обществе; устойчивость семьи; защищенность детства; защищенность собственности; материальное благополучие; профессиональный успех; уверенность в завтрашнем дне.

Показатели могут быть измерены с помощью статистических данных и анализа общественного мнения. Для каждого существуют один или несколько интегральных индикаторов, позволяющих оценить состояние и динамику показателя качества жизни (см. таблица 1).

Внедрение рассматриваемой системы предполагает необходимость переоценки парадигмы общественного прогресса. Суть новой парадигмы составляет идея: **самостоятельно и богатством общества является не рост производства или техногенных ценностей как таковых, а человек.** Принятие данной идеи — знаковое явление в развитии Белгородской области, да и страны в целом.

Разумеется, такое изменение не может произойти в течение короткого времени. Нам предстоит преодолеть две крайне негативных традиции. Во-первых, традицию бюрократического отношения к человеку, характерную для работы органов власти всех уровней. Оно, в частности, воплощается в стремлении подменить функциональное содержание власти как средства социального управления, решения проблем общества и отдельных людей его чиновничьей интерпретацией, при которой главное значение приобретают не цели управления, а технология. Очень часто чиновник заботится лишь о соблюдении правил отчетности, контроля, предписываемых ему служебными инструкциями, забывая, что технологические процедуры управления значимы только тогда, когда они позволяют эффективно решать жизненные проблемы населения области и страны в целом.

Таблица 1. Показатели и индикаторы качества жизни населения

Показатели качества жизни населения	Интегральные индикаторы оценки показателей
Здоровье и продолжительность трудоспособной жизни	Смертность, продолжительность жизни
Воспроизводство населения	Рождаемость
Удовлетворенность жизнью	Самоубийства
Уровень агрессивности	Убийства
Устойчивость семьи	Количество разводов и заявлений о разводах
Защищенность детства	Количество детей, оставленных в родильных домах; число беспризорных детей; количество детей, не посещающих школу
Материальное благополучие	Прожиточный минимум; уровень бедности; структура расходов
Профессиональный успех и самореализация	Ощущение удовлетворенности условиями труда, профессиональной карьерой
Защищенность имущества и собственности	Уровень краж, грабежей и разбоев
Уверенность в будущем	Ощущение социальной защищенности, оптимистические представления о будущем; доверие к власти

Поскольку же технологии социального управления являются монополией чиновников, постольку в сознании последних формируется деформированное представление о собственной значимости и месте в обществе. В рамках бюрократического отношения государственный и муниципальный формализм преобладает над политическим рассудком, здравым смыслом, целями и идеалами общественного развития. Следствием является бюрократизм, выступающий наиболее значимым недостатком системы государственного и муниципального управления. Он может быть определен как злоупотребление властью, использование ее не в интересах общества и государства, но в личных или корпоративных интересах ее носителей.

Чиновнику-бюрократу в конечном итоге нет дела ни до проблем региона, ни до проблем человека, являющегося потребителем его услуг. Бюрократизм выступает как одно из самых серьезных препятствий на пути реализации стратегии социального управления, ориентированной на улучшение качества жизни.

Другим серьезным препятствием является традиция пассивности самих граждан, большинство из которых привыкло смотреть на государство как на покровителя и благодетеля и отрицает возможность собственного активного участия в управлении регионом и всей страной. Причины такого отношения понятны. Они связаны с тем, что длительное время отдельный человек рассматривался только как «винтик» в государственной машине. Его возможности влияния на процесс подготовки и принятия важнейших решений были (а в значительной мере и остаются сегодня) минимальными.

Однако и здесь жизнь требует переоценки ценностей. Сегодня ни одна стратегия развития не может быть эффективной без участия и поддержки со стороны гражданского общества. Из тупика, в котором оказалась Россия, можно выйти лишь за счет совместных усилий, при условии понимания, что преодоление кризиса — наше общее дело.

Не случайно среди приоритетных инициатив Президента России В. В. Путина важное место отводится формированию в стране гражданского общества, которое способно в своих интересах оказывать определяющее влияние на государственную власть. Расширение участия граждан в политической жизни, с переходом в перспективе к самоуправлению — характерная черта социального развития человечества, без которого вряд ли возможно само его существование. Еще Христос говорил о необходимости перехода к народовластию, предупреждая: «сказываю вам, что отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его». В России со времен Новгородского Вече национальной идеей являлась мечта о народном государстве, где хозяином страны выступает не меньшинство, а население в целом; где власть выбирают из наиболее достойных, и она находится под контролем народа.

Сегодня складываются предпосылки для осуществления этой идеи. Правда, не следует обольщаться относительно легкости и безболезненности процесса утверждения гражданских отношений.

Препятствия на его пути возникают, во-первых, в силу незрелости предпосылок гражданского общества в стране. Например, слабости среднего класса, который всегда выступает его основой, сферу гражданских отношений приходится расширять и структурировать извне. И главным субъектом такой деятельности — в этом весь парадокс — является государство. В ходе ее оно призвано по сути ограничивать самого себя. Этот процесс «самоампутации» является чрезвычайно болезненным. Прежде всего, потому, что органам государственной власти и представляющим их чиновникам всегда была более близка противоположная тенденция — монополизация властных полномочий. Сегодня им предлагают отказаться от части из них. И далеко не всегда подобное требование времени встречается с пониманием.

К тому же оно приходит в некоторое чисто внешнее противоречие с реальностью, которая характеризуется острой потребностью укрепления вертикали власти. По меньшей мере, именно так воспринимают процесс отдельные его участники. Мысли о необходимости развития гражданского общества неправомерно отождествляются ими с отрицанием необходимости укрепления системы власти в России.

На наш взгляд, противоречие это порождено непониманием того, что укрепление государственной власти отнюдь не противоречит идее гражданского общества. Существование его не ослабляет власть, но лишь ограничивает пределы применения «права силы», об отказе от которого писал еще Вл. С. Соловьев: ***«Одно только мы знаем наперед: если Россия ...не откажется от права силы и не поверит в силу права. Если она не возжелает искренне и крепко духовной свободы и истины — она никогда не может иметь прочного успеха, ни в каких делах своих, ни внешних, ни внутренних».***

Во-вторых, очевидно, что формирование гражданского общества невозможно без утверждения новой (субъектно-субъектной) системы отношений между властью и гражданами, в рамках которой они выступают как равноправные партнеры. Практическое утверждение ее противоречит всей предшествующей традиции административно-командных отношений. Она далеко еще не преодолена на местах, а в последнее время даже усилилась. Преодоление данной традиции связано с необходимостью социально-политического структурирования общества, складывания групп интересов, которые не только оказывают давление на государственные и местные органы власти и управления, отстаивая тем самым свои интересы, но и сотрудничая с властью в решении конкретных проблем.

Представителями таких групп, безусловно, могли бы выступать региональные отделения политических партий и общественных организаций. Однако в регионах они нередко довольно слабы и маловлиятельны; чрезмерно политизированы, увлечены предвыборной борьбой и нередко не идут на диалог с властью в отношении конкретных практических вопросов; механизм их конструктивного включения в общественную жизнь еще только создается.

В-третьих, несомненным препятствием при формировании гражданского общества является характер политической культуры населения. Две определяющих ее черты общеизвестны. Прежде всего, коллективистски-патерналистская ориентация боль-

шинства граждан, которые менее всего надеются на себя, но склонны связывать решение своих личных проблем опять-таки с государством. Ростовский исследователь Ф. Т. Ермоленко весьма удачно определил российский патернализм как своеобразную игру в «дочки-матери», при которой государство по-прежнему рассматривается как опекающий «Родитель», а сам гражданин как «Ребенок», требующий постоянной заботы. Преодолеть такую установку чрезвычайно сложно, но это не означает, что следует отказываться от решения этой задачи.

Кроме того, для российских граждан типично пассивно-созерцательное отношение к социальной действительности, выражающееся в уверенности, что «от меня ничего не зависит». Удручает, что около 35 % молодых людей в области заявляют в процессе социологических опросов: «Рядовой человек никак не может повлиять на развитие событий в стране». В какой-то мере такая установка отражает традиции отечественной политической культуры, но в любом случае она не способствует формированию гражданской политической культуры и гражданского общества.

Тем не менее, в ходе разработки и принятия программы улучшения качества жизни населения сделан принципиально важный прорыв в изменении роли общественных институтов в стратегическом развитии региона. Органы власти области сегодня исходят из аксиомы: стратегия качества не может быть осуществлена только силами государства и тесно связанных с ним муниципальных образований. Она предполагает участие партий, общественных объединений, церкви и каждого человека. В развитие этой идеи был подготовлен и подписан «Договор о взаимной ответственности за реализацию программы улучшения качества жизни населения».

С одной стороны, он дает возможность всем желающим принять участие в процессе социального возрождения нашего края. С другой стороны, предполагает социальную ответственность за решение данной проблемы.

В рамках складывающейся системы управления государство будет выступать не столько попечителем общества, сколько полноправным партнером со своими правами и обязанностями по отношению к обществу. Первой и наиглавнейшей оценкой деятельности органов власти должно стать свободно высказываемое общественным мнением.

В свою очередь от политических и общественных организаций органы государственной и местной власти ждут открытого и конструктивного диалога, направленного на реализацию общего дела. Законодательная и исполнительная власть Белгородской области подчеркивает, что они готовы к критике и не боятся ее, но любая критика должна иметь под собой объективную основу и желание исправить сложившуюся ситуацию в интересах большинства белгородцев, а не в угоду политическим декларациям и принципам.

Участие граждан в реализации новой стратегии управления регионом требует формирования эффективно функционирующей информационно-коммуникационной среды. Успех стратегии улучшения качества жизни населения будет прямо зависеть от того, в какой мере власть знает и учитывает требования граждан, вне зависимости от места их жительства, возраста или пола. В свою очередь все мы просто обязаны иметь полную информацию о работе органов государственного и муниципального управления. Это накладывает особую ответственность на средства массовой информации, выступающие в качестве главного информационного посредника. От объективности и конструктивности их позиции сегодня зависит обеспечение целей государства и общества, синхронизации их усилий.

Крайне важную роль в осуществлении новой стратегии развития может сыграть Православная церковь. Именно она, используя свои вековые традиции, может помочь людям обрести веру в справедливость, дать смысл жизни и возродить те нормы духовности, патриотизма которыми всегда славилась русская земля.

Итак, к настоящему времени определена стратегия развития Белгородской области, в основу которой положена идея улучшения качества жизни населения. Управление на основе качества отныне должно стать приоритетом не только в работе органов власти и управления, но и всех общественных институтов.

Разумеется, само по себе определение стратегии не гарантирует успеха ее реализации. Развитие допускает множество альтернатив, и любая из них способна стать реальностью лишь вследствие целенаправленной деятельности людей. Мы сами создаем условия для успеха (или неудачи) стратегии.

Сегодня можно говорить о наличии, по меньшей мере, двух необходимых условий, обеспечивающих вероятность осуществления проекта улучшения качества жизни. Первое из них — воля руководства области, которое инициировало разработку программы и способствовало ее принятию. Второе — восстановленный за последние годы ресурсный потенциал региона. Белгородская область относится к числу наиболее динамично развивающихся субъектов Российской Федерации.

Однако, на наш взгляд, еще только предстоит создать три важных условия осуществления стратегии.

Во-первых, реформировать систему управления регионом таким образом, чтобы она начала эффективно работать не в собственных корпоративных интересах, как это нередко происходит. Более того, приоритетными для региональной системы управления сегодня должны стать даже не интересы области в целом, хотя о них необходимо постоянно помнить. В центр внимания чиновников необходимо поместить человека с его насущными повседневными проблемами. Если это удастся сделать хотя бы частично, мы получим так называемую «отзывчивую бюрократию», то есть государственных и муниципальных служащих, действительно представляющих и обслуживающих интересы большинства населения. Именно поэтому одной из главных, если не самой главной, является проблема кадрового обеспечения стратегии развития на основе идеи качества жизни.

Во-вторых, особую актуальность сегодня приобрела задача формирования эффективного механизма влияния общества на органы власти и управления. Мало просто озвучить мысль о необходимости участия населения в процессе принятия государственных и муниципальных решений, мало заявлять, что новая стратегия управления регионом — общее дело. Важно обеспечить гражданам возможность заявлять о своих потребностях, об их претензиях к власти.

Наконец, **в-третьих**, очевидно, что любые возможности окажутся фикцией в случае, если сами люди не будут стремиться к участию в управлении, если они будут отчужденно-нейтрально воспринимать усилия руководства. Позиция неучастия, занятая большинством наших сограждан, способна разрушить любые планы и стратегии. Но именно она типична для современного общества, поскольку отражает глубочайший кризис доверия к общественным институтам, дополнивший социально-экономический кризис в стране. Трудно упрекать за это людей. Их пассивность является в абсолютном большинстве случаев естественной реакцией на пренебрежение мнением «простого человека», не сумевшего тем или иными (чаще всего несправедливыми способами) скопить состояние, обеспечивающее право голоса на политическом рынке.

Восстановление доверия к властям всех уровней, дополненное формированием у человека желания участвовать в решении проблем государства и общества является, таким образом, актуальной и едва ли не самой сложной задачей, решаемой в ходе разработки и осуществления новой стратегии управления. И крайне важно, что руководители области понимают это.

БЕЛОГОРЬЕ РОДНОЕ, ТОБОЙ Я ЖИВУ! Стихи и проза школьников

«Малая родина — это оком нашего детства. Увиденная, услышанная, восчувствованная первореальность... малая родина — это то, что на всю жизнь одаривает нас крыльями вдохновения» — так сказал большой русский писатель, истинный патриот своего края, курянин Евгений Иванович Носов.

Такое вдохновение подвигло и белгородских ребят — юных читателей детских библиотек области — взяться за перо, и в государственную детскую библиотеку на конкурс «Свет малой родины», который был посвящен 50-летию образования Белгородской области, поступило более двухсот работ в прозе и в стихах. Они, как красочная мозаика, складываются в прекрасную картину, главная тема которой — любовь к родному краю.

Удивительные, проникновенные, точные слова нашли юные авторы, чтобы рассказать о прошлом и настоящем Белогорья, о городе, поселке, селе, где живут, о людях — простых тружениках, преумножающих наши богатства и славу. Они пишут о природе и порою так вдохновенно и мастерски, что хочется еще и еще раз перечитать отдельные строки.

Прикоснувшись к творчеству, ребята интуитивно (а как иначе, если авторам всего девять-семнадцать лет?) идут по столбовым дорогам отечественной литературы — от М. Ю. Лермонтова с его «Люблю отчизну, но странною любовью», от Н. А. Некрасова, который когда-то прекрасно сказал о «врачующем просторе русских полей», от Ф. И. Тютчева, выразившего суть России: «У ней — особенная часть» и в нее «можно только верить». При сегодняшнем бедстве в обществе, умах и сердцах людей, русские вековые традиции, в том числе и литературные — крепкая духовная поддержка для тех, кто только вступает в большую жизнь.

Многие авторы в словосочетании малая родина — слово родина пишут с заглавной буквы, хотя это противоречит правилам грамматики — но не стоит считать такое написание ошибкой: малая или большая — родина неповторима, и нам всегда нести ее свет в своих душах...

Валерий Черкесов, член Союза писателей России

ПРОЗА

Анастасия МАРЦИНКОВСКАЯ, 14 лет
с. Воскресеновка Чернянского района

Это поля, леса, луга...

У меня две Родины: место моего рождения и село Воскресеновка, где я сейчас живу. Я была очень маленькая, когда мы переехали, и поэтому не помню почти ничего о своей первой Родине.

Белгородскую землю я полюбила за ее необычно красивую природу. В любое время года она удивляет своим разнообразием и красотой. Это поля, леса, луга... Бывало, устану или расстроюсь, а пройду по улицам нашего села — и хорошо, спокойно на душе. Вот что значит Родина.

Можно променять, продать, подарить очень многое, но Родину нельзя никому отдать и продать, потому что она бесценна и вечна в сердцах людей.

Даже перед смертью человек в первую очередь вспоминает не о проблемах и делах, которые остались не завершены, а о той маленькой и далекой земле, которая зовется Родиной.

Анна ЧУРКИНА, 12 лет
с. Грушевка Волоконовского района

ДАЛЕКОЕ СТАЛО БЛИЗКИМ

Я родилась в Грушевке. Много таких сел в России. Просторные нивы окружают его, заповедные леса и березовые посадки, холмы и синие дали пленяют своей красотой.

Похожа Грушевка на другие села, но все же она особенная. У нас много родников, за которыми ухаживают люди. Того, кто обидел родник, в нашем селе перестают уважать.

У меня есть любимый родник в лесу. Летом я часто бываю там, просто так. Расчищу песок руками, напьюсь из ладоней холодной воды. Посижу. Подумаю.

На уроках истории я узнала, что на берегах Оскола и Северского Донца, у самого края Дикого Поля, предки наши ставили крепости, преграждая путь кочевникам. Но, признаюсь, все это казалось мне очень далеким. Уроки ожили, когда в Грушевке в земле нашли древний меч. Такой же, как в учебнике истории! Смотришь на этот меч, и даже ветер, дующий в лицо, кажется другим — каким он был тогда, в дни строительства Белгородской засечной черты — ратного щита Родины.

Александр САМОЙЛЕНКО, 15 лет
п. Вейделевка

И ЦВЕТУТ ВОРОНЦЫ

Говорят, все познается в сравнении. Я сам в этом убедился, отдыхая летом в Анапе. Море, много солнца, и все же так приятно щемило внутри при мысли о родном доме!

Мой поселок Вейделевка очень красив, да и люди здесь необыкновенно отзывчивые и добрые, все друг друга знают, помогут в беде и радостью поделятся.

А как преображается поселок весной! Все утопает в зелени садов, а степь покрыта коврами душистых цветов. Особенно гордятся вейделевцы цветами пиона узколистного, занесенного в Красную книгу. У нас их называют воронцы. Как капельки крови застыли цветы на яркой зелени. В гражданскую войну и в Великую Отечественную на нашей земле шли бои, немало воинов погибло.

В последние годы Вейделевка очень изменилась. Появилось много красивых домов, в центре тротуары и дорожки выложены цветной плиткой, разбиты клумбы, поставлены красивые фонари.

В Вейделевке я впервые открыл глаза, сделал первые шаги, произнес первые слова, научился писать и читать. Мои мама и папа тоже родились и выросли здесь и говорят об этом с гордостью. Я тоже хочу, когда вырасту, жить на малой родине и делать добрые дела.

Оксана ШАМШИНА, 15 лет
с. Беломестное Белгородского района

БЫЛЬ О БЕЛОМЕСТНОМ

У каждого города и села есть своя история. Есть она и у Беломестного.

... Тихая ночь. Лунные блики скользят по воде. Сидит старый казак Андрос на завалинке своего куреня. Вот в Северском Донце раздался всплеск. Это, наверное, вышел на охоту сом. В зарослях лозняка кто-то промчался, ломая сухие ветки. Косуля или кабан? Тишина и покой царят над сонной землей.

И вспомнилась Андросу далекая молодость. Когда-то он бежал от несправедливости с Дона Тихого. С молодой женой плыли они на лодке по неведомой реке. Андрос увидел небольшой островок. Кругом летали птицы, были болота. Они вышли на островок. Жена спросила: «Здесь нас вороги не найдут?» Муж ответил: «Нет». Жена успокоилась, и начали они строить курень из глины, совсем небольшой, побеленный мелом, с крышей из камыша. Завели скот, птицу. Андрос сделал перекидной мост, чтобы в случае опасности поднять его. Когда все спали, казак слушал, не шлепают ли весла чужаков по воде. Река была для семьи спасительницей, кормилицей. Андрос ловил рыбу, а ее было столько, что закинь сети, и они моментально тяжелеют от запутавшихся огромных рыб. Хлеб они выращивали на горе за рекой, куда плавали на лодке. В семье Андроса родилось двенадцать сыновей. Рядом с отцовским куренем выросло целое село. И фамилия у всех стала по имени отца — Андросовы. И до сих пор в Беломестном эта фамилия одна из самых распространенных. Потомки казака Андроса строят сегодняшний день.

Ольга РАДЮКОВА, 14 лет
с. Матрено-Гезово Алексеевского района

ХРАМ О ПРОШЛОМ ГОВОРИТ

Малая родина — это уголок на нашей планете, дорогой и любимый каждому. Моя малая родина — село Матрено-Гезово.

Многих интересует, откуда произошло название нашего села. Действительно, оно необычно. Существуют разные версии. Одну из них я услышала от своего дедушки.

В селе Пирогово, недалеко от нас, жил пан. Там же жила Матрена Гезова — тайная возлюбленная пана. Он построил Матрене хатку за речкой и переселил ее туда. Это место располагалось недалеко от дороги, ведущей на стан-

цию Каменка. Пан часто ездил по этой дороге в Алексеевку. Рядом с матрениной хаткой он построил конюшню, где менял перекладных лошадей. Вскоре на этом месте стали появляться другие хаты.

Однажды Матрена, когда плыла на лодке в Мухо-Удировку, утонула, и село, образовавшееся недалеко от места ее гибели, стали называть Погибелкой, а впоследствии — по имени и фамилии первой жительницы.

В разросшемся селе появилось два кирпичных завода. Из кирпича построили храм. Он был воздвигнут на самом высоком месте в центре села. Во время Великой Отечественной войны здание церкви было разрушено. Но и сейчас на облупившихся стенах можно различить лики святых и картины на библейские темы.

С того далекого времени в селе произошло много перемен. Нет уж пер-
вых хат, нет кирпичного завода, высохла речка. Число жителей уменьшилось до тысячи человек. Но вопреки нынешним неурядицам матренегезовцы сохранили трудовые традиции предков. А о прошлом нам говорит полуразрушенный храм.

Елена САФОНОВА, 11 лет
п. Дубовое Белгородского района

У ДУБА-ВЕЛИКАНА

Название моего родного села Дубовое связано с героическими страницами истории нашей Родины, восходящими к XVII-XVIII векам. По одной легенде, огромный дуб, который здесь растет, посадил Богдан Хмельницкий в честь воссоединения Украины с Россией.

Другая легенда гласит, что этот дуб был посажен Петром I, который оставался здесь во время следования к месту предстоящего Полтавского сражения.

А может быть дуб вырос сам по себе? Может быть, сойка обронила желудь во время трапезы, упал он в благодатную почву, и вырос дуб-великан.

Я очень люблю место, где он растет. Летом под ним можно укрыться от жары и любоваться красотой природы, а зимой мы катаемся под дубом с горки на лыжах и санках.

Хорошеет и разрастается наше село, красивыми становятся улицы, носящие такие названия: Ягодная, Грушевая, Абрикосовая, Вишневая, Сливовая... Это потому, что много лет в нашем селе выращивали и выращивают сейчас ягоды и фрукты.

Я очень люблю свое Дубовое!

Анна СЕВРЮКОВА, 12 лет
с. Круглик Ивнянского района

ЗДЕСЬ САМОЕ ГОЛУБОЕ НЕБО

Моя родина — маленькое село Круглик. Затерялось оно среди полей. Но небо здесь самое голубое, воздух здесь самый чистый. Хорошо у нас летом, когда спеют тучные нивы, в садах зреют яблоки, сливы, груши. А детворе просто раздолье! Хочешь купайся, хочешь играй, хочешь ягоды-грибы собирай.

Придет осень, развесит рубиновые бусы. И станет все вокруг еще красивее. А зимой село накрывается пушистой белой шалью. Деревья, будто вырублены из хрусталя, сияют на солнце всеми цветами радуги. Но особенно мне нравится наше село весной, когда сады утопают в бело-розовой пене. Звонко поют соловьи, вокруг цветут одуванчики. Нежно пахнет сиренью и черемухой.

Мне хочется, чтобы наше село всегда было таким красивым!

Татьяна РИСУНОВА, 12 лет
с. Прелестное Прохоровского района

УТРО В ПРЕЛЕСТНОМ

Морозное утро. Солнце едва поднялось над крышами домов и его лучи, играя и искрясь, слепят глаза первым прохожим.

После того, как выпал снег, успели проложить тропинки. То здесь, то там видны следы: вот пробежала собака, а это — кошка. Березы понуро опустили голые ветки и замерли в тишине, лишь поскрипывают от вдруг налетевшего озорного ветерка. Снег, поблескивая, лежит повсюду: на причудливых изгибах яблонь, на крышах и карнизах строений. Даже автомобили похожи на большие сугробы.

Село постепенно просыпается. Проехала машина, сельчане спешат на работу, а вот сердитый пес кидается на стаю маленьких птиц, атаковавших его чашку.

Раздаются детские голоса. Сегодня воскресенье: кто-то встал на лыжи, кто-то на коньки, а вот с горки резво пронеслись санки. Большой пушистый кот, удобно устроившись на карнизе дома, сладко потягивается, изгибаясь от удовольствия.

Недаром мое село называется Прелестное. Оно действительно прелестно во все времена года. И в каком бы оно наряде ни было — в зеленом, или багряно-желтом, или же в белоснежном — всегда для меня самое родное и близкое.

Олег ВАЛЯЕВ, 13 лет
с. Горки Красненского района

ВЕСНА НА ПОТУДАНИ

Потудань долго была подо льдом, только в апреле на реке послышался треск и кто-то сказал: лед тронулся!

Мы пошли смотреть разлив всей семьей. Когда подошли к реке, вода поднялась до моста, большие льдины громоздились в целые крепости и от бурных потоков рушились, вода заливала луг, поднималась все выше и выше.

Вдруг раздался крик: «Ондатра! Ондатра!» Но маленькая водяная крыса, выбравшаяся из водоворота, не обращала на людей никакого внимания, а сидела на столике у старого моста и поправляла свою шубку. Тут мы увидели, как вода под мостом крутит какое-то черное колесо, Через мгновение оно исчезло в водовороте. Мы поняли, что это бурный поток подхватил бобра, но тот справился с течением, свернул к берегу, сел около воды и стал озираться.

Солнце садилось, наступал вечер, а вода все шумела, шумела — это река трудилась после зимнего стояния.

Павел КОРЯКИН, 14 лет
г. Белгород

ВИХРЬ

Наша дача находится в живописном уголке у села Беловское, рядом возвышаются холмы, похожие на пестрый ковер из разнотравья. Их изрезали белые меловые овраги. Недалеко протекает речка Разуменка. На даче всегда тихо, лишь иногда покои природы нарушает кукушка, да слышится стрекот неугомонных сорок.

Однажды послышался громкий треск на свалке на холме. Потом закружился мусор и стал подниматься в воздух все выше и выше. Трава тоже закрутилась.

Вихрь, спустился с холма и понесся на соседнюю дачу, надвое расколов абрикосовое дерево и повалив его на землю. Потом он также внезапно исчез, как и появился.

Олег МИЗАРОВ, 16 лет
п. Яковлево

У ВОРСКЛЫ

У каждого человека есть место, где он отдыхает не только телом, но и душой, где все радует глаз, где получаешь такой заряд энергии, что хочется жить, стремиться к достижению новых целей. Такое место для меня — речка Ворскла. Она берет свое начало в нескольких километрах от нашего поселка Яковлево и несет свои воды в Днепр. Даже трудно представить, что где-то на Украине эта тихая и небольшая речушка судоходна.

По одной из версий, она получила свое название благодаря Петру I. Царь со своей флотилией плыл по реке и всматривался вдаль через подзорную трубу. Внезапно из трубы выпало стекло, и Петр воскликнул: «Вор скла!», — это означало, что река — вор стекла. С тех пор и зовется река Ворскла.

По берегам раскинулись луга, которые весной и летом превращаются в пестрый ковер с множеством стрекоз, пчел, кузнечиков и других насекомых. Они куда-то спешат, снуют туда-сюда. А какие звуки издает луг! Нужно только внимательно сосредоточить слух, и такую музыку можно услышать!

В жаркий летний день можно спрятаться в тень от ракушек, примостившихся по берегам, которые потихоньку размывает вода, некоторые деревья растут прямо в русле.

Взгляд мой выхватывает островок, заросший остроконечным конским щавелем. Я смотрю, и в моем воображении возникает старинный замок с высокими стенами, остроконечными башнями, неприступный, он как бы огражден от всего: с одной стороны — лесом, а с другой — водой.

А еще я люблю наблюдать за облаками, но не в небе, потому что глаза устают от солнечного света, а в водном отражении. Лежу и любуюсь картиной, меняющейся словно мозаика. Сначала облако напоминает какого-то зверя. Постепенно хвост отрывается, расплывается морда, и зверь уже превращается во что-то другое.

Гладь реки чистая, спокойная, изредка нарушаемая гонками неутомимых водомокоз, скользящих как на коньках.

Вблизи реки есть заболоченные места. Когда я учился в начальных классах, мы бегали туда. Заросли беспорядочно растущих деревьев, старые стволы, немного проседающая под ногами почва — создается впечатление, что ты попал в сказочный лес. Выходишь из чащи весь в прилипчивых репейниках, которые не так-то просто отодрать от штанов, но это не заслоняет удивительных впечатлений от соприкосновения с родной природой.

Наталья СТЕПАНОВА, 11 лет
г. Белгород

ВОЛШЕБНЫЕ ОБЛАКА

Я хорошо запомнила одно летнее утро на лугу.

Ранний час. Тишина. По острым стеблям травинки стекают крупные капли росы. Еще не слышно жужжания пчел, стрекота кузнечиков. Однако проснулись и раскрыли свои цветки, потягиваясь и протягивая лепестки к солнцу, цикорий, колокольчики, мак, маргаритки.

Прошел час-другой, и луг превратился в яркую картину. Подул легкий ветерок и заиграл в салочки с белыми ромашками, синими колокольчиками, золотистыми лютиками, с сиреневатым мышиным горошком, желтой чиной. Высокие тмин, мятлик и овсяница как бы осуждающе покачивают своими головками.

Луг проснулся. Вот сидит на стебельке ромашки маленький жучок, прилетела и аккуратно сложила крылышки божья коровка. Яркие, разноцветные

бабочки, будто танцуют в воздухе, перелетают с цветка на цветок. Торопливо жужжа, собирают нектар пчелы. Появился домовитый шмель. С громким гудением он собирает сладкий нектар и цветочную пыльцу. А вот среди травы раскинул свою паутину-сеть паучок.

Я падаю в шелковистую траву и задыхаюсь от сладкого аромата цветов. Высоко в голубой выси плывут облака. Они, как в песне, похожи на белогривых лошадок. Облака плывут, как будто скачут. Но через мгновение — это уже не лошадки. Они превращаются в огромный цветок из сказки об Аленьком цветочке. На горизонте показался дракон. Вдруг появился орел и кажется, что он хочет расправиться с драконом. А здесь из-за облака выглянул маленький зайчонок. Ожившие сказки!

Будущим летом я снова встречусь с вами, травы, цветы, бабочки, жучки, паучки, кузнечики, пчелы и шмели!

Светлана БОГДАНОВА, 12 лет
с. Аверино Губкинского района

ТЕТЯ МАРУСЯ

— Мария-а-а! Александровна-а-а! — слышу я сквозь сон чей-то женский голос. Проснулась... да это же наши доярки поехали на ферму рано утром.

У них уже начался рабочий день. А зовут они мою соседку, Марию Александровну. Я помню ее с самого детства, когда она звала меня к себе: «Светочка, дай ручки!» И я почему-то к ней всегда бежала, протягивая свои руки. Она брала меня и давала гостинец. А лицо у нее было доброе-доброе, и всегда на нем играла улыбка. Любила я тетю Марусю. Я ее и сейчас люблю. Встречусь, поздороваюсь. И она меня обязательно о чем-то спросит и опять улыбнется. «Мама, почему тетя Маруся всегда улыбается?». Мама смотрит на меня и молчит. Почему она молчит?

Я знаю, что Мария Александровна вырастила одна четверых детей. «Тяжело же ей одной было», — думаю я.

В четыре часа утра встает тетя Маруся и идет своей тропинкой на работу на ферму. «Тетя Маруся! Вам не надоела эта работа?» — спрашиваю я теперь, когда стала взрослой. А она в ответ снова улыбается. Ее в нашем селе очень уважают и ласково называют «Мунечка».

Тридцать два года работает дояркой Мария Александровна Чеботарева. Ее животные всегда чистые, ухоженные. Молодые доярки удивляются: «Как это она все успевает?».

— Включи-ка радио, Света, — просит тетя Маруся. А диктор говорит: «Поздравляем Марию Александровну Чеботареву из села Аверино с пятидесятилетием!». Я даже заплакала. На глазах тети Маруси тоже навернулись слезы.

«Дорогой мой человек! Не более и живи долго-долго!!!» — хочется сказать мне. Но я стесняюсь таких высокопарных слов. Почему? Ведь от теплоты и нежности тети Маруси людям становится легче и лучше жить.

Сергей ТУЛЬСКИЙ, 15 лет
с. Глинное Новооскольского района

С РАССВЕТА ДО ЗАКАТА

Раннее утро. На темно-сером небе кое-где мигают звезды; влажный ветерок изредка набегает легкой волной; слышится сдержанный неясный шепот ночи; деревья слабо шумят. На траве дрожат крупные капли росы. Как тихо кругом! Но вот начинают свои ранние песни голосистые птицы. Кричат петухи, нарушая тишину деревенского утра.

Я проснулся пораньше: иду на рыбалку. Зеленой чертой ложится след от моих ног по росистой, побелевшей траве. Воздух напоен свежей горечью полыни, медом гречихи и «кашки». Пруд совсем рядышком, в центре нашего села. Его окружают старые развесистые клены и вербы.

Просыпается пруд, посылает шаловливые волны к песчаной отмели, ласкает и умывает берег после ночного сна.

На берегу уже кто-то сидит с удочкой.

— Здравствуйте, Иван Кузьмич, — говорю я негромко, подходя поближе.

Рыбак молча кивает мне в ответ, снимая с крючка карася и бросает его в ведро, где уже плещется несколько серебристых рыбешек. Сажусь неподалеку, насаживаю на крючок хлебный шарик. Мне хорошо и радостно сидеть на уютном берегу, удить рыбу, мечтать.

Светлеет воздух, белеют тучки. Вот уже золотые полосы потянулись по небу. Подул предраассветный ветер. Выходит багровое солнце. Свежо, весело, любо! Начинают мычать коровы, блеют овцы, и вскоре пастух уже гонит мимо пестрое стадо.

— Привет, рыболовы! — кричит он издали и, махнув рукой, спешит за удаляющимися бурёнками.

День разгорается. Встали люди, заработали машины. Я возвращаюсь домой, потому что мне нужно помогать отцу. Навстречу идёт наш фельдшер Ирина Ивановна. Она уже успела побывать у кого-то на вызове.

Малыши копаются в песке у своих домов. На улице немногочисленно, потому что люди ушли на работу: на ферму, в поле, на тракторный стан. А оставшиеся дома хозяйки уже рыхлят в огородах помидорные грядки, политые накануне вечером.

Наскоро перекусив, спешу в поле, где работает мой отец. Еще издали вижу его большущий красный комбайн. Он будто бы плывет ко мне по колыхающемуся пшеничному полю. Отец что-то кричит мне и машет рукой. Из-за нарастающего шума ничего не слышно, и я бегу навстречу. Отец вылезает из кабины, а я сажусь за штурвал.

В кабине такой огромной машины я чувствую себя совсем взрослым. Представляю себя капитаном корабля, плывущего по безбрежному золотистому полю. Жатка поднимает пшеничные колосья, зерно гулко бьётся о стены бункера. Шум, грохот. Скосив два круга, останавливаю машину. Бункер до самых краёв наполнен зерном. Подъезжает на самосвале фермер Николай Иванович Воронин. Он крепко жмёт мне руку.

— Славный хлебороб получится из твоего сына, — говорит он, обращаясь к моему отцу. Отец садится в кабину комбайна, нажимает рычаги, и

зерно с шумом пересыпается в кузов самосвала. Николай Иванович снимает это на видеокамеру.

— А ну, скажи что-нибудь, молодой хлебороб, — говорит он мне. Я смущаюсь. Слова застревают где-то в горле.

— Привет всем комбайнёрам! — неестественно весело выходит у меня.

Отец с Ворониным набирают пшеницу в пригоршни, пробуют, нюхают. Руки у отца пыльные, загрубевшие от тяжелой работы. Пшеничные зёрна лежат на твёрдой широкой ладони светлой янтарной горкой. Зерно пахнет пылью, пылью, потом, хлебом. Такой необыкновенный запах!

Наступает вечер. Заря пылает пожаром, охватывая полнеба. Солнце садится. Воздух вблизи как-то особенно прозрачен, словно стеклянный, вдали ложится мягкий пар, теплый на вид. В темном небе зажигаются звезды. Выходит луна. Усыпанное звездами небо ласково манит к себе.

— Красота-то какая! — думаю я.

Мы заканчиваем работу около полуночи, когда колосья пшеницы становятся мягкими и влажными от росы. Грязные, усталые, но довольные и счастливые возвращаемся с отцом домой. Молчим, каждый думает о своем. А душа поёт:

Я люблю свою землю,
Родные края...

Виктория КОЛЕСНИК, 16 лет
с. Красное Алексеевского района

СВЯТАЯ ЕФРОСИНЬЯ

*... Когда творишь милостыню, пусть
левая рука твоя не знает, что делает правая,
чтобы милостыня твоя была втайне;
и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.*
Из «Нагорной проповеди»

Стояла суровая зима 43-го. По хмурым, осиротевшим улицам Варваровки неслась колючая поземка. Надвигалась ночь. Холод и одиночество бродили по селу, заглядывая в окна стареньких, чудом уцелевших, мазанок.

Неизвестно откуда и неведомо куда брели по улице двое: молодая женщина, едва волочившая ноги, и ее маленький сын, тенью следовавший за изнеможенной матерью.

— Мама, холодно... Мама, хлебушка...

И мать, сдерживая слезы, перешагивая через гордость и стыд, стучалась в двери и окна домов, надеясь получить хоть что-нибудь съестное.

Но ни в одном дворе ей не подали милостыню. «Самим бы кто подал», — сурово отвечали хозяева и молча захлопывали заиндеветшую дверь. Иные из жадности так поступали, а большинство — оттого, что сами поужинали одной водой.

Так и брели мать и сын, уже почти разуверившись, что хоть кто-нибудь подаст краюху трудного, военного хлеба или хотя бы пустит переночевать.

Наверное, эти два обессиленных существа погибли бы где-нибудь за окoliцей села, если бы судьба не послала им Фросю.

Вместе со своим мужем-инвалидом Фрося жила на самой окраине Варваровки в стареньком домике. «Счастливая! — говорили о ней бабы. — Муж с фронта вернулся. Хоть и инвалид, а все же мужик, да и хозяин в доме». Но не ведали бабы, что счастье у Фроси, как та палка, о двух концах: да, муж вернулся, но детей-то у них нет и никогда не будет.

И в ту холодную ночь Фрося пустила в свой дом женщину с ребенком. Накормила, обогрела, спать уложила, а утром упросила незнакомую женщину, чтобы она оставила ей мальчонку.

— Ну, куда ты с ним? Помрет ведь где-нибудь в дороге... Смотри какой худенький, весь, как льдиночка, светится насквозь. Пусть у нас поживет до весны, а там и ты где-нибудь пристроишься. Тогда и забереешь.

На том и порешили. Ушла мать, оставив сына, да так и не вернулась. Умерла, наверное, где-нибудь горемычная, а вместе с ней умерла и тайна — не просто беженку с ребенком приютила молодая хозяйка, а немку с ребенком пустила в дом. Хоть из Поволжья та была родом, но все равно немка...

Коля в чужой семье сначала тосковал, плакал, а потом привык и успокоился. А в сердце Фроси поселилась постоянная тревога. Часто снился ей один и тот же сон: колотят соседские мальчишки маленького Колюшку и кричат: «Немец! Немец! Бей немца!». Просыпалась Фрося в холодном поту и лежала до самого утра, не смыкая глаз.

Но, слава Богу, никому не было дела до Фросиною приемыша. Оставила... Ну и что?... Нет у бабы своих детей, поэтому и пригрела чужого.

А мальчонка на козьем молоке быстро стал поправляться. Ожил и зачирикал, как воробушек. Фрося с Порфирием радуются, души в нем не чают.

Вскорости дяди Порфирия не стало: умер от ран. И остались Фрося с Колюшкой одни на всем белом свете.

Трудно жилось в послевоенной Варваровке: много работали, мало отдыхали, порой голодали но все-таки верили, что новый день принесет больше радости, чем уходящий.

Время шло. Коля вырос. Отслужил армию. Вернулся домой. Нашел свою половинку — красивую, добрую девушку Любушку. пышную свадьбу сыграла тетка Фрося своему приемышу. А после свадьбы ушел Николай жить к жене в Калитву. Построил дом, обзавелся хозяйством, детишки пошли, но тетю Фросю не забывал, вскоре молодые взяли ее к себе жить;

— Что ж мать одна маяться будет?

Да, мать. Ведь это она, бездетная Фрося, зимой 43-го подобрала погибающего мальчонку, это она отогрела и накормила, это она сохранила в памяти сына образ той, настоящей матери — вот и проросли в душе Николая зерна любви, добра и милосердия.

Прожила баба Фрося долгую, нелегкую жизнь, мало добра видела, а сама сумела передать и приумножить Божий дар: сострадание и человеколюбие. Право, Святая Ефросинья.

Перед смертью баба Фрося попросила похоронить ее в Варваровке, рядом с мужем. А Николаю с Любой дала наказ:

— Делайте, дети, добро людям — оно к вам добром вернется.

На старом Варваровском кладбище есть два небольших холмика, примос-
тившихся в густых зарослях. Это могилки Фроси и Порфирия, всегда ухожен-
ные, незабытые.

ПОЭЗИЯ

Анастасия КОВАЛЕНКО, 15 лет
г. Алексеевка

Белогорье родное, тобой я живу!
Память предков, их слава — со мною.
Красотою твоей не во сне — наяву
Я люблюсь и это не скрою.
Я хочу, чтобы край, где истоки мои,
Процветал вместе с Русью святою,
Чтобы наши потомки богатства твои
Берегли и гордились тобою.

Я люблю его просторы,
Чистый воздух и сады,
Слушать птиц, смотреть на горы
И попить живой воды.
Домик белый возле речки,
В нем светящийся огонь,
Мою маму на крылечке,
Ждущую меня домой.

Оксана ЕМЕЛЬЯНОВА, 16 лет
с. Глуховка
Алексеевского района

Ирина БЕЛОЗЕРСКАЯ, 14 лет
г. Губкин

РОДНОЙ КРАЙ

Порою хочется, как птица, ввысь взлететь
И покружить вдали над облаками,
На солнце без опаски посмотреть,
Поймать его лучи руками.
Так хочется вернуться мне в тот край,
Где дышится легко, где птичье пенье.
Где все мне так знакомо — милый рай,
Где ночью снятся чудные мгновенья.

БЛАГОДАРИУ

За детство золотое,
За чудные цветы,
За школьные ступеньки,
За все мои мечты,
За дворик возле дома,
За улицу мою —
Тебя, мой край любимый,
За все благодарю.

Павел МЕДЯНКИН, 9 лет
г. Старый Оскол

Маргарита ЧОРИ, 17 лет
с. Новенькое Ивнянского района

БЕЛОГОРЬЕ

Там, где солнце лучше греет,
Где бежит с бугра ручей,
Теплый ветер в поле веет —
Край мне этот всех милей!

ПРАЗДНИК

Ускользает в лес дорожка,
Там уж свищет соловей.
В доме отчем у окошка
Долгожданных ждем гостей.
Их мы радостно встречаем,
Отворяем ворота,
Пирогам, сладким чаем
Угощаем досыта.

Кто бы ни был ты, прохожий,
Рады каждому сейчас,
Потому что в день погожий
Праздник города у нас!

— ● —

Ян ЦАРЕВ, 11 лет
г. Губкин

НОВЫЙ ХРАМ

Улица моя родная
Молодеет с каждым днем,
Не центральная — окраина —
Золотым горит огнем.
Этот свет не от пожара,
Не от брошенных костров.
Он идет от яркой пары
Золоченых куполов.

— ● —

Екатерина КОСТЕНКО, 13 лет
п. Чернянка

ЧЕРНЯНКА

Белеют холмы меловые, —
То лик моей милой земли.
Леса на холмы вековые
Зеленый наряд принесли.
Темнеют поля черноземом —
О нем всем известно давно.
Небес синий купол огромный
В Оскол опустился, на дно.
Чернянка — частица России,
Я здесь родилась и живу.
Отвечу, когда б не спросили:
Ее я, как песню, люблю.

— ● —

Анна СЕВРЮКОВА, 11 лет
с. Новенькое Ивнянского района

РОДИНА

По лугам разбрелись одуванчики,
Словно солнца яркие зайчики.
Нет милее мне этого края!
Где еще бы счастливей была я?

Ольга ПРОСТЕНКО, 15 лет
с. Крюк Новооскольского района

* * *

Стою на холме и с любовью
Смотрю на родное село.
Ах, как за последнее время
Оно разрослось, расцвело!
Уж скоро вишневые листья
Засыплют село, как снега.
В садах соловьи свои трели
Опять завели до утра.
А утром, чуть землю осветит
Малиновой вспышкой заря,
Пахать, культивировать, сеять
Идут трактора на поля.
Веселые слышатся песни,
И в школу ребята идут.
Душевные, дружные люди
В селе нашем славном живут.

— ● —

Татьяна ШАХМАТОВА, 14 лет
с. Пристень Ровеньского района

В ТРОИЦКОМ ХРАМЕ

Чистый звон колокольный
Над землею плывет,
Он к заутренней службе
Созывает народ.
Я предчувствую тайну
И вхожу в светлый храм.
Я пришла не случайно
К этим белым вратам.
Богом заняты мысли.
Я иду, чуть дыша,
И к неведомой выси
Воспаряет душа.

— ● —

Ирина ШАПРАНОВА, 15 лет
г. Белгород

БЕЛГОРОД

Над уснувшей тихой рекой
Зажигает огни город дивный,
Город древний и юный такой!
В самом центре огромной России.

Хлебосольством он славен, радушен,
Как и весь Белгородский край.
Ты услышишь здесь песни русские
И пахучий поешь каравай.

— ● —

Евгения КОРОБКИНА, 12 лет
г. Валуйки

ВАЛУЙКИ

Люблю я тебя, мой город родной,
И солнца восход над зеркальной водой.
Здесь речка Валуй меж деревьев бежит,
И древние тайны мой город хранит.
Люблю облака в горизонтах зеленых,
Цветы на лугах, запах лета медовый.
Люблю суету городских площадей,
В вечернем параде огни фонарей.
Люблю я качели, забавы, подарки
На праздниках шумных в липовом парке.
Здесь детство мое каруселью летает,
И с городом вместе я вырастаю.

— ● —

Никита БОГОМАЗ, 15 лет
г. Строитель

ЖЕЛЕЗНАЯ ЗЕМЛЯ

Чем знаменита белгородская земля?
Рудой железной, караваем хлеба.
И выезжает трактор на поля
Под голубым и чистым мирным небом.
Здесь шли когда-то жаркие бои —
Нам это из учебников известно,
Металла в почве столько от войны,
Что эту землю все зовут железной.
Навек застыл у Вечного огня
Гранитный воин-победитель.
Он охраняет маму и меня,
И город с мирным именем — Строитель.

— ● —

Наталья СИМАКОВА, 15 лет
с. Владимировка
Старооскольского района

* * *

Как я люблю тебя, дорогое село,
Где живу я совсем недавно.
У тебя золотое в веснушках лицо, —
Так похоже на лицо моей мамы.
А вокруг тебя рощи, поля,
Как раскинутые объятья,
И луга, как платье земли,
А Потудань — пояс от платья.

— ● —

Лилия ШЕВЧЕНКО, 12 лет
с. Голубино
Новооскольского района

* * *

Село мое родное,
Голубино мое,
Соседствует с рекою.
Вокруг поля, жнивье.
И берега Оскола,
И воздух золотой,
И синева простора —
Всегда во мне, со мной!

— ● —

Наталья ЛЕБЕДЕВА, 15 лет
с. Псковское
Ракитянского района

* * *

Я люблю тебя, село,
Поле и тропинку.
Эту белую сирень,
Вешнюю травинку.
Радость я люблю твою,
Грусть люблю я тоже.
Я взрослею, ну а ты
С каждым днем моложе.

— ● —

Константин КОМАРОВ, 11 лет
с. Графовка
Краснояружского района

* * *

Поля, луга, река, леса,
 Природы нашей чудеса, —
 Все это не прекрасный рай,
 А лучший, мой родимый край.
 Река полощет свой рукав,
 И ручеек, чуть помолчав,
 Опять начнет журчать лукаво,
 Омоет золотые травы.

Марина ЛОЖКИНА, 12 лет
с. Погореловка
Корочанского района

МИР ПРИРОДЫ

Чудно так в деревне летом!
 Лебедь плавает в пруду,
 Белки прыгают по веткам,
 Как играют в чехарду.
 Мир природы так прекрасен!
 Мир природы так хорош!
 Самым лучшим в мире миром
 Его смело назовешь.

Елена МОКИНА, 16 лет
г. Губкин

ОРЛИК

Средь земель белгородских прекрасных
 Протекала большая река.
 Солнце в ней отражалось ясно,
 Уплывал белый лебедь в закат.
 Речку Орликом люди назвали.
 Берега утопали в цветах,
 И березки к ней ветки склоняли,
 И светлело от счастья в глазах.
 Жаль, что люди беспечные наши
 Не умеют ценить красоты!
 Ах река, ты была же всех краше,
 А во что превратилась ты?

И березки давно порубили,
 Лебедей не видать на волне.
 И река, вся в осоке и иле
 Горько плачет одна в тишине.

Светлана ТИХОНОВА, 12 лет
г. Белгород

РОДНОЙ ВОРОБЕЙ

Наш родной воробышек
 На окне сидит.
 Воробей-воробышек
 Весело глядит.
 Глазки золотые
 Смотрят на меня
 И моргают ласково,
 Вновь к себе маня.
 Умывает перышки
 Чистой зарей.
 И глядят все люди
 С добротой.

Кристина БЕЛЯКОВА, 14 лет
с. Лесное Уколово
Красненского района

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

А день сегодня так прекрасен!
 Он не дождлив, не хмур, а ясен.
 И ярко солнышко блестит,
 Как будто светом говорит:
 «Я вашу Землю так люблю!
 Ей песню соловьем спою».

Александр ПРЯДЧЕНКО, 10 лет
с. Александровка
Чернянского района

* * *

Утром с рассветом гоню я буренку
 В стадо — отведать душистой травы.
 Мама несет молока мне доенку:
 «Выпей, сыночек, скорее расти!»

Вероника ПОЧИНКОВА, 15 лет
с. Шаталовка
Старооскольского района

БАБУШКИНЫ ПОСИДЕЛКИ

Звать гостей сейчас не в моде,
 Но скажу вам честно я,
 К нашей бабушке приходят
 И подруги, и друзья.
 Говорят обычно в шутку:
 «Мимо шли через мосток,
 Забежали на минутку,
 Заглянули на чуток».
 Все хозяйку чинно славят,
 Но особо старички,
 И, кряхтя, тихонько ставят
 В уголочек костыльки.
 И уже невесть откуда,
 Словно вспыхнувший пожар,
 В зал всплывает чудо-юдо —
 Толстопузый самовар.
 От волненья он клокочет,
 От волненья он бурлит,
 Сразу видно — очень хочет
 Тайну важную открыть.
 Чай разлит, и на подносе
 С пылу-жару от печи
 Гордо бабушка выносит
 Булки, слойки, калачи.
 За столом веселье, шутки,
 Засиделся — попляши,
 Коль не хочешь прибаутки,
 То частушки от души.
 А венец любого дела —
 Песня русская, своя,
 Вы бы слышали, как пела
 Песню бабушка моя!
 Всё, кончаю описание,
 Не хватает нужных слов
 Передать очарованье
 Этих зимних вечеров.

Оксана НЕСТЕРОВА, 9 лет
г. Белгород

КЛУБНИЧКА

Клубничка, клубничка, скорей поспевай
 И вкусненьким соком себя наливай!
 Я к ягодкам руки свои протяну
 И в рот, словно сахар, тебя положу.
 Не плачь, что я съела —
 тебе ведь не больно!..
 Наступит весна —
 снова ты зацветешь.

Оксана ИГНАТОВА, 13 лет
г. Строитель

ПОДАРОК ДОЖДЯ

Вдруг небо помрачнеет,
 И солнце тучки спрячут.
 Деревья потемнеют.
 Природа как заплачет!
 И гром на колеснице
 Проедется по небу,
 А травка быстро, быстро
 Помоеся к обеду.
 Тогда природа сразу
 Засветится звездой
 И будет благодарна,
 Что дождь лицо умоет.

Тамара БЕКЕТОВА, 11 лет
п. Прохоровка

ОСЕННЕЕ УТРО

Раннее утро. Проснулись леса.
 А на траве заблестела роса.
 Заяц забрался в чужой огород.
 В теплой норе пробудился енот.
 Встало повыше осеннее солнце
 И заглянуло с улыбкой в оконце.

**БУХАНОВ
ВИТАЛИЙ СТЕПАНОВИЧ**
(1926 – 1965)

ИСКОРКА РОССИИ ЗОЛОТАЯ...

Виталий Буханов родился в селе Беловском на Белгородчине в крестьянской семье. С первых дней войны отец Виталия ушёл на фронт и не вернулся...

Отец,
А знал ли ты о том,
Что сталь с огнём здесь закипит,
Что будешь где-то за Орлом
В деревне Жуковке зарыт?

Для наследников рода Бухановых «где-то» осталось навсегда реальностью: сколько ни пытался Виталий после войны отыскать могилу отца — попытки оказались тщетными. Там, «где-то» в песчаных перелесках светлых сосняков, и остался сын чернозёмного края.

Часто случалось, что отец начинал войну, а сын заканчивал. Так произошло и в семье Бухановых:

А под Орлом,
А за Орлом
Взрвут «катюши», загремят!
И от Орла в полку твоём
Пойдёт твой сын-солдат.

Но сначала была немецкая оккупация, затем рискованный и мужественный переход через линию фронта к своим, работа за станком на оборонку, а как подошли года, ушёл на фронт. Воевал в Белоруссии, Польше, служил на Сахалине. После демобилизации закончил десятилетку (тридцать пятая Белгородская школа), где был и свой литературный кружок, и свой журнал «Пламя». Однако первые стихи появились ещё в 1944 году во фронтовой газете «Красный боец». Фронтовой друг Виталия, земляк-белгородец Иван Бодулин, вспоминал позже о том, как воспринимались эти первые пробы пера боевыми друзьями. Пришла почта, и командир, собрав «свой расчёт, с волнением читал бойцам стихи товарища... И в эти дни на батарее сразу становилось светлее, праздничнее».

Тридцать лет прошло с тех пор, как поэт ушёл из жизни, а на душе «сразу становится светлее, праздничнее», как только берёшь в руки его прекрасно изданные стихотворные сборники.

После окончания средней школы Виталий поступил в Харьковский университет на филологический факультет, но вскоре был переведён в Литературный институт, который окончил в 1955 году. Работал в газете «Белгородская правда», редактором Курского областного книжного издательства. Всё время писал стихи, поэмы. У Буханова вышло десять поэтических книг: «Северный Донец» (1957), «Крутые берега» (1958), «Степные цветы» (1960), «Сказание о белой голубке» (1963), «Земляки» (1964, изд. «Советская Россия», Москва), «Песнь о крылатом сердце» (1966, Воениздат, Москва), «Зелёные паруса» (1966), «Искорка России» (1967), «Иду полями» (1967, издательство «Прапор», Харьков), «Раздолье» (1972).

О Виталии Буханове осталось много добрых воспоминаний современников. Это был честный, принципиальный человек с чистым сердцем. Но «душевная мягкость сочеталась» у него «с кинжальной остротой солдата», как писала о нём его учительница Е. Н. Семёнова. Эта острота вставала на пути подлости, предательства, лицемерия, продажности... «Он не принимает фальши. Особенно в поэзии», — продолжает та же его старшая наставница.

Тут впору сказать слово о его поэтическом даре. Я был несколько удивлён, когда внимательно прочитал все десять книг В. Буханова и почти не встретил стихов о войне! Как же так! Человек воевал — и вдруг... Правда, есть несколько поэм на военную тему. Но в поэме Виталий Буханов больше тяготеет к эпической форме, близкой к повествованию, о чём может быть особый разговор. В поэзии же он остался «чистым» лириком с определённым тематическим кругом — любовь, природа, родина. Не случайно ряд его стихов положен на музыку. Так вот, несмотря на целый ряд истинных «золотых искорок» поэзии, его нежный лиризм не воспринял войну. Почему же так случилось?

Обратимся за помощью к людям, которые близко знали Виталия. Вот что отметила та же его учительница Е.Н. Семёнова:

«Меня часто спрашивают, чем увлекался Виталий. Отвечу: прекрасным. Прекрасной музыкой, прекрасной поэзией, прекрасной живописью, прекрасными человеческими судьбами. И сам играл на фортепьяно, рисовал, писал стихи, знал и любил людей. Однажды я спросила его:

- Вы любите охоту? Вы смогли бы убить птицу?
- Я предпочитаю слушать птиц! — ответил Виталий!
- А цветы? Вы любите собирать цветы?
- Полевые? Пусть растут».

Ответил это фронтовик, тот человек, который видел смерть в глаза. Истинный славянин!

Война — антипод прекрасному, и может быть, здесь загадка поэтической лиры Буханова, не включавшего в свои десять книг даже фронтовых стихов: его очень «трепетная» лирика не восприняла отвратительное. Зато отчадушно, с предельной

любовью пишет он о родной природе своего края, о прекрасных людях, живущих на этой священной земле, о славных делах земляков на поприще созидания, а не разрушения. О любви к Родине поэт сказал так:

Отчего и безмерна такая любовь,
Что весь век необъятностью русскою дышишь.

Известный поэт-белгородец Владимир Фёдоров, живший в Москве, писал: «Виталий Буханов всем сердцем любил нашу Белгородчину, где русская речь сплелась с украинской, и всё своё творчество посвятил родному краю, его людям... Его помнят и в России, и на Украине. Он оставил добрый след на земле».

Говоря о писателе, поэте, нельзя обойти молчанием его гражданскую позицию. У Виталия Буханова она сформировалась очень рано, и он ей не изменял всю свою жизнь. Ещё в десятом классе он писал: «Мы призваны временем отстаивать право на счастье».

Этот завет, как никогда, звучит актуально сегодня, когда счастье у подавляющего большинства людей беззащитно, нагло отнимается агрессивным меньшинством жирующих прихвизаторов всенародного добра, наработанного несколькими поколениями.

Дал, он с глубокой «сыновней любовью» воспевал красоту родной земли, учил любить и беречь эту землю» — источник процветания нации... Не уберегли...

Знаменательно своей программностью и последнее стихотворение В. Буханова, написанное за несколько дней до смерти:

Не буду я светить
Средь звёзд.
Я не звезда.
Я искорка России золотая,
Что взвилась в ночь
И скрылась навсегда
В душистых дебрях трав
Лесостепного края...

Написано это стихотворение с пронзительной болью души в сердце в переносном смысле и прямом значении этого слова — скончался Виталий в свои неполные сорок лет от сердечной недостаточности. И я бы здесь, согласившись с фразой, ставшей крылатой, когда говорят о поэте Буханове, возразил: «искорка России золотая» не «скрылась навсегда», а светит нам и тридцать лет спустя, и будет светить, пока жив русский люд, так же ярко и чисто, как и в те счастливые дни поэтического бытия славного сына своего народа. Короткая, яркая жизнь этого «весёлого, жизнелюбивого парня», как говорит о нём Владимир Фёдоров, остаётся навсегда в нашей памяти примером подлинного служения родному Отечеству, своему народу.

Член Союза писателей СССР, России В. Шаповалов

СЕВЕРНЫЙ ДОНЕЦ (отрывки из поэмы)

ВЗРЫВ

— Уходят наши... —
Андрейка шепнул.
Глянул на школу.
— Прощай, тридцать пятая.
Надо и мне уходить с ребятами...
Белгород замер.
Над городом — гул.

Тронул яблоньку он.
Словно в чём виноватый,
Глаза паренька налились тоской.
С досады в землю вогнал лопату.
— Сад пришкольный,
Идут к нам каты.
Неужто будешь под вражьей пятой?...

Рокот и гул
 Всё ближе и ближе...
 Там, на горе,
 Треск чужих автоматов,
 Пламя белые домики лижет,
 По склону к Донцу
 Дым сползает косматый.

А внизу,
 У Волчанского моста,
 Где синела сталь рельсов,
 Лейтенант проводил последний состав,
 Взрывчатку — под мост,
 Стал,
 Глазами
 В танки ползущие въелся.
 Закушены губы
 От горя и злости.
 Над городом — пламя.
 Взрывы и выстрелы...
 А ветер швырял,
 Словно горсть за горстью,
 В лицо ему
 Дымом и искрами.

Андрейка налево нырнул, в кусты,
 В камыш,
 Окутанный дымом густым.
 Саженками плыл и видел:
 На горе
 Город дымился, горел...
 Потом, притаясь в ракетах,
 Слыхал: громыхали танки с крестами.
 Вот, скрежеща, у моста они стали...
 Гранату швырнул лейтенант молодой.
 Дым за клубился у вражьей стали...
 А лейтенант,
 Пулемётом прошитый,
 Упал на закат головой.
 В ту же минуту
 Грохнул над бродом
 Взрыв.
 И стальные фермы моста
 Сгорбились,
 Скрючась, обрушились в воду,
 Хлестнули обломками по кустам.

БЕЛГОРОД — ЗА ХОЛМОМ!

Наводчик глядит:
 Степь — как жёлтый ожог.
 И за пушкой противотанковой
 Чуть ерошит чуприну леска
 ветерок —
 Лес набряк
 Тишиной и атакою.

Андрей оглянулся,
 Брови вскинул:
 Глядит — медсестра...
 Она?
 Марина?
 — Я попросила сейчас комбата.
 Послал к тебе,
 То есть к вам в батарею.
 «Жарко теперь, — говорит, — ребятам.
 Беги, — говорит, — скорее».
 Схватила я сумку.
 Бинты сложила...
 Скажи что-нибудь,
 Андрюша,
 Милый!

Просяще взглянула
 В глаза Андрея.
 Взял руку, пожал.
 — Хорошо. Иди.
 Скоро начнётся.
 И словно повеял
 Тревожный холод в груди...

О Белгород наш!
 Ты уже за холмом.
 Марина, помнишь
 К Донцу тропинку?
 Помнишь, ходили к реке вдвоём?
 А за Донцом —
 Наша школа, Маринка.
 Сажали там яблоньки мы весной,
 Провожали клин журавлиный,
 Вместе бродили в прохладе лесной
 С тобою, Марина.
 Там воздух полнится
 Птичьим свистом.
 Глянь на степные барвинки.
 Хатки... Донник душистый.
 Слышишь меня, Маринка?
 Теперь бы не ждать атаки,
 Не ждать
 Команды «огонь»,
 Не бросать бы в пламя,

Не пыль бы,
Не дым вонючий глотать —
Сесть у Донца.
Луга со стогами...
Какая кругом благодать!

Степь задрожала
От грома, от гуда —
Огонь и железо катились в атаке.
Андрей обернулся:
— Да где же?
Откуда?
Пушку к лесу развернувши круто,
Наводчик почувствовал:
Танки!
Губу закусил.
Словно мукой
Щёки осыпало.
Под ноги глянул.
Донник.
Сорвал.
Пахучий какой!
Терпкий.
Медвяный.

— Орудие к бою!
Прямой наводкой!
И лязг прозвучал —
Отрывисто, чётко.
Кладёт наводчик
На спуск ладонь.
— Огонь!

Гул и скрежет.
И в дымном угаре
На танке — крест
И оскал звериный.
Взрыв хлестнул по ушам,
Сталью в пушку ударил.
Как подкошен,
На гильзы свалился парень,
И на доннике пряном
Он руки раскинул.

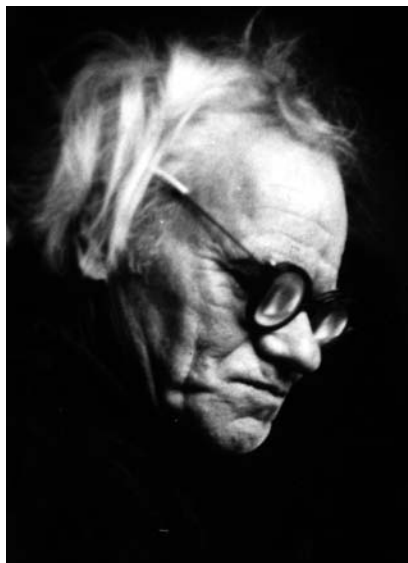
И отпылали
В лощине «тигры».
Дым растаял,
Поля затихли.
Гарью пахнуло,

Степь опустела...
Тяжестью странной
Придавлено тело...

— Что ж это, братцы?
Конец нам, братцы? —
Метался староста у переправы.
— Русские — близко!
Как перебраться?
Как перебраться
На берег правый?
А «братцы»,
Те, что в мундирах чёрных,
Вдруг скопом — к мосту,
Растеряны,
Смяты.
— Затор! —
И в минуту
Борзую их свору
Остригли фашистские автоматы.
Зелёные толпы
Вражьей пехоты.
Танки.
Орудия.
Пулемёты...

А мостовая —
В душной пыли.
А сверху —
Палило.
Ну и жара!
Здесь
Егеря
Бежали и шли,
А сзади
Гремело:
— Ура!..

И староста шепчет:
— Конец!
Конец.
Конец...
Куда там! —
Не переправиться.
Жарища!
Вот-вот
Мостовая расплавится
И потечёт в Донец.

**ВОЛОБУЕВ
НИКОЛАЙ МИТРОФАНОВИЧ
(1924 — 2000)**

Слово об отце

Я знал, что отец пишет стихи. Но как-то не хватало времени общаться с ним как с собратом по перу. И только теперь, когда его уже нет, понимаю, как много я потерял...

Он ушел на фронт в восемнадцать лет, война навсегда осталась в нем, хотя редко соглашался он рассказать что-то о своем боевом прошлом. А тетрадь с фронтовыми стихами сжег, как оказалось, в годы нелепой перестройки, и признался как-то: «Я жалею, что не остался там, с ребятами...» А я жалею, что не уберегу ту тетрадь...

Виталий Волобуев

Мы пробиваем путь на запад...

Мы пробиваем путь на запад,
А он поистине тернист.
И трупов смрад, и крови запах,
Лишь только Дух Победы чист.
А мы идем,
Как прежде деды,
За честь Отчизны, за народ,
С глубокой верой,
Что с победой

Закончен будет наш поход.
И вот тогда, припоминая
Счета потерь, огни дорог,
Мы вспомним тех,
Кто вместе с нами
Вернуться
В отчий дом не смог...

1944 2-й Приб. Фронт

АПРЕЛЬ

Лесную прель принес апрель,
Взбухают ветви почками.
Не время сну, и я весну
Пою скупыми строчками.
Да как не петь в такую цветь,
В такое время райское,
Когда зима сдала сама
Свои дела хозяйские.
И на заре во всем дворе,
Встречая птицу вешнюю,
Гурьба затейливых ребят

Хлопочет со скворешнями.
Давно снега сошли в луга,
Шумит апрель предгрозями,
И агроном, покинув дом,
Ушел в поля, на озими.
Пошли машины по полям,
Отрадно их гудение.
Весна! Весна! Звенит земля.
Под стать и настроение!

1956

Буревая полночь

За окном бушует
Буйная метель,
Возле дома стонет
Молодая ель.
Стан ее по пояс
Снегом замело....
Буревая полночь,
Спит мое село.
Только мне не спится —

Не велит душа,
Слишком эта полночь
Сердцу хороша.
Да и как такому
Дани не отдашь,
Коль бумаге что-то
Шепчет карандаш.

1957

На часах вот-вот двенадцать...

На часах вот-вот двенадцать.
На пороге двух годов
Я, товарищи, признаться
К славословию не готов.
Я воистину растроган,
Как и вы, сомнений нет,
Старый год принес нам много
Самых радостных побед.
И коль где-то под луною
Наши спутники Земли,
Значит звезды над землею

По-иному зацвели.
Знать, дела у нас неплохи,
Будут лучше во сто крат.
Дай же руку, друг и брат —
Новый год большой эпохи.
В эту радостную полночь
В каждом доме гостем будь,
Возвестим бокалом полным
Новый в будущее путь!

1957

ПРИХОД ВЕСНЫ

Вот и кончились метели,
Отступили холода,
И веселою капелью
С крыши падает вода.
Бьется в синее оконце
Утром мартовский ручей,
Все щедрее сыплет солнце

С неба золото лучей.
Черноземными парами
Даль стозвонная ясна.
Значит, впрямь не за горами
Солнцеокая весна.

1960

Когда поет моя земля...

Куда-то я спешу, спешу,
Дорога вьется встречная,
Над лесом дым, над полем шум,
И ласточки над речкою.
И не стихает стук колес
Над этими просторами,
И слышу я, как синий плес
С осокой занят спорами.
О чем их спор, не знаю я,

Да это ль в жизни главное,
Когда поет моя земля,
Как та строка заглавная.
Звенит повсюду, а поля
Росою умываются.
И радость, душу веселя,
Над сердцем издевается.

1960

ПАМЯТИ ОТЦА

Погиб, как истинный герой,
Его из бронзы не отлили,
А, как и многих той порой,
В могилу братскую зарыли.
А он рабочим был рожден,
Но поневоле стал солдатом.
И, право, если бы не он,
Не быть бы солнцу в сорок пятом.
Его неумолимый враг
Замял бы хищными клыками,
И над землей, под облаками

Надолго б воцарился мрак.
Но знал герой, что не дано
Владеть планетой сумасброду,
И павшему — без орденов —
Салютовали все народы.
Такой, наверно, роком данной
Располагали мы судьбой:
Европу он прикрыл собой,
А сам остался бездыханным.

1974

МАРТ

Люблю ее, под солнцем марта,
Прозрачно-звонкую капель,
Когда она, попутав карты,
Готова кинуть их в апрель.
Когда встряхнувшиеся ветви,
Уже не пряча наготу,
Купаются в весеннем ветре,
И мне уже неважно тут.
Тогда и я, схватив в охапку,

Все, чем живу, и чем богат,
На всем ходу бросаю шапку,
Бегу, куда глаза глядят.
Но долго ли, и сам не знаю,
Бежать мне в эту благодать.
«Весна от края и до края...»,
А края вовсе не видать.

1984

Люблю медвяный травостой...

Какой же, право, мир густой!
Люблю медвяный травостой,
И шепоток берез негромкий,
И терпкий воздуха настой,
И в небе песню жаворонка.
И шум весеннего дождя,
И молодой грозы разряды,
И птиц, что в вышине скользят,
И норовят со мною рядом,

И ту прохладу летних рощ,
Где соловьиные рулады,
И слабость знойную, и мощь,
И все, что надо и не надо.
Великой музыки аккорды —
Такое не любить нельзя.
Не оттого ль и я, друзья,
Досель застенчивый и гордый.

1984

С Е Н Т Я Б Р Ъ

Сентябрь в мой шумный сад вошел,
Не гостем, просто для работы.
И так он ловко, хорошо
Оформил кроны позолотой.
Лимон и киноварь, краплак,
И охра — в ситце сельской моды,
И мне не верится никак,
Что будут вновь дожди, снега
И козни новые погоды.
И все ж завидно мастерству:
Все, как по-писаному, ново,
И душу будоражит снова,
Как ветер майскую листву.
И вот, когда под воскресенье
На юг пернатые летят,
Довольны мы судьбой осенней —
Сентябрь, и я, и тихий сад...

1984

Р О Ж Д Е Н И Е Д Н Я

Еще за краешком светило,
Еще в росе безрез листва.
Меня рассветом ослепило
И снова пленником я стал
Твоим, о, утро ясной нови!
Тебе мой искренний привет
От все пульсирующей крови,
Которой я всю жизнь согрет;
От нервов, что твоей прохладой
Питают жизненный покой;
От чувств души, поющей рядом
И дышащей моей строкой.
И от всего, что дорогого
Есть в этом мире для меня.
С особой страстью и восторгом
Приветствую рожденье дня!

1984

**КРИВЦОВ
АЛЕКСЕЙ ЗИНОВЬЕВИЧ**
(1925 – 2003)

Родился я 1 апреля 1925 года в Белгороде. Война застала меня, когда я, получив паспорт, работал в машинно-тракторной мастерской (МТМ). Здесь мы ремонтировали, в основном, военные грузовики до последних дней, пока не пришли немцы — 22 октября 1941 года.

Узнал на себе, что такое фашистская оккупация. А в феврале 1943-го, после первого освобождения города от захватчиков, стал солдатом. Служил в пехоте. Был стрелком, пулемётчиком, бронбойщиком. И немного — артиллеристом.

Первая моя атака — на Ленинградском фронте. Запомнились ленинградцы. Меня поражала их глубокая человечность, выдержка, мужество. Голод, блокада наложили свой отпечаток на их внешность, но не вытравили человеческое достоинство. Особую чуткость и уважение проявляли ленинградцы к нам солдатам, когда наша дивизия находилась в городе, на формировании. И дети такие смыслённые не по годам. Такие худенькие, глядишь, в чём душа держится, а норовят хоть в чём-то да помочь.

Здесь на Ленинградском фронте, был у меня замечательный товарищ — Володька. В дивизии его все любили и уважали. Парень был отважный и толковый. Никого из близкой родни у него — все погибли в блокаду. Он был дивизионным разведчиком. Он был настоящий ленинградец. И называл свой город на Неве — «наш Питер!» У него было чему поучиться.

... Мы наступали на Нарвском направлении. Перед этим освободили города Пушкин, Гатчину, Кингисепп. Большинство посёлков и деревень, через которые шли, были почти снесены с лица земли. Бои и марши... «Идём на Нарву!» — говорили солдаты в пути. Досталась нашему брату эта Нарва... И как не вспомнить нашу русскую сосну! Сколько жизней она сберегла матушке-пехоте в суровых зимних походах, когда лютвала пурга или скрипел мороз на всю мощь под ногами. Давала сосна приют и тепло солдату. Низко кланяюсь ей.

... Прошёл я с боями всю Прибалтику. Почти всю. 28 октября 1944 года в бою был ранен. Уже раненый, с трудом добрался до своих, так как часть солдат из нашего батальона, в числе которых был и я, попала неожиданно в окружение. И вот армейский госпиталь в небольшом литовском городке Жагаре. Здесь у меня была возможность поступить на ускоренные курсы офицерского училища. Такой случай позволял надолго оторваться от фронта. Брали фронтовиков, молодых ребят. Но я всё же решил остаться солдатом. Потому что при поступлении в училище обязательно спрашивали: был ли ты в оккупации и т. п. Я имел уже горький опыт... Ни в чём я не провинился, но меня сильно задевало за живое когда укоряли, что был «под немцем». Это было хуже смерти. Конечно, многие ребята, побывав под врагом, просто умолчали об этом.

Была ещё возможность остаться в мастерских фронтовых художников, где я несколько дней поработал, пока заживала рана. С детства я много рисовал, и в школе не раз меня поощряли за рисунки.

Нет! Буду воевать рядовым! Так поведала душа. И через неделю я был на фронте. Теперь — на Первом Белорусском. Быстро примчал нас сюда товарняк.

И снова — бои, бои, бои... Освобождение Польши. Бои в Германии.

16 апреля 1945 года мы форсировали Одер. И с этого часа все дни и ночи находились на горячих точках. Спали на ходу, примостившись у бруствера. По очереди.

Наступило 24 апреля сорок пятого. Бой начался с рассвета. Бой жестокий.

...К десяти часам утра от взвода осталась всего горсточка солдат. Мы держались. И как держались! А враг напирал. И — атака за атакой. А мы — в заслоне на «пятачке»... Для того сюда и перебросили в спешном порядке перед самым рассветом. Из трёх станковых пулемётов уцелел только один. Наш «Горюнов». И он, выручая нас, буквально раскалялся. С каждой минутой становилось труднее. Патроны были на исходе. Мы отбивались гранатами. Никакой надежды не было на подмогу. И в эти тяжёлые минуты один за другим были убиты мои два товарища из расчёта. Очередь была за мной.

...А тут немцы вдруг, вижу, подкатывают семидесятимиллиметровую пушку и нацеливают на наш рубеж. А на нём я один, живой. И кто-то стонет ещё из тяжело раненых...

Нажимаю на спуск. Последняя лента. Но пули бьют по щиту орудия. И вся прислуга его под надёжной защитой. До пушки не больше 80-100 метров. Отчётливо слышу брань, резкие выкрики. Но бессилён что-либо сделать. И, сжав окурки в зубах, смотрю прямо на жерло. «Конец сейчас...» — думаю. Жду с замершим сердцем.

И вспомнил Бога. Вспомнил про маленький образок Святого Иоанна Воина, с которым благословила меня мать, провожая на войну. Только не было его сейчас со мною. Затерялся в вихрях войны.

...Снаряд врезался в бруствер. Нутром ощутил глухой удар стали. Снаряд не разорвался. Стиснув зубы, я ждал — следующего. И он грохнул рядом. Окоп так трянуло, что он весь осел... Пулемёт мой отбросило. Меня поколотило увесистыми комьями, присыпав землёй и ещё чадающим голыми ветками. Горела земля. Деревья с разбитыми стволами горели передо мной. И возможно, им, деревьям, я был обязан жизнью. Я оглох. И сквозь дым уже не слышал выкрики врага у проклятой пушки. А податься было некуда. Слева от меня — обрыв. И — справа. Да и поздно было...

...И вот роковой снаряд. Меня подбросило в воздух горячей взрывной волной. «Всё!» — пронеслось в сознании... И в глазах потемнело. А на бедные ноги словно навалилась целая гора земли... И — адская боль. «Значит, жив?» — пронеслось в мозгу. Я с тяжёлым предчувствием протянул руку к левой ноге. И ужаснулся. Мне показалось, что ноги нет. Прикоснулся к другой, правой ноге — кровь. Тёплая. Липли пальцы... Дотронулся до головы. Тоже кровь... Стало жутко. Почему я живой? Зачем я такой? Искалеченный?

И страшно захотелось пить. Жажда заглушала даже боль нечеловеческую. Хотя бы глоток воды. Глоток. А потом — что будет. Как не хотелось погибать, не утолив эту мучившую меня жажду. Я просил и просил воды. Дать мне напиться, а потом умереть. Всё горело внутри. Губы еле размыкались. «Почему я не теряю сознания?» — сокрушался я. В голову лезли всякие кошмары, страхи. Хоть бы кто меня добил. Просил я и об этом... Разом бы всё кончилось... Видел прежде, как некоторые обречённые умоляли ускорить свой конец. И меня так же просили... Теперь сам был в их положении. А кругом никого.

Более суток не подбирали. Матери была послана «похоронка», которую она получила через два дня после Победы. Почта, обычно очень медлительная в те годы, тут постаралась.

Когда гремели победные салюты, я лежал с газовой гангреной и с ампутированной выше колена ногой в каком-то роскошном дворце под Берлином. Домой вернулся только в июне сорок шестого. Не дождалась меня мама. Закончил вечернюю десятилетку. Прошёл два курса Харьковского художественного училища. Работая художником-оформителем, поступил на заочное обучение в Харьковский библиотечный институт. Но на последнем, четвёртом, курсе оставил его по состоянию здоровья.

Поэзию полюбил в раннем возрасте. Писать же стихи стал в зрелые годы. Естественно, война оставила неизгладимый след. С нею связана не только моя молодость, но и вся жизнь. Активно участвовал с конца пятидесятых до середины шестидесятых годов в областных творческих выставках самодеятельных художников. Меня влекло к военным сюжетам. Поэтому и стихи больше на военную тему.

С 1974 года мои стихи начали публиковать в периодической печати. Большую поддержку мне оказали товарищи по перу. Не могу не вспомнить с благодарностью поэта Александра Константиновича Филатова, ушедшего из жизни в расцвете творческих сил. Важную роль в моей поэтической жизни сыграла студия «Современник», руководил которой поэт Игорь Андреевич Чернухин.

Печатался в газетах «Советская Россия», «Флаг Родины», «Слава Севастополя», «Белгородская правда», «Ленинская смена», и других. Стихи публиковались в журнале «Подъём», в коллективных поэтических сборниках Центрально-Чернозёмного книжного издательства, в «Антологии современной литературы Белгородчины» (1993)

В конце 1992 года в издательстве «Везелица» (г. Белгород) вышел первый сборник стихов «Война и цветы», получивший третью премию на творческом конкурсе, посвящённом 50-летию Курской битвы. В конце 1993 года вышла вторая книжка стихов «Перевал», «Два поля» (1998), «Веточка Полыни» (2003), и другие.

Память о войне: два ордена Отечественной войны первой степени, медали, костыли и ещё письма с фронта матери. Где-то затерялась боевая награда и до сих пор ищет своего хозяина... Какая? Не знаю. Но военкомат обещает отыскать...

Наряду с поэзией пробую писать и прозу. Некоторые рассказы публиковались в областной и районной прессе. Начал две повести. Много накопилось наболевшего. Главное — как это всё осуществить? Да и здоровье может подвести. Время суетное. А когда оно, это время, было лёгким? И всё же будем надеяться на лучшее.

ДВА ВАСИЛЬКА

Два василька с тревогой
В окопчик мой глядят,
Ещё, ещё немного —
И пули засвистят.
Вот зашаталось поле,
Свет белый вздрогнул враз

От грохота и боли,
От пулемётных трасс...
И васильки сгорели
Под ярою пальбой
В крошечной карусели
Меж небом и землёй.

9 МАЯ

Бьётся пламя, как знамя святое,
Бьётся память о грозных годах
Над священным солдатским покоем
В обгаренных войною ветрах.
Замирает в печали минута,
Лишь трепещет живая душа,

И гремят над тобою салюты,
Всё мирское в тебе заглуша.
И слезу никуда не упрячешь,
Если камни о павших скорбят.
Потрясённый, стоишь ты и плачешь,
Плачешь сердцем, что выжил, солдат.

* * *

Мне, инвалиду, боязно упасть
На людном месте, скажем, у вокзала,
Я никакую не виню тут власть
Мне приходилось падать — и немало.
Я костыли нередко разбивал
И в деревнях, и в городах, бывало.
К раненьям боль, ушибы добавлял —
И всё равно, как в детстве, заживало.
Но я боюсь не самого паденья,
Страшней, что люди мимо вдруг пройдут,
И эти невесёлые мгновенья
Увидят! А руки не подадут...

* * *

...Вижу их я сквозь щель
смотровую —
Напирают гадюки! Идут!..
И на мушку беру боевую
— Ну, сейчас вам устроим «капут»!..

Гневно вздрогнула сталь под руками,
И невольно мы вскрикнули враз!
Будто небо разверзлось над нами!
В грозной мести земля затряслась.

ПШЕНИЧНОЕ ПОЛЕ

Гляжу, как буйствует пшеница,
От ветра клонится волной,
Зелёный стебель колосится,
И колос тучный, наливной.
Но рядом вдруг завывли мины,
И вот он, вражеский снаряд,

Свистит... Не твой, не твой, солдат...
И всё ж пригнул невольно спину.
А поле надо защищать
С пшеницей зреющей, густою,
Не зря благословила мать
На дело ратное, святое.

ВЕТОЧКА ПОЛЫНИ

Всё ближе падают снаряды —
То недалёт, то перелёт!
И надо выстоять... и надо
Почувать, где он упадёт...
А за снарядами и мины
Шипят... и без конца огонь!
Живая веточка полыни
Кольнула ласково в ладонь.

И я лицом в полынь зарылся,
И горечь с жадностью вдохнул.
И на какой-то миг забылся,
Как будто в прошлое шагнул.
Казалось мне: лежу под небом
И надо мной грохочет гром.
Как в детстве, пахнет полем хлебным,
Тропинкой козьей... Молоком.

КУЗУБОВ ЛЕОНИД ТРИФОНОВИЧ

Леонид Трифонович Кузубов родился на Белгородчине в 1929 году. Несовершеннолетним ушёл на фронт, был ранен, награждён, окончил войну и был демобилизован как несовершеннолетний.

Автор более десяти книг. Его произведения переведены на многие иностранные языки. Лауреат нескольких литературных премий. Член Союза писателей России.

Вспоминает В.Н. Ганичев:

«Мы начали издавать серию книг сынов полка. Редактором этой серии назначили Героя Советского Союза Евгения Мариинского, который собирал свидетельства об этих малолетних участниках войны. Мы старались, чтобы в книгах было как можно меньше художественного вымысла — только суровая правда войны, редактор строго следил за этим. В сборник «Подвиг» были помещены стихи и замечательного белгородского поэта Леонида Кузубова, которого после войны демобилизовали из армии как несовершеннолетнего».

О ГЛАВНОМ

А главное — вовеки не забыть
Окопы, и траншеи, и воронки.
И если суждено живым мне быть,
А матери избежать похоронки,

Я буду помнить Сталинград в огне,
И павших на Мамаевом кургане.
Двенадцать лет сегодня ровно мне
Исполнилось на грозном поле брани.

1942 Сталинград

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Когда бывает в жизни круто,
Я вспоминаю Сталинград.
Стою в молчании минуту
И слышу памятью набат.
Мелькают образы живые
Красноармейцев — не живых...
Окопы призрачно-немые...

И всхлип орудий бьёт под дых.
И кажется, что нет спасенья.
И танков плавится броня.
...И память связывает звенья
Вот здесь,
у Вечного огня!

КУРСКАЯ ДУГА

Елене Николаевне Кузубовой

Броня в броню! Рвануло в небо пламя!
Дрожала напряжённая земля!
Горели танки с чёрными крестами,
И были дымом засланы поля.

Под Яковлевым русые поля.
Под Яковлевым ласковые зори.
Витает ветер, колос шевеля,
Гудят комбайны в золотом просторе.

Всего два слова — Курская дуга.
Как много в них для бывшего солдата!
Здесь проявила мужество душа,
Здесь наша слава поднялась крылато!..

И пожилой плечистый комбайнёр
С помощником — вихроголовым хлопцем
Ведёт неторопливый разговор,
Как дымом битвы заслоняло солнце.

И, словно для примера, вдалеке
Стоит тридцатьчетвёрка боевая.
В тяжёлом сокрушительном броске
Застыла мощь и память вековая.

1980

ПОД ПРОХОРОВКОЙ

Александр Анисимовичу Лейба

Как часовой, луна обходит
 Свои владенья на земле.
 Под Прохоровкой Храм возводят
 В честь убиенных на войне.
 И я на той ещё — треклятой,
 Где бьют прицельно! И в упор!..
 На землю падают солдаты
 Под орудийный приговор!
 Смотрю испуганно с высоты,
 И августовская заря
 Кровавой кажется пилоткой.
 Горят пшеничные поля.

И взрывы бухают стозвонно.
 Осколков слышен жуткий свист!
 И жизнь, и смерть — в единой зоне
 И в рукопашную сошлись.
 И по спине ползут мурашки
 От взрывов, дыма и огня.
 И звезданул осколок в каску,
 И навзничь бросило меня.
 Исход у боя уж предвиден,
 И я шепчу: «Не оробей! —
 Сожми в кулак свои обиды,
 Земля для многих — Мавзолей...»

ДРУЖИТЕ, ЛЮДИ

Николаю Николаевичу ПОЛЯНСКОМУ

Вовек мне, видно, не забыть:
 Под Прохоровкой бой!
 Пылают танки! И свистит
 Металл над головой.

Орудий всхлипы — бьют под дых...
 Где тут свои?.. Чужие?..
 Перемешалось всё на миг,
 В минуты роковые!..

Пылают танки, как костры,
 Со свастикой... И звёздами...
 И взрывом — вырваны кресты,
 Взлетают над погостами..

А от танкиста — чёрный шлем
 Взрывной волной отброшен.
 И крови капельки на нём
 Застыли, как горошины...

Гудит земля! Осколков шквал!
 От взрывов — глохнут уши.
 Кого-то сразу — наповал! —
 Под залпы злой «катюши!»

А кто-то корчился от ран
 На поле страшной брани!
 Ползёт безногий ветеран
 Зовёт на помощь: «Ваня!»

А Вани, может, уже нет
 В живых на этом свете.
 И немец, раненый, в кювет
 Ползёт за Ваней — следом...

...Не дай вам бог быть на войне,
 Где ад крошечный — страшен!
 В своей, чужой ли стороне,
 Пред смертью — кто отважен?..

...Под Прохоровкой — будет храм,
 Служить молебны будут.
 Взор устремлён мой к небесам,
 Шепчу: дружите, люди.

**МАМОНТОВ
КОНСТАНТИН ЯКОВЛЕВИЧ
(1918 — 2000)**

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

Я родился 2 мая 1918 года в селе Ашарь Ординского района Пермской области. В полтора года остался без отца (умер от тифа), а когда мне исполнилось пять лет, мать уехала в Свердловск и нанялась в домработницы, оставив меня на попечение деда, бабушки и тети.

В 1925 году в возрасте 75 лет умер дед. В 1929 году бабушка с тетей и я как семья кулака были выселены из дома и сосланы. Но по дороге к месту ссылки я сбежал, вернулся в Кунгур, там познакомился с беспризорниками, остался в их компании. Начались годы моих голодных и холодных скитаний по матушке России.

Три года беспризорничал, день за днем проводил в кругу людей, которые занимались только воровством, пьянками, драками и хулиганством, такая обстановка действовала на меня угнетающе, и я чувствовал, что становлюсь безвольным и могу вот-вот «поскользнуться и упасть». Как спасение, появилась мысль уехать к матери в Свердловск.

Адрес ее я, конечно, уже забыл, но в то время она мне была так необходима, что я в течение двух месяцев каждый день надеялся на нашу встречу на рынке, куда она, наверняка, ходила за покупками. Я опасался только одного: узнаю ли среди тысяч

незнакомых людей дорогие черты? Ведь с тех пор, как я видел ее в последний раз, прошло девять лет. Но вот однажды...

Стоял июнь 1932 года. Бродя по рынку в поисках чего-нибудь съестного, я вдруг увидел женщину, покупающую овощи. Сердце учащенно забилося: ее профиль, это движение рук, ее голос — все говорило: это мать! Но встреча произошла так неожиданно, что я еще сомневался. Решил проследить, где она живет.

Хожу за ней по рынку, чтобы не потерять среди толпы. А она, видя, что за ней увязался оборванец, корзиночку держит перед собой, и сумочку — за пазуху. Вид мой, конечно, не внушал доверия: одна штанина до колен, ноги босые в грязи и цыпках, телогрейка на голом теле, подпоясанная веревинкой. Все это, безусловно, заставляло ее относиться к увязавшемуся за ней подростку с подозрением: он не только в корзинку залезет, но и сумочку срежет...

Всю ночь не спал: мать или не мать? А утром постучал в ту квартиру... Да, это была мать! Сердце не обмануло меня. Были слезы, объятия, поцелуи.

Хозяева разрешили жить у них. Одежонка моя была во дворе предана костру, остриженные волосы сожжены в топке ванного котла, а сам я был вымыт дегтярным мылом.

В конце ноября 1932 года мать вторично вышла замуж, и отчим перевез нас в город Красноуральск. Но жизнь у них не сложилась, и в мае 1933 года мать трагически погибла, а отчима посадили в тюрьму. Я опять остался один. Но сейчас надо мной — и потолок есть, и комната не пуста.

Но, как говорится, одна беда в дом не ходит. Быстро нашлись «сочувствующие друзья» намного старше меня, покровительственно говорившие: «велико твое горе, но мир не без добрых: держись нас, и мы тебя выведем в люди». И... вывели. Через неделю комнатуха моя была пуста: все было продано и пропито, а сами «друзья» вскоре забыли благие обещания и дорогу в наш барак.

Еще раз убедившись в «дружбе» этих людей, я, закрыв комнату и отдав ключ соседям, ухожу в лес, примыкающий почти к самому кладбищу, строю пихтовый шалаш и начинаю жить в нем. Все мое существо просило одиночества, мне хотелось никого не видеть, никого не слышать.

Вначале это одиночество успокаивало, и я был рад тишине. Но душевное потрясение в связи со смертью матери и горькая обида на людей, обманувших меня в такой трудный момент, все сильнее и сильнее действовали на психику. Появился зародыш ненависти к людям, неверие в их доброту. Все чаще приходила мысль о ненужности существования. Мне, как воздух, необходим был близкий друг, с которым можно было бы делиться всем, что есть на душе. А поделиться-то и не с кем: кругом кресты, могилы да лес. И вот тогда-то совсем неожиданно, со мной заговорила муза — я начал слагать стихи... Высказывать все, что волнует, было моей ненасытной потребностью. Выложу наболевшее на лоскуток бумаги или фанерки, и на душе — теплынь и успокоение.

С наступлением осенних заморозков я вынужден был вернуться к обманувшим меня «друзьям» и уехал с ними на юг. «Ростов-папа» и «Одесса-мама» в то время были наводнены нашим братом. Расселением групп, прибывающих на зиму в Одессу из северных районов страны, занимался «князь», которому главари групп должны были платить дань. Этого человека, мы, мелкота, не знали и не видели в глаза. Но мне представился случай познакомиться с ним и даже около двух месяцев жить в его доме на окраине города. Все его звали Глыбой. Точно не знаю, фамилия это или кличка. Был он огромного роста, в плечах — косая сажень, имел пудовые кулаки и очень приятный по тембру бас. Он, 64-летний старик, был бодр, всегда подтянут, чисто выбрит и безукоризненно одет. Носились слухи, что он при царизме был на каторге, а сейчас — валютчик, связанный с иностранцами.

И вот до него дошли слухи, что я пишу стихи. Он пожелал увидеть меня. Я был приведен в его дом нашим атаманом. Оказалось, что он очень любит стихи, особенно Есенина, которые мог читать часами, весь преображаясь. Прослушав несколько моих стихотворений, он, к моему изумлению, притянул меня к себе и, крепко обняв, поцеловал.

—Ты, правда, не Сергей Есенин — тебе далеко до него, но в тебе что-то есть, затрагивающее душевные струны. Учиться тебе, парень, надо, учиться! И я, как умею,

помогу тебе в этом. А блатные стишки чтоб я больше не слышал! Душа у тебя не та, чтобы проституток да алкашей увеселять!

Эта встреча кончилась тем, что он оставил меня в своем доме, поставив задачу ежедневно «выдавать на гора» по одному стихотворению. Каждый вечер, вернувшись с работы, он с нескрываемым интересом прослушивал написанное и делал замечания. Сейчас, вспоминая эти беседы, я убеждаюсь, что он разбирался в поэзии. Он учил, чтобы я «очеловечивал» все неживое, особенно в природе, искал образы, метафоры, неожиданные сравнения. Не знаю, удастся мне это или нет, но я благодарен ему. И вдвойне благодарен за подаренные две книги, которые помогли мне в творчестве. Назывались они «Что надо знать начинающему писателю», были выпущены издательством «Красная газета» в Ленинграде в 1927-1928 годах (автор А. Крайский). Как добрую память я храню их до сих пор.

В апреле 1934 года я вернулся на Урал, в Кунгур. Потом съездил на могилу матери в Красноуральск. Здесь меня за украденный кренделек сильно избили, повредив два ребра. Около месяца я пролежал в больнице.

В конце мая, вернувшись в Кунгур, я не мог устоять перед желанием навестить родной Ашاپ, лелея надежду, что бабушку и тетю — глубоких старух — из ссылки вернули обратно, и я не буду одиноким. Но никого из родных там по-прежнему не было, и я, как волк, все лето жил в лесу, выходя за милостыней в близлежащие деревни, избегая встреч с односельчанами. Это четырехмесячное одиночество было самым плодотворным периодом в моем творчестве: здесь родилось более ста стихотворений. Но радость вдохновения была омрачена осенними дождями и похолоданием, вынудившими возвратиться в Кунгур, где меня ожидала радость, в корне изменившая мою нищенскую судьбу.

В начале октября 1934 года кунгурские учителя — супруги Николай Иванович Тюрин и Зоя Александровна Суслова ввели меня как сына в свою бездетную семью, обогрив сердечным теплом и душевной заботой. Это было моим вторым рождением.

В 1944 году меня тяжело ранило — сквозное ранение левого легкого. И с этой бедой пришла другая: потерялся планшет с шестью блокнотами — около 300 стихотворений. Исчезло то, что было самым дорогим для меня.

Шли годы. Война осталась позади. Раны телесные зарубцевались, и только душевная все еще кровоточила — жаль было утерянное. Писать новые стихи не хотелось. И, может быть, это мое занятие так бы и окончилось, если бы в 1947 году я, приехав в Кунгур, не нашел в чулане нашего старого дома черновики моих стихов, датированные 1933-1939 годами. Я о них совершенно забыл. Эти-то черновики побудили меня вновь взяться за перо. Я решил восстановить свой дневник...

... В 1960 году в еженедельник «Литература и жизнь» пришло письмо от никому не известного Борисова, в котором он писал: «Граждане писатели! В вашей газете попал на одну статейку «Стихи из окопов», прочитал ее и вспомнил: у меня в сундуке блокнот лежит, с фронта привез. Там тоже, вроде, стихи. Как тот блокнот попал ко мне, не помню, только знаю: с фронта привез. Я в госпитале в сорок третьем да в сорок четвертом санитаром работал по ранению и по возрасту тоже. Блокнот этот посылаю вам, разберитесь, что к чему».

Корреспондент газеты Алексей Тимофеевич Емельянов принял близко к сердцу содержание этой находки и написал статью «Трудная судьба», в которой просил читателей, кто знает, сообщить о судьбе автора стихов. Письма приходили, но ничего определенного никто не сообщал. Решив, что хозяин блокнота погиб в боях, газета передала блокнот в издательство «Молодая гвардия», где готовилась книга «Имена на поверке» — стихи погибших поэтов. В эту «похоронную» книгу были включены и мои стихи.

А в это время я уже десять лет работал машинистом электровоза, водя по Уралу грузовые поезда, и иногда печатал свои стихи в газете «Гудок». И получилось так, что к одной дотошной читательнице попали и книга «Имена на поверке», и газета «Гудок» с моими стихами, только что ею полученная. У нее возникла мысль: «А не ошиблось ли издательство, похоронив живого человека?» Свои сомнения она высказала в письме. И вот совсем неожиданно ко мне прилетает Емельянов и вручает мой блокнот за № 1... Да, я плакал, целовал эту потрепанную книжицу, никак не веря в ее возвращение. Сорок восемь стихотворений через 16 лет нашли хозяина.

...Не мне, самодеятельному поэту, судить о качестве моих стихов, об их общественном звучании. Знаю только, что в войну они были очень нужны. Сужу об этом по

душевному отношению ко мне руководства политотдела и командира дивизии генерал-майора Николая Михайловича Дрейера. Они всегда интересовались, как мне пишется, не нуждаюсь ли я в чем-нибудь. И эта их заинтересованность приносила свои плоды: я написал немало поэтических строк, прославляя боевые подвиги однополчан, скрашивая будни окопной жизни воспоминаниями о родимом доме, об оставленных семьях, о любимых... Не проходило ни одного концерта нашего самостоятельного красноармейского ансамбля песни и пляски, в программу которого не включались бы мои стихи, литмонтажи, частушки. За эту литературную деятельность в 1944 году я был награжден орденом Красной Звезды.

В 1967 году, участвуя в литературном конкурсе имени Н. Островского в честь 50-летия Советской власти, я был удостоен премии ЦК ВЛКСМ, а в 1972 году был принят в члены Союза писателей.

За годы войны и во время работы на железнодорожном транспорте имею 32 благодарности и 13 правительственных наград.

И последнее. Все мои стихи зримо и незримо связаны с Россией — моей горячо любимой Родиной, являющейся для меня олицетворением всего святого, живущего в моей сыновней душе. И потому я не устану повторять:

Благодарю тебя, Отчизна,
За то, что ты, не помня зла,
Сквозь испытания по жизни
Меня с достоинством вела.
Покуда сердце не споткнется
О гряду лет, мне вновь и вновь
С глубин душевного колодца
К тебе не вычерпать любовь.

Константин Мамонтов
Кунгур, 1988

Мы отступаем...

Не слишком ли мы верили в успех
Побед своих в сиянье громкой славы,
Когда до битв кричали больше всех
О грозной нерушимости державы?
И вот по злой иронии судьбы,
Святую Русь отдав на поруганье,
Мы отступаем. Вместо сёл — столбы,
Печные трубы в тягостном молчанье.
О, как ты к нам, действительность, строга!
Не потому ль, что мы порой хвастливы?
Не закидали шапками врага,
Пока что нас он бьёт и в хвост, и в гриву.
Но верим: повернёт удача к нам.
Россия всех скликает поимённо.
И упадут ещё к её ногам
Бесславные фашистские знамёна.

1941
Брыканово, Западный фронт

* * *

Сидим и ждём...
Траншея вдоль опушки
Ощерилась штыками на врага.
Взахлёб горланят где-то слева пушки,
А здесь война, таясь, молчит пока.
Гундосит шмель над росными цветами.
В гнезде на ёлке верещат птенцы.
А смерть уже зрачком ствола над нами
Глядит из-за ничейной полосы.
Пока — затишье. Но вот-вот взорвётся
Оно и здесь, и высота в огне.
И чья-то мать, упав без чувств, забудётся,
Узнав о сыне, павшем на войне.

1941

под Себежем, Западный фронт

* * *

Его фамилии никто не знал.
Он только что из окруженья вышел
И сразу в бой. Я мельком прочитал
Его татуировку: «Надя — Гриша».
И это — всё... Со связкою гранат
Он бросился под танк, взорвав махину...
Кому писать, что к матери назад
Уже не суждено вернуться сыну?
Я не припомню черт его лица.
Но был он молод и вконец уставший.
Обидно знать — герой ведь — что бойца
Зачислят в списки без вести пропавших.

1941

Нащёкино, Западный фронт

Три недели шли из окруженья...

Три недели шли из окруженья.
Три недели нервы — как струна.
— Ну и видик! Чисто привиденья, —
Осмотрев нас, молвил старшина.
«Видик» наш, и правда, не бойцовский, —
Хоть любого ставь на огород.
Но зато не бросили винтовки,

Шли, не маскируясь под народ.
Многих бед свидетелями были
Там, среди беззащитных земляков.
Где ж тот щит, о коем нам трубили?
Где же меч, карающий врагов?!

1941 *Великие Луки*

* * *

Скажи вчера, никто бы не поверил,
Что где-то рядом прячется война,
Что завтра к нам она ворвётся в двери
И сразу рухнет мир и тишина.
Я слышу стон: горит земля родная,
Всё, что любили, берегли — в крови...
Россия-мать, за честь родного края
Меня на бой святой благослови.

1941

Давлеканово

* * *

Вновь хороним в атаке убитых
Под салют «грозовых батарей».
Плачут, низко склонившись, ракиты
Над сынами Отчизны своей.
Если Бог нас оставит живыми
В этой бойне, вернув к очагу,
Будем помнить погибших. Пред ними
Мы по гроб в неоплатном долгу.

1941

Западный фронт

Мой стих наполнен горечью утраты...

Мой стих наполнен горечью утраты,
 Пропах он едкой гарью городов,
 Пропитан кровью русского солдата,
 Облит слезами матерей и вдов.
 И если смерть его на полуслове
 Прервёт, ворвавшись в узкий ход траншей, —
 Весь жар души, весь сгусток чувств и крови
 Я завещаю Родине моей.

1941

под Ржевом, Калининский фронт

ПОД МОСКВОЙ

* * *

Попав под шквал огня и стали,
 Враги бегут, хвосты поджав.
 Нет, не сбылись, не оправдались
 Прогнозы западных держав!
 Россия вновь перечеркнула
 Разбойный план! Москва цела!
 Звенят в Берлине от артгула
 За упокой колокола!

Осатанело бьёт в лицо пурга,
 Рассвет плутает где-то в снеговерти,
 Лежим в ста метрах от траншей врага,
 На грани жизни иль, быть может, смерти.
 Там на горе — за немцами — село.
 А мы лежим, до сердца промерзая.
 Всего в ста метрах от бойцов тепло,
 Всего — бросок и схватка штыковая.

1941

под Ржевом, Калининский фронт

1941

под Ржевом, Калининский фронт

* * *

Им бы в тувельках по паркету
 В свете люстровом в вальсе плыть,
 А не здесь вот грязь и эту
 Задубелой кирзой месить.
 Им бы с милым бродить под вечер
 Там, где в травы прилёг июль,
 А не здесь вот, взвалив на плечи,
 Нас вытаскивать из-под пуль.

1943

Савинцы, 3-й Украинский фронт

* * *

Сжигает стыд: мы снова отступаем
 И прячем взгляд от жителей села.
 Глядим с тоской, как над родимым краем,
 Пикируя, кружатся «мессера».
 Кружатся безнаказанно, нахально,
 Стреляя в нас по каждому в упор,
 А где же те, о коих так похвально
 Начальство нам болтало до сих пор?
 Где ж стражи неба? Как могло случиться,
 Что немцы нас утюжат и клюют?!
 А ведь кричали: «На замке граница!»
 Знать, «кузнецы» не те замки куют.

1941

Гуцино, Западный фронт

Здесь был мой дед...

Здесь был мой дед. В сражениях под Шипкой —
Глубокий шрам. Теперь здесь внук идёт.
И вспомнилось вдруг дедово: «Уж шибко
Болгарцы эти — дружеский народ».
Ты не ошибся. Люди в этом крае
С любовью к нам, как вспоминал и ты,
Бегут навстречу, крепко обнимают,
Целуют, плачут и дарят цветы.
Но ты тогда их бедность не приметил,
Живя не лучше на Руси своей,
А я увидел все несчастья эти,
Сравнив их жизнь с Россией наших дней.
...Пыля, идут солдатские колонны,
И брату брат вновь руку подаёт.
Живи и будь хозяином исконным
Земли своей, трудящийся народ!

1944
Болгария

* * *

Ну вот и всё, друзья! Окопы
Нам больше с вами не нужны.
Перелопатив пол-Европы,
Россия — в логове войны.
Большой ценою заплатила
Она за долгожданный час.
Лежат в бесчисленных могилах
Солдаты, павшие за нас.
И нам, оставшимся живыми,
Грех забывать их имена.
Их с нами нет, но это ими
Здесь навзничь брошена война.

1945
Австрия

* * *

Гремит салют в честь русской славы
Фонтаном рвущихся огней.
Ликуй, народ! Ликуй, держава!
Встречай, Россия, сыновей.
Встречай защитников, что в схватках
Тебя от рабства сберегли.
За их высокий труд солдатский
Ты поклонись им до земли.

1945
Австрия

Умру за Родину, но не за Власть...

А мне не надо капать на мозги,
Что будто я в долгу перед властями.
Меня спасли из жизненной пурги
Не Власть, а люди с чуткими сердцами.
И, коли мне предписано упасть,
Я в миг последний вспомню кадры бедствий.
Умру за Родину, но не за Власть,
Лишившую и радости, и детства.

1941

**МОЛЧАНОВ
МИТРОФАН ЗАХАРОВИЧ**

У каждого поколения свое прожитое. Мне уже 79.

Родился я 4 декабря 1923 года в слободе Старобезгинка Новооскольского района, входящей ранее в Курскую область.

Мысленно оглядываясь назад, вспоминаю: крестьянская семья из девяти душ, родители и старшие братья и сёстры, занятые повседневным сельским трудом. Помню, мне исполнилось семь лет, когда меня и таких же пацанов приучали к труду. Босоногие, с цыпками, мы в молотьбу погоняли лошадей в конных молотилках, приносили воду из общественного колодца, расплёскивая её по дороге, пасли гусей, телят и выполняли прочую посильную работу.

В 1932 году я пошёл в первый класс сельской школы, где учил старый учитель Иван Еремеевич Наумов, когда-то обучавший наших отцов. Тридцатые годы отпечатались в памяти страницей смутного времени, особенно в первой их половине, когда проходила коллективизация. Большинство учащихся влачило полуголодное существование, случались голодные обмороки. Особенно запомнились 1932 и 1933 годы, когда жители Украины, да и не только Украины, ходили, прося милостыню. Нас спасла кормилица-корова.

Из-за нехватки классных комнат старшеклассники, начиная с пятого, ходили во вторую смену. Освещались классы керосиновыми лампами. Не хватало учебников, тетрадей, да и учителя не все имели специальное образование, многие учились заочно в Новооскольском педтехникуме.

В летние каникулы нас привлекали на различные работы в колхозе: погонять волов на пахоте, стаскивать снопы при копнении и прочее. А летом 1941 года нас привлекли на косовицу хлебов, скирдование и обмолот. Занятия в тот год в старших классах отменили, а 18 октября ребята 1923 года рождения были призваны в армию. И отправились мы в осеннюю слякотную распутицу на восток. Ударили морозы рано наступившей суровой зимы и, измученные ежедневными изнурительными переходами с ночёвками в сёлах, подчас голодные, в износившейся обуви, завшивевшие, в январе 1942 года дошли до райцентра Татищево Саратовской области, что примерно в полусотне километров от Волги. Там нас расселили по селам и начали распределять по воинским частям. Я попал в запасной полк неподалёку от Татищева, откуда в конце апреля 1942 года попал на фронт. Отступления, бои, бомбёжки. В феврале 1943 года в бою за Харьков меня ранило, а летом — бои на Курской дуге. Орловское направление, левее Понырей. Я тогда был заряжающим 82-мм миномёта. О накале тех сражений написано много. Это были тяжелейшие бои с большими потерями. К концу июля в нашей минроте, например, осталось до десяти человек, включая офицеров и рядовых.

В начале августа наш 498 полк 132 дивизии ответили под Курск, откуда, получив пополнение, снова с боями двинулись на Запад. Во время форсирования Днепра меня ранило в руку, а через месяц опять в свою минроту, где из тех, что шли до Днепра, не осталось никого, все новые, в своей домашней одежде, уроженцы Черниговской области, которую мы освобождали в сентябре. Был непогожий дождливый ноябрь, когда мы вели бои в Житомирской области в районе Коростеня и станции Чиповцы. Немцы сосредоточили там танковые соединения, завязались затяжные оборонительные бои, а в конце января 1944 года мы вели уже бои возле Шепетовки Каменец-Подольской области. Запомнился февраль того года с резкими перепадами температур, были периоды, когда исчезал снег и ноги вязли в чернозёме по щиколотки, а мы наступали по раскисшим буграм на село с названием Плесна, через которое проходило булыжное шоссе. Я был тогда уже в 987 полку 226 глуховской стрелковой дивизии в качестве стрелка. На оттаявшую почву выпало довольно много снега, ударили крепкие морозы, а потом вновь оттепель, а мы продолжали наступать. Все бугры перед селом были усеяны трупами наших солдат, да и в селе было много. Шесть раз мы занимали это село, и каждый раз немцы пускали в обход танки, стараясь захлопнуть нас в западню. В течение суток мне однажды осколком снаряда вырвало клоч шапки на затылке, второй раз продырявило на груди с левой стороны бушлат и всё под ним, слегка оцарапав тело. Это была отметка пули на вылете, входное отверстие было совсем небольшое под мышкой.

— Повезло на этот раз тебе, — сказал мне, когда мылись, пожилой солдат.

Потом нас перебросили намного южнее, на подступы к станции Белогородка, которую брали штурмом под сильным артиллерийско-пулемётным огнём и двигавшимся навстречу «тиграм». Спасибо нашим танкистам, на большой скорости врезавшимся в их порядки на своих быстрых Т-34. Каждый бой — это многочисленные жертвы, а оставшиеся двигались дальше, часто полуголодные, в разбитой обуви, заедаемые вшами.

С боями форсировали реку Збруч, а затем Днестр и дошли до станции Подгайцы, где немцы, собрав бронированный кулак и много авиации, начали теснить нас к шумящему половодью Днестру.

В своих воспоминаниях маршал Г. К. Жуков, принявший командование Первым Украинским фронтом после гибели Н. Ф. Ватутина, писал, что такого ожесточения противника не было со времён Курской битвы. В апреле мы дошли до предгорий Карпат, где 23 июля при прорыве фронта на подходе к станции Надворна я был ранен в ногу, а через месяц меня опять отправили на фронт в Польшу.

Весь сентябрь и больше половины октября велись тяжёлые бои по овладению Дукельским перевалом, получившим своё название от местечка Дукла на границе Польши с Чехословакией. Там же, с нами рядом, вступили в бой части чехословацкого корпуса. Иногда сражения продолжались до глубокой ночи. По склонам высот валялось столько трупов людей и лошадей, что в некоторых местах от разложения их стоял непереносимый смрад и везде чёрные коробки сгоревших танков и самоходок. Там же впервые увидел, как увозили с поля боя тяжело раненых на собачьих упряжках, о чём упоминаю в стихотворении «Одиночество».

Пошли проливные дожди, часто не утихавшие сутками, обваливались раскисшие стенки окопов. Были, и не раз случаи дезертирства уроженцев Западной Украины. Мы облегчённо вздохнули, когда ударили морозы и мокрая одежда высохла на нас. В этот период наша часть входила в Четвёртый Украинский фронт. В середине января 1945 года мы перешли в наступление на г. Нови Сонч в Польше. Наступали круглосуточно, немцы, отступая, упорно огрызались. Однажды утром, наступая, мы попали под перекрёстный пулемётный огонь. Несколько человек были сразу убиты на льду канала, остальные убежали, а наш санитар, рослый мужчина, тщетно пытался подняться. Пуля попала ему в спину и вышла ниже пупка. Мне пришлось тащить его по льду метров триста. Выбившись из сил, дотащил до своих, залегших за дамбой. Выжил ли он — не знаю. Пришла весна. Я вновь был в минроте.

Первого апреля с ходу форсировали реку Одер. Запомнилось ожесточённое сражение за немецкое село Тунскирх со старинным дворцом-замком Шлос Творкау. Весь апрель медленно продвигались к Чехословакии. Однажды погожим утром вместе с полевой кухней старшина привёз несколько писем. По неписаному закону получающий письмо должен был исполнить импровизированную чечётку, мне довелось первому. Получив письмо-треугольник, я отошел метров на тридцать к своему окопу, когда резкий свист и разрывы вражеских снарядов сбросили меня в окоп. Раздались болезненные крики раненых. Пятеро были убиты наповал, четверо тяжело ранены. Близился конец войны, но и в конце её гибли люди.

Вечером под 1-е мая мы с боем вступили на улицы Моравской Остравы — крупного индустриального города Чехословакии. Войну наша часть закончила дня через четыре после 9 мая, ведя скоротечные схватки с убегающими к американцам немецкими частями.

Из Чехословакии нас передислоцировали в город Ростенбург в Восточной Пруссии, а 1 января прибыли в Россию. В марте 1947 г. демобилизован. Награждён двумя медалями «За отвагу», медалью «За победу над Германией», орденами Красной звезды и Отечественной войны 1-й степени и многими другими медалями в послевоенное время.

С 1947 до 1963 года заведовал сельским клубом в родном селе, а с сентября 1963 года работал учителем черчения и рисования в местной школе. Инвалид войны второй группы. Ветеран труда.

В 1991 году оставил работу по состоянию здоровья. Писать стихи начал в основном в 80-х годах. В большинстве они посвящены отображению тягот войны.

В ПОИСКЕ

Не для славы, не ради награды,
Не для чувственных слов баллады
Ночной глухоманью неслышно ползём,
Локтями кромая жнивья чернозём.

Ракеты кометами в небо взмывая,
Шипят по гадючьи, ехидно мигая.
Дырявит осеннюю тьму пулемёт.
Замри, как убитый, и снова вперед.

При вспышках, блестя,
фосфоресцирует дождь.
По телу проходит противная дрожь.
Натянуты нервы звенящей струной:
Авось неудача пройдёт стороной.

Разрывы гремят позади. Перелёт.
Время, как сгусток мазутный, течёт.
Вражья «колючка» — рукою достать,
За нею мелькнуло, а что — не понять.

Режем, под шум, в «паутине» проход,
Лапаем мины, авось пронесёт...
Приказ беспощаден. Приказано — надо!
Пишутся кровью войны баллады.

*Декабрь 1990
Старая Безгинка*

КАМЕННЫЕ БАБЫ

Бесстрастные свидетели глубин седых веков,
Сказания, гипотезы и мифы,
Похожи чем-то вы на одиноких вдов,
В печали горестной проживших цепь годов.
Зачем в степях оставили вас скифы?

Дошедшие до нас предания гласят,
Что были степняки воинственны и грубы
И, дабы впредь в борьбе удачливыми быть,
Стараясь вас, угрюмых, задобрить,
Намазывали кровью вражеской вам губы.

А может, это скорби выраженье
Иль знак преемственности вечного начала,
В потомках видеть жизни продолженье,
А значит, и своё частично возрожденье
В крови, что некогда в самих ключом играла.

Атака... Поле... Каменная баба,
Вся в оспе древности, нагая и боса.
Разрыв, и за спиной её упал я рядом,
Мне в бок впился осколок от снаряда,
И бабе выбило незрячие глаза.

Но и безглазая по-прежнему стояла,
Знать, в землю эту намертво вросла.
Случайно между мной и взрывом встала.
Случайности... Их в жизни ведь немало.
Пусть будет так, а всё ж меня спасла.

А сколько их, с потухшим взглядом,
Что вмиг сели с похоронок в дни войны,
Что носят камень горя с нами рядом?!
Живут, и в этой жизни безотрадной
К другим сердца их теплоты полны.

Осталась там скифянка с долей вдовьей,
Но перед нею не остался я в долгу,
Пусть не нарочно и своею кровью
Измазал всю, когда со жгучей болью
Пытался на ноги подняться на снегу.

Невольно скифский я исполнил ритуал,
Возможно, и во мне их крови часть теплилась.
Запомнился тот день, от крови снег был ал,
И небосклон кроваво весь пылал,
И красная метель в глазах моих кружилась.

Всё красное, и только на снегу
Недвижимо застывшие шинели
Казались каждая, как траурная шаль.
Убитые. Подумалось: вот промелькнул недели,
И в окна почтальоны, постучав несмело,
Вручат застывшим вдовам чёрную печаль.

Июнь 1995

НЕ ЗОВИТЕ МЕНЯ

В поднебесье кружась, не зовите,
Журавли, навевая печаль.
До свиданья. Напрасно не ждите,
Отправляясь в заморскую даль.

Вы — скитальцы, и путь ваш — извечен.
Вы — частица природы живой,
Вам не внове прощанья и встречи
И со мной, и с российской землёй.

Видно, я родился домоседом.
Может, пращуров в этом вина,
Говорилось, мне помнится, дедом:
«Свет велик, а Россия — одна!»

Только тем, кто без племени-рода,
Безразличен Отечеству дом.
Обошла их любовью природа,
Опоив равнодушья вином.

Довелось побывать за границей,
Посмотреть обустроенный быт.
Только странно — чужое не снится,
Своего же — не мог позабыть.

Пусть мы даже желанные гости
В том краю, но не наш он, — чужой,
Может, так объясняется просто,
Почему мы стремимся домой.

Отшумят, нагулявшись, метели,
Говорливо ручьи зажурчат,
И под музыку звонкой капли
Будем вновь вас назад ожидать.

Ностальгии зовущая сила
Вас поднимет в весеннюю высь
И поманит обратно в Россию,
Потому, что вы в ней родились.

Улетайте, здесь так неуютно.
В мыслях с вами я тоже лечу,
Но Россию сейчас, как ни трудно,
Оставлять я одну не хочу.

Здесь такая в ней неразбериха,
Неустроенность страшная — жуть.
Будем вместе мытарить с ней лихо,
Вместе торить прозрения путь.

Что с ней будет и кто ей поможет,
Если все мы да вдруг — в летуны?!
Дружной ратью, усилья умножив,
Мы приблизим рожденье весны.

Верю — сбудутся наши надежды,
Мы дождёмся желанного дня,
А дотоле в дорогу, как прежде,
Журавли, не зовите меня.

К О В Ы Л И

Почему, когда в степи бываю,
Ковылей увидев седину,
Вновь сороковые вспоминаю
И солдат, что шли через войну?

Почему влекут места бывшего,
Страшного, ушедшего влекут?
Видел очень, очень много.
Почему же те места зовут?

Те места, где юность прошагала
Огненной нетореной тропой
И ни сна, ни отдыха не знала,
Позабывши, был ли он, покой.

Был ли он ... Бои да переходы...
Переходы, да опять бои.
И зимой, и летом, при любой погоде
Умирали сверстники мои.

Сверстники, — окопная пехота:
Серое, в подпалинах, сукно.
Небо над окопом, в поле иль болоте,
Большого по рангу не дано.

Не дано. Зато давно в избытке
Прав в атаках грудь на грудь с врагом,
Под огнём разящим, в поле, среди убитых,
Быть на рубеже передовом.

Рубежи... Четыре длинных года,
Дни и ночи, как в кошмарном сне.
И в сырых траншеях, и в ночных походах
Мы мечтали часто о своей весне.

О весне, что каждого манила
Ожиданьем мирной тишины,
Что лучом надежды нам в сердцах светила
И в душе рождала радужные сны.

Я весну дождался и домой вернулся.
Ну, а те?... Во сне поговорить
Довелось. Полчанин горько улыбнулся
И промолвил тихо: «Нешто, закурить?»

И пошёл в раздумье он, дымя закруткой.
Я зову, как друга, и спешу догнать:
«Кто ты? Балакшеев? Чуев? Или Уткин?»
Он в ответ: «Пора войну кончать».

И ушёл... В шинели, с верным автоматом,
Где пожаром шар земной пылал...
Я проснулся... Полночь. Гром гремел над хатой.
Были раны, до утра не спал.

Рубежи. Здесь битва грохотала.
А теперь до звона тишина.
Поднял я осколок ржавого металла —
«Сувенир» оставила война.

Это здесь погибли разом побратимы
В смертном поединке с силой роковой
Летом в сорок третьем. Был один из Тима,
А другой из Тулы, третий костромской.

В этой же траншее был я с ними рядом,
Но «косая» мимо пронесла замах.
Двое сразу пали под железным градом,
Костромич скончался на моих руках.

Это здесь... Траншея заросла травой,
Зарастают шрамы — лечится земля,
А над ней, под ветром, белой сединою
Шелестят, волнуясь, стебли ковыля.

Ковыли степные — спутники печали,
Саван горькой скорби павшим на войне:
Прорастайте гуще там, где парни пали,
Что со мной мечтали о своей весне.

1990

СВИДАНИЕ

Поднимусь на взгорок хоженной тропой.
Вот и дуб заветный:
— Здравствуй, исполин!
Вновь я, старый друже, встретился с тобою,
Но не так, как прежде. Без друзей. Один.

Все друзья — подростки смутных лет тридцатых
Не придут, как прежде. Не придут, не жди.
Кто в степях России, кто в седых Карпатах.
Кропят их могилы серые дожди.

Их позвало в битву время роковое
И одело юных в серую шинель.
Их связало дружбой братство боевое,
Огненные годы, — пули да шрапнель.

С тех полей кровавых их вернулось мало,
Жизни не щадили, клятвы честь храня.
Родину-отчизну грудью отстояли,
Где сгорала юность — плавилась броня.

Я из тех, кто тоже прошагал те годы.
Я из тех немногих, что ещё живут.
Но война их помнит, в мир иной уводит,
А о ней забыть им раны не дают.

Да и ты, как видно, повидал немало,
Знать, беда не туча, мимо не прошла,
Ветвь-рука усохла, вон кора отстала,
Молнией вершину буря обожгла.

Прадеды и деды полосу пахали
Здесь, с тобою рядом и в твоей тени,
От трудов мозольных в полдень отдыхали,
Скромною трапезой скрашивая дни.

Говорят, что триста (кто считал их, годы?)
Ты у края нивы стражем простоял.
И её, встречая бурю-непогоду,
Как отважный воин грудью заслонял.

Свидимся ли снова? Все ведь может стать.
Слышишь, клин печальный, зародившись, мрёт?
Может это стая славного аварца
Где-то кружит клином и меня зовёт.

Ну, а ты красуйся всем живым во славу.
Ты родился стоя, стоя и умрёшь,
Слушай и любуйся, как шумит дубрава,
Как цветёт, волнуясь, голубая рожь.

1990

В ПАМЯТИ

Лежит солдат в бою сражённый.
Ушедший фронт вдали гремит.
Трепещет, кровью обагрённый,
Над бруствером окопный бинт.

Железо, кровь и дым тротила...
Земля — потухший Дантов ад.
Залечит время всё, как было,
Но павших не поднять солдат.

1991

**НОВОСПАССКИЙ
КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ**
(1909 — 1982)

Родился 20 сентября 1909 г. в с. Крутчик Усманского района Воронежской области. В 1929 г. стал корреспондентом воронежской газеты «Кооперативное строительство», затем работал на радио и в газетах Ленинграда и Хабаровска. Начал писать до войны. Автор нескольких книг, вышедших в Сталинградском книжном издательстве, участвовал в сборнике стихов «Страна героев», печатал переводы с калмыцкого языка.

В июне 1941 г. готовился к государственным экзаменам в институте, но вскоре взял в руки винтовку. Был среди солдат героических Сталинградской и Курской битв, воевал под Белгородом, куда и приехал жить после войны.

С 1957 г. — редактор, а с 1958 г. — главный редактор Белгородского книжного издательства, с 1964 г. — старший редактор Центрально-Чернозёмного книжного издательства. Автор документальных повестей: «Лётчик Хользунов», «В руках винтовка», «Передний край» и др.

ПОД БАТРАЦКОЙ ДАЧЕЙ

Я не знал, что война приведёт
В дорогие с детства места,
О которых в походах мечтал
И не видел уже третий год,
Кто ответит, что там, впереди:
Мины в жестких ладонях земли,
Поджидают в ночи патрули?
Ты — разведчик, иди, гляди.
Тишина,
 тишина,
 тишина.
Птицы пробуют голоса.

На пилотку упала роса...
Тьма без края, небо без дна.

Тишины не бывает, нет!
Тишина только самообман,
...Спят в Батрацкой даче дома
Под тревожным созвездьем ракет.
А в Батрацкой даче мать,
Может быть, стоит у окна.
Как мне весточку ей передать?
Нам до встречи недолго ждать —
На рассвете атака, мать!

ПИЛОТКА

Был тот заветный час, когда
Зениток отгремели громы,
Хлестала гневная вода
В края десантного паром.
И я увидел под кормой
Рыбачьей остроносой лодки,
Измятая крутой волной,
Всплыла солдатская пилотка.
Пятиконечная звезда
На ней вдруг вспыхнула багряно...
Пилотку я штыком достал,
Нащупал пулевую рану.

— Товарищ незнакомый мой,
Ты был в бою, мне — нынче в бой.
Мне за двоих идти вперёд,
И если сердце вдруг остынет,
То неизвестный друг придёт,
Пилотку он мою поднимет.
А над рекой ударил гром, —
Бомбят и воют «мессершмитты»,
И я бегу под злым огнём
По отмели к земле изрытой.

У СТЕН РЕЙХСТАГА

С холодной злобой, тайным страхом,
Чтоб прошлое забыть сполна
Они стирали с плит рейхстага
Солдат советских имена.
Но неподатливое слово,
Чей грозный смысл всё так же крут,
Глядело им в глаза сурово,
Предупреждало их — «капут».

В пустых зияющих проёмах,
Среди высоких колоннад,
Казалось, отзывался громом
Замолкший грохот канонад.
Покрыты стены жёлтой краской,
Но не померкли до сих пор
Те надписи рукой солдатской —
Не отменённый приговор.

**ОВЧАРОВ
ФЁДОР ПЛАТОНОВИЧ**

Родился я 2 марта 1924 года в деревне Овчаровка Корочанского района Белгородской области в многодетной крестьянской семье. У меня три сестры, три брата. Мир детства окончился в 1933 году дичайшими картинами голода. Люди от подножного корма опухали, блуждали, как тени, падали мертвыми, где придется. Своих, деревенских, зарывали на огородах, в садах, еще не вырубленных, а пришельцев прикапывали в канавах, на обочинах дорог. Пришлось видеть, как собаки грызли мертвецов, похороненных в канавах.

Так началось у меня «золотое детство» большевистского рая.

Последнюю буханочку хлеба съели на Рождество. Но все в семье выжили. Хорошо доилась корова. Привела двух телят, которых пришлось зарезать. Зарезали овец и ягнят... Вымирали полностью семьи. Но мы дожили до нового хлеба и картошки, посаженной очистками.

Школа для меня стала уютней собственного дома, где, несмотря на то, что топились соломой и бурьяном, замерзала вода. В школе в холодное время всегда тепло. Учителя внимательны и добры. Любили детей. И мы платили им тем же, и они прощали нам шалости. Я говорил и говорю обижающимся: «У меня не было плохих учителей. Ни один настоящий учитель плохому не учит». Не думал быть учителем, а стал им и проработал 40 лет. Видно, только потому, что любил и люблю детей. В 1941 году окончил третий курс Корочанского педучилища. После войны — учительский институт в Харькове, факультет языка и литературы. В дальнейшем — вечерний политико-

экономический университет. За годы педагогической деятельности преподавал русский язык и литературу, экономическую географию, астрономию, эстетику, физкультуру, даже приходилось вести биологию и немецкий язык. Пишу не ради того, чтобы похвастаться... Работать приходилось в малых школах, и из-за тарификационной недогрузки в часах догружался другими предметами, отчего каждое лето отправлялся на курсы усовершенствования по тому или иному предмету, особенно по марксизму-ленинизму. Все удостоверения и свидетельства получал только с отличием. С 1984 года на пенсии. Хотелось бы написать педагогическое пособие, высказать свое мнение, но в настоящее время кому оно нужно? Да и как реализовать? Не мартышкин ли это будет труд?

По неким меркам прошлого упустил важные автобиографические сведения: был пионером, был комсомольцем, стал коммунистом и оказался белой вороной среди горластых партийных ворон. Имею поощрения и награды. В анкетной биографии все можно исчислить, все как будто есть, а вот описание жизни отсутствует. У большинства писателей, поэтов описание жизни — «житие» — проходит через все творчество. Являясь ветераном войны и труда, прожив большую жизнь, нетрудно составить анкетную автобиографию, само слово АВТОБИОГРАФИЯ говорит не о перечне анкетных сведений: АВТО — автор, Б И О — жизнь, ГРАФИО — писать, т.е. нужно дать авторское жизнеописание, по-русски — ЖИТИЕ, а это целая повесть из разных этапов жизненного пути. Я попытаюсь изложить несколько эпизодов фронтовой жизни.

В 1942 году ушел добровольцем в армию. Командование направило меня в Куйбышевское военное училище связи. За два месяца до окончания офицерского училища добровольно ушел радистом в ВДВ, в 14 бригаду десантников.

В составе 9-й армии 4-го Украинского фронта участвовал в боях у озера Балатон в Венгрии. Бои были жестокие. Март месяц. Грязь непролазная. Болотные топи. В окопах вода. Чувствуешь себя счастливчиком, когда на песчаном месте выроешь окопчик, а окопы приходилось рыть поуже да поглубже, с изломом и подкопом, ибо через свои головы бойцам приходилось пропускать немецкие танки и расстреливать идущую за ними пехоту, а потом вести борьбу с танками. Когда мы пришли на передовую сменить освободителей и защитников Будапешта, в некоторых ротах из всего состава еле можно было насчитать взвод солдат. Под Будапештом противник думал устроить нам «Сталинград». И нас, некогда воздушных десантников, резерв Главного командования, бросили через Дунай на передовые позиции против 11-ти танковых колонн. Непролазная грязь марта затормозила технические средства передвижения.

Я радист и одновременно связист кабельных пиний. Обязанность моя — давать ротную связь в штаб батальона. Как-то в вечернее время мы вели линию связи от штаба батальона к роте через поросший лозой лужок. Нас было двое — один тянет линию, другой прикрывает. Вдруг за кустами зачихал дизель. Всмотрелись — силуэт танка. Возле него копошится экипаж. Шепчу:

— Немцы! Радик, бросай гранату!

Бросил он. Бросил и я. Гранаты, ударившись о броню, одна за другой взорвались. Поливаем из автоматов. Заклепки пуль разбивались о сталь в искры. Ответного огня не последовало. Прошумели кусты и все стихло. Лежим... притихшие, не решаясь двинуться. Наконец подползли поближе к танку. Видим: люк приоткрыт. Чувствуем мертвое молчание танка. Ползем у гусениц вокруг. Никого. Звоним в штаб батальона, докладываем. Комбат спрашивает, как вел себя танк. Мы говорим:

— Чихал...

Комбат проговорил:

— Понятно. Видно, горючее подвело. Охраняйте танк. Мы подгоним тягач с запасом горючего и водителя. Ждите. В роту посылаем связного.

Минуты ожидания казались вечностью. Наконец услышали урчание тягача и лязг гусениц. Зажгли одну за другой спички. Дали сигнал местонахождения. Тягач у танка с водителем и подручными. Слышим:

— Ну что, ребята, медведя поймали?

— А черт его знает, медведя или тигра! — ответил Радик.

— Теперь вы шпарьте в роту, а мы тут сами разберемся.

И мы «пошпарили». Отошли метров на 30 и залегли в кустах. Разбирало любопытство: заведут танк или не заведут? Два мотора заработали.

Я и Радик были представлены к награде. Но почему-то медали нам дали разные: мне — «За отвагу», а Радику — «За боевые заслуги». С Радиком Филипповым, сибиряком, я прошел фронтовой путь с боями от Будапешта до Вены, и от Вены до Праги.

Помнится такой эпизод. Я остаюсь у трубы на КП батальона, а Радику и Сане Краевскому велено установить связь со стрелковой ротой, занявшей Н-скую сопку (высоту). Рота вырвалась на 2-3 километра вперед и оторвалась от своих лево- и правофланговых частей. Оборвалась связь с КП батальона. Мне приказано наладить линию связи и доложить о положении в роте. Филиппов и Краевский доложили комбату, что у них кончается кабель и нужно еще катушки полторы, чтобы дотянуться до КП роты. Комбат одного из связных сажает у телефона, а мне приказывает взять две катушки и отправляться к Радику и Сане. КП батальона располагался в сосновом бору, среди многолетних сосен и елочек. Торопливо иду по кабельной линии на край бора.

В межевой канаве, на опушке, вижу: лежат мои связисты. Одна из двух катушек еще не размотана. Иду в полный рост. Не доходя, кричу:

— Зачем вам две катушки? У вас своя не размотана! И одной бы... — и осекся.

Шлепнула «дум-дум» одна, другая. Посыпались ветки, хвоя. Дружки кричат:

— Снайпер!.. Ложись!

Падаю на корни и ползу к ребятам, которые поясняют:

— Видишь, голый луг направо. Напрямую не более полкилометра до сопки, а в обход налево по кустарнику километра два... Направо в березке ручья ДЗОТ — простреливает весь лужок и опушку. Оттуда и снайпер бьет.

Отдаю катушки. А они:

— Этой трофейной, с тонким кабелем, и одной хватит.

— Ну, — говорю, — берите и шпарьте по кустам, а я попробую напрямую. Вон, по борозде...

До борозды, пересекающей луг в направлении сопки, метров тридцать. Нужно переменить место в канаве, мгновенным прыжком броситься в борозду, пропаханную двухлемешным немецким плугом. Рывок — и я в борозде. Ползу по-пластунски, толкая перед собой катушку. Немецкий снайпер заметил движение и стал стрелять по катушке. Меня осыпал песок. Отвал борозды, как бруствер, укрывает от пуль. Добрался, наконец, до рытвины ручья. Промоина — почти двухметровый овражек. Скатился с обрывчика, укрывшего меня от снайпера. Напился из ручья. С другого бережка ручья слышу хриплый голос:

— Солдат, дай напиток... Умираю от жажды...

Голова бойца свесилась с обрывчика. Вижу: солдат до пояса голый. От шеи до поясицы крест-накрест в пропитанных кровью бинтах. В горстях подношу воду. Пока донесу до рта, воды остается на два-три глотка. Раненый с упреком:

— Что ты меня, как младенца поишь!.. Сними треух, да зачерпни воды!

— В треухе пот и грязь, — отвечаю.

— Брюхо — не зеркало. Давай, — говорит он.

Зачерпнул, дал. Выпил он шапку воды. Попросил:

— Помоги перебраться...

Взял я его на плечи. Перетащил на другой бережок. Кровь просочилась сквозь бинты. Своим пакетом первой помощи я перебинтовал предполагаемую рану. Спросил, как дела в роте.

— Видимо, оставят сопку. Не устоят. Напрасно идешь. Будет драп-марш.

Раненый поднимается во весь рост на голом бережку. Я предупреждаю:

— Снайпер стреляет! Поберегись!

— Пусть добывает... мать его так! — услышал я в ответ. И, шатаясь, израненный пошел по открытому полю-лужку. Снайпер не стрелял. Немец, должно быть, видел, в оптический прицел, что человек ранен. Спасибо ему, неизвестному немецкому солдату.

По кустарнику я добрался к нижним окопам сопки. Увидел двух убитых наших бойцов. У одного с пояса снял гранату. Сопка молчала. По вершине высоты бил миномет. С одной стороны шли два бронетранспортера, с другой, со стороны дзота, в две цепи наступала вражеская рота. Методично, перебежками, волна за волной. Первая цепь ложилась, стреляла, прикрывая бегущую заднюю. Я впервые воочию увидел наступающих немцев. Сверкали штыки. Полукилометровое расстояние, отделявшее меня,

мгновенно таяло. Волосы зашевелились, приподнимая шапку. Нечто свыше сказало: «беги!» Ругнулся: «Чертова катушка! Я не имею права тебя бросить». Бросишь — отвечай за материальное имущество по законам трибунала. Но «некто» приказывает: «Бросай!» Бросаю. Со свистом в ушах, пригнувшись, бегу в лозняк. Метров двадцать голого пространства одолел мгновенно. Пули прожужжали, как шмелиный рой. Я в кустарнике. Бегу, прикрытый уже распустившейся листвой. Почему-то вспомнились стихи Лермонтова: «Гарун бежал быстрее лани...» Будучи радистом в 14-й бригаде десантников, я успел совершить 10 парашютных прыжков. А тут бежал, бежал как трус.

13 апреля 1945 года штурмом взяли Вену. Участвовал в штурме. В первомайские праздничные дни узнали о взятии Берлина. После отдыха в Вене, с берегов Дуная наши воинские части 9-й армии 4 мая брошены на Прагу. На марше во время ночевки были разбужены до восхода солнца беспорядочной стрельбой. Вскочили, как по тревоге. Что такое?! Крики:

— Победа! Победа! Германия капитулировала!..

Не верилось. Включили РБ-12. Уверились. Стали палить в небо. Салютовать. Но радость наша была тревожна. Продолжался марш на Прагу. Через два дня рано утром с нижней шоссеиной дороги мы должны подняться на верхнюю, лесную, и продолжать марш по горной гряде. Идем. В голове колонны — комендантская рота. За нею наш взвод связи. Впереди самоходки. У просеки горного леса из глубины сосняка раздались пушечные залпы. Над головами зашипели снаряды. Раздался крик:

— Танки!..

Один снаряд угодил в самоходку. Водитель и все, кто был на пушке, убиты. Пронеслась команда:

— Развернись!

По сосняку у подножья склона мы стали окапываться. Танки продолжали бить из пушек. Взвод связи нырнул в бетонные водоотводные кольца. Они были чуть ли не в рост человека, выполняли роль дорожного моста. Командир полка и комбат укрылись вместе с нами. Полковник приказал нашему радисту Викулову развернуть рацию. Без кода, напрямую, попросил «хозяина»:

— Дайте гвардейские минометы! Огонька! Огонька пожарче! По «тиграм»...

Сообщил, согласно карте, участки леса и просеки. Не прошло и получаса, как «заиграли» гвардейские минометы. Это были легендарные «катюши».

Где-то сзади нас шипело, как будто десяток паровозов. «Фисгармония» продолжалась не более часа. И — тишина. Ни выстрела. Ни с нашей, ни с вражеской стороны. Поднялись в первую очередь офицеры, сержанты. Раздалось:

— К бою! Встать! Вперед!

Трудно было оторваться от земли. Умирать, умирать после дня Победы страшно. Каждого трясла оторопь. Но... переборов страх, пошли. Шли вдоль просеки. Перед нами обуглившийся, почерневший танк. От него несло горелым смрадом... Видимо, экипаж был зажат в нем. Дальше — другой танк с открытым люком, обгоревший, черный от копоти. На броне не успевший выскочить из люка полусгоревший танкист. Картина жуткая. Когда мы дошли до верхней дороги, то увидели на дороге грузовые машины. Стоят эшелонами — ни конца, ни начала...

В голову Радика взбрело: завести один из грузовиков. Сказал:

— Я умею водить машину. С отцом на хлебозаготовку из колхоза возил зерно и научился.

Мы с Краевским вдохновенно поддержали:

— Давай!

Надо было догнать свой взвод. Стали осматривать машины, выбирать подходящую. Во всех машинах пробки бачков и бочек отвинчены, а где не отвинчены, прострелены и бензин выпущен на землю. Дисциплина. Ничего не скажешь... Вот и воспользуемся захваченной техникой. Мы нашли шланг и кое-как ведра три насосали горючего из бочек и бачков. Заправили один из грузовиков. По лесной дороге ехать побоялись. Радик говорит:

— Спустимся вниз. Поедем по нижней.

Машина заурчала. Первая, вторая скорость... поехала. Все трое в кабине. Радик за рулем. Вырулил к спуску. Он серьезно сосредоточен. Мы душевно ликуем:

— Даешь Прагу!

Ну и дали. Машина с уклона — тараном в сосну. Краевский катапультировался головой в лобовое стекло. Я инстинктивно прикрыл глаза и лоб полусогнутой правой рукой и ударился локтем в стекло. Горе-водитель ударился грудью о руль и чуть не задохнулся. Выбрались из машины, спустились пешком. Плетемся в хвосте какой-то воинской части.

Шоссейная дорога, словно цветущая аллея. За кюветами по обеим сторонам в молке цветения вишни и черешни. Сельские селения напоминают небольшие города, окаймленные завьюженными цветом садами. За изгородями палисадных синее небо, сирень. В полях зеленеют хлебные нивы. От проселка до проселка у дороги из дальних селений стоят, встречают нас чехи — млад и стар, кричат:

— Наздар, браты!..

Плетемся дальше. Припекает майское солнце. Жарко. Пот катит градом. И вдруг сзади нас лязгает гусеницами наш легкий танк, марки 30-х годов. Я поднял руку. Танк остановился. В открытый люк высунулся один из танкистов. Спрашиваю:

— Подвезете на Прагу?

— Спирт есть? — отвечают. — Подвезем!

У меня и Краевского в флягах спирт. Фронтовые сто граммов я, как и Краевский, сливал в флягу. В весеннее время не пил, берег на всякий случай — промыть рану, случись такое... Хватало вина. Вино пили, как воду.

Танкисты вылезли из танка. Их было трое. На гусеницах организовали стол из допайки, американских и немецких консервов. Две фляжки со спиртом были опустошены. Водитель сказал:

— Теперь садитесь на броню и покрепче держитесь за тросы, которыми прикреплены бочка с горючим.

И покати! Горные перекасты, откосы. Дороги забиты беженцами и пехотой. Обьезды по обочине дороги, по откосам. Глянешь вниз — пропасть... Подвыпившие танкисты гонят танк напропалую. Держимся за тросы. Вот это езда! Танк того и гляди может загреметь с откоса в пропасть.

Полдень. Вот и Прага засверкала златоглавыми шпилями готики. Улицы забиты войсковыми частями. Танк остановился. Из открытого люка раздался голос:

— Приехали. Ну, как, ребятки, души на месте или в пятках?

— Спасибо! Пойдем искать свой батальон.

У ПРОТИВОТАНКОВОГО РВА

Мы рвы и траншеи рыли.
Бомбардировщик, как крест,
Плыл над нами...
И бомбы выли,
И дрожала земля окрест.
Бил в лопату кто-то тревогу —
Ров копавшие мчались прочь
По откосу к лесистому логу,
Чертыхаясь со злом всю ночь.
Я один средь подснежников нежных,
Оглушённый бомбёжкой, лежу,

Обхвативши руками орешник,
Вслух проклятья врагам твержу...
Но срываюсь на полужизнь —
Рядом девушка...
Что за бес!..
И лежим мы вдвоём с синеглазой
Под кустами в осколках небес.
Мы без слов расстались весной
Возле рва, у лога, где лес...
И поныне глаза синего
Смотрят в душу из-под небес.

9 - е МАЯ 1945 ГОДА

День ПОБЕДЫ часто вспоминаю,
Мирный день, предутреннюю тишь,
Снег садов и синеву Дуная,
Солнце мая, рвущееся в высь.
Думалось:

Добытая Победа
Будет лучезарной навсегда...
Что за май! Такое буйство цвета
Бог послал для торжества сюда.

СКОРБЯЩАЯ МАТЬ

Я вас приветствую, Карпаты —
Покой синеющих холмов!
И вас, уснувшие солдаты,
Средь трав окопных и цветов.

Огнём бессмертья мак и розы
Пылают в горной стороне...
И в скорби мать роняет слёзы
И шлёт проклятия войне.

Все реже прежние ряды...

Всё реже прежние ряды
Бойцов, ходивших рядом.
Всё гуще звёзды да кресты
За тёмною оградой.
Они ушли...

Там вечный мрак,
Там нет ни дня, ни ночи...
Как кровь погибших,
Красный мак
Пылает у обочин.

НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ

Роща окуталась пологом мгlistым,
Чашей иду наугад,
То ли роса барабанит по листьям,
То ли ночной звездопад.
Свежей черёмухи пышет охапка,
Дарит свой запах весне,
Льдинкой за ворот покатится капля —

Дрожь пробежит по спине.
Вот и опушка...
И предо мною
Холмик и пламя звезды...
Будьте же вечны над Вечным Покоем
Небо, трава и цветы.

РАТНЫЙ ПУТЬ

А. С. Томилову

Опалила заря виноградник.
Под покровом его золотым
Жду тебя, побратим мой и ратник,
Приходи!..
О былом погрустим,
Вспомним молодость...
С выкладкой полной
Парашютные наши прыжки

И Дуная свинцовые волны,
Балатон и команду — «в штыки!»
Вены штурм,
Марш гвардейский на Прагу —
Окончательный немцев разгром.
.....
В мир иной отправляются деды.
Добрый словом мы их помянём.
Пусть берлинское Знамя Победы
Славный путь озаряет огнём!

Надписи краткая дата...

Солнечный луч догорел,
Словно слезинка над прахом,
И соловей за оврагом
В кроне черёмух запел.
И потекла, полилась
Песня над Вечным Покоем...

«Вечная Слава Героям», —
Надпись на камне зажглась.
Камень холодный облит
Розовой кровью заката...
Надписи краткая дата
Солью глаза мне слепит.

УЧИТЕЛЬ

Он с фронта прибыл без руки,
 Без той, что мел всегда держала.
 И на него ученики
 Глядели пристально сначала...
 Что будет делать?
 Как писать? —
 Всё было для ребят загадкой.
 Неужто станет диктовать
 Да вызывать всех по порядку?..
 Но взял он в левую мелок,
 Сказал:
 — С доски пишите, дети.
 И класс шептал за слогом слог:
 — Пусть будет мир на всей планете!

РЕКВИЕМ

Где кровь замученного сына,
 Надгробья, звёзды да кресты,
 Роняет горькая рябина
 На снег кровавые плоды.
 Рожденья дата, смерти дата,
 А между датами черта —
 Вся биография солдата
 На перекладине креста.

Прикрыл холодный снежный саван
 В глуши клочок земли родной...
 О Русь! Рябин слезой кровавой
 Рыдает вечности покой.
 Как много вас на поле бранном
 Отдавших жизнь!..
 Ваш подвиг свят.
 Незаживающею раной
 Кровоточит вдали закат.

СОЛДАТСКИЕ НАГРАДЫ

Зацвели тюльпаны,
 Маки зацвели,
 Словно кровь и раны
 Тех, кто полегли.
 Вот они, награды —
 Красные цветы...
 Ржавые ограда —
 И кресты, кресты...

9 - е МАЯ 1999 ГОДА

На зорьке за утреним эхом
 Весенней порою иду.
 Цветущие яблони снегом
 Меня осыпают в саду.
 Срывает цвет стужа до срока.
 Не милует сад градобой...
 Скрипит и пророчит сорока
 И голод, и мор, и разбой.

ОВЧАРОВА НАТАЛЬЯ ГЛЕБОВНА

ЖИВЁТ ПАМЯТЬ

Жизнь и война... Тема эта неистощима. Сколько минуло лет после Великой Отечественной войны? А живы ещё свидетели, жива память.

В очереди люди разговаривают о житейских тяготах, кто-то заметил:

— Петь мы совсем перестали.

Сразу — отклик:

— На голодный желудок какие песни! Сытому — да, нужна музыка!

— Неправда ваша, — пожилая, в платке и коротком полупальто женщина мягко, отрешённо улыбнулась. — В войну мы голодные были, а пели. Я из-под Прохоровки. Наш хутор на линии фронта оказался, выселили нас к соседям. Лето, картошку надо полоть — а то чем детей кормить? Пробрались мы с подружкой тайком на свои огороды, пропололи картошку. Потом через окно в хату мою влезли, наскучалась я по ней... Большая была у меня хата, под железом, а пол земляной. Помазали мы пол, чисто, просторно... сели и стали тихонько петь. Так пели... Солдаты наши заметили, патруль, велели уйти...

Я слушала и вспоминала Шелыгинскую школу под Вологдой, где я росла. Небольшую речушку Шолду, в кувшинках и камыше, луга с ромашками и смолкой по пояс, золотую рожь, зеленоватые метёлки овса, лес, полный птиц, грибов, ягод... До сих пор снится всё это, хотя давно уже нет Шелыгина, снесли. Поросли луга ивняком да ольхой, заболотилась речка. И тут войну не обойдёшь: забрала почти всех мужчин. Лишила землю работников. А луга наши надо постоянно очищать от кустарника...

Мы росли патриотами, в первый же день войны многие сами явились в военкомат. Ушёл на фронт Виктор Герасимов — и не вернулся. Погибли Виктор Самсонов, Виктор Абросимов, Боря Хохлов, Лида Куваева... Друзья моего детства. О каждом можно написать повесть, хотя они не дожили и до двадцати.

Я тоже пошла на фронт добровольно, по спецнабору: приезжал товарищ из штаба 7-й отдельной армии, набирал через райком комсомола девочек. Раз спецнабор, значит что-то особое предстоит, подвиг, романтика! Оказалось, набирали девушек в секретари прокуратур. Я попала в 70-ю отдельную Морскую стрелковую бригаду, на Карельский фронт. Держали оборону на Свири, Ленинград был в блокаде, все силы были направлены туда, у нас шли — как писали тогда, бои местного значения. И были землянки в лесу, по крышу засыпанные снегом, бесконечность писарской работы, при скудном свете маленького оконца или крохотной стеариновой свечи-плосшки. Тихие, жуткие ночи — враг мог прорваться в любую минуту.

Вскоре должность секретаря была ликвидирована. Я стала делопроизводителем отдельной сапёрной роты, там же, в бригаде, вела учёт боевого, продовольственного, вещевого, денежного снабжения. Помогал мне — и учил — писарь Чехутов, славный пожилой дядя. Впрочем, тогда мне казались пожилыми все, кому было за тридцать.

Потом — резерв и 497 стрелковый полк 135 стрелковой дивизии, в штабе которого я служила делопроизводителем по учёту офицерского состава и наградам. Воевали в Финляндии; прошли от Кракова до Бреслау по разорённой, ограбленной Польше. В Финляндии я видела только лес и скалы. И ещё артналёты. Землянки под камнями не имели окон, днём я выходила на воздух, ставила пишущую машинку на ящик, сама садилась на камень... Как-то писарь Толстых — тоже пожилой, беззубый, упрекнул:

— Что вы, товарищ младший лейтенант, сидите на холодном камне?

Снял с себя телогрейку, свернул. Я села на неё — мягче, удобней. В густом сосняке было жарко и тихо, стучала только моя машинка. Вдруг раздался высокий нарастающий свист и я увидела — из нашей землянки ползком выбирались писаря, ныряли в вырытое под скалой укрытие. Мне стало смешно: чего испугались? Но — взрыв; неподалёку заржали лошади. И снова нарастающий свист. Я не была обстрелянным бойцом, не понимала опасности, поэтому рассердилась, когда тот же Толстых высунулся из укрытия и буквально силой затащил меня туда. Тут же всех нас оглушил взрыв. А после, когда всё кончилось, мы увидели: телогрейка, на которой я сидела, была пробита осколками в двух местах. Толстых спас меня. Не сразу я это осознала.

В Польше шли порой через поля трупов — немцы отступали быстро, не угонишься, но вдруг останавливались, давали бой. Помню село Боленцын у Одера. Командир полка собрал перед боем на совещание командиров подразделений. Они уходили — молодые, весёлые, шутили, смеялись... А через несколько часов нам принесли списки убитых и раненых. Я страшилась заглянуть в них, знала всех офицеров полка в лицо... труднее всего было писать извещения о гибели, досылать пули врага в сердце матерей. Хотелось что-то особое сказать о каждом — но что скажешь, если в одном бою мы потеряли до четырёхсот человек...

Хоронили друзей. Под Нойвальде погиб Вадим Белов, страстный любитель чтения, даже в полевой офицерской сумке у него были книжки. Погиб майор Каржавин... Лица многих товарищей ещё помню, а фамилии — уже нет. Прошли годы. Не думали уцелеть, тем более — прожить столько.

Я не сразу решилась написать о войне, — после крупных писателей, очевидцев и участников самых решающих сражений, что могла сказать нового я, делопроизводитель, ни разу не ходившая сама в бой? Но Михаил Михайлович Обухов, старый писатель и друг, сказал просто:

— То, что ты видела, никто кроме тебя, не расскажет. И так, как ты видела.

И я стала писать — о жизни на войне, о четырёх годах нашей молодости, отданных войне. Повесть «Вернусь живым» увидела свет в 1971 году. Позже родились рассказы: почти все они услышаны мной от бывших бойцов, во время моих журналистских поездок, просто в минуты житейских разговоров и встреч. Помню, в редакцию нашей газеты «Котельщик» зашла гардеробщица, поведала историю, которая, почти слово в слово, записана мной в рассказе «Пролески на граните». А во время поездок по Грайворонскому району инвалид-механизатор рассказал мне, что потерял ногу в окопчике возле самого своего дома...

Тот, кто видел войну, никогда её не забудет. А теперь человечество подошло к войне, из которой вообще вряд ли кто сможет вернуться живым. Помните об этом всегда. Помните!

Война. Снега...

Война. Снега.
Клуб в сельской церкви.
В этом странном зале
молоденький комбат играет на рояле.
Сквозь вальс-бостон «Под крышами Парижа»
Своё, родное, словно стало ближе.
Задумчивы бойцы,
Что их сердца тревожит?
Тоска о близких?
Жалость — мало пожито?
Что видел сам комбат?
Проспекты Ленинграда,
Зажатые в ледовый плен блокады?
Простор Невы,
уютную квартиру,
к которой путь лежит через дороги мира?
Иль девушку-певунью в платье белом,
чью руку лишь однажды он пожал несмело?
В неярких бликах ламп
мечтателен и зыбок
блеск погрузневших глаз
и робкий свет улыбок.
Война. Снега.
Клуб в сельской церкви.
В этом странном зале
молоденький комбат
играет на рояле.

Он не был героем...

Он не был героем, не был.
В атаку полк не водил.
В гудящее битвой небо
не ввинчивал грозный «ИЛ».
Ему не пришлось ни разу
столкнуться в бою с врагом:
он был офицером связи
в штадиве прифронтовом

В своём отличался деле —
находчив, упорен, быстр.
...Погиб при случайном обстреле
у тихой речушки Мыс.
Качнула шальная мина
жизни и смерти весы.
Не стало у матери сына.
Остался Родины сын.

* * *

— Схоронили Мишу?
 — Схоронили.
 — Эх, не стало верного друга!
 Что-то щи неважно посолили...
 Ел, склонившись к дужке котелка,
 ложку сжав в упоре кулака.
 Ел. На гарью тронутых щеках
 Слёзы две бороздки проложили.
 В трудный час,
 в тяжёлый, горький час,
 если станет в жизни очень туго,
 вспомню, как вернувшись после боя, ас
 ел и плакал о погибшем друге.

* * *

Он с виду выглядел мальчишкой,
 хотя имел под сорок лет.
 Себе частенько слышал вслед:
 «Очкарик кто? Да писаришка!»
 Но вот попали в окружение.
 В чащобе леса, среди осин,
 его «работал» карабин
 без промаха и промедленья.
 Отбились. Как и все, живой
 из леса мёртвого он вышел.
 С тех пор частенько сзади слышит:
 «Кто он? Наш писарь полковой!»

ЗА КРАЙНЕГО

Поэту К.Я. Мамонтову

«В атаку!» —
 команды, как птицы по веткам,
 спускаются ниже и ниже,
 И вот уже цепь напряжённых бойцов.
 И каждому страшно.
 И каждому хочется выжить.
 И крайний встаёт, молчаливо, без слов.
 За крайних!
 Что шли пулемётам навстречу,
 что провод тянули под злое стенание мин,
 За крайнего!
 В деле любом человеческом
 есть крайний,
 что должен решать и подняться один.
 Потом уж
 «Ура!»
 и стремительной схватки лавина,
 потом:
 «Молодцы!»
 и победного стяга заря...
 Немного вас, крайних, дошло до Берлина
 но вы поднимались и падали навзничь не зря.
 Меняется жизнь.
 Поколенья меняются тоже.
 И если сейчас раздаётся команда — «Вперёд!»,
 то всю нашу храбрость
 и всю нашу силу итожа,
 сегодняшний крайний на смерть и на подвиг встаёт.
 За крайнего!
 Сколько б веков ни промчалось,
 какая бы мир ни ломала беда,
 всё лучшее с крайних всегда начиналось,
 и будет всё лучшее с них начинаться всегда!

Зло целит в материнские сердца...

... Торжественно отдернута завеса.
У памятника вспыхнул вечный факел —
для тех, чья жизнь становится легендой.
К холодному подножию плиты
упала мать в отчаянье безмолвном:
для матерей погибшие сыны
не могут стать легендой,
сыновние всегда свежи могилы
и острота потерь, как в первый день.
И потому у гордых обелисков
стоят по всей воспрянувшей России
поникшие в печали безысходной
гранитные фигуры матерей.
Того, кто снова хочет убивать,
я б провела сквозь грозный строй надгробий,
чтоб понял он —

война не для других,
война — для всех.

И матери его, быть может,
пасть суждено в отчаянье безмолвном
к холодному подножию плиты.

.....
Зло целит в материнские сердца.

1968

Памяти поэта Сергея Орлова

Боец с обгоревшим лицом,
ты выжил в неравном бою.
Война беспощадным огнем
спалила лишь юность твою.
Друзья не узнали тебя,
жена не узнала тебя.
И мать не узнала тебя —
а может ли мать не узнать?
Но светлым остался твой взгляд,
Ни в чем не раскаялся ты.
И в шрамах глубоких сквозят
твои молодые черты.

Платформа «Танковое поле»

... Платформа «Танковое поле».
 Осенний лес.
 И вдруг пронзило сердце болью:
 Когда-то здесь...
 Когда-то здесь
 шел бой, отчаянный и правый,
 и каждый год все вновь
 багряный отсвет в блеклых травах —
 как будто кровь...
 Как будто кровь...
 Дрожит и стонет электричка
 под звон колес.
 И в куртке легонькой парнишка
 совсем замерз.
 Совсем замерз...
 Вернулся поздно он с гулянки
 и не доспал.
 ... В горящем танке,
 в горящем танке
 не умирал.
 Такой же тоненький и русский,
 и бровь дугой,
 упрямый, вспыльчивый, безусый,
 то был другой.
 То был — другой!
 Ему досталось в раскаленной
 глухой броне
 за всех сегодняшних влюбленных
 гореть в огне.

1980

Белая звонница...

В поле просторном
 белая звонница,
 купол горит золотой.
 Травы к подножию
 с шелестом клонятся:
 «Павшим — покой.
 Вечный покой...»
 Колокол вещей
 тревожит бессонницей:
 «Битва была горяча!»
 Встала над павшими
 белая звонница —
 сердца свеча.
 Память-свеча.
 Светом немеркнущим
 жертвенность полнится,
 словно моля:
 кровью политая,
 вольная вольница —
 свята земля.
 Свята земля!

2003

**ОВЧИННИКОВ
ИВАН ЕГОРОВИЧ**

Родился в 1924 году в селе Принцевка Валуйского района, где живу и поныне. До войны окончил 8 классов, а затем (после войны) заочно окончил среднюю школу. Работая в колхозе, учился в Белгородском пединституте (тоже заочно) на факультете русского языка и литературы.

В Великую Отечественную был на Калининском фронте (потом 2-й Прибалтийский) — рота автоматчиков, командир отделения. В январе 1944-го был тяжело ранен, после лечения в разных госпиталях инвалидом вернулся домой. Работал рядовым колхозником, счетоводом, главным бухгалтером в колхозе. Был учителем в своей Принцевской средней школе. С 1967 по 1984 год (до ухода на пенсию) работал в редакции Валуйской районной газеты «Звезда».

Стихи публиковались в областной и центральных газетах, во множестве коллективных сборниках («Начало пути», «Наше время», «О чём поёт народ Отчизны», «Слово бойца», «Запах полыни» и др.), вошли в «Антологию современной литературы Белгородчины» (1993). Сейчас на пенсии, копаюсь в огороде, хожу на рыбалку, продолжаю писать и печататься.

БЕЖЕНЦЫ

С своих насиженных гнездовий
Те, чей врагом захвачен кров,
Тянулись днём и ночью к Дону
Сквозь рёв орудий и коров.
По большакам, оврагам, хлебу
Народу двигалось — не счесть.
С мольбой тянули руки к небу:
— Убереги, коль ты там есть!
— Убереги!..
Мольбам не внемля,
Летели с неба бомбы вниз,

Огнём раскалывали землю
И в гуще беженцев рвались.
Но принатужились солдаты
Великой родины моей —
Отвоевали людям хаты
И ширь израненных полей,
И токовища, и бахчевья,
И развороченный их быт...
Но дни великого кочевья
Вовеки людям не забыть.

ВОЕНВРАЧ

Из-за ручья, сверля туман,
Ко мне иль не ко мне
(Ведь не один же я Иван
Тогда был на войне)
Спешила смерть. Ей жизнь отдай.
Да молча, не перечь.
Не попадёшь транзитом в рай,
Но дашь сначала течь
И крен к земле. А уж потом...
Но только медсанбат
Не дал черпнуть той тьмы бортом,
Какую раем звать.

Санбат — под горкою в избе.
Теперь хоть пой, хоть плачь,
Когда пробоину тебе
Заделявает врач.
Латает, чтобы сквозь неё
Душе не отлететь,
На фронте каждому — своё,
И общее — терпеть.
Так пусть мой стих врача найдёт,
Напомнит медсанбат,
И по-солдатски козырнёт
От выживших солдат.

ВНУК СПРАШИВАЕТ

— Дедушка, а как там, на войне?

На войне как на войне:
Жгут и убивают.
Та война сидит во мне
И не заживает.
Раны в непогодь скулят,
Прислонись, послушай,
Что они там говорят
О войне минувшей —
Только бранные слова, —
То они от боли,
Чтоб в огонь войны дрова
Не кидали боле.

МАРШАЛ-ПЕСНЯ

Сороковые — огневые:
Окопы, кровь, пожарища.
Оттуда слышу и поныне
Я голоса товарищей,
Что по дорогам и по бродам,
Сквозь гарь и пыль походные,
Несут набатно через годы:
«Идёт война народная...»
Была война, и песня эта
Вела народ к возмездию,
В военно-песенном букете
Считаясь маршал-песнею...

ИЗ ОДНОГО СЕЛА

Фамилий длинные столбцы,
Их, не вернувшихся, под триста,
Тут рядом дети и отцы —
Матросы, лётчики, танкисты.
На снимках многие из них
Ещё по штатскому одеты
(К шинелям возраст не достиг),
А то и вовсе снимков нету.

Со стелы смотрят сотни глаз
В глаза другому поколению,
Что продолжает жить за вас,
За неподвластных постаренью.
Победе той за сорок лет,
И впредь ей здравствовать и длиться,
Ей равной не было и нет,
Чтоб по цене могла сравниться.

ДОМ СОЛДАТА НА ВОЙНЕ

У солдата дом и сени,
Если это на войне, —
Лаз под землю в три ступени
Да коптилка на стене.
Да таких, как он, в том доме —
Негде яблоку упасть,
Спят вповалку на соломе,
Коли выпал тихий час.
Чем не рай? Тепло и сухо.
Теснота — и та в зачёт —

Где-то пушки стонут глухо,
А над ними не течёт.
Хуже тем, кто не в землянке,
А в траншеях на снегу
Выбивают «серебрянку»,
Греясь так назло врагу.
Рай военный для солдата
Не проблема. Как и ад.
Будет рай — была б лопата,
Да при силе был солдат.

ПОБЕДА

И в грязь, и в сушь,
И день, и ночь
Стояло зарево пожарищ,
Отца разыскивала дочь,
Терял товарища товарищ.
Броня корёжилась в огне,
Лизал огонь проломы зданий,
И каждый думал о том дне,
Когда конец войне настанет.
И он настал. Он заиграл
Цветами радуги в салюте.
— Победа! — Даже генерал
Не прятал слёз:
— Победа, люди!

**ОСТРОВСКИЙ
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ**
(1910 — 1993)

В годы войны прошёл боевой путь от Москвы до Берлина. Служил в пехоте, лыжной бригаде. Награждён тремя боевыми орденами, несколькими медалями. После войны работал в редакции «Ульяновской правды» и «Белгородской правды». В последние годы — в «Союзпечати».

Первые стихотворения появились во время войны в корпусной газете «Гвардия» (1942). В мирное время широко публиковался в областной печати, его стихи вошли в коллективные сборники «Первый взгляд», «Слово бойца», «В родном кругу», а также в «Антологию современной литературы Белгородчины» (1993).

ФОТОГРАФИЯ

Треугольник почты полевой,
Что принёс ты матери сегодня?
Фотографию сына. Живой!
Похудел, видать, на фронте взводный.
Вот она, кровинушка её,
Брошенная в яростную бурю.
А засняли где-то меж боёв —
Причесать успел он шевелюру.
На груди прибавилось наград,

К прежним вновь приплюсовалось что-то.
Жаль, что ничего не разобрать —
До чего же маленькое фото!
Смотрит мать на карточку с тоской,
Зарывает тягостным моментом...
Как узнать ей, что размер такой
Сделан для партийных документов.

1943

В ЗАПАСНОМ ПОЛКУ

Сигнал «подали» сыграл горнист.
Ну, отличайтесь, братцы!
На огневом рубеже напряглись
Вчерашние новобранцы.
Вчера изучали винтовку, патрон,
Гранату, строй, повороты...
А завтра их путь — на западный фронт
В составе маршевой роты.
...И грянули выстрелы! Дыма прядь —
Поверх поясных мишеней.
И пять человек, первых пять
Решают зачёт-упражнение.
Вот и пробойн точный подсчёт:

Четыре — в грудь и одна — в край погона.
Это моя чуть задела плечо...
Жаль, пуля, тебя не догонишь!
Товарищ комбат, взял я малость правой,
Ошибку запомню надолго.
Но я о другом — мои чувства проверь,
Чувства бойца молодого.
До боли в глазах я вливаюсь в овраг,
Туда, где движется вверх цель.
Вот, знал бы, что это не щит, а враг —
Попал бы в самое сердце!

МЕЧТАЕТСЯ ПОРОЙ

Мечтается порой: вернусь домой
Живым с войны — родным, друзьям на радость.
И мнится, кто-то скажет: «Друг ты мой,
А где же наивысшая награда?»
Не всем освободителям земли
Дойти до звёзд. Об этом знать бы, помнить...
Распределялись звёзды, как могли:
Кому на грудь, кому — на свежий холмик...
Пусть нет подобного среди моих наград,
Не огорчайтесь, добрые соседи.
Но те, что есть — о главном говорят:
Земляк ваш не был на войне последним.

1944

ЛОПАТКА

Рядовому Николаю Терещенко

Понятно каждому: не для парада
Торопимся к берлинскому плацу,
Но ежели небритый — не порядок,
И на войне щетина не к лицу.
Солдат России, следуя порядку,
Накоротке решает, что к чему.
Взяв безопаску, смотрится в лопатку,
Сейчас она как зеркало ему.
Вот и побрит, помог походный опыт.
И, может, в этом глянце отражён
Тяжёлый грунт трёх государств Европы,
Где шёл, вгрызаясь в землю, батальон.

1945

**ПАШНЕВ
НИКИТА ПЕТРОВИЧ
(1924 — 1980)**

ЗВЕЗДА УПАЛА...

Лет двенадцать назад в букинистическом отделе одного из белгородских книжных магазинов я купил сборник стихов разных авторов под названием «Поэзия рабочих рук». Его редактором и составителем был известный поэт Ярослав Смеляков. Сразу запомнилось и полюбилось одно из стихотворений. Написал его белгородский поэт Никита Пашнев:

Под ногами снег скрипучий.
Пахнет дымом. Свечерело.
Снова нас с тобою случай
На тропинке сводит белой.
Я лицо твоё не вижу.
В стороне чернеют хаты.

В полушубке своём рыжем
И легка и хороша ты.
Обнимает тучку ветер,
И рука морозной ночи
Светляки срывает с ветел
И бросает в наши очи.

Хотелось прочитать и другие стихи Пашнева, так тонко, образно и просто сказавшего о любви к родной природе, неразделимо связанной с образом «таинственной незнакомки», к которой так трепетно неравнодушен поэт. Позже от некоторых белгородских писателей я узнал скудные подробности о судьбе автора «Встречи» Никиты Петровича Пашнева. Оказалось, что он трагически погиб в 1980 году. Был будто бы человеком замкнутым и в то же время уверенным в своём таланте. Как непрофессионала в литературе его изрядно трепали на литобъединениях и семинарах начинающих писателей. Нашел и подборку его стихов в коллективном сборнике «Начало» (Воронеж, 1967). Там говорится о том, что Никита Пашнев «родился на Белгородчине. После семилетки уехал работать на стройку. В 1940 году был призван в армию. На фронтах Великой Отечественной войны прошел путь от Москвы до Берлина. Имеет четыре правительственных награды. Печатался в коллективных сборниках, центральных газетах. Живет в Белгороде. По профессии — рабочий-лепщик».

Так и закончилось бы знакомство с ним, если бы судьба не свела меня однажды с двоюродным братом Никиты Пашнева, жителем Белгорода Валентином Борисовичем Езерцом. Он тоже поэт и написал не один десяток интересных стихотворений. Часть из них была опубликована в печати. Валентин Борисович, как оказалось, располагал... архивом Пашнева — несколькими увесистыми связками рукописей. После смерти поэта другие ближайшие родственники (а их немало, живут на Украине) не проявили никакого интереса к творческому наследию Никиты. Пеклись они лишь о своей денежной доле наследства. Кроме рукописей, Валентин Борисович долгое время хранил как память о Пашневе выкрашенные под бронзу маленькие бюсты Есенина, Пушкина, Маяковского и Сталина — может быть, выполненные самим Никитой, так как он был первоклассным лепщиком. Конечно же, я очень обрадовался, узнав об уцелевших рукописях. Хотелось порваться в них, найти стихи, подобные «Встрече».

И вот я в гостях у Валентина Борисовича, и в моих руках пожелтевшие, истершиеся на сгибах, слежавшиеся машинописные и исписанные листы со стихами. Пока их просматривал, Валентин Борисович и Людмила Николаевна рассказывали мне о жизни поэта. Интересовавших меня подробностей было мало. Как водится, после смерти поэтов известное дополнялось услышанным от других людей и поэтому становилось легендарным. Я узнал, что Никита родом из села Хохлово Белгородского района. В годы войны прошел большой фронтовой путь, закончил его в Германии. Был контужен. Примерно в 1944 году произошла трагедия в его личной жизни. Она стала потом одной из главных причин его смерти. Никиту будто бы обвинили в каком-то военном преступлении, которого он не совершал. Ему грозил суд военного трибунала. Жена его, испугавшись вероятных преследований за связь с «преступником», тайно уехала куда-то вместе с дочкой.

Позже выяснилось, что произошла судебная ошибка. Никиту отпустили...

Долгие годы искал он свою семью. Ездил, писал во все концы страны. Наконец нашел. Но жена его сошлась с другим человеком. Пашнев виделся несколько раз с дочерью, высылал ей деньги. По своей натуре был он человеком великодушным и щедрым. После войны Никита вскоре стал жить в Белгороде. Работал в «Отделстрое». Ремонтировал многие здания и помещения города. Стал мастером в деле. Жил в своей квартире на улице Б. Хмельницкого, 92/5. Продолжал писать стихи: глубокие чувства, неустroенность искали выхода, и душевные порывы воплощались в поэтические творения. Опыта и серьезной литературной подготовки у него, конечно, не было. Прочитать нужные книги помешали трудная жизнь и война. Но Никита упорно работал над стихами. Их ругали, редко хвалили и совсем мало печатали.

Между тем жизнь шла. Он оставался таким же одиноким. В конце шестидесятых годов Никита воспрянул было духом. Получил будто бы сообщение, что бывшая жена собирается менять место жительства из-за плохого климата и, возможно, переедет в Белгород. Именно тогда появляются публикации в коллективных сборниках. Но в издании своей книги ему неизменно отказывают. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в архиве ответы на письма ответственных работников Центрально-Чернозёмного и других книжных издательств. Мало радовали рецензии, вроде такой вот:

«В большой рукописи Никиты Пашнева я нашел три относительно благополучных стихотворения. Это «Звезды в лесу», «Мимозы в Белгороде» и «Хохловская осень». В них чувствуется «кисть» автора, художественная ткань... Остальные стихи... маловыразительны, малохудожественны. К ним относятся «Возвращение», «Поэзия труда», «Мой рабочий день», «Утро пятилетки», «Девушка-маляр», «Моим сверстникам», «Животноводы», «Россия», «Русский лес»... и другие. Вывод: в короткой рецензии невозможно показать все «огрехи» поэта (!). Н. Пашневу надо учиться, учиться и учиться.» (П. Касаткин, Воронеж).

Эти поистине «ленинские» требования предъявляли к поэту и другие рецензенты. Например, один из них, оставшийся безымянным (нет окончания рецензии), пишет так: «... у Никиты Пашнева была, очевидно, трудная жизнь. Как говорится, не дай бог никому, чтобы так пришлось. Он прошел всю войну, израненный вернулся к мирному труду строителя и сейчас работает, не покладая рук. Честь и хвала ему за это. Но Пашнев, кроме этого, еще и литератор. Он пишет стихи и прозу. Тут уж возникает конфликт с действительностью: кого-то печатают, а меня нет. Начинаются всякие домыслы о затирании таланта, пристрастном отношении издателей и редакторов к пишущим людям, о каком-то «блате»... Понятно, что ни о каком издании рассматриваемых произведе-

дений Н. Пашнева не может быть и речи. Три-четыре сравнительно благополучных стиха у него обнаружить можно, но этого, конечно, совершенно недостаточно...»

Как видим, рецензенты искали в произведениях начинающих авторов, в основном, одни огрехи. Бесполезно было возражать им и издателям, что «блат», проталкивание бездарных произведений по знакомству у нас процветали. Печаталось то, что было состряпано известными и немногочисленными кастовыми профессионалами — бездушные стихи о модных березках, прелестях нашей советской жизни, в особенности хлебоуборки, о которых почти не имели представления. Публиковались бесчисленные бездушные вирши о ветеранах, братских могилах, не относящиеся к настоящей поэзии. По торной дороге шло и большинство начинающих. Настоящих же знатоков природы, лириков, обходили вниманием, считали «не идущими в ногу со временем». Правда, сохранилась в архиве и такая рецензия:

(Цитируется стихотворение «Звезда упала»).

«...Стихи эти наводят на размышление, трогают своей искренностью чувства. Они просты по форме и глубоки по содержанию. Единение природы и человека свойственно многим стихам Н. Пашнева. Именно природа родного края, которую он горячо любит и понимает, и является благодатной почвой для его поэзии,... наполняет стихи мягким светом, углубляет их содержание... Очень примечательны в этом отношении стихи «Иволга», «Русский лес», «Мать», «Тихо, тихо бродит на заре», «Предзимье», «Встреча», «Весна» и другие. ...С темой «Природа и человек» в стихах Н. Пашнева соседствуют еще две темы: гражданско-публицистическая и рабочая. Надо сказать, что удач здесь гораздо меньше, однако и здесь у поэта можно набрать 10-15 довольно неплохих стихов... К таким, на наш взгляд, следует отнести стихи «Белгород», «Утро пятилетки», «Россия», «Маляр», «Ровесникам» и другие. В своей рецензии мы коснулись только лучшей части рукописи Н. Пашнева, потому что ставился вопрос — можно ли из большой рукописи собрать небольшой поэтический сборник. Мы отобрали с этой целью стихи для будущей книги, которые, на наш взгляд, писательская организация может рекомендовать издательству включить в план редакционной подготовки.» (И. Чернухин, 6 февраля 1969 г.).

Как видим, белгородский писатель И. Чернухин хорошо отзывался даже о стихах, которые предыдущий рецензент назвал малохудожественными... Но и такая добрая рецензия не могла сделать погоды в системе «работы с молодыми авторами». Из года в год выходили только книги так называемой «литературной обоймы» — тех, кто был принят когда-то в Союз писателей. Они получали после этого возможность издаваться и переиздаваться, занимая так называемые считанные авторские «позиции», ссорясь из-за них между собой до дикости и, конечно, отбирая эти «завоевания» у «несоюзной молодежи».

...Никиту все не издавали. Он так же работал отделочником, пытаясь временами показать свой нелегкий труд с лучшей стороны в поэзии. Продолжал жить одиноко и ждать вестей. Однажды получил письмо. В нем сообщалось о смерти бывшей жены.

Видимо, оно и оборвало последнюю ниточку, связывавшую надежды поэта с чем-то лучшим в будущем. Он заболел. Ушел с работы. К нему приходили домой начальник предприятия и председатель профкома. Убеждали вернуться, так как очень ценили Никиту как работника. Он пообещал это сделать. Прошло трое суток... Снова пришли к нему домой. Квартира была заперта. Взломали дверь и увидели его лежащим в луже крови. Пашнев застрелился из ружья...

Одни припоминают его веселым и общительным человеком. Другие — замкнутым, нелюдимым. Такими, чаще всего и бывают поэты — открытыми для одних и надевающими непроницаемую маску там, где чувствуют тайную недоброжелательность. Они всегда уносят с собой тайну — жизни и смерти.

В архиве Н. Пашнева сохранилось много прекрасных стихов. Как они написаны, какие правки, доработки прошли — теперь сказать трудно. Главное — их вполне хватит на отдельный сборник. С большой любовью и теплотой говорится в них о природе нашего края, родном селе Хохлово, дорогих поэту земляках, о Белгороде. Если бы нашлись люди или организация, пожелавшие издать сборник, — они сделали бы благороднейший вклад в сокровищницу культурных ценностей Белгородчины, да и России.

Александр Гирявенко,
член Союза писателей России

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я иду
По тропинке
В Хохлово,
В небе
Тянутся
Робко дымки,
И приветливо
Тёплое слово
Говорят мне
Друзья-земляки.
Приглашают меня
На крылечко
Раскурить
Крепачок-самосад...
А за синей
Вечернею речкой
Льются тёплые
Песни девчат.
И нахлынуло,
И набежало,

Покатилось
В притихшей траве...
Словно юность
Моя запоздалая
Возвратилась
Снова ко мне...
Нет,
Не зря я
Под вьюги высвисты
Стыл в окопах,
В атаки ходил,
Чтоб в Хохлово
Не слышались выстрелы,
Чтобы призрак
Войны не бродил.

1947

с. Хохлово

РОДИНА

Покинул поезд я.
Безлюдье на перроне.
Кругом стоит
Такая тишина,
Что, кажется,
Её рукою тронешь —
И, как хрусталь,
Расколется она.
За журавлями
Улетело лето,
Осенний воздух
Холоден и чист,
И, падая
С берез полураздетых,
К моим ногам
Сухой слетает лист.
Иду лугами,
Где мычат коровы,
Скорбя о днях
С росистой травой.

В ракетах голых
Спит село Хохлово,
Укутавшись
Стеклянной синевой.
Окном моргает
Хата у дороги,
Растрёпан ветром
Камышовый чуб,
И журавель,
Как инвалид безногий,
Стучит бадьёй
О деревянный сруб.
Здесь я родился,
Здесь война металась,
Разинув пасть
На мирное жильё,
Здесь, в вихре
Раскалённого металла,
Беззвучно счастье
Плакало моё...

ТВЕРИТИНОВ
МИХАИЛ ДЕНИСОВИЧ
(1926 — 1993)

Родился я 22 июля 1926 года в сече Солдатское Ракитянского района Курской, ныне Белгородской, области в крестьянской семье, как есть перед Михайловым днем, отчего и унаследовал имя Михаил.

Насколько я помню, родители мои уважали крестьянский труд, к нему приучали и своего сына. Годы моей жизни совпали с очень важными историческими периодами в судьбе моей Родины. Туманно, но не бесследно, прошли через мое детское сознание годы коллективизации. До сих пор помнятся перепуганные лица сельчан, которые неоднозначно приняли новые реформы. Некоторые из моих соотечественников оказали властям сопротивление. Они выступали против коллективизации, убивали активистов, жгли снесенное до кучи общественное добро. Но вскоре эта преступная «банда», как их потом называли, была разгромлена...

В 1934 году с каким-то особенным желанием пошел в сельскую школу, где учился прилежно. В июне 1941 года закончил семилетку с отличием и передо мной открывались светлые перспективы дальнейшей учебы. Я поступил в Готнянскую среднюю школу. Однако, темная туча войны надвигалась неотвратимо с запада и не дала этим надеждам сбыться. С октября 1941 года по апрель 1943 года пришлось жить в оккупированном захватчиками селе. Как ни странно, но именно в эту сумрачную пору во мне зародилось страстное желание писать стихи. И я писал, изливал в них состояние своей души. Во мне жила вера в победу Красной Армии, в светлое будущее наших лю-

дей. Да так оно и вышло. В марте 1943 года в селе появились наши родные красно-звездные бойцы. Потом завязались жестокие бои. Село переходило из рук в руки. Сельчанам пришлось эвакуироваться в село Бобрава. Огнем боев мое родное село было выжжено дотла. В это время я вступил добровольцем в ряды нашей армии. Некоторое время находился в обороне у своего же села. Мне шел тогда семнадцатый год. Через некоторое время я был направлен в Горьковскую область на обучение. Подготовка проходила в городе Сергач. Здесь получил от матери весть о гибели отца на фронте.

После учебы уехал на фронт. С боями прошел Украину, Польшу, большую часть Германии. Особенно жаркими и кровопролитными были бои на Сандомирском плацдарме за Вислой. Там, на Сандомирском плацдарме, в армейской газете «Вперед, на врага» было напечатано первое мое стихотворение «Отомстим». Оно начиналось так:

Мы на Запад пойдем, чтоб судить палачей,
Привести приговор в исполнение,
Ни один не уйдет из берлоги своей,
Не спасется от нашего мщенья.

На Сандомирском плацдарме я встретил своего односельчанина, товарища по школе Агаркова Афанасия Афанасьевича. Как мы обрадовались друг другу! Оказывается, мы шли дорогами войны, находясь в одной воинской части — 17-й гвардейской механизированной бригаде, которая придавалась 4-й танковой армии генерала Лелюшенко.

12 января 1945 года Первый Украинский фронт перешел в наступление. Вскоре мне сообщили, что мой земляк А. А. Агарков погиб в одном из тяжелых боев. В начале февраля наш первый мотострелковый батальон форсировал реку Одер, завязал бой на левом берегу и в первую же ночь овладел городом Кёбин.

Враг бежит. Он переполнен злобой,
Но победа достается нам,
Мы уже штурмуем Кёбин
За спиной у нас уже плацдарм.

Так запечатлел я этот момент много лет спустя в стихотворении «Переправа».

Мы были десанниками, проводили на танках глубокие рейды в тыл противника. Сначала я был командиром отделения танкового десанта, а на Одере, когда ранило командира, взял на себя взвод. За форсирование этой памятной реки меня наградили орденом боевого Красного Знамени.

15 февраля 1945 года в одном ожесточенном бою при взятии немецкого населенного пункта я встретился с вражеским осколком, который отправил меня на 15 месяцев в госпиталь. В госпиталях перенес пять очень серьезных операций. От смерти был в прямом смысле на волоске. И все-таки выжил. Помогло в этом то, что я не падал духом.

Я знал, земля не будет пухом,
Мне жить хотелось в гуще дел,
И силой собственного духа
Я смерть свою преодолел.

В мае 1946 года возвратился инвалидом войны второй группы. Страшное разорение увидел я в своем родном селе. Уцелевшие сельчане ютились в землянках, в примитивных избенках, построенных из жердей, принесенных на себе из леса. Пахали на коровах, сеяли вручную, убирали так же. Если сравнить то время с нынешним, можно до слез восхищаться тем, как высоко мы поднялись в материальном и культурном отношении.

Дома с горечью узнал о школьных товарищах, павших на фронтах за нашу любимую Родину. Помню, после школьных экзаменов в 1941 году, я сфотографировался с товарищами на память. Как хотелось встретиться с ними после войны. Но судьба распорядилась по-своему:

ФОТОГРАФИЯ

Она мне дорога до боли,
 Еще тем более сейчас...
 Мы все в одну спешили школу,
 Втроем в один ходили класс...
 Мы в разные полки и роты
 Попали. Что там, впереди?
 Втроем стоим на старом фото, —
 В живых остался я один.

По мере своих сил я вместе с сельчанами работал в колхозе, пахал на быках. Находясь рядом с людьми, я убеждался постоянно в том, что люди не пали духом, стойко переживали невзгоды во имя светлого будущего. С 1947 года по 1953 год работал начальником почтового отделения связи. В 1953 году меня выдвинули секретарем сельского Совета. На этой должности проработал десять лет. В 1963 году избрали председателем исполкома Солдатского сельского Совета. На посту председателя исполкома сельского Совета работал до выборов 1985 года. За эти годы при мне отстроилась новая школа, Дом культуры, здание сельсовета. Восстановлено было из руин и родное село. В настоящее время нахожусь на пенсии как инвалид Великой Отечественной войны. Награжден еще орденом Отечественной войны I степени, многими медалями, а через 45 лет пришла мне за бои на Висле медаль «За боевые заслуги». Удостоен также наград за работу на мирном поприще.

С 1952 года мои стихи постоянно печатаются в районной газете «Знамя коммунизма». Судьба их была решена бывшим редактором Александром Георгиевичем Кеповым. Об этом я написал такие стихи:

Не позабыть мне случай этот
 До самых до преклонных лет,
 Как я к редактору газеты
 Зашел когда-то в кабинет.
 Меня трясло, как в лихорадке,
 Одолевал какой-то страх,
 Я протянул ему тетрадки,
 Где были опыты в стихах.
 Ему терпения хватило
 Прочсть те строчки не спеша,
 И постепенно отходила
 Оледеневшая душа.

 Рассеялся сомненья дым,
 Когда сказал: — Стихов подборку
 В субботнем номере дадим.

 Я будто заново родился,
 Связав с газетою судьбу.

Иногда моим стихам предоставляется место в газете «Белгородская правда». Печатались они в трех коллективных сборниках Центрально-черноземного издательства. Сейчас готовлю подборку стихов для собственного сборника. С непреходящим интересом и охотой продолжаю писать стихи и по сей день. Являюсь депутатом сельского совета этого созыва, членом исполкома. Принимаю участие в патриотическо-воспитательной работе в Солдатской и других школах района. Сотрудничаю в районной газете.

Кажется, что жизнь прошла не бесславно и в том смысле, что вместе с женой воспитали троих детей — двух дочерей и сына. Чрезвычайно много сил отдала семье наша мать Федосья Стефановна, ушедшая из жизни в 1980 году в возрасте семидесяти восьми лет.

Выращенное нами дерево жизни украшают три внучки и два внука.

Жизнь продолжается.

М. Д. Тверитинов

От ИЗДАТЕЛЯ: Эту автобиографию М. Д. Тверитинов написал для альбома в Солдатскую среднюю школу. Умер Михаил Денисович в 1993 году. Он успел увидеть свои стихотворения, изданные в двух сборниках: «У солнца под крылом» (1992) и «Испытание жизнью» (1993). Его стихи вошли в «Антологию современной литературы Белгородчины» (1993) и в антологию «Потомкам» (1995).

У РУИН УСПЕНСКОГО СОБОРА

Фашисты разгромили Киево-Печерскую Лавру, взорвали Успенский собор — чудесный памятник древнерусского зодчества XI века.

Ещё нас будет занимать
Вопрос загадкой непростою:
Чем мог фашистам угрожать
Собор Успенский? Красотою?

Пугал ли взлётом куполов?
Встречал ли варваров он сухо?
Шедевр российских мастеров
Их угнетал ли гордым духом?

А может быть, с икон святых
Взгляд проникающий и чуткий
Сперва лишил покоя их,
Потом и здорового рассудка.

Фашистов мёртвых и живых
Проклятьем заклеили люди,
А время ликами святых
Их до сих пор безмолвно судит.

НАГРАДА

Люди вправе носить ордена и медали,
Только честные как от них отличить?
Ведь такие ж награды у нас продавали,
Их тузы, как подпольный товар, покупали —
Разве можно и эти как славу носить?

Мне награды мои отзываются болью.
Да не быть им с продажными наравне!
Я платил за них тоже, но собственной кровью
За свободу страны на великой войне.

БАЛЛАДА О СМЕРТИ

Когда я ранен был в бою
И тело покидала сила,
Я в бой вступил за жизнь свою,
И смерть, как видно, отступила.

А я немногого желал:
Пусть только жизнь моя продлится
До дня, когда б сказали «Пал
Берлин — фашистская столица».

Хотелось мне на праздник тот
Своими посмотреть глазами,
На наш ликующий народ,
Солдат, осыпанных цветами.

Ещё одна мечта была,
Её считал заветной самой,
Чтоб смерть меня поберегла,
Пока я не увижусь с мамой.

Пусть без желанья, но пошла
Карга солдату на уступки,
Хоть наблюдение вела,
Мол, не обманешь, парень. Дудки!

Мне страстно так хотелось жить,
Что я с моей убогой силой
Цеплялся так за жизни нить,
Что не обрушился в могилу.

Так я пришёл в своё село,
А здесь ужасная разруха,
И в первый раз я крикнул зло:
— Отстань ты, чёртова старуха!

Дай сделать матери жильё,
Землянка — это же могила...
Я убедил тогда её,
И смерть на время отступила.

Не заживал на ране шов,
Но я решил к ней обратиться:
— Я, слышишь, девушку нашёл,
И надо всё-таки жениться.

Во взоре выраженья грусть,
Она ушла в тот тихий вечер,
Подумывая: «Ну и пусть
Судьбу другую покалечит».

Прошли года. Я жизнью был
Так втянут в мирных дел пучину,
Что, наконец, совсем забыл
Про смерть и горькую кончину.

Те беды (их не перечесть)
Ушли совсем из жизни нашей,
Теперь есть дети, внуки есть,
И мне сейчас сам чёрт не страшен.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Подземный переход столичного метро,
Здесь не бывает никогда безлюдно,
Однообразный гул камертон —
Душа его воспринимает трудно.

Она ещё сильнее заболит,
Когда увижу: обтекаем массой,
Сидит войны великой инвалид,
Его шапчонка рядом стала кассой.

Нет, он не просит, он как будто спит,
А может умер. Нет, он дышит вроде.
Последний бой проводит инвалид
За жизнь свою при всём честном народе.

**УРАКОВ
ГЕННАДИЙ СЕМЁНОВИЧ**
(1926 — 2000)

Геннадий Ураков родился в 1926 году в городе Тара Омской области. Рано лишившись отца, воспитывался в детдомах Сибири. Потом окончил Енисейское речное училище; ходил рулевым на судах по Оби, Енисею, бывал на Десне, заходил в Карское море.

В 1943 году, прибавив себе год, Г.С. Ураков уходит добровольцем в армию. Был разведчиком, помощником командира взвода, комсоргом батальона. Воевал. Награждён орденом Отечественной войны, медалью «За боевые заслуги» и ещё 10-ю различными воинскими медалями. Окончил после демобилизации Абаканский пединститут, по профессии — историк. Член союза писателей России.

Автор книг: «Тепло земли» (стихи, Воронеж), «Белые крылья зимы» и «Ребята, я живу в Ольховке» (проза, Белгород). Его стихи вошли в сборник поэтов фронтового поколения «Слово бойца» (Воронеж); отрывки из повести «Ребята, я живу в Ольховке» вошли в «Антологию современной литературы Белгородчины» (1993).

Геннадий Ураков публиковался в журналах и альманахах: «Молодая гвардия», «Подъём», «Енисей», «Абакан», «Прапор», «Литературный Омск», во многих коллективных сборниках. На конкурсе «Бессмертие подвига» ему присуждена первая премия за книгу «Белые крылья зимы» и рассказы, опубликованные в периодической печати.

ШАРМАНЩИК

Был войной я —
 Затасканный,
 Сирий...
 Быт солдатский —
 Что Ноев ковчег!..
 Я шарманщика слушал в трактире
 С попугаем на левом плече.
 Кто он был,
 Этот голос пропитый?
 Что таилось в его черепке?
 Почему он в Харбине,
 Забитый,
 В седине,
 В бедноте,
 Налегке?
 Может, был он лихим есаулом?
 Может, штабс-капитан из Читы?
 Может,

Выбив конвойного дуло,
 Убежал на чужие цветы?..
 Только видел я,
 В русской рубаше,
 Не изгой он,
 Конечно,
 Не шут...
 И почувствовал я,
 Что на плахе
 Сам изрубленный тихо лежу!..
 О, Россия,
 Какими путями
 Мы прошли по колено в крови!..
 Мы всю жизнь тебя кликали:
 «Мама!»
 Хоть шарманщика
 Ты
 Позови.

КИТАЙСКИЕ ГРАВЮРЫ

Итак,
 И там моя судьба текла,
 Как жёлтые развилыны Амура...
 Китайские гравюры —
 От тепла,
 Хотя на них
 Драконов
 Страшных
 Шкуры.
 Я рисом причащался по утрам
 И пил в застолье рисовую водку,
 Но твёрдо знал:
 Такая вот игра
 Не скажется на русскую походку...
 А где-то
 Был подлесок,
 Звон листвы,
 И девочка,
 Что мне судьба предпишет,

И материнский крест у той версты,
 Где речка Омка торопливо дышит...
 Потом я шёл, в Монголию входил,
 В Чите сдавал в починку пистолет я,
 Но всякий раз на том себя ловил,
 Что в тех гравюрах
 Есть солдату место...
 Бывал на вернисажах я не раз,
 Где мастера Востока возникали,
 И всё искал —
 Тот лучик не погас,
 Вот и стою:
 В гравюре, при медалях!..
 Но что-то не нашёл гравюры той,
 Видать, не перешёл я Рубикона?..
 Ну что ж, пусть я —
 Не святость,
 Не святой,
 Так кто же поразил тогда дракона?!

ВЕРНОСТЬ

Уходила юность за порог,
Стриженная ловко под нулёвку,
Был у нашей юности пророк —
Родина,
Вручившая винтовку.
У околиц пышных, у проток,
Голосили бабы одичало,
Материнский старенький платок
Материнская рука качала.
На увалах,
В белых ковылях,
Всхлипывали русские невесты.
Кто-то падал,
Чьё-то сердце — ах! —
Билось,
Не сдаваясь, под арестом.
Мы прошли сквозь пули,
Пронеся
Биографий жгучие страницы,
Где нашивки алые висят,
Где проходят верности границы.

О ЛЮБВИ

Мне на юность нечего коситься:
Пыл, как взрыв,
Бродил в моей крови...
Старикам от старости не спится,
Молодым не спится от любви.
Так бывало:
Ночь, осенний дождик,
Я сижу и думаю о ней.
Да, любовь всегда была похожа
На цветы,
На крылья журавлей.
Только — взрыв!..
И канула миражность,
Друг в крови.
Счастливчик, видно, ты?..
И не спирт,
А слёзы из баклажки
Капнули на смертные бинты.

УБИТАЯ НОГА

Я в танцах зрил мадьяр кипенье.
Я в скрипках знал мадьяра дух.
Вдруг, с автоматом на коленях,
В Короче — весельчак пастух.
Жилец долины Придунайской,
Он шёл на русский чернозём...
Поди теперь, мой друг, узнай-ка
Зачем возник могильный холм?..
«Эй, Шандор, как ты умудрился
Мундир убийцы принести?
Эй, Шандор, ты стучал в квартиры,
Чтоб грабленное унести!..»
Была большая, мировая,
И крылья свастики легки.
Ты чётко думал:

Вместе с раем
Корочу можно обрести.
Тут яблонь вешнее кипенье,
Тут девок белые тела,
Не жизнь — а просто песнопенье,
Не труд — а в золоте стрела...
И вот, твой внук сюда приехал
И деда погребально чтит...
А рядом —
Нет, не для потехи —
Стоит российский инвалид.
Он в Будапешт входил поспешно —
Нацизму сбив тогда рога.
Там до сих пор торчит, как вешка,
Его убитая нога.

ФЁДОРОВ
ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ
(1925 — 1998)

Родился я 15 мая 1925 года в самом центре Белгорода, города, основанного русскими стрельцами и пушкарями да запорожскими казаками. Хорошо помню наш дом па Сергиевской улице. Так она, очевидно, была названа в честь храма Сергия Радонежского. И другие улицы назывались в честь святых, которым были на них поставлены храмы.

Моя улица несколько раз меняла название, а в семидесятые годы белгородский краевед Иван Орел еще успел сфотографировать меня на фоне родного дома. Нынче на том месте красуется зубная поликлиника да шумит несколько оставшихся деревьев Селивановского сада, куда мы со старшим братом, ныне тульским композитором, бегали на детскую площадку.

Отец мой, Иван Васильевич — московский рабочий, родом с Оки, земляк Маршала Жукова, которому теперь я посвятил публицистическую поэму «Маршал Победы». Батя мой мальчишкой увидел пылающую Пресню, работал в горячем цеху Гужона, а после травмы — вагоновожатым, участник брусиловского прорыва, где был отравлен германскими газами. На долю отца выпало три войны. В Великую Отечественную таскал под бомбежкой ящики со снарядами на артскладе, за что награжден боевым орденом. Он был прекрасный рассказчик, и ему было о чем рассказать: работал директором местных комбинатов в Белгороде, Грайвороне, Курске, попал в «тысячники» и стал директором птицевосхоза в Ельце, потом директором Грачевской МТС, организовал первую в России женскую тракторную бригаду, работал управляющим отделения Савальского и Боринского совхозов Воронежской области. Не поладил с начальством и ушел заведующим Боринской райсберкассой, а затем — Тракалийской райсберкассой в освобожденной Бессарабии.

Мать моя, Ольга Семеновна, дважды в жизни была беженкой: в юности бежала от немцев из родного горящего местечка Клещели под Брестом, а в сорок первом под бомбежкой нас с ней вез на подводе молдаванин-возница через днестровский мост, соединяющий Бендеры и Тирасполь. Нас бомбили в Одессе, Кременчуге, Харькове, где мы останавливались у родных. Потом я, студент второго курса кишиневского электромеханического и строительного техникума, вместе с матерью оказался в колхозе в Акуловке Сталинградской области. Тут нас разыскал отец, боец истребительного батальона, ловившего в Бессарабии немецких парашютистов-диверсантов. Выбрался он оттуда с товарищами через плавни.

В Урюпинске я поступил на оборонный завод, мы делали мины для Сталинграда, а когда этот многострадальный город стали бомбить, наш завод эвакуировали на Урал, в город Куся Челябинской области. Мы сами возводили завод на голом месте в ненастную осень. Еще не до конца возведя стены, пускали станки. Я работал прессовщиком на гидравлическом прессе. Как память о военной юности до сих пор храню свой рабочий номерок. Вкалывали по двенадцать часов, спали на досках, приготовленных для нашей продукции.

Писать стихи я начал во втором классе. Помню, два моих одноклассника в жердевской школе подрались, и я написал на них злую эпиграмму в стенгазету, которую редактировал. Меня вдохновляло то, что мой старший брат Борис писал стихи, а я ему тогда во всем подражал, вплоть до почерка. Музыке в Елецкой первой школе его учила внучатая племянница Михаила Глинки. Когда-то учились в этой школе, как мы узнали, Иван Бунин и Михаил Пришвин. Потом оказалось, что Бунин жил неподалеку от нашего дома на улице Садовой. Теперь там открыт дом-музей, который мы наведали с липецким поэтом Борисом Шильневым. Илья Кириллович Стихов, энергичный директор Боринской средней школы, где мы с братом учились, возил нас на экскурсии в ближний Липецк и дальний Воронеж, где мы завоевали первое место на школьной областной олимпиаде в 1940 году. Сохранилась фотография, на которой рядом с Ильёй Кирилловичем и ними сидит моя классная руководительница Александра Алексеевна Романова, бывшая актриса с трагической судьбой. Она страстно любила театр, балет и литературу. Помню, когда я на экзамене прочел «Смерть поэта», то мы оба с ней расплакались от волнения. Она приучала нас к большому искусству.

Из уральского поселка Куся в конце 1942 года я добровольцем пошел в армию, и было мне тогда семнадцать лет. Вместо фронта попал в Одесское артучилище большой мощности, что находилось в Сухом Логу Свердловской области. Тренировались мы не на крепостных орудиях, а на сорокапятках, которые еще называли «Прощай, Родина!». Надо было готовиться жечь вражеские танки.

Через шесть месяцев многих моих друзей бросили на Огненную дугу, а нас, наиболее крепких курсантов — рядовыми — в парашютно-десантные войска, в резерв Главного Командования. Так я оказался в 9-й воздушно-десантной бригаде в Раменском. Потом из трех наших бригад сформировали сотую гвардейскую дивизию и бросили в Ладейное поле, где мы после артподготовки форсировали Свирь и вывели из войны Финляндию.

Многие мои друзья полегли в Свирских лесах и болотах, в том числе и одноклассник Саша Бударин, один из прообразов романа в былях «Жаворонок в зените» и романа в повестях «Сказ про студеной Ключ». Другого моего одноклассника Тихона Смородина, тяжело раненого в бою, пытали немцы под Москвой, загоняли раскаленные иглы под ногти. Тихон ничего не сказал, его бросили в студеный сарай, где лежали трупы однополчан. Но в ту ночь Жуков начал свой знаменитый прорыв, и мой друг был спасен. Я дважды писал о подвиге Тихона в газете «Красная звезда», посвятил ему много страниц в романе, но он, шофер сахзавода, так и не дождался выхода моей книги.

После освобождения Карелии нас переформировали под знаменитым радищевским селом Медное и бросили за Дунай, на освобождение Венгрии, Австрии и Чехословакии. Немцы, защищая Вену и южную Германию, эвакуировали свои оборонные заводы, хотели сделать нам свой Сталинград под Баштаном, но получилась новая Огненная дуга. Никогда не забуду чужие и наши горелые танки под селом Барбала. Мы прорвали оборону противника, стремительно двигались на Вену. В тяжелых боях погибли оба взводных нашей противотанковой батареи. Немецкие снайперы не дремали. Умирающего нашего взводного мы тащили на плащ-палатке.

После взятия Вены нас бросили в Альпы, к замку, где чужие десантники прятали что-то очень ценное. Наши парни, следуя традициям суворовских солдат, штурмом взяли замок. А вскоре мы уже мчались на помощь восставшей Праге, которую немцы решили взорвать и сжечь. Помню взволнованный голос братьев-чехов по радио, умолявших нас поспешить. Мы прошли 200 километров в те дни. Не забуду людской коридор из цветов и сирени: «Наздар! Наздар!» Объятия, слезы. Но наши танки из Берлина нас опередили и спасли Прагу. Мы же встретились у местечка Водняни с союзниками-американцами. Теперь там стоит памятный знак: тут повстречались американская дивизия генерала Брауна и ниша дивизия генерала Макаренко.

Перед демобилизацией (я был, как и мои сверстники, семь лет в армии) мучительно думал: как глубже отразить то новое, противоречивое, послевоенное, что рождалось на моих глазах. Мой друг, украинский писатель Анатолий Хорунжий, впоследствии соавтор Александра Покрышкина по книге «Небо войны», посоветовал мне не идти сразу на работу в редакцию харьковской областной газеты, а вернуться в родной город, побродить по руинам, побеседовать с жителями и друзьями, побывать на легендарном Прохоровском поле и написать об этом лирическую хронику. Я так и сделал, а хронику назвал коротко — «Белгород». Как раз в то время Твардовского назначили главным редактором «Нового мира».

Мама отстучала рукопись на машинке, купленной мной на гонорар первой лирической книжки «Семья родная», только что выпущенной в Киеве. Послал объемное письмо Твардовскому и стал волноваться. А через неделю почтальон вручил мне телеграмму: «Стихи получил. 10 из них пойдут в шестой книжке «Нового мира». Поздравляю. Твардовский.» В этот вечер я долго бродил по зеленой окраине Харькова, взбудораженный такой щедрой поддержкой. Хотелось оправдать доверие моего учителя, затем приславшего мне 12 писем и 6 телеграмм, лично отредактировавшего не только «Белгород», но и поэмы «Современники», «Любовь моя» и «Дунайская быль».

Уже будучи студентом литинститута, куда меня рекомендовал Твардовский, я показал Михаилу Исаковскому, нашему общему учителю, свои первые песни. Отметив недостатки, он настаивал: «Продолжайте писать песни, но такие, чтобы они звучали и как стихи». Его совет я вспомнил через много лет, когда вместе с украинским композитором Александром Билашом написал две песни к кинофильму «Сумка, полная сердец», поставленному кинорежиссером Анатолием Буковским по моей повести из дилогии «Чистый Колодезь», напечатанной в «Роман-газете». После «Калины во ржи», которую в фильме за кадром исполнила Людмила Зыкина, и «Подснежника», которую исполнила украинская певица Лариса Остапенко, мы с Билашом написали 14 песен к телесказке «Лада из страны берендеев». «Песня Лады» вошла в репертуар Евгении Мирошниченко, а песня «Есть вечная любовь» на музыку Евгения Ширяева — в репертуар Софии Ротару.

Телесказку ставил Анатолий Буковский, с которым мы написали юмористическую киноповесть «Солнечные воды», киносценарий «Визит в Ковилевку» и роман «Вся Володькина жизнь», по этой вещи был поставлен одноименный двухсерийный телефильм, по просьбе телезрителей не раз показанный на голубом экране. Мать Володьки играла киноактриса Нина Антонова, а главного героя — ее родной сын, ныне известный украинский кинорежиссер-документалист Сергей Буковский. Нина Антонова показывала мне мешок благодарных писем телезрителей: люди не забывают небывалый подвиг нашего фронтового поколения.

В литинституте я был участником поэтического семинара Сергея Смирнова. В него входили Сергей Орлов, Егор Исаев, мой земляк Виталий Буханов, которому я помог перевестись из Харьковского университета, украинский поэт Сергей Мушник, многие книги которого мы перевели на русский язык, северокавказец Александр Тайнчуков, петрозаводец Владимир Морозов, кубанец Иван Варавва и другие. Всех их я представил редколлегии «Нового мира», предварительно договорившись с Твардовским. Вышло очень интересное обсуждение. А перед этим было такое же обсуждение моих новых поэм, три из которых были позже напечатаны в «Новом мире». Появились и стихи моих друзей — Сергея Мушника и Ивана Вараввы.

Через десять лет, когда я окончил Высшие литературные курсы, мне самому довелось многие годы руководить поэтическим семинаром в литинституте. Теперь мои

ученики и крестники, которых я рекомендовал в Союз писателей, живут по всей России и Украине — от осетины Комола Ходова, уралки Валентины Коростелевой до белгородцев Виктора Бекетова и Игоря Чернухина.

Для меня было дорого, что мой «Белгород» целиком перепечатала «Белгородская правда», как впрочем давали потом и мою прозу: киносценарий «Сумка, полная сердец», роман в былях «Жаворонок в зените», главу из повести «Лета и страсти», главы солдаткиного декамерона «Праведницы и грешницы», большой фрагмент драматической поэмы «Дума про Кобзаря». Главный режиссер драмтеатра им. Щепкина Леонид Моисеев поставил в свое время пьесу «Белгородские кручи» (инсценировка повести «Марс над Казачьим бором»). Между прочим, эту вещь, как и «Сумку, полную сердец», поставило и ленинградское телевидение, а северокавказское — комедию в стихах «Ливень». Но больше всего меня удивило то, что совсем недавно русский кинорежиссер из дальнего зарубежья поставил фильм по моей балладе «Сердце Ивана». Значит, есть еще в моем творчестве кинематографическая жилка.

В редакции журнала «Огонек» ко мне бросился как-то полужнакомый человек с обветренным лицом и стал обнимать:

— Здорово! Поздравляю. Фильм получился. Между прочим, в нем есть и моя доля. Я как раз снимался на студии Довженко и всячески пропагандировал твою «Сумку». Да ты что? Не узнаешь? Василий Шукшин. Понимаешь, эта ваша песня про калину во ржи, которую поет Зыкина, не выходит у меня из головы. Если когда-нибудь, тьфу-тьфу! — и сделал вид, что суеверно поплевал в сторону, — буду снимать свой фильм, обязательно сделаю рефреном душевную песню. А вообще-то у меня мечта побывать в гостях у Шолохова. Понимаешь?

И мне вспоминается переполненный зал Дворца культуры в Вешенской, идет премьера фильма «Они сражались за Родину» уже без Василия Шукшина. Ушел солдат... На груди у зрителей боевые и трудовые ордена и медали. Вот они — живые Стрельцовы, Звягинцевы, Лопахины!

А Шолохов сидит рядом и размышляет вслух о Василии Шукшине, писателе, кинорежиссере, актере, сыгравшей свою последнюю роль — роль Лопухина. И неожиданно Михаил Александрович переходит на себя:

— У меня всю жизнь, братцы, было две страсти — писать и рыбачить. Когда увлекался одной, страдала другая.

А в глазах хитринка: пожалуй, нигде не познавал он жизнь так глубоко и всесторонне, как живя в ней, среди своих героев. И сейчас он благодарно глядит на Ивана Лапикова, Сергея Бондарчука, Вячеслава Тихонова...

Когда очередь высказаться о новом фильме дошла до меня, я в заключение прочел фрагмент поэмы «Опаленная степь»:

— Так это же и о нашем фильме! — воскликнул Сергей Бондарчук, а редактор вешенской газеты попросил у меня фрагменты. Михаил Александрович лаконично подписал мне «Поднятую целину»: «В.И. Федорову с поклоном. М. Шолохов. 21.4.75». А своему помощнику он с улыбкой сказал: «Поставь федоровскую книгу «Бойцы моей земли» рядом с книгой моего финского друга Ларни. Бойцы должны быть у меня всегда под рукой».

На всю жизнь мне запомнились съемки и премьера фильма «Сумка, полная сердец» в Маломихайловке Шебекинского района Белгородской области. Тут когда-то воевал мой друг и редактор, писатель Михаил Алексеев, ныне почетный гражданин города Шебекино. В фильме снимались девять народных артистов СССР, России, Украины и Белоруссии. Главную роль — роль почтальонши тетки Арины исполнила ведущая актриса театра имени Янки Купалы, любовь поэта Аркадия Кулешова Лилия Дроздова. Я ее видел на сцене в Харькове во время гастролей и не предполагал, что исполнительница роли купаловской Павлинки через четырнадцать лет станет теткой Ариной.

В нашем фильме играла Софья Гиацинтова, которая позже, с теплой надписью, подарила мне книгу о МХАТе и своем творческом пути, Ольга Кусенко, Елена Понсова, Михаил Пуговкин, Юрий Каюров, Игорь Пушкарёв, Наталья Наум, Нина Антонова, Валентина Владимирова и другие талантливые артисты. В массовках принимали участие мои земляки. Фильм снимала опытный кинооператор Валентина Тышковец.

Многие годы я встречался со своими однополчанами, ряды которых в последнее время значительно поредели. Я писал о них в очерках в «Красной звезде», «Ветеране», «Патриоте», «Правде», «Литгазете», «Учительской газете», «Сельской жизни», в книгах «Со всех концов России» и «Бойцы моей земли». Но еще больше сказано о них в романах «Вечный огонь», «Мы были счастливы», «Люди с улицы Ясной», «Жаворонок в зените», «Сказ про Студеный Ключ» и «Праведницы и грешницы». Сейчас продолжаю шлифовать повести в новеллах «Аисты над Белогорщиной» и «Годы Петуха», роман в новеллах «Звездный час Светки-Светлячка» и драматическую поэму «Любушка-голубушка», где фронтовикам и фронтовичкам отведено большое место. Для меня одинаково дороги родные черноземные края, что вскормили нас со старшим братом — композитором, и белгородские, и липецкие, и курские, и воронежские, и орловские, и тамбовские.

И если я что-то и сделал в свои почти семьдесят лет, то этим в первую очередь обязан поколению наших беспокойных отцов и своему многострадальному и героическому поколению, поколению подвижников, подобных которому ещё не было в истории человечества, поколению вечных фронтовиков.

22 июня 1994

БАЛЛАДА О ПОДОЛЬСКИХ КУРСАНТАХ

Музыка Бориса Фёдорова

Ещё не лейтенанты,
Со школьной вы скамьи,
Подольские курсанты,
Ровесники мои.
Совсем ещё мальчишки,
Веснушки на носу,
Но помнят обелиски
Кровавую росу.
Десантники, как боги,
Сражались в горячах,
Поднял вас по тревоге
Отчаянный Сторчак.
На выручку десанту
Колоннами вы шли,
Подольские курсанты,
Ровесники мои.

От ран краснела вата,
Кружилась голова,
В Подольске ждут девчата,
А позади Москва.
Вы жгли чужие танки,
И ночью шли бои,
Подольские курсанты,
Ровесники мои.
Лежите в вязком иле,
И в поле под звездой,
Москву собой прикрыли,
Душою молодой.
На то святое место
У памятной реки
И мамы, и невесты
Весной кладут венки.

НАД РУЧЬЁМ

Музыка Александра Флярковского

С утра тихонько, ласково ручей журчал.
Он радужными красками внизу играл,
Когда солдат измученный, найдя ручей,
Нагнулся у излучины среди камней,
Губами воспалёнными к воде припал
И небо, им спасённое, поцеловал.

ПЕСНЯ ВЕТЕРАНОВ

Музыка Михаила Глазкова

Друг, напиши, позвони, загляни —
Сила проснётся в груди богатырская,
Вспомни далёкие грозные дни,
Сотая Свирская.
Вспомни объятья холодной войны,
Вспомни леса, где враги наши рыскали.
Белою ночью темны валуны,
Сотая Свирская.
Здесь ты упал, здесь девчонка найдёт
Твой пулемёт с порыжелыми дисками.
Под Самбатуксой морошка цветёт,
Сотая Свирская.

Вспомни, товарищ, апрельский рассвет,
Дымную Вену и скалы альпийские.
Вспомни ровесников тех, кого нет,
Сотая Свирская.
Надо упавшего друга поднять
И дошагать до ночлега неблизкого.
Нам уже поздно характер менять,
Сотая Свирская.
Где-то в горах эдельвейсы цветут,
Где-то луга зеленеют альпийские,
Путь твой под Прагу опасен и крут,
Сотая Свирская.

РАДУГА ПОБЕДЫ

Музыка Бориса Фёдорова

В горной речке — вот она — утоплю все беды,
Из чего ты соткана, радуга Победы?
Из полётов бредущих, из разрывов шальных,
Из бинтов алеющих, из росинок алых.
Из травы, из скользкого шёлка парашюта
Да из слова хлёсткого в горькую минуту.
Реешь с птичьим клёкотом, бьёшь в глаза и уши,
Соткана из грохота яростной «катюши».
Соткана ты, радуга, из посмертной славы,
Да из слёз от радости, где колючки ржавы.
Из льняного локона той, к кому приеду,
Из надежды соткана радуга Победы.

ЦВЕТЫ НА ТАНКЕ

Музыка Бориса Фёдорова

Неслась к Варшаве
Танкистов рать,
В огне и славе
Её спасать.
Цветы на танке —
Сердечный дар,
Привет, славянки!
Уймём пожар!
Мы мчались к Праге
Славян спасать.
Сирень и флаги,
Рыдала мать.
Цветы на танке —
Весенний дар,

Привет, славянки!
Наздар! Наздар!
Несли к Софии
Мы свет зари,
Бросали розы
Нам другари.
Цветы на танке —
Весенний дар.
Привет, смуглянки!
Цветы, как жар.
Разброд в народах,
Страстей разгул,
Кто с постамента
Наш танк столкнул?

Цветы на танке —
Сердечный дар.
Позор, смуглянки!
Уймём пожар!
Не забывайте
Объятий, слёз,
Не забывайте,
Кто волю нёс!
Цветы на танке —
Весенний дар.
Привет, смуглянки!
Уймём пожар!

**ФЁДОРОВА
МАРИНА ВАСИЛЬЕВНА**

Фёдорова Марина-Маргарита Васильевна родилась в г. Алатыре Чувашской АССР, до войны жила в Казани. После 8-го класса перешла на рабфак, в 1940 г. поступила на историко-филологический факультет Казанского университета. Осенью и зимой 1941 г. участвовала в сооружении оборонительных рубежей. С марта 1942 г. — сандружинница, затем — курсант миномётного училища, командир взвода, зав. делопроизводством штаба полка. С частью, входившей в состав войск Первого Белорусского фронта, закончила войну в Берлине. Демобилизована в 1946 г. Награждена медалями и двумя орденами.

После возвращения училась в Казанском, затем в Воронежском университете, который окончила в 1950 г. С этого времени — на преподавательской работе.

С 1981 года — профессор кафедры русского языка Белгородского пединститута, автор ста научных публикаций.

М. В. Фёдорова — член Совета ветеранов бывшей 35-й отдельной гвардейской Речицко-Бранденбургской Краснознамённой ордена Богдана Хмельницкого миномётной бригады РГК 1-го Белорусского фронта.

Стихотворения М. Фёдоровой публиковались в периодической печати, коллективных сборниках, в отдельном сборнике «Тихие слова». Её стихи вошли в «Антологию современной литературы Белгородчины» (1993).

ЗВЁЗДНЫЙ ДОЖДЬ

В теплушках перешучивались, пели —
ещё не фронт!
Но самолётов гул
и чёрных свастика навесной полёт —
вагонов треск — и взрывы — и конец.
На нежно-белом, ласково-пушистом
в ночь выпавшем снегу теперь остались —
разбросанно — шинельные изломы,
скелет разбитого состава... Ночь.
Вдруг — звёздный дождь.
Его слезинки-стрелы
одни оплакали и осветили
изломы изуродованных тел,
украшенных кровавых роз цветами.
И ночь всё скрыла.
Наш санпоезд — утром.
И только сорок раненых — живых
из юных добровольцев Подмосковья.

У Вязьмы. Март 1942

В САНИТАРНОМ ВАГОНЕ

Хриплый стон и тяжкий бред
больше суток. Но нынче к рассвету
он очнулся.
— Дай сигарету.
Потерял я, нянька, кисет.
Да крутить-то одной никак
не смогу теперь.
В Польше осталась.
Ладно, жив...
Да главная жалость —
правой нет...
Отвернулся земляк,
тяжело вздохнул.
Предрассветный

сон опять охватил мой вагон.
Стук колёс...
Но проснулся он:
— Санитарка! Нянька! Да где ты?
— Здесь я, где же мне быть ещё.
— Почеши-ка скорей мне пятку —
ух зудит! Видно, бинт со складкой
или гипс — аж горячо! —
Отвернув одеяло комком
(ног-то нет), я вожу руками...
— Ну полегче... Может, вздремнём.
А ты, нянька, ласковая...

Осень 1942

И ФРАНЦИИ ПОМОЖЕМ

*Царица мира, Франция моя!
О, подними чело своё над нами!
Ты вся изранена, измучена ты вся...*

П.-Ж. Беранже

Польша. Познань. Миг остановки.
Средь обычных завалов — и здесь
гильзы пустые, бумажная россыпь,
ящики, полуразбитый навес
старой конюшни...
У груды обрывков
НАШИХ мундиров в кровавых пятнах —
книжки тонкой всего половинка,
много страниц загнутых.
В сердце — мина фугасная взрывом:
здесь наших братиков «срочно» хватали,
в рейх свой проклятый тащили...
Или
здесь добивали...
Книжка — на русском. Кто-то из наших
нёс по войне. А она — у свалки,
пятнами крови страницы окрашены...
«Война — по-польску валка»...
Вот — полстраницы загнуто даже:
скорбью слова Беранже полны.
Больше столетья прошло, а кажется,
ближе нам стал он.
Но только войны
Вот такой, что НА НАС фашизмом обрушена,
Ни он не знал, ни французы — сегодня.
Мы — вперёд!
Победит наше русское мужество!
И Франции стать свободной поможем.

1945, февраль

В ТИРЕ

В маленьком школьном тире
в тридцать седьмом году
стреляю: семёрка, девятка...
В десятку не попаду.

Сама себя так утешаю:
всё равно — ведь ранен палач!
Детей Испании скорбной
будто рядом я слышу плач.

Как же попасть хотелось
В десятку! Гадина, сгинь!
Если бы знать тогда нам —
В Сорок Пятом — ДЕСЯТКА! БЕРЛИН.

1945, апрель

**ШУЛЬГА
НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧ**
(1913 — 1993)

Родился в селе Чемодановка Недригайловского района Сумской области.

С третьего класса в своей школьной сумке рядом с учебниками и тетрадями носил «Кобзарь» Т.Г. Шевченко. В раннем детстве был приобщён к крестьянскому труду, работал молотобойцем в колхозной кузне, слесарем по ремонту сельскохозяйственного инвентаря. В 1931 году по путёвке комсомола был направлен на ударную стройку в Воронеж. С 1934 года на комсомольской работе. В 1939 году был призван в армию. С первых дней войны — на фронте, участвовал в оборонительных боях на Днестре, Днепре, Доне. Был комиссаром полка. Раненым в челюсть, попал в плен (1942). Скрывался на оккупированной врагом территории. С сентября 1943 года — снова на фронте. День Победы встретил в Праге.

После войны работал на белгородском заводе «Энергомаш». Много сил отдал воспитанию подрастающего поколения, руководил советом наставников. В семье родителей было шестеро детей, у самого же — двадцать внуков и правнуков. Принимал активное участие в литературной жизни края. Стихи публиковались в периодической печати Белгородчины и других регионов страны, в журналах «Дружба» и «Советский воин», в коллективных сборниках «Первый взгляд» и «Слово бойца».

СОЛДАТ РОССИИ

Я много пережил страданий,
И смерть в глаза смотрела мне,
Я тяжело в бою был ранен
На той, на трудной, на войне.
Полуживой, в бреду горячем,
Я угодил во вражий плен,
Но перед силою незрячей
Не преклонил своих колен.
Мы шли голодные, босые,
Чужая речь, как лай плыла,
Но в нас, измученных, — Россия
Непокоримая жила.

И как бы нас тогда ни мучили —
Её предать мы не могли,
Круша застенков, в ночь колючую
К ней, непокорные, ползли.
И снова в бой, жестокий, сильный,
Чтоб от фашизма — ни следа...
...Я был солдат.
И сын России,
Остался навсегда.

30 января 1969 г.

МОЯ ЗЕМЛЯ СПАСЛА МЕНЯ

Моя земля — родная тропка,
Гудящий тракт сквозь шум полей...
И я на ней смешно и робко
Шагать учился всё скорей.

Её весенние рассветы
Мои наполнили глаза,
И я давно это заметил,
В своих стихах всё рассказал.

Она добром своим согрела
В года судьбины кочевой,
Когда душа бедой горела,
Водой поила ключевой.

Когда я шёл за громом — гром
Артиллерийского огня,
И вдоль Сулы и над Днестром —
Моя земля спасла меня.

1 января 1969 г.

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Лежит солдат, войной забытый,
В степной ковыльной тишине,
И только тем и знаменитый,
Что не известен он стране.

Над ним встают рассветы низко,
Садится солнце на покой,
И ни креста, ни обелиска
Нет над могилой тихой той...

6 мая 1978 г.

ВЕРНОСТЬ ВЕЧНАЯ ЛЮБВИ

Бежит, бежит в село дорожка
Через поля и синий лес.
Ах, эта звонкая гармошка —
Печаль и радость всех чудес!

Гремела песня очень звонко,
К мехам склонился гармонист,
И вёл он бережно и ловко
Напев, что был душою чист...

Они прощались на светанье,
И кто бы знать, кто думать мог,
Что завтра новое прощанье
Не у тропинок — у дорог.

Ждала, ждала его девчонка
С войны домой все сорок лет...
Гармонь, задористая «хромка»,
Ты есть, хозяина лишь нет.

У той девчонки русый волос,
К вискам присела седина,
Она же слышит друга голос —
Всё ждёт его. Живёт одна.

Гармонь, гармонь, ничьи ладони
Лады не тронули твои,
Чудесны звонкие гармонии
И верность вечная любви!

22 июня 1983 г.

МНЕ СВЕТ ТВОИХ ОЧЕЙ СВЕТИЛ

Ты, как звезда родных полей,
Всегда в душе живёшь моей...
Мне свет твоих очей светил,
Когда был белый свет не мил.
Из дыма чёрного войны,
Из страшной белой тишины —
Я выходил полуживой
И снова в бой, и снова в бой...
Когда упал я без следа

И слышал: на щеках — роса,
Как две звезды, взошли тогда
Твои печальные глаза.
...С тех пор прошло немало лет,
Мне светит тот же добрый свет
Твоих очей, родных и милых,
И силы той на свете нет,
Чтоб этот свет вдруг погасила.

МОЙ КРАЙ

За этот край, за эти города
Я дрался с лютым врагом когда-то.
Цвети, мой край!
Гори, моя звезда —
Как орден хлебопашца и солдата.

Цвети, мой край.
И пусть твоя звезда —
Звезда высокой доблести и чести —
Горит над нами пламенно всегда
А мне, мой край,
Слагать о жизни песни!

Гравюра С. С. Косенкова

ШАПОВАЛОВ ВЛАДИСЛАВ МЕФОДЬЕВИЧ

Владислав Мефодьевич Шаповалов семнадцатилетним, в 1943 году, ушёл на фронт. Тяжело ранен в бою. Награждён орденом Отечественной войны Первой степени, медалью «За отвагу» и др. В конце войны ему было присвоено офицерское звание. После окончания Днепропетровского Государственного университета тридцать лет учительствовал.

За плечами автора более двадцати книг прозы: романы, повести, рассказы, в том числе переведенные на ряд западноевропейских языков. Он лауреат трёх журнальных премий, а также лауреат Всероссийского конкурса на лучшее художественное произведение для детей и юношества.

РУКИ МАТЕРИ

Повесть

В посёлке Троицкий, что на Белгородчине, установлен памятник невинно погибшим мирным жителям, расстрелянным тут же, неподалёку, в хуторе Калиновка, 4 июля 1942 года. В монолите бетона старик, скошенный пулей. Упал на одну руку, а другую поднял, прикрыв мать с девочкой. И памятная доска, на которой имена....

Погибло тринадцать человек. Среди них семеро детей:

*Черных Егор — 15-ти лет,
Черных Миша — 15-ти лет,
Травкин Ваня — 12-ти лет,
Яковлев Лёня — 11-ти лет,
Травкин Боря — 10-ти лет,
Травкина Рая — 4-х лет,
Травкин Женя — 1 год от роду.*

Позже я узнал, что мать, потерявшая четырёх детей и послужившая прототипом для скульптуры, жива и что ей воздвигнут монумент при жизни.

Затоптались, позарастали, забылись тропки, ведущие к её дому, мне с трудом, случайно, удалось добыть адрес. И вот я стучусь в незнакомую дверь, а сердце бьётся учащённо: здорова ли, жива?..

Дверь отворилась. Передо мною предстала рослая, с чуть выдающимися скулами, знакомая мне по монументу, женщина, только сорока годами старше. Я узнал её. Та же стройность во всей фигуре, мужественные черты лица. Время не согнуло её. Высоко, как на постаменте, держа голову, она пригласила меня в комнату.

Я ничего не изменил в ее рассказе. Да и какой смысл! Никакое «художественное» воображение не способно представить себе то, что даёт жизнь. На что она способна...

Вот её рассказ — Натальи Константиновны Травкиной.

1.

Наталья проснулась, когда в серо-пепельном оконце проступила двумя чёрными соломинами крестовина рамы.

Мерно, чуть слышно, тикали на кухне ходики, глубоко, во сне, дышал Иосиф. Посапывал в зыбке Женя.

Бережно, чтоб не побудить мужа, Наталья спустила на глиняный пол босые ноги. Подобрала захватом ладони рассыпавшиеся на плечи волосы, склонилась над зыбкой.

Женя лежал на боку, подложив под щеку ручку, тёмное пятно головы скатилось ниже подушки. Переложив мальчика, постояла согнувшись над зыбкой, и, взяв со стула кофту с юбкой, вкрадчиво пошла на кухню. Все трое старших спали на печи. К утру полосатая ряднина сбивалась под ноги, и Наталья, став на лавку укрыла самую меньшую — Раюшу. Девочка, пожевав губами, задержала дыхание и тут же снова примерла детским непробудным сном.

Подошла к столу — увидела на скамейке торбу, завязанную шворкой. Торбу — жалкий дорожный скарб — Наталья собрала ещё с вечера, и эта прежде неприметная, ничего не значащая в доме вещица остро кольнула сердце...

Щёлкнула на часах, соскользнув по колёсику, цепка, зашатался иссиня-зеленый стакан стеклянного грузика, и Наталья очнулась. Тронула рукой захватанную завёртку на кухонном столе, открыла диктовую дверцу.

Накануне она готовила хлебы, в хате стоял ещё тёплый приятный дух выпечки. Достала начатую буханку с рельефными отпечатками капустного листа на поду, с глубоко запёкшимися до черноты углинами древесной золы, отрезала небольшой ломоть. Покропила краюху солью — и что бы ни делала, думала об одном и том же...

Выходя в сенцы, Наталья оглянулась назад и в узкой половинке двери увидела угол самодельной люльки с деревянной решеткой, железную кровать с ещё девичьими пуховиками и строгий во сне мужнин профиль.

Иосиф вставал позже, и Наталья дарила ему несколько самых дорогих по утру минут сна. Постояла, и всё было бы, как прежде, как всегда, если б не легло тяжестью на грудь что-то ещё непонятное и не до конца осознанное...

Заметно светлело. Наталья ополоснула в сенцах лицо и руки, подвизала косынкой волосы и, стараясь не стукнуть клямкой, вышла с подойником и коркой хлеба во двор.

В низинах ещё стояли туманы; кое где, на возвышениях, просматривались травяные плешины взлобков. Птичьим гомоном отзывались кустистые перелески. Воздух был настолько девственно чист и свеж, что чувствуешь, как его вдыхаешь.

Хутор кучно, из пяти хаток, гуртился к густому чернолесью; прямо от окон через луговину с просыхающим на лето ручьём поднимались до самой хребтины тронутые уже лёгкой желтизной хлеба. Сзади, откуда оранжево загоралось небо, стоял непроглядной стеною тёмный дубняк, а с противоположной стороны горизонт был иссиня-чёрным. Наталья оглянула распаханную ширь, и её охватил ужас этой открытости и незащищённости...

Зорька стояла в своём закуте. Повернув голову смотрела большими телячьими глазами, опахивая их длинными ресницами. И как только хозяйка появилась в проёме, встретила её негромким, на полдыха, мычанием. Наталья сунула ей окраек буханки, огладила белые пятнышки шерсти между рогами. Так она голубила свою ведерницу перед дойкой, Зорька отпускала молока больше, на ласку.

Иосиф проснулся, когда Наталья отзвенела белыми тугими струнами молока в подойник и вернулась в сенцы. Сняла с бечёвки холщовую редину, покрыла сверху глечик. Продавила пальцами выемку в холстинке, стала цедить молоко. Глядь, а он стоит уже готовый, с торбой в руке.

— Как же я с четырьмя?..

Еле выговорила с болью в голосе.

— Дык он же где? — нарочито молодцевато произнёс Иосиф, и в этой нарочитости Наталья уловила всю горечь того, что случилось.

А он ещё смелее добавил:
— Дык мы его остановим.

2 .

А через год фронт подошёл к хутору Калиновка.

Наталья, вспомнив последние слова мужа, криво усмехнулась, но тут же пристрожила себя.

От Иосифа было всего два письма. В первом он писал, что ранен в бою и находится в госпитале на лечении, — ну и, слава богу, хоть жив, а что, может, калека, то не такая уж и беда при всеобщем горе, если вернётся, век доживём и так. Во втором коротко писал, что из команды выздоравливающих его направляют в маршевую роту. В воинском деле она не очень-то разбиралась, но чутким сердцем уловила в скупых строчках и тревогу, и беду. Коль не домой, то уже худо. Значит, всё это не замиряется и невесть сколь протянется.

В нескольких верстах от Калиновки, если взять напрямки через угор, в селе Ястребовка, жила Натальяина мать. Ястребовку немцы заняли раньше, и мать, зная, что на хуторе осталась дочка с четырьмя детьми, пробралась ночью через линию фронта. В полголоса, чтоб не поднять переполох, позвала в окно:

— Наташка...

И голос родной, а вздрогнула. Подхватила живо по-тёмному, отодвинула на ощупь засов.

В мирные дни на хуторе никто не имел моды брать наружные двери на запоры. Да их, замков, считай, и не было. Но с приходом лихолетья многое изменилось. Наталья отворила дверь и не кинулась к матери, а сперва оглядела, нет ли кого поблизости за её спиной. Только затем, не удержав слёзы, в тихом беззвучном рыдании обняла мать, уронив голову на её плечо.

— Ой, какая там страсть!.. — простонала мать шёпотом, — что у нас в Ястребовке робилось. Людей сколько побилло...

С вечера за горизонтом, где находилась Ястребовка, что-то сильно гремело, а, когда начало смеркаться, небо взялось багровым кровоподтёком. К ночи зарево немного присело, но всё равно видно было, что там что-то горит.

— А дитёв надо сховать, — всё так же таясь, вполголоса произнесла мать.

Она ещё не отдышалась, должно быть, бежала или шла поспехом, её беспокойство передалось Наталье.

Вдвоём они внесли в погреб по оберему соломы, услали земляной пол. Сверху покрыли солому рядом. Перевели сонных Ванюшку с Борей, перенесли на руках четырехлетнюю. Мальчики, волоча ноги со сна, цеплялись носками за порог, Раюша так и не пробудилась. Уложили всех рядом.

Не спали. Сидели впотьмах, вслушиваясь в неясные шорохи, что долетали через открытую дверцу, молчали. Наталья держала на руках Женю, думала, как же осталась там, наверху, Зорька и подсвинок с курьми, которых с таким трудом она удержала до сих пор бог весть каким прокормом.

Женя спал беспокойно, ворочался и что-то невнятно бормотал, суча ножками. Наталья то и дело перекалывала его с руки на руку.

Вскоре они надышались, в погребке стало жарко.

— А чаго мы мучаимси? — сказала мать, — пойдём в хату, а как что услышим, сразу перебежим. Погреб-то рядом.

На дворе было тихо, мирно горели в вышине звезды. Означало себя кромкой светлеющего небокрая хлебное поле.

Они вернулись в хату. Наталья положила Женю в колясочку, что еще для первенца смастерил муж — так та зыбка и перекачала всех четверых по очереди, — сама примгнула на кушетке, уступив кровать матери. Спали там или не спали, только рано утром обеих всколыхнул неясный шум, что доносился с улицы. Мать подошла к окну, отодвинула занавеску.

— Немцы! — сразу осел её голос.

На краю хутора послышалась автоматная трескотня.

Наталья схватила Женю из колясочки, выбежала в сенцы, затем во двор. И только хотела уже спуститься в погреб, как увидела бегущего соседа.

Максим Сотников работал в совхозе пасечником, дома держал несколько дуплянок, прикрытых сверху кулями соломы. Бывало, срежет кус янтарно солнечных сотов, несёт через межу в деревянной миске. Хлопцы её, Ванюшка с Борькой, ходили потом с надутыми лоснящимися пузами до самого вечера и ко всему клеились.

Он бежал за тыном вдоль улиц в одной нательной рубаше, со взбитым впереди чубом, растерянными глазами. Крикнул что-то и, взмахнув рукою, точно загораживая ее с ребенком, упал, подкошенный.

То, что он крикнул, Наталья не разобрала. Но поняла, что обращался дед Максим к ней, а прикрывающий их знак рукой указывал: куда ты суёшься, да ещё с дитем!

В это время взойкнула сзади мать. Наталья оглянулась, а мать наложила руки на голову и, как-то неловко оседая на ноги, словно чужим голосом произнесла:

— Вот мы и дожили...

На беду выскочили из погреба дети, они проснулись от выстрелов, позвали мать, но возле них никого из взрослых не оказалось. Ванюшка метнулся по ступенькам вверх, за ним — Боря. Раюша всхлипнула, но тут же подхватила и тоже следом... Наталья хотела на них прикрикнуть и загнать назад, да тут её будто кто хлестнул железной плетью по рукам. Женя вздрогнул весь у неё на руках, будто его на мгновение свело судорогой, и смяк...

Не помня себя, Наталья спустилась в погреб, положила безжизненное тельце на солому и, ещё не осознавая, что положила мёртвого, поползла сама вся окровавленная наверх и потеряла сознание...

3.

Двое суток Наталья пролежала во дворе в беспамятстве вместе с мёртвыми детьми и матерью. Выходило и, поднявшись до зенита, накалив землю, заходило солнце. Слетали поутру с насеста, подавались ближе к лесу на подножный прокорм куры. Зазывно, поджигая запалые бока, мычала на привязи Зорька. Повернув голову, выглядывала в дверь коровника. Верещал в своём закуте изголодавшийся поросёнок. Да никто их не слышал...

На третью ночь выходили из глубоких немецких тылов наши окруженцы, человек пять или шесть. Изголодавшиеся, оборванные, брели потай, пробираясь окраинами подальше от дорог. Наткнулись на Троицкое — отступили назад. Село большое, шлях уторован. Тут, как пить дать, полно их. Смотрят, а в стороне, под лесом, несколько хаток отдельно. Не иначе — хутор какой-то высельный. Притаился в затишке глухомани. И там он, вражина, ясное дело, заробеет остановиться.

Было уже глубоко за полночь, месяц, высветив белёсые стены хуторских мазанок, завяз в тучах, всё вокруг примёрло непроглядной тьмой. Лишь со стороны Троицкого доносились какие-то непонятные звуки и время от времени вспыхивали одинокие, ползли вверх по небу красные светлячки трассирующих пуль — шипяще-стелющимся эхом запоздало отзывалась на выстрелы дубрава.

От истощения уже не было сил. Рискнули попытать счастья. Зайти в хутор, чтоб чем-нибудь поживиться. Первым, шагов на сорок впереди, шёл их вожак, сержант, не споровший на воротнике петлиц. За ним, немного рассредоточившись прокрадывались остальные. Сержант осторожно, чтоб не шумнуть, открыл плетёные из лозы воротца: двор запустелый, хатина без признаков жилья. Душок трупно-фронтальной стелется низом. Ступил дальше — остановился, застолбенев. Так и стоял в нерешительности.

— Что тама? — не терпелось задним.

Сержант оглянулся, сложив ладони рупором, произнёс шепотом:

— Тут мёртвые...

Когда подошли все, кто-то ахнул:

— Братки, дак это ж дети!...

Застонала Наталья, сквозь забытие она услышала разговор и пришла в себя. Разодрала залипшие сухой кровью веки, еле различила на фоне тёмного неба несколько силуэтов. Слышала она плохо, правая сторона головы занемела, и почти ничего ясно не видела — подтекшая из-под волос кровь залила глазницы. Наталья подала голос, и бойцы, казалось бы не из робкого десятка, струхнули. Но тут же сообразили, что ничего опасного вокруг нет, что это всего лишь бабий стон, подошли ближе. Сержант нагнулся, и Наталья увидела петлицы.

— Наши... — выдохнула, преодолая боль.

Радость была куцей. Измождённые лица, заросшие щетиной по самые глаза, залоснившиеся от пота, приставшие к телу мокрые гимнастёрки, да и весь вид её спасителей сказал о многом, и она то ли от того, что зашевелилась и потревожила раны, то ли от сознания их общей безвыходности снова провалилась в беспамятство.

Одного из своей небольшой команды сержант послал в хатыну. Тот обшарил сенцы, перебрал горшки на кухне, и, ещё не понимая, что Наталья в обмороке, спросил:

— Мамаша, там скисло молоко, можно его взять?

Наталья снова очнулась. С трудом подняв израненную руку, молча указала на погреб. Двое спустились вниз по ступенькам и вместо продуктов, как ожидали оставшиеся наверху, вынесли убитого младенца...

— Там он... там... — стонала она, не видя, что вынесли Женю.

Всех пятерых сложили рядышком у погреба, прикрыли полосатым рядом.

— Покличьте соседей... — обеспокоилась Наталья, заметив, что солдаты собираются уходить.

Кто-то из них смотался в одну сторону, в другую.

— Везде побитые, — вернулся ни с чем.

— А её куды? — обратился один из солдат к своему командиру.

Сержант молчал. Он, видимо, не знал, как поступить с женщиной, с живой, но не способной двигаться. Она связала бы им руки. Но и оставить её одну тоже не смел.

— Вы меня не бросайте... — точно разгадала она его мысли и попыталась подвестись, но от резкой глубинной, простреливающей всё тело боли, у неё помутилось в голове.

Когда она пришла в себя, то увидела, что солдаты ладят две жердины, увязывая их путами на расстоянии друг от друга. Кто-то вынес из хаты шерстяное одеяло, под которым она проспала с мужем всю свою супружескую жизнь. Стало ясно, что они готовят что-то вроде носилок. Наталья, с трудом преодолая нестерпимую боль, дотянулась побитою рукой к Жене, тронула холодный, как железо, лобик. Дети лежали по старшинству, и каждого в темноте, с закрытыми, стянутыми кровавой коркой глазами, она опознала, и каждому роняла на грудь свое бесслезное лицо...

4 .

Ночь иссякла на корню. Серой кромкой у небокрая занимался рассвет. Солдаты поспешали. Они несли раненную Наталью огородами в сторону Троицкого, попеременно перехватывая поручни носилок, часто сменяя друг друга из-за одолевающей слабости. Один шёл, для разведки, впереди, двое, то и дело оглядываясь, прикрывали носилки сзади. Шелестела под ногами картофельная ботва. Встретился на пути ровик, и Наталья простионала. Сержант, остановившись, прислушался.

Не подходя к Троицкому шагов на двести, сделали передых. Носилки опустили под ракитой, одиноко стоящей на краю поля, возле оврага. И дальше не пошли. Начали шептаться. Наталья со страхом поняла, что солдаты боятся заходить в селение, и с тревогой подумала, что её кинут здесь. Обеспокоенно шевельнулась.

— Лежи-лежи, бабка, — укоротил её сержант.

По пути у нее растряслись раны, стала подтекать свежая кровь. Наталья чувствовала, как слабеет.

Сержант, приказав всем отходить к леску, что за хутором, и собираться у его южного края, где начинается дубовая роща, спустился вниз и оврагом пробрался к селу. Залёг под кустом сирени, высмотрел улицу, надворные постройки захудалой хатёнки, что стояла в ряду крайней. Наконец, убедившись, что ничего опасного нет, подошёл ближе и легонько стукнул в оконце.

Это оказалась хатёнка Марии Фоминичны Черных, солдатской вдовы и дальней родственницы Натальи Травкиной. Свой век Мария Фоминична коротала с дочерью и старым, больным на ноги. Натянув впотьмах юбку, запнувшись платком, она боязно отворила дверь, вышла босая на порог, и, не приглашая ночного пришельника в дом, долго не могла взять в толк, чего от неё хотят.

— Мы уходим. Она лежит под ракитой, — поспешно произнёс сержант и точно растаял перед нею впотьмах.

Мария, растерявшись всё также стояла на пороге.

— Чё тама? — подал с печи голос через настежь оставленную дверь дед Демьян.

Вернувшись в хату, Мария увидела, что дед натягивает уже на тощие бёдра портки, ищет на колу, забитом в простенок, свою замызганную кепку.

— Горе...

К горю можно было уже и попривыкнуть. Оно ведь тоже величина относительная, и то, что в иные времена кажется бедственным, ныне проходит за пустяк.

— Чё щё?! — озлился старый, недовольный тем, что Мария тянет с объяснениями.

Ничего непонятно: их кто-то всколыхнул, постучав в окошко, а в хату не зашёл. Так может лишь сосед. И что там могло стрястись?..

Как могла Мария растолковала деду Демьяну то, чего ещё и сама как следует не знала. Без лишних слов дед Демьян сходил в летний хлевок, наскоро выкатил оттуда ручную, наскоро сколоченную из старых досок тележку. На той колымаге, хромающей на одну сторону из-за ковыляющего колеса, он развозил по огороду навоз. Кинул на дно соломки, покатыл вдоль овражка. Мария, не отставая, поспешала следом за пустой тарыхтелкой, попискивающей ступицей при каждом обороте перекошенного колеса, тревожно оглядывалась по сторонам и отчего-то пригибалась.

У ракиты, где обпасен каждый бугорок, действительно лежало что-то длинное и плоское, будто вытянутое на доске, не похожее на человека. Мария подошла ближе и по одежде признала свою троюродную, по бабушке, сестру...

5.

Наталью, обмыв засохшую кровь на теле, определили в запечье. Дед забил два гвоздя на противоположных стенах, натянул между ними шворку. Мария сняла в горнице занавеску, поцепила на шворку. Строго-настрого приказала своей Алёнке никому не рассказывать, что у них тётя. А сама рано утром подалась в соседнюю Ястребовку.

На следующую ночь в крайнюю хату на пустующей улице Троицкого пробралась через патрульные заставы Валентина Ивановна Померанцева — акушерка Ястребовского медпункта. Свой белый халат она, чтоб не было лишних улик, не стала брать. Захватила с собой лишь пузырёк очищенного самогона вместо спирта и небольшой огарок свечки. Мария к тому времени уже подрала на ленты простыню, выварила её в кипятке и успела просушить. Завесила окно одеялом, зажгла куцый огарок.

Вдвоём они перенесли страдалицу на кушетку, приладили, чтоб не падала от руки тень, светильню. Мария прикрывала Наталье ноги. Затем Валентина Ивановна взяла обмылок, долго цокала соском рукомойника, вытерла руки и тщательно протёрла пальцы самогоном. Только после этого подошла к раненой. Мария, так же вымыв руки, подсобляла ей.

Стояла июльская жара. Мухи забивали окна. Заскорузлые раны покрылись в течение трёх дней гнойными окалинами. Кое-где, на трещинах, выступала кровь. Валентина Ивановна выковыряла из ран червей, измаранных сукровицей, обработала как следует все поранки самогоном, наложила повязки. Наталья ни разу не дала себе вскрикнуть. Сцепила зубы, сжала до побеления веки. Так и лежала, сковав тело, точно мёртвая.

У Померанцевой, как говорили в округе, была «лёгкая рука», на свет она принимала младенцев нетрудно и удало. Принимала она роды на дому каждый раз и у Травкиной — искусно вязала пупки, и, пришлёпнув по жопке, садила кроху на ладонь, высоко поднимала над собой, придерживая другой рукою. Мир звонко оглашался пробудным криком. Весь век она принимала на руки жизнь, теперь они, святые руки, встретили смерть.

В следующий раз Валентина Ивановна пришла дня через три. Так же ночью легонько царапнула коготком шибку, не задерживаясь, сменила повязки. Она раздобыла где-то немного мази Вишневского, ещё четыре шайбочки стрептоцида, и теперь была довольна, что врачует по всем правилам лечебного дела. Управилась живо, ушла, кроясь оврагом, чтоб её не увидели.

Так она время от времени наведывалась в посёлок, где никто не знал про тайну крайней хатёнки Черных, заботливо пеленала Натальины раны, и они, отзывчивые на доброе бескорыстное сердце, заживали споро и без нагноений.

Наталья, скрытая от людей, отделенная ситцевой занавеской от всего мира в своём полутёмном запечье, изученном до каждой царапинки на стене, лежала беззвучно. Услуги подавляли её, и она, не требуя ухода, лишний раз никого не беспокоила, стараясь быть в доме незаметной, чтоб не стеснять кого-либо своим обременительным присутствием. С другой стороны, она тоже чувствовала щадящее отношение к себе и молча была благодарна. О детях и матери ей старались не напоминать, но видно было, что она постоянно думает о них, часами глядя в одну точку.

Поднялась Наталья где-то через месяц, но руками ничего ещё не могла делать. Голова сильно болела. Пулевое ранение, задев сбоку затылка кость, видимо, повредило какие-то корешки. Наталья стала замечать, что глохнет на правое ухо. Да в том никому не хотела признаваться.

— Ну, я пойду, — закинула однажды за столом, испытывая безмерную благодарность и вместе с тем стеснённую вину своим горем.

Наталья уже вечеряла вместе со всеми за столом, и у неё начала сходить с лица затворническая желтизна.

— Куда?.. — с придыханием еле выговорила Мария.

В хуторе никого из живых не осталось, имущество и всякую живность уже давно растаскали. Мария по указке Натальи — сходи, что ж за зря добру пропадать, — принесла щепоть соли, два чёрных казана, полкуля ячневой крупки, чудом сохранившуюся на миснике. Жить на пять пустых хат Марии казалось жутковато.

— По свету, — отказала Наталья.

6 .

Так она скиталась по свету, живя подпольно на одном месте по недели-две, то у родственников, то у знакомых. Осенью она тайно пробралась в хутор.

Хутор к тому времени, без единой живой души, начал захламляться. Глиняные мазанки, в дождях и непогоде, облупились и стали рябыми, точно в коросте. Кое-где чернели выбитыми шибками провалы в окнах. Наталья увидела своё подворье — сердце остановилось, и она испытала то чувство, что уже раз перенесла. Упала на землю, политую кровью детей, еле поднялась, задубевшая...

Но собрала силы, выкопала на огороде картошку и ведро лука, собрала початки кукурузы. И как немец начал отступать, припряталась на хуторе, чтобы пересидеть, пока перейдёт фронт.

Её, одичавшую, разыскали под вечер, когда солнце, уложив по мягкому февральскому снегу длинные фиолетовые тени, начало садиться за угор. Молодой лейтенант в погонах, чего она сразу не могла понять, чтобы это значило, и старшина в смушковой шапке долго от неё чего-то добивались, наконец, столковавшись, пообещали зайти утром. Их привела Мария и в разговор не мешалась, но когда военные ушли, посоветовала:

— А чего терпеть, скажи им всё...

Наталья смотрела недвижно в окно и, казалось, не видела его.

— Пушай все люди знают...

Сидели потемки, огня ещё нельзя было зажигать. В поддувале просыпались сквозь колосники раскалённые жарины древесных огарков, красно высвечивая стены, и Мария завесила от греха окно.

— Здесь ночевать будешь, али к нам пойдёшь?

Наталья покачала головой.

Когда Мария ушла и шаги её примёрли где-то за окном, Наталья поднялась. Разыскала старый жмуричек, достала совком из поддувала жарину. Прикурила фитилёк, поправила зёрнышко огонька. Огораживая пламя ладонью, подошла со светом к тумбочке, взяла оттуда огрызок ученического карандаша и тетрадный клочок бумаги. И как села за стол с карандашом в руке, не удержалась...

Тем карандашом писали ещё дети — Ванюшка с Борей. Те держали карандаш, как учили их в школе. А Раюша брала карандаш захватом в кулачок, чиркая бумагу вдоль и поперёк. В последнем письме Иосиф просил, чтобы ему прислали обведенную ручку Жени. Наталья приложила крохотную растопырку на свободное место внизу письма, обвела каждый пальчик. Затем передала огрызок Жене, и он наставил под пятернёй целую, известную только его возрасту, грамоту вензелей...

Не слова, слёзы пролила на тот клочок тетрадной бумаги Наталья, просидев до ночи, пока не сник, согнувшись на дно блюда, выпив последние капли жиринок, фитилёк.

Утром, как обещали, явился лейтенант со старшиною. И ещё третий с ними, капитан в новой военной фуражке с блестящим козырьком. Брови чёрные, нос крючком. И глаза водянистые на выкате.

— Ну, готово? — живо спросил.

Ему, видно, не терпелось. И как узнал, что Травкина ничего не написала, передёрнулся как-то весь непонятно.

— Вот так всегда, я так и знал! — грубо упрекнул тех двоих, что вытянулись перед ним, не смея молвить слова.

Наталье стало жаль лейтенанта и старшину. Как она поняла, они допустили оплошину и теперь стояли виноватыми.

— Ну хорошо, — произнёс, чуть картавя, капитан, — я тут кое-что набросал.

Вынул из бокового зашинельного кармана вчетверо сложенный лист бумаги, передал Наталье.

— Читать, мамаша, умеешь?

Слово «мамаша» ёжисто царапнуло слух, к ней ещё никто так не обращался.

Затем ей велели одеться. Наталья накинула на плечи плюшку — жакетку из чёрного плюша, повязалась платком. И, выходя из хаты, перекрестилась.

Трое вооружённых вели её хутором в сторону Троицкого. Влажно лопотали по халявкам сапог широкие полы шинелей; путалась в длинной юбке, поспешая, Наталья.

— У вас было четверо детей? — уточнял некоторые детали капитан.

Через время опять:

— Совхоз назывался «Казацкая степь»?

И снова:

— А муж не в плену?

Её никогда не допрашивали, и она испытывала какое-то неприятное чувство, всё больше проникаясь к этому горбоносому человеку каким-то ещё мало осознанным недоверием. Особенно насторожил её последний вопрос. Были, конечно, разные думки за полтора года такой бойни, поди, много чего перетрёшь в голове, но она и мысли не допускала, чтоб это с Иосифом случилось что-то подобное.

— Какие от него вести?

«Какие вести... — усмехнулась себе, — знала бы где он, ластовкой полетела...»

Ещё издали, подходя к Троицкому, Наталья заметила на сельсоветской хате красный флаг, а на площади какие-то серые загоры. И когда приблизилась, то себе подивилась: не загоры то, не частокол, а солдатики, выстроенные на снегу в длинные ряды перед потрёпанным грузовичком с опущенными на все три стороны бортами. Тут же, возле окрайка резинового колеса, стояла скамейка в виде приступки. С машины ей подали руку и встали на помост.

Площадь сразу осела, выделив хаты по самые завалины. Кое-где, меж дворов, чернели провалами свежие гари, отчего улица выглядела по-старушечьи щербатой. Солдатики с ружьями и развёрнутыми знамёнами стояли двумя кутами — на левое крыло и правое. Сбок их сбились чёрной изреженной кучкой миряне. Кое-кого из сельчан Наталья узнала и теперь терялась, принято ли здороваться отсюда, с трибуны. Она поклонилась всем разом.

— Митинг, посвящённый освобождению Троицкого нашими доблестными советскими войсками от немецко-фашистских захватчиков, объявляю открытым! — звонко прокричал немолодой мужичок в латаных сапогах и московке из перекрашенной мадьярской шинели.

Это был известный на всю округу довоенный председатель сельского совета по имени отчеству Иван Васильевич, покалеченный ещё в ту, первую империалистическую, войну. Когда Наталья регистрировала детей, Иван Васильевич каждый раз, вручая метрики, тепло поздравлял и крепко, по-мужски, жал ей руку. Наталья не видела его с тех пор, как вступи-

ли немцы, и теперь отметила, что он крепко сдал по сравнению с тем, каким был в прежние годы. Да и все, кого она встречала, мало были похожи на себя, война формирует людей по своему облику и подобию.

Подошла очередь, и её подтолкнули вперёд на свободное место. Наталья очутилась посреди кузова. Сотни глаз смотрели на неё в упор и она, никогда не испытывая на себе давление взглядов, растерялась и невольно отступила назад. Но капитан вытолкнул её на прежнее место.

Она забыла, что в плюшке лежит записка, а все слова, которые знала, которые заготовила, растерялись. Не соберет к месту. Ком сдавил горло.

— Бабка, начинай, начинай! Чего молчишь! — понукал капитан шепотом.

«Какая я тебе бабка, — мысленно обиделась Наталья, — меня в тридцать лет война так согнула...»

Однако, внимание, которое было сосредоточено на ней гуртом людей, заставило одуматься, Наталья достала из плюшки сложенную вчетверо бумагу, развернула её и дрогнувшим голосом прочла:

— «Немцы — звери, — запнулась, еле выговорила следующие слова: — смерть им, проклятым врагам!»

Дальше читать не смогла. После той кромешной ночи Наталья боялась этого слова, не произносила его себе. В глазах у неё помутилось, и она качнулась. Её поддержали сзади, а капитан выхватил листок бумаги из её руки и вышел вперёд, заступив Наталью спиной.

— Русские люди! Фронтовики! Слушайте голос русской матери! — Произнёс он так громко, чтобы его услышали в последних рядах. — Восемь месяцев назад я, как и все советские люди, жила радостно и счастливо. Росли мои дети, старшие уже ходили в школу. Звонкие детские голоса неслись из каждой квартиры. Каждый, кто любит жизнь, кому дороги семья и дети, знает, какое это счастье. Мы тогда проживали в Калиновском отделении совхоза «Казацкая степь».

При чтении капитан делал паузы и становилось так тихо, что было слышно, как сзади, на фронте сельсоветовского крыльца, лопотал на ветру красный флаг.

— «Когда мой муж Иосиф Кузьмич Травкин ушёл на фронт, я осталась с четырьмя детьми в возрасте от одного до двенадцати лет. Четвёртого июля тысяча девятьсот сорок второго года в четыре часа утра в Калиновку ворвались фашисты. Ничего не разбирая, они открыли автоматную очередь. Я упала, потеряв сознание, а когда очнулась, то увидела, что все мои дети убиты, а в моём теле двенадцать огнестрельных ран».

Читал капитан выразительно, хотя на морозе картавил сильнее. Голос его, густой, басистый, походил на тот, что по радио объявлял фронтовые сводки. Мороз по коже дерёт.

— «Это сделали немцы! Таковы они все! О, звери! О, бесчеловечные враги! Слышал ли ты предсмертный крик наших крошек, мой любимый муж?! Так отомсти же за них, за невинную кровь! Истребляй фашистского гада! Ведь он ещё топчет нашу родную землю, он ещё убивает таких же, как наши, детей Украины и Белоруссии!..»

Колонны, казалось, сомкнулись плотнее — нигде острие штыка на винтовках не шелохнется. Чёрное воронье, грая над стрехами, тьмой пронеслось. Белый пушок инея кое-где на деревьях мучнисто осыпался.

— «Товарищи! Братья! Кровь невинных детей, пепел сожжённых хижин стучат в наши сердца. Они зовут нас перебить всех проклятых немцев, истребить их гадючье племя. Только тогда мы сможем вздохнуть свободно. Помните об этом всегда. Помните и мстите! Пусть боец не ложится спать, не кладёт винтовку, если он в день не убил хоть одного немца! Поклянёмся же, что не устанем мстить врагу до полного его истребления! Бойцы! Вы слышите предсмертные стоны детей?! Смелее же идите вперёд, на Запад! Смерть детоубийцам! Убей немца! Убей! Убей!! Убей!!!»

Когда закончились выступления, кто-то подал команду. Солдатики развернулись и длинной колонной, поделенной на части, со знаменем впереди, прошли маршем перед автотрибуной на Запад, как и призывал капитан. Лица их были не столько суровыми, сколько мрачными, и Наталья подумала, что они идут в смерть и что, может, не сегодня-завтра кого-то из них уже не станет...

7 .

Жизнь начинала как бы сызнава. Разыскала уцелевшую миску, выровняла погнутую алюминиевую ложку. Приняла от Марии казанок.

Когда-то старший Ванюша садил меньших Борю и Раю рядышком и при тусклом помаргивании жмурика читал из вечера в вечер книжку про какого-то невольного отшельника. Этот страдалец после кораблекрушения попал на необитаемый остров один. Пораясь у печи с рогачами, постоянно озабоченная своими хлопотами по хозяйству, Наталья урывками, одним ухом, прислушивалась к монотонному бубнению за столом.

«Вот какая совсем иная жизнь, не похожая на людскую...» — думала себе.

Теперь её жизнь чем-то походила на ту, что в Ванюшкиной книжке, а хутор в самом деле напоминал необитаемый остров. Тяжелее всего было перенести эту глушь и беззвучие.

Вестей от Иосифа никаких не было, хотя Наталья на всякий случай по несколько раз на день подходила к портфельчику. Тот портфельчик Ваня, когда прервалась учёба в школе, повесил на грушу возле ворот вместо почтового ящика, и туда успела ещё залететь последняя весточка из госпиталя. Надежд было мало, однако Наталья навевалась к ободранному портфельчику на суку, закладывала руку в матерчатое нутро, хотя знала, что почту за ненадобностью никто в хутор не носит — её просто тянуло подержать там руку.

И всё же Наталья не могла снести тяжкого одиночества, особенно после того, как побывала на митинге. Перед сумерками её, одну един-

ственную на все пять хат в запустелом и уже одичавшем хуторе, охватывал какой-то панический страх, и она боялась подходить к кровати, зная, что не заснёт. Одну ночь продумала, другую, наконец, решилась: в ноги упаду, а буду просить, неужто сердце камень, не растопится?

Что могли её, материнские руки, кроме как хлеб растить, детей пестовать, а теперь, побитые, и того меньше. Но они, руки матери, сгодились.

В ту пору готовилось самое грандиозное столкновение двух сталей на прочность, какая выдержит, и, естественно, заранее собирались врачевать не только изрешеченные тела, но и повреждённые машины. Наталью Константиновну Травкину взяли в мастерские по ремонту танков.

Мастерские они так только назывались, потому что постоянного места для них не было, приходилось каждый раз, по-цыгански переезжая, ютиться в самых разных помещениях, где можно было наскоро поставить тот или иной станок и загнать в ворота, часто проломленные в кирпичной стене, танк. Наталья встретила незнакомый доселе мир.

Её завели в длинный сарай барачного типа с оконцами поверху, приставили к большому корыту с керосином. Резкий запах керосина был знаком ещё до войны, брали его для лампы, а то и подтопки при сырых дровах. Но в последнее время пришлось перейти на каганец, и теперь этот запах приятно, мучительно напоминал прошлую жизнь и домовитый дух родного очага. Наталья помнит, как трудно было отмыть руки, если где попадёт крапинка керосина и как от маленькой его толики портится продукт, долго неся невидимые следы тошнотного привкуса во рту. Теперь она окунала в керосин руки по самые локти и пропахла насквозь так, что всё на свете, за что бы ни бралась, куда бы ни пошла, ей отдавало машинной гнусью. Мыла она части от моторов, снятых с побитых танков. Поначалу давали ей что попроще — какую зубчатку или шатун, а как немного наломала руку, то и клапана, кулачковые валы и даже топливную аппаратуру. Особенно робко бралась Наталья за топливный насос, этот чуткий прибор, вызывающий в ней понятие чего-то нутряно-сложного и недоступно-скрытого в теле машины, отчего, может, зависела вся её железная жизнь.

Солнце блеснуло в верхнем оконце, косой луч, пробив чад цеха, осветил синий до дна керосин в корыте, тронул карбюратор, и он улыбнулся, будто новый, освежёнными гранями.

Работа для неё была и занятой, и отрадной, Наталья просто забывалась на весь день и к ночи валилась на свой сенничек в такой утome, что лишь ухо — к подушке, а веки уже слиплись. Вот если б не руки...

Руки ныли по ночам во сне, не давали полного роздыху днём, на работе. Её тело прошили несколько пуль, одна задела мякоть четырех пальцев, жгутовые шрамы, стягивая кожу, мешали разогнуть ладонь. Но в том она никому не признавалась и, тая изъясн, сжимала кулачок, чтоб, упаси боже, никто не увидел поранки и не вернул её назад, в гражданку.

Но больше мучили дети. Днём она как-то забывалась в работе, а вот ночью... Они приходили к ней во сне, и она ничего не могла поделать с собой, изводясь не проходящей болью в сердце. То являлся старший Ванюшка, уже пятиклассник — помогала в хозяйстве, глава вместо отца над младшими. Слушали они его пуще матери, щадящей малых во всём, и она, наблюдая за ними со стороны, улыбалась себе самой скорбно-счастливой улыбкой, которая бывает лишь у матери. Учился он хорошо и уже было заготовил книги на будущий год — обернул каждую в газетку, составил на полочке рядышком. Каждый раз, проходя мимо, не мог не остановиться перед завтрашней радостью. За ненадобностью учебники в разруху никому не сгодились, их не растаскали, как утварь или еду. Остались они в избе нетронутыми, и Наталья, в последний раз прощаясь с родным очагом, обводя горницу глазами, задержала на полочке печально-долгий неразлучный в памяти взгляд...

То снился средний, Боря, озорник и лукавец, шут знает в кого удавшийся, и сделает шкуру — ни за что не признается, а как начнёт балагурить — век не переслушаешь и сразу не разберёшь, что несёт нескладницу. Но с уходом отца пострел как-то приник и стал незаметным. Где подевалась прыть. Забьётся в уголок, сидит неподвижно, а как его окликнешь — посмотрит на тебя дикими не признающими глазочками...

Раяша вся в материнских заботах. И снится она чаще всего, как пеленает обёрткой из кукурузного початка свою тряпичную ляльку с глазами и носом, наведенными посплоявленным химическим карандашом.

И всё же постоянно снился Женя.

Наталье снилось, как она в крайнем напряжении выхватила его из колясочки, выскочила во двор, как что-то жёстко ударило её по рукам, и как Женя, весь вздрогнув, тут же бессило смяк...

От жгучей боли в руках она сразу просыпалась и уже до утра не могла сомкнуть веки. Так сны мучили её из ночи в ночь, и она чувствовала, как выкрученная днём на работе, не набрав силы отдыхом, всё больше слабеет.

Рядом с нею, в цехе, работали такие же, как она, женщины, частью обездоленные похоронками, частью совсем ещё девчата, не изведавшие супружества и семейного счастья. Особенно она подружилась с Марфой — дебелий молодойкой из под Фастова. Здоровая, размашистая в плечах, до упаду работающая, она тянула за двоих, и ей поручали даже неподъёмные коленвалы, которыми она орудовала, как рогаками у печи. Можно было только удивляться, как она поднимала тяжесть, недоступную и мужику. Марфа потеряла дитё в дороге во время эвакуации, когда бомбили эшелон, сходная доля сроднила их, тем более, что позволяло соседство: железные корыта их стояли рядом и места их на втором ярусе деревянных нар тоже располагались бок о бок. Однажды Наталья поделилась бедою:

— Не сплю я, Марфа, сны одолевают...

Марфа поставила коряжисто узловатый вал на попа, навесила крутой излом чёрных бровей над тёмными, как пропасть, глазами. Будто в сердце кольнула:

— Малэнькэ трэба.

— О-о-ой, — еле продохнула Наталья, тронув рукой грудь, где остались лишь висячие блинчики.

Те мысли, приспанные в сознании, всё же постоянно витали где-то рядом, но так ясно не прорезывались, может из-за того, что она их боялась.

— И я хучу... — призналась Марфа.

Она отнесла поперек себя, упирая в живот, коленвал на пирамиду и, когда вернулась, добавила:

— Малэнькэ дуже хучу, Колымы не хучу.

Логика войны — в смерти. По своему подобию она диктует законы, супротивные самому существу природы. Строгий указ запрещал беременеть женщинам, служащим в армии, что приравнялось к членовредительству. Таких отдавали под военный трибунал. Затем отправляли в тыл и после родов ссылали на лесоповал, а детей изымали в государство.

Приказ им перед строем зачитал политрук и, без дрогнувшего мускула в лице, дал расписаться каждой. Никогда в человеческой истории зарождение жизни не считалось умышленным нанесением себе телесных повреждений, и никогда ещё в человеческой истории не карали за беременность по всем законам военного времени.

8.

Поначалу было трудно привыкнуть к шуму и металлическому лязгу, что стоял в цехе с утра до ночи. Рычали на испытательных стендах моторы, грюкали, отдавая наковальным звоном в ушах, кузнечные молоты. С дребезжащим визгом, от которого мох поднимался на руках, бешено вращались карборундовые точила. Наталья, привыкшая к шёпотному шелесту спящего жита, глухо земляному топоту босых ног, невесомому щёкоту степного жаворонка, вздрагивала от неожиданности, если включался тот или иной агрегат, но постепенно вживалась в новые для неё звуки и уже различала, где какая идёт работа и для чего к «огненному жучку» — так называла она электросварочный аппарат — подгоняют громадину танка.

Ясное дело, лучше всего запоминала она детали, с которыми приходилось возиться самой. А когда увидели, что Наталья очень быстро освоила свою работу, её перевели кладовщицей. Она зашла в узкую каптерку с электрическим освещением, с длинными стеллажами по бокам и растерялась — такая сложность свалилась на её голову.

На нижних полках лежало что потяжелее — опорные, для гусениц, катки с прорезиненными ободами, стальные секции траков, ведущие, с крупными зубьями, колёса. А выше — какие-то шлангочки, изолиро-

ванные провода, медные трубочки. Отдельно, в землянке, хранились крупнокалиберные, все в масле, пулемёты, оптические, в коробках, прицелы и ещё целый ворох каких-то премудростей, которые она долго не могла осилить памятью. То, что у двери в землянку стоял часовой, говорило о важности и ответственности дела, которое теперь поручено ей. Здесь надо было крепко мороковать головой, разбираться в бумагах. Наталья вся ушла в изучение новых обязанностей и вскорости уже неплохо разбиралась, что кому требуется и где находится та или иная вещь.

Вслед за деталями она познавала и людей. С утра, первейшим, прибегал из четвёртого цеха Самуил Мойшевич — Михайлович, как он изменил своё отчество, так легче произносить. Небольшого росточка, проворный и деликатный, он иногда мог принести даже конфетку, бог где раздобытую в такое страшное безвременье, и та облапанная, перемятая в руках карамель, которой он сластил, жгучей болью отзывалась в её сердце, напоминая детей...

— Будьте любезны... — беспрестанно повторял он и, поднырнув под прилавок, обходительно оттирал кладовщицу в сторону, а сам забирался в глубину склада, роясь и отыскивая на свою потребу то, что ему нужно. Он не давал Наталье поднимать тяжёлые железяки и сам отбирал их на тележку. Наталья в напряжении ждала, чтоб он уже управился, и когда Михайлович уходил, она с облегчением вздыхала.

Все остальные проходили за день как-то по-деловому незаметно, рабоче-обыденно. Ещё кто оставлял свой след в памяти, так это Аноха Крутских — мужиковатый зауралец с ухарско-раскидистым сибирским характером.

— А ну-ка, Алёна... — называл он её каждый раз не своим именем и тут же наотмашь, по-залихватски хлопал могучей ладонью по доске, припечатывая заявку.

Этому подай. Поднеси. И он не доходил до того крайнего унижения, чтобы это подсобить снять какую-нибудь тяжёлину с полки. С ним вообще разговор короткий: дай — и всё. Из-под земли вынь, да положь. Наталья побаивалась его — он и в ухо залепить может, не страшась штрафной, где, по его хвастливым разговорам, он уже побывал трижды.

В мастерские Аноха Крутских попал, выйдя по ранению в нестроевые, но каждый раз грозился подать рапорт, чтобы его отправили на передовую, так как ему, таёжному медвежатнику, стыдно «вакшаться с разными винтиками-болтиками». Но рапорт не подавал.

На работы в мастерские пригоняли немецких пленных. Зная, что у Натальи постреляли детей, Аноха куражился.

— Если ф я, Даха, иво сустрел... ты мне лишь покажи, я ф иво, гада-кровопийца, вот этими клешняками, — выставлял он руки-ковши и попытался присоседиться к ней плечом, отдающим терпким козлиным потом.

Наталья развернулась, сжала что силы израненный кулачок и со всего маху саданула в вонючее плечо. Отскочила, себе дивясь, в угол, оскалилась ледяными острями глаз.

После ухода Крутских Наталья приходила в себя, успокаивалась, зная, что теперь уже до вечера всё сойдёт благополучно.

Ещё находясь в цехе, Наталья не слышала, что происходит за его стенами. Перестук ремонтного грохота заглушал все прочие звуки. Теперь же, оставаясь наедине в минуты коротких роздыхов, она всё отчётливее разбирала неясный, утробно-земляной гул, что доносился со стороны фронта. А по тем танкам, что в большинстве поступали на территорию мастерских, можно было хотя бы отчасти представить, что там творилось. Говорили о том, что тяжёлые бои идут под какой-то там Прохоровкой, о которой она и слухом не слыхала, да теперь война учит всех своей географии.

К вечеру канонада усилилась, и Наталья с тревогой посмотрела на дверь. Задумалась на минуту, сняла с гвоздика заявки, что собрала за весь рабочий день. Отметила прибыль-убыль в книге учёта, потушила свет. Захватила амбарный замок, вышла со своей каморы...

Во двор мастерских волоком тащили битую технику — тяжелейший танк. Старшина Самойлов — комендант подразделения — поднял руку. Сцеп остановился и, танк, клюнув опущенным дулом пушки, замер.

Весь танк был в пыли, оскалисто блестели свежим металлом на его мёртвой туше снарядные поранки. Одна из колдобин была величиной с ладонь, Наталья подошла ближе и примеряя, вложила в неё пораненный кулачок.

— Божечки ж ты мой, силища-то какая супротив мягкого тела.

9.

К осени фронт откатился далеко, под самый Днепр, тылы начали подтягиваться, и воинская часть, в которой служила Наталья, готовилась к передислокации. Привычный, уже как-то устоявшийся ритм жизни сбился. Всё пришло в необычное движение. На склад запасных частей, в подмогу, выделили несколько девчат. Тесное, забитое деталями помещение заполнилось оживлённым гомоном, стуком молотков, забивающих деревянные ящики. Наталья моталась распорядительницей и с конца в конец своей коморы, еле поспешала.

По правде, новые слова, особенно длинные и совсем не русского звучания, настораживали её. Помнится, как странно, дико — на ляд кому оно сдалось! — отчуждённо прозвучало для неё слово «эвакуация». Затем она испытала на себе, что такое «оккупация», перевернувшая, как ничто, её жизнь. Теперь вот это — слово передислокация...

Постигая всю эту несусветную муть, Наталья начинала понимать, что война имеет и свой страшный язык.

Да в круговерти повседневных забот некогда особенно размышлять.

Лишь поздно вечером, когда она после смертельной утомы валилась на свой сеничок и смыкала веки, невольно приходили мысли: какая непомерная работа идёт следом за фронтом — это ж надо только подумывать! Ничто на свете не берёт столько сил, как война, и ничего худшего люди не могли себе придумать, как ту же бойню...

На погрузку эшелонов пригоняли из лагеря пленных. Немцы брели, гребя сапогами пыль, нечётким строем длинной колонной, под окриками стрелков расходились небольшими кучками по цехам. В кладовую выделяли человек пять-шесть. Стараясь не смотреть в глаза русским, немцы сразу принимались по-деловому за работу. Свободно ходили между стеллажами, сдвигали ящики, выносили их во двор. Странно было смотреть на их зелёные френчи в обжитой своим духом каптёрке, слушать короткий переклик чужой речи. Трудились они не спеша, но споро, работа у них подвигалась укладисто. В такой близости Наталья ещё не встречалась с немцами, и, как чумных, чуждалась каждого, кто проходил мимо, непримиримо посматривая на них из-под жёстких бровей остистыми глазами.

— Командант, — обращались немцы за указанием к Наталье, сразу признав её тут за хозяйку-распорядительницу. Будто варом обжигало её это инородное слово.

Однажды она очутилась с немцем так близко, что случайно они столкнулись. Испугавшись, Наталья отпрянула назад. Пленный тоже в страхе отступил к полкам. Но по его полохливому лицу было видно, что струхнул он больше от того, что толкнул женщину. И как ни странно, боялся он того, чтобы «комендант» не приняла недоразумение за какой-нибудь срамной умысел. Пленный искал в её глазах извинение, и она, не улыбнувшись, чуть смягчила черты лица.

Конечно, это были уже не те немцы, которых она потай наблюдала из своего лазаретного запечья через шибку, вмазанную в стену, или которых встречала, бедую по дворам близких и знакомых. Спесина на них была сбита начисто, хотя и держались они гордо и независимо, аккуратно исполняя свой невольничий долг. Наталью поражало, что даже голод не принизил их головы. Бывало, помнит она, до какого унижения доходили при немцах наши пленные из-за огрызка чёрствого хлеба, а эти будто не видят, если кто развернёт бумажку с варёным бураком или принесёт горсть семечек. И хотя на них была все та же зелёная, правда, теперь уже довольно обмятая форма, вызывающая омерзение, те же обкованные кусочками металлических пластин вдоль ранта сапоги с широкими и уже этим почему-то отвратительными раструбами халлявок, те же пилотки, отношение к ним изменилось, ибо трудились они честно, без хитростей и отлынивания, держались достойно, и это вызывало чувство какого-то ещё неосмысленного до конца не то что уважения — этого слова в то время применительно к немцам допустить было нельзя, — а простого человеческого отношения. Тронув костистого немца плечом, Наталья, на удивление себе, ощутила такую же, как у всех людей, плоть, и это больше всего привело её в какое-то непонятное смятение, будто она раньше не знала этого, не представляла да и не

думала, что у них есть ещё и тело, уж не говоря о душе.

Немец, вытянувшись виновато, повторял одно и то же слово, Наталья, округлив глаза, непонимающе и понимающе смотрела на него из-под дрогнувших в горестном изломе бровей. Конечно, это были чужие слова, Наталья их не слышала ещё, но они не походили на те, «военные», что знала она прежде, и теперь поняла, что немец извиняется.

— Иншульдиген зи, иншульдиген зи, битте, — повторил он и в его приглушенном голосе чувствовалась не только неловкость, а и уважительность, которую можно встретить у мужчин к женщинам не часто.

Наталья молча кивнула головой. Немец еле заметно улыбнулся.

«Зачем всё это?.. Ведь он такой же, как я... И никакой не зверь... И кто всё это придумал?..»

10.

Пленные немцы, обращаясь к ней со словом «командант», будто нарекли: весной, когда снег сошёл и земля взялась мягкой опушкой зелени, Наталью вызвали в штаб части.

В ту пору находились они уже в районах Западной Украины, местности для Натальи новой и необычной своим хуторским складом. Странно, что вместо привычных для неё сёл на русских просторах, встречались тут лишь отдельные, с подворными постройками, усадьбы, раскиданные друг от друга километра за два-три. Смотришь в одном месте, у перелеска, соломенные стрехи кольцом — хата, сарай для скота или, как тут называют, повитка, высокий конус клуни, приземистый дровник, — в другом, у самой низины раскатистого яра, в третьем — на самом яру увальной хребтины, где, видно, судьбою выпал лоскутный надел. По узкой стежке, пробитой в плотном, ещё невысоком дёрне, она спустилась вниз, к небольшому ключу, перешагнула ручей чистой, как стекло, воды, поднялась на пригорок, где стояла усадьба, обнесенная жердяной загородой. Вечерело. Окна, выделив крестовины, зажелтели слабым светом, во дворе, кроме часового, никого не оказалось. Наталья назвала пароль и вошла в узкие ворота.

По сути, она себя не считала военной, хотя носила гимнастёрку и солдатские, уже совсем сбитые, ботинки. Поэтому не имела моды, как другие молодайки в армии, козырять рукой. Вошла, согнувшись под низкой притолокой, в крестьянскую хату и, ещё не различая лиц, поздоровалась, как это было принято у них на хуторе, с небольшим поклоном головы. Ей сделали замечание.

В хате было темно, горела вместо лампы сплюснутая под фитиль гильза от крупнокалиберного пулемёта. Однако Наталья уловила, как один из тех, что находился ближе к огню, поморщился. Его широкие погоны отражали свет серебряными зеркальцами, положенными на плечи, а высокая фуражка захватывала округлой тенью почти половину белёсого потолка.

За некрашенным столом сидело человек пять. Военные звания, которые Наталья различала уже хорошо, были у всех высокие, и она просто растерялась, кому следует доложить, что явилась по вызову, тем более, что офицеры, вероятно отложив свои дела, свели на ней не то любопытные, не то испытывающие взгляды.

И прежде она ощущала страшное стеснение, когда ей уделялось всеобщее внимание. Тот митинг на машине с опущенными бортами до сих пор, если вспомнит, отзывался в сердце, а здесь такое большое начальство, и она остановилась у порога, не в силах шевельнуться, чувствуя, как у неё занемели ноги.

— Наталья Травкина? — вывел её из оцепенения всё тот же подполковник с блестящими серебром погонами.

— Травкина, — коротко ответила она.

— Ну, как вам работается?

Такого вопроса Наталья не ожидала. По правде, с тех пор, как оповестили её про вызов, передумала она о многом. Вообще, тяжёлое состояние переносишь, когда вот так идёшь в полном неведении, что тебя ожидает, и за дорогу чёрт знает что в голове перетрёшь. Была и затаённая слабая надежда: может, какая весточка о муже Иосифе объявится... Но тут же эту мысль притупила другая... Наталья даже в уме боялась произнести то страшное слово...

Ей следовало отвечать, а она молчала. Ну, как работается? Как всем. Ноша досталась тяжкая, да рази кому сейчас легко? Поди, весь свет на одном горе сошёл, хотя Наталья видела, что кое-кто удобно укрылся в затишье мастерских, война-то она не всем одинаково достаётся, кому мимо, а кому всё в рыло, да в рыло, как говорится, кому беда, а кому мать родна, да не о том толк и забота — скорее бы замирилось на земле, уж мочи нет больше терпеть...

— А как у вас с образованием? — спросил всё тот же подполковник, и Наталья поняла, что он тут главный.

С образованием один смех да и только. Из хутора до школы далеко, походила, пока снег выпал, а больше обувки не было. На второй год — ещё столько же.

— Вы сколько окончили классов?

— Один-два, хоть друг о дружку стукни.

Подполковник сразу не разобрал, а когда понял, чуть заметно улыбнулся.

— Вот тут её накладные, — сказал другой офицер, у которого на одну звезду меньше на погоне, а медалей на груди больше, и положил перед подполковником несколько листов.

Подполковник внимательно рассмотрел бумаги. Потом спросил:

— Так ты одна осталась?

— Чисто одна.

— А муж?

Наталья пожала плечами. Кто его знает? Может, на хутор и приходят письма, да так и оседают в портфельчике, а вернее всего, не идут,

возвращаются по обратным адресам, ведь там, в Троицком отделении связи, знают, что почту в хутор носить некому. Наталья впервые пожалела, что сорвалась с места, может, уже знала бы какую весточку. Теперь со слов подполковника она поняла, что вызвали её не для того, чтоб сообщить, где Иосиф, и мысленно усмехнулась своим наивным надеждам...

На столешнице лежала ещё какая-то бумага, сложенная пополам. Наталья сразу и не заметила её. Но, когда подполковник перестал задавать душу выворачивающие вопросы и начал внимательно читать, что там написано, а все остальные стали ждать, пока он кончит, Наталья тоже положила глаза на тот чуть синеватый листочек. Она уже знала: на всех, кто нанимается в армию, заводят личное дело, это, наверное и была бумага на неё.

— А где вы находились во время оккупации? — перебил её мысли подполковник.

Опять это страшное военное слово. Наталье уже приходилось отвечать за него, будто она в чём виновата. Иногда из далекой германской кабалы возвращались невольники. Кое-кого отпускали по неизлечимой болезни, иным удавались побег. Числились они там, на каторжных работах, по номерам. Цифровую наколку наносили на руку, чуть ниже локтя, Наталье приходилось видеть эти страшные знаки. Теперь она чувствовала, что на неё тоже наложено какое-то клеймо, которое, как татуировку и не снять, и не счистить.

— Блукала по свету...

— А чем занималась?

Ну, чем можно заниматься, как не спасением души, хотя с какой радости дерево, если на нем не уберегли листочки...

Отпустили её, когда уже совсем закатилось, боязно было возвращаться назад. Как на допросе побывала. Выкрутили её вдоволь, как хотели. И так брали на испыт, и этак. Всю наизнанку вывернули. А чего добивались, не понять. Ничего ж она такого не сделала, не допустила. Думала, ночами глаз не смыкая, что бы всё это значило, да молвить кому слово про тот вызов не решалась. Может, запрет в военное время таким разговорам, сколько вокруг всего засекречено, она сама ставила подписи на всяких предупредительных документах.

Лишь через три недели Травкиной выдали военную форму, теперь уже настоящую, не обноски и назначили комендантом ремонтных мастерских. Немец как метил.

11.

Наталья пристроила на ящике зеркальце, подобрала одной рукой волосы, а другою примерила пилотку. Сразу преобразилось всё лицо.

Подбила пилотку на бок, чуть натянула на лоб, как делают солдаты, и, повернув голову, глянула как бы со стороны. Еле узнала себя. Военная одежда придаёт человеку мужественный вид, но в той женщине,

которую отражал небольшой осколок, скорбно прорезались прежде всего пострадавшие черты.

Прихлопнула зеркальце обратной стороной, уронила лицо в ладони.

Конечно, вся эта амуниция — и сапоги, и ремень, и погоны — подтягивает и строжит, да и в глазах окружающих как-то утверждает, вроде ты становишься сильнее, хоть под гимнастёркой бьётся всё то же слабое женское сердце. Но с тех пор, как Наталья увидела надвигающуюся зелёную форму с огоньками на животе, у неё как сложилось ко всему, что связано с войною, предосудительное отношение, так и осталось на всю жизнь, чья бы та форма ни была. Форма служит смерти, а не для жизни, что претит материнской сути. Никогда Наталья не думала, что сама влезет в неё...

Да куда более сильное потрясение она перенесла, когда её вызвали в особый отдел.

Сидя за деревянной перегородкой, под плакатом, призывающим убить зверя в его же логове, особист в портупее через плечо и гвардейским значком на правой стороне груди, развернулся на скамейке и, не вставая, допьялся к ящику, обитому железом, поднял крышку, вынул оттуда кобуру, положил на перила загороды. У Натальи обмерло сердце.

Тёмно коричневая кобура из добротной выработанной кожи лоснилась на истёртых до черноты гранях, и то, как эта зловещая штука тяжёлым тупым стуком легла на перила, означало, что она не пустая.

Наталья, положив руки на грудь, отступила назад.

— Пошто оно мне... — выдохнула стоном.

— Положено, — казённо ответил особист, и то, как он произнёс это слово, дало понять, в какие жёсткие тиски угодила она. Так, что и не выпрыгнешь.

Особист занимался бумагами, а Наталья неприкаянно стояла у стены, под плакатом, и ей невольно вспомнились слова: «Убей немца!»

— Мы переходим границу, — объяснил он, смягчая тон, — а там логово. Да и тут, по лесам, зверья всякого навалом. Сейчас без оружия нельзя.

Думала ли она, гадала, куда забросит её судьбина. Могла ли допустить, что очутится бог весть где, в глуши неведомого края, о котором и помыслить не могла, сидьмя сидя тридцать годов на хуторе, ведь за всю свою жизнь она и знала-то всего Троицкое, да материну Ястребовку...

— Расстёгивай ремень, — оборвал Натальины мысли особист, усекнув её замешательство.

Туго соображая, захваченная тяжкими думами, Наталья не уловила пошлости во фразе особиста. Сняла руки с груди, щёлкнула пряжкой. А он, выйдя из-за своего прилавка, живо перехватил ремень, ловко нализал на него мочку кобуры. И, молодцевато угнувшись, обвил её талию поясом, норовя пальцами ужать бёдра.

Вскрикнув, Наталья отскочила. Металлическая шутовина, обтянутая

кожей, грохнула на пол. Только тут Наталья поняла, что произошло.

«И как он может!» — в отчаянии произнесла мысленно, чувствуя, как участилось дыхание.

С тех пор, как она попала в армию, кроме всех прочих невзгод, приходилось ещё испытывать на себе давление облапывающе-похотливых взглядов щеголеватых офицеров, терпеть похабные шутки отъевшихся старшин. И чем дальше двигался фронт, чем сытнее становилась в армии жизнь, а с переходом через границу начхозы вольнее не гнушались подножком прокормом, тем наглее становились увивания напорных пристава. Никогда не думала она, мысли не допускала, что в таком строгом и суровом деле, как война, придавившая неизбывным горем, найдётся место для постыдного блуда. Как перед концом света обезумели люди...

Да в следующую минуту она зацепенела, перетрусив задним числом, как эта штуковина, что грохнула на пол не пальнула!..

— Распишитесь вот здесь, — сухо, отчуждённо произнёс особист и указал пальцем на графу в журнале.

Наталья старательно, чтоб не покривить почерком, медленно, затягивая время и отдаляя ту неприятную минуту, вывела свою фамилию, положила ручку. Робко, насильно потянулась к темнеющей кобуре, и первое, что ощутила, так это вес. Пистолет оказался намного тяжелее, чем она предполагала. Невольно подумалось, как всё то, что губит жизнь, сделано основательно и прочно, и как то, что стоит против бранной беды, зыбко и разимо.

Несколько дней Наталья не решалась ходить с оружием. Так тяжела была эта подневольная ноша. Ей бы жизнь понести под сердцем, а не смерть...

Подпихнула увесистую кобуру под сенник, вроде забыла, а мысль та сторожко стояла всё время на чеку и куда бы ни пошла, что бы ни делала, выкинуть из головы её не могла. Но и оставлять без особого догляду проклятую машинку нельзя. За тот кусок железа, так ловко, старательно выделанный умельцами ружейного дела, и за решётку сведут.

В овраг, на стрельбы, Наталья приохотилась к Марфе. Метилась Марфа без промашки, пистоль брала запросто, как ухват или кухонный нож. Пригнанная по ладони рукоятка пистолета начисто, без остатка, тонула в её широкой мужицкой руке.

— Я колы ходыла в осовиахим, то там и воздушка була и мелкашка. А патронив сколько хочешь. Инструктор втюрився, так я вже настрилялась, — озорно подмигивала она.

С трепетным, каким-то внутренним страхом Наталья смотрела на тёмно-округлую дырочку воронёного дула, откуда идёт смерть.

— Ты ось так, — учила её Марфа, — ливу ногу вперёд, а плечи трохы розверны.

Собрав все, что ни на есть морщины у висков, Наталья стискивала веки, и как ни готовила себя, всё равно от резкого хлопка вздрагивала,

хотя стреляла Марфа. Иначе не могла.

— Шо ж тут такого! — дивилась Марфа и, оттянув и тут же спустив на место верхний металлический брус, передала пистолет Наталье.

Минута далась трудно. Надо было превозмочь что-то такое, чего она не могла. Не смела. Что перечит всему её материнскому существу. Взяла пистолет, и он ожёг руку мертвяще холодной твердью. Тот холодок оледенил душу, напомнил самую страшную ночь, когда она, пересиливая смертельный недуг, нанесённый ранами, дотянулась, прощаясь, горячей в жару ладонью к остывшему лобику Вани...

— Шо ты! — не поняла Марфа.

Она подошла вплотную, взяла Натальину руку и через её палец сверху нажала на спусковой крючок.

Выстрел хлопнул незамедлительно. Сильный толчок ударил в плечо. В ноздри вьелась пороховая гарь.

12.

Как-то по осени, уже за Вислой, к мастерским подъехала полуторка. Из кабины, хлопнув дверцей, вылез измятый сержант с медалями на груди и пышными усами на загорелом лице. Волосы на голове у сержанта были светлыми, усы чёрными, с винтами на концах. Сержант подошёл к часовому на проходной.

— Слушай, паря, — обратился по-простецки, — как бы нам загнать старушку на яму.

И кивнул на свою полуторку.

Часовой, примкнув ложе винтовки со штыком к ноге, не ответил.

— Чё ты, будь человеком, — отступил назад сержант.

— Не положено, — коротко ответил часовой.

— Знаю, что разговаривать на посту не положено, а ты кликни кого.

— Он — комендант, — махнул свободной рукой часовой во двор.

— Иде?

— А вона.

— Дык то ж баба! — воскликнул сержант.

— У нас комендант Травкина.

— Травкина?.. — удивляясь, произнёс сержант.

— Да, Травкина, — утвердил часовой.

Наталья обратила внимание, что у ворот происходит что-то непонятное, приблизилась к забору.

— Сержант Орлов, — отрекомендовал себя бравый усач.

Выяснив, что надо, Наталья разрешила заехать.

— Знаете, — с благодарностью говорил сержант, поспешая следом за комендантом, — без ямы нам не обойтись.

И на ходу подкручивал усы. Наталью эти буравчики раздражали и

смешили.

— А если б у вас нашлось болтиков на шестнадцать штуки четыре и вовсе было бы прелестно.

— На шестнадцать найдётся, — ответила Наталья и крикнула часовому: — Выпустишь потом!

Часовой согласно кивнул головой, а Наталья пошла в кладовую за болтами. Сама не понесла, послала Марфу, которая к тому времени заняла её место кладовщицей.

Шофёр залез в яму и возился недолго, что-то с полчасу. Поддомкратил одну сторону, ослабляя рессору, затем перешёл на другую. Сержант, оставаясь наверху, согнулся в три погибели, и, вывернув бычью шею, отчего глаза его налились краснотою, заглядывал под колёса, давая руководящие указания. Наталья, захлопотанная своим, выпустила их из головы. Как вдруг её позвали.

— Чё ищё там? — повернула голову в сторону полуторки.

Если б знала, не теряла времени, а то, вишь, какое важное дело.

— Спасибочко превеликое, — картинно выставял свои усы сержант, — ей-богу, не добрались бы до расположения.

— Да не за что!.. — всегда испытывала она какое-то стеснение в таких случаях, если ей выражали благодарность.

Надо было выгонять машину за ворота, а сержант мялся. Он явно хотел что-то сказать ещё.

— Тут вот какое дело... — начал несмело сержант, и Наталья подумала, что они будут просить ещё что-то. — Мы слышали, что ваша фамилия Травкина?

— Травкина... — остановилась от неожиданности Наталья.

Сержант Орлов тянул, Наталья, предчувствуя что-то ещё неясное, настороженно заволновалась. Сердце её замерло, а дыхания не стало: может, о Иосифе что?..

— У нас тоже в части есть Травкин.

«Слава богу», — отлегло на душе, и она с облегчением вздохнула.

— Возможно, какой родственник, а то — муж?

— Кто иво знать, — произнесла она и спокойно добавила: — Травкиных много на свете...

Сержант со своим шофёром уехал, а разговор не выходил из головы. Так всю ночь и промаялась в смутных догадках. Думала Наталья о нём, Иосифе. И хотя она не видела его в военном — как ушёл в своём пиджачке и самодельных черевичках, так и остался в глазах — и не представляла, как он мог выглядеть в гимнастёрке и галифе, всё виделся он ей то вымученным после тяжёлого ранения, то вот таким, бравым, с медалями и солидными, как теперь, к концу войны, стали заводить многие, усами, и она гнала радостные, печальные мысли долой, но они упорно сопротивлялись и мучили обессиленное к утру сознание...

А сержант Орлов, встревоженный случайным совпадением, тоже не мог успокоиться. Вернулся в своё расположение, отыскал Травкина.

Тот как раз чистил колесо походной кухни, стоя на колене.

— Что делаем? — подошёл к нему бодро, уверенный в добром деле.

— Да вот... — указал на поломанную спицу Травкин.

Вообще, Травкина в части знали, как мастерового человека, руки его были действительно золотые, и их приберегали для всяких поладок.

— Слушай, паря, ставь магарыч.

Иосиф, не обращая внимание на болтовню Орлова, копался в ступице долотом, выковыривал трески дерева.

— Ты чё ж, глухой?

— А тебе чего? — серьёзно спросил Иосиф, не выпуская долото и молоток из рук.

— Жену твою нашли, говорю.

На те слова Иосиф не обратил никакого внимания, мало кому взбрёт охота поболтать языком на подвесах. Внимательно сосредоточась, примерил затесок новой спицы в норку ступицы, чиркнул гвоздём метку, где обрезать.

— Правду говорю.

Вдруг мысль как-то повернулась, и он опустил молоток наземь. Всякого случалось повидать на фронтовом веку — вызволяли из концлагерей пленных, вызволяли и гражданских, угнанных в неволю даже с детьми, и у него мелькнула страшная догадка о том, что среди всего этого подневольного, изведенного под корень люда могла оказаться и его Наталья с малыми. Та ж хуторская сторона вон сколько под ним, супостатом, была, и оттуда сколько не кидал в последнее время, как освободили, солдатских треугольников — никакого отзвука.

— Иде?.. — еле продохнул. Руки у него дрожали, кадык ходил вверх-вниз.

— В армии.

«Ну, это уже чистая, без подмеса, коротенька подбрехенька, — отлегло от сердца, — тут меня не купишь».

В следующую минуту он уже возмутился: рази можно так изгаляться над живою душою! Что за смешки! С этим не шутят.

— В армии, говорю! В мастерских служит. Комендантом.

Куда ей до армии, когда за подол четверо тянут — мал мала меньше. И какой из неё, деревенской бабы, да ещё и комендант!

— Натальей зовут?

— Натальей... — оторопело моргал глазами.

— Константиновна?

— Константин отец был... — ещё больше дивился Иосиф.

— Высокая?

— Высокая.

— Красивая?

— Ну дак! — улыбнулся.

13.

Сержант ушёл, заронив смятение в душу, а боль оставил. Невысказанную. Выстраданную. Не давала она продыху, не давала жить. И что ни делал, всё валилось из его золотых рук.

Ночь не спал, наутро явился к своему командиру части. Объяснил всё, и его отпустили. Военная часть, где он служил в ту пору, находилась во втором эшелоне, после ранения Травкин уже не числился в строевых, а так, скитался по тылам на подсобных работах.

Точно десяток лет свалил разом наземь тяжким грузом, первый раз за всю войну примарафетился, как, бывало, молодой, зачесал чуб, который к тому времени уже особо не запрещали в армии, вышел, весь подтянувшись, на КПП и упросился на попутную машину.

Иосиф толковал с часовым, доказывая, кто он и зачем, а глазами шастал по двору. Увидел женскую фигуру в гимнастёрке и, ещё не узнав, распылся на железных прутьях ворот.

Она, точно сердце почуяло, вскрикнула внутренне, повела глазами — обмерла...

Нет, это был не он. Не его стать. Чёрное, исстарившееся морщинами лицо. Запалые, точно вытекшие, глаза...

И — он. В человеке всегда остаётся что-то такое, что навеки роднит его с другим человеком и что никаким временем вытравить нельзя. Это был он, её Иосиф. Обнялись, потерявшись, уронив головы, беззвучно забили судорожной дрожью плечи.

— Где ж дети? Дети где? — Очнулся он первым, глядя на неё, и, ещё не рассмотрев, не признав по-настоящему за свою, насторожился. Глаза невольно искали ещё кого-то, хотя не верилось, что такой выводок можно за собой волочить по ухабинам войны.

Щадя солдатovo сердце, она не сказала ему о детях, надо было немного отойти от встречи, хотя он сразу что-то уловил в её уклончивом взгляде, в горьком скриве губ. А тут люди вокруг. Диво-то какое. Почти со всех мастерских сбежались. И никто никому никаких вопросов — всё понятно и так. Не к месту слова, ничего сейчас не значащие.

Вечер был тяжкий. Самый чёрный из всех. И как только его снести. Их оставили наедине, и они потерялись, о чём говорить. Нет, за годы войны собралось столько, что и за всю жизнь не разведёшь, а уста разомкнуть не в силах. Наталья, уронив голову на грудь мужу, выплакивала последние слезинки, а горло душила такая сухота, такая боль, какой ещё не было. Никогда она не думала, что боль живёт своей жизнью, идя где-то рядом с тобой, и может быть сильнее, чем при горе...

— Где ж дети?.. — упорно стоял он на своем.

В первый день она ничего не сказала ему, щадила. Перепоручила,

мол, добрым людям, и он, отшатнувшись, осуждающе посмотрел на нее — как это можно оставить четверых на чужие руки! И этот укор тоже надо было перенести.

— Что это? — взял он её руки в свои.

На тыльной стороне ладони виднелось круглое, в копейку, пятнышко. Пуля, пройдя сквозь ее руку, смешала кровь матери и младенца.

Его интересовали подробности, а подробности мучили её, и он замолкал надолго.

— Какая ты у меня исстрадавшаяся...

В окне уже светало, а они всё сидели, не видя друг друга, смутно чувствуя далёкую отвыкшую близость.

— Как же это?..

— Кто иво знает...

Разные толки по земле блукали подпольно, в то время и дыхнуть о том нельзя было. Говорили, будто в одном из сараев хутора остались наши раненые. Вывезти не успели при отступлении. Немцы стали подходить, кто-то из раненых выстрелил в щёлку между брёвнами... Другие перечили: кто-то из сельских выдал их. Немцы за убитого своего солдата зашли цепью, выстригли всех поголовно, кто находился в хуторе.

— Ты видела его? — неожиданно спросил Иосиф.

Наталья не поняла.

— Ну, который?..

— А как же. Высокий такой бежал. Узкоплечий. Каска на лоб, лицо рудое, нос крючком. И золотые огоньки на зелёном животе...

Долго сидели молча. Потом он спросил:

— Узнала б?

— У него шрам на щеке.

И ещё он спросил:

— Ну, а если б сустрелся?

Наталья не ответила.

14.

Каждый раз, как приводили на работы немецких пленных, Наталья, холодея сердцем, проведёт беглым взглядом поверху, по головам, задерживаясь на высоких, моля бога, чтоб не попался тот, которого запомнила на всю жизнь, и, не найдя, крестясь в уме, отходила постепенно тем же сердцем.

Тем временем война приближалась к своему концу, настроение поднималось, и командование, узнав о такой небывалой встрече, оставила Травкиных вместе, при тех же мастерских, тем паче, что Иосиф в строевых уже не значился, а руки у него на всё гожие, и в их ремонтном деле тоже. Отвели им небольшую каптёрку, где поместилась всего

кровать да сбитый из ящиков стол с осколком зеркала, в которое Наталья стала смотреться чаще. Жили они, как ещё никогда, щадя друг друга, Иосиф жалел её, глядя, какая она несчастная...

И материнская плоть, то ли истосковавшаяся по настоящей жизни, то ли по своему назначению, пробудилась. Наталья понесла.

Но в том никому не призналась. Ходила по земле святою, храня тайнство. И если б кто внимательно пригляделся со стороны, то мог заметить, что движения её стали сдержаннее, а осанка покладистей и степенней, как и должно у будущей, уж если уже не бывшей, матери.

Как-то на плацу перед мастерскими выстроили для пересчёта новую партию пленных. Наталья, проходя мимо, бросила исподбровный взгляд, повела глазами поверху, машинально, как всегда, как привыкла, и уже намерилась в кузнечный цех, как остановилась. Глаза о что-то споткнулись, а сердце дрогнуло. Прошла мимо, вернулась. И — узнала шрам. Через всю щеку от скулы к губе. Тот самый, который узрела она, когда немец надвигался на неё с автоматными огоньками на животе. Вся боль сошлась в одно у сердца, рука невольно потянулась к поясу.

Наталью узнать он, понятно, не мог. Мало ли таких прошло через его руки. Это она, единого, отпечатала памятью навечно — в железной, надвинутой на лоб, каске, с браво закатанными по локти рукавами, с куцей корягой автомата на шлее через плечо, он бежал, не чуя под собой стонущей людским горем земли, люто сменяя всё подряд, неся ещё небывалое зло.

Она расстегнула кобуру, и всё в ней сжалось до предела. Весь мир сузился в одну точку.

Да это был уже не тот немец и как бы не то зло. Он, съевшись, держа застывшие кулачки в карманах распушенной, без пояса шинелишке, стоял на снегу в опорках, закутанных рогожей. Раскатанная пилотка была натянута до самых ушей, шрам почернел, а синий крючковатый нос обречённо торчал из поднятого, куцевого и негреющего, воротника. Претерпевая холод, немец ждал, пока закончится пересчёт и, ничего не подозревая, смотрел на хлопочущих солдат охраны.

Ум что-то медлил, а рука тянулась к беде. Тронула холодный металл, на мгновение остановилась. Тот смертный холодок жгучей болью отозвался другим, таким похожим, когда она, прощаясь, допнулась простреленной ладонью к остывшему лобику...

Нашупала рукоять, её рубчатый бок, весь в нарезках, но такой же холодный, как вдруг что-то глубоко под сердцем глухо, утробно, давая о себе знать сюда, на свет, стукнулось живое, и пальцы её дрогнули. Преодолевая ещё невиданное сопротивление, собрав все воедино, какие у неё были, силы, ещё не осознавая до конца, что делает и для чего, Наталья с трудом размыкая пальцы на притягивающем, как магнит, металле, одёрнула руку. И застегнула кобуру.

Чтобы никогда не расстёгивать её.

Рисунок В. Лебедева

P . S .

Когда-то я выступал на комбинате строительных материалов, что в Алексеевском районе Белгородской области. Был как раз юбилейный год, и я вспомнил о трагедии на хуторе, как называла его Травкина — Калиновка, и как его именовали официально — Красный. Смотрю: в зале женщина вытирает платком слёзы. Подходит позже, говорит, что среди расстрелянных там детей и её родные. Видная, рослая женщина лет сорока — а это было на 40-летие Победы, в 1985 году — называет пятнадцатилетних подростков дядей Мишей и дядей Егором.

Это оказалась Нина Николаевна Турова — дочь Марии Фоминичны Черных, которая приютила израненную Травкину у себя

в Троицком. Нина Николаевна и помогла мне встретиться с Натальей Константиновной.

И вот я подхожу к дому, где живёт Наталья Константиновна, волнуюсь, сейчас увижу мужественную женщину с такой мирной фамилией — Травкина. Что она расскажет и захочет ли? Сколько осаждают её с расспросами, а каждый раз всё надо пережить заново, перенести...

Дверь отворилась, и передо мною выделился силуэт женщины. Дальний свет падал из-за спины, трудно было рассмотреть её лицо, но я понял, что это она, по не сгорбленной, хотя ей и под восемьдесят, фигуре, по спокойным сдержанным движениям.

Небольшая комната, деревянный шкаф ручной работы, скамейки, сделанные, как я узнал позже, хозяином — мастеровым человеком. Мужа своего, Иосифа Кузьмича, она уже к тому времени похоронила, дочь Вера вышла замуж, живёт Наталья Константиновна одна.

...С тех пор как, случилась трагедия, прошло более сорока лет. И я беру эти израненные руки в свои. Руки матери, в отметах шрамов. Растивших хлеб. Пестовавших детей. Я беру эти святые руки в свои и с неимоверным усилием над собой, с болью в сердце, силюсь представить, как вот сюда, в белесое пятнышко на тыльной стороне ладони, поддерживающей головку, вошла пуля, смешав кровь матери с кровью ребёнка...

— А дети до сих пор приходят ко мне по ночам. Боря занесёт дров, а то у мамы, мол, палец болит (это он знает, что я пораненная) и я просыпаюсь, и слышу, как ноют мои руки... Одно время Ваню видела. Часто. Почти каждую ночь. А потом отошёл...

Наталья Константиновна замолкла, долго сидела, не шевелясь. Сжались, белея, губы запалого рта. Судорожно дрогнули изрешеченные пулей пальцы рук.

Кто приходит? Да разве расспросишь каждого?.. Чаше они спрашивают. Привечала всех одинаково — и школьников, затеявших сбор в её квартире, и многих приезжих с фотоаппаратами и записными книжками. Не знала она, что среди гостей были скульпторы и художники.

— Вам рассказываю, а сама не могу... Когда от меня уходят, обтираюсь холодной водой. И там, у памятника, боялась, что не выдержу... Набили мне рот таблетками... Но говорила, кажется, правильно, откуда слова брались... Вот, альбом подарили...

Листаю картонные страницы.

— А это кто, Ваша дочь? — указываю на девочку, что изображена рядом с Натальей Константиновной на памятнике.

— Марина. Яковлева Марина Ивановна. Нас из высылки осталось-то двое... Когда солдаты заскочили в хату, девочка притворилась мёртвой. Отца и мать с братишкой расстреляли, а она жива осталась... Живёт в Киеве.

Наталья Константиновна как-то вся подобралась и уже другим голосом продолжала:

— А дочь с внучкой бывают у меня часто. И зять Анатолий Григорьевич возит меня к памятнику, это недалеко. Там, под плитой, пятеро моих с мамой... И на то место, где был наш выселок заезжаем. Там сейчас хлеб растёт.

* * *

Наталья Константиновна Травкина отошла в 1985 году. После войны она родила девочку. Пятого ребёнка нарекли Верочкой. Вера Иосифовна окончила Курский медицинский институт, замуж вышла тоже за врача — Анатолия Григорьевича Степанова. Сейчас Вера Иосифовна работает во Второй поликлинике города Старый Оскол; Анатолий Григорьевич — заведующий наркологической поликлиникой. В их семье родилась девочка — Леночка. Она уже выросла и тоже избрала себе самую мирную профессию на земле, работает врачом в железнодорожной больнице. Появился на свет и правнук Натальи Константиновны — Андрейка...

И всё же!

И всё же: как ни пытался враг вырвать корень Земли Русской, а побеги от него золотые пошли. Да и как изведёшь его, наш род, если у него есть такие святые матери, как Наталья Константиновна Травкина, способные своим титаническим мужеством вынести невероятные тяготы самой лютой години, чтобы дать бесценное потомство, заложив целительные гены в будущее родного Отечества.

Сентябрь 2003 г.

ЧУЕВ НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Родился 26 декабря 1925 года на хуторе Муравка Чуевского сельского совета Губкинского района в семье крестьянина. В 1940 году окончил Чуевскую неполную среднюю школу и трудился в этом селе в колхозе «Заря пахаря» на разных работах. После освобождения района от немецко-фашистских захватчиков в феврале 1943 года был призван в Красную Армию. На фронте воевал в качестве стрелка, пулеметчика в составе 262-го стрелкового Неманского, ордена Александра Невского, полка 184-й стрелковой Духовщинской Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова, дивизии. Эта дивизия вступила в бой с первых дней войны, позже обороняла Крым, защищала Сталинград, освобождала территорию нашей области: города Алексеевку, Валуйки, доформировывалась в районе Старого Оскола, пополнялась жителями Белгородской области.

Воины дивизии участвовали в боях на Курской дуге в районе Ивни и Ракитного, а после освобождения Смоленщины, Белоруссии, Литвы, первыми в Советской Армии 17 августа 1944 года на территории Шакяйского района Литвы, у погранзаставы 56, вышли на государственную границу с Германией. Дивизия вернулась в места боев, где приняла в июне 1941 года первые удары захватчиков. Это историческое событие было отмечено приказом Верховного Главнокомандующего товарища Сталина.

Среди Героев Советского Союза, удостоенных высокого звания за этот подвиг, был и наш земляк, уроженец Корочанского района, командир стрелковой роты Мазикин Егор Иванович, последние годы живший в Белгороде. Нас тогда наградили боевыми орденами, а впоследствии мне было присвоено звание Почетного гражданина Шакяйского района Литвы.

После взятия Кенигсберга наша дивизия была направлена на Дальний Восток, где мы воевали с японцами, освобождая Маньчжурию.

На фронте я получил ранение и контузию, но после лечения старался возвратиться снова в свою часть. Такие поступки поощрялись на фронте и расценивались как верность воина своему боевому знамени и фронтовому братству. За выполнение боевых заданий на фронте награжден боевыми орденами и медалями.

Демобилизовался в 1946 году и вернулся в свое село, работал в колхозе «Заря пахаря», в Чуевской МТС, в аппарате райисполкома. В 1955 году окончил с отличием Корочанский сельскохозяйственный техникум, а в 1962 году — заочно Воронежский сельскохозяйственный институт.

Работал агрономом, заместителем председателя райисполкома, а после упразднения района — управляющим Скороднянской межрайонной конторой «Сортсемеовощ». С образованием Губкинского района был направлен на работу заместителем Губкинского районного управления сельского хозяйства. В последние годы работал главным государственным инспектором по закупкам и качеству сельхозпродуктов по Губкинскому району. Таким образом, со своим районом я расставался только один раз — когда был на фронте.

На протяжении сорока лет бесменно избираюсь депутатом районного совета народных депутатов. За это время пришлось выполнить десятки наказов избирателей и решить много других добрых дел. С 1974 года на общественных началах возглавляю Губкинский районный Совет ветеранов войны и труда, который объединяет более 13 тысяч пенсионеров.

ПОДВИЖНИК ДОБРА

О работе Губкинского районного Совета ветеранов войны и труда следует сказать особо. Это один из Советов, который известен делами, а не словами. Вот лишь некоторые из мероприятий Совета.

Лично председателем Совета Н. Я. Чуевым были разработаны мероприятия по увековечению памяти боевого и трудового подвига односельчан Губкинского района.

По инициативе Совета в районе возведено 20 памятников-мемориалов. В пятнадцати из девятнадцати сельских советов посажены именные деревья в память о каждом погибшем. Этот почин подхвачен Курской областью, где начались те же работы.

Героям Советского Союза и полным кавалерам орденов Славы установлены бюсты. Их имена присвоены улицам, пионерским организациям, а на зданиях, где они учились и работали, установлены мемориальные доски.

На народные средства к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне воздвигнут памятник «Вдове и матери солдата». Памятник с таким названием — единственный в России. Я имею основания сказать, что без титанических усилий Николая Яковлевича не было бы этого памятника союзного значения. А в душе тревога: как бы не срезали на медь — памятник-то стоит на краю села, время-то наше дьяволом помечено.

К 50-летию Победы завершён сбор материалов по каждому участнику войны, а для записи и учета изготовлены 16 тысяч альбомов и учетных карточек.

В районной газете организован ежемесячный выпуск страницы «Ветеран», где публикуются материалы о людях войны и труда. Ведется работа по организации музеев боевой и трудовой славы в школах района.

За время существования районного Совета ветеранов вместе с редакцией газеты проведены десятки встреч с участниками войны, посвященные праздникам знаменательных дат, освобождению городов нашего края, награждению воинов орденами и медалями.

С 1984 года районным Советом ветеранов организуются ежегодно в каждом сельском совете встречи солдатских вдов с участием молодежи и руководителей, что хорошо воспринимается населением. Ведь на долю этих людей выпало больше всех горя и лишений. Проводимые встречи помогают воспитанию молодежи и решению бытовых вопросов ветеранов. Все вдовы и семьи погибших воинов обслуживаются на уровне участников войны.

На протяжении двадцати лет Николай Яковлевич Чуев возглавляет Совет ветеранов 184-й стрелковой дивизии.

За это время разыскано более 7 тысяч бывших воинов дивизии и собраны их воспоминания, изготовлен памятный знак «Ветеран дивизии».

Увековечен боевой путь дивизии: созданы музеи в Смоленской области, Белоруссии, Литве, Калининградской области, в поселке Троицкий Губкинского района, в селе Уразово Валуйского района, а возле села Солдатское Ракитянского района в августе 1993 года открыто «Солдатское поле».

В местах боев проведены десятки встреч ветеранов дивизии, в том числе на Курской дуге, в Ивнянском и Ракитянском районах.

Опыт работы Губкинского районного Совета ветеранов войны и труда обобщен и одобрен областным Советом ветеранов и коллегией Всероссийской ветеранской организации. Материалы о работе районного Совета публиковались в центральной газете «Ветеран», изданы брошюрой. Районный Совет ветеранов неоднократно награждался дипломами, почетными грамотами Советского комитета ветеранов войны и труда России, а подвижническая работа его председателя Н. Я. Чуева отмечена десятками почетных грамот и благодарностей, двумя орденами Дружбы Народов. Он Почетный гражданин Белгородской области.

Постоянно соприкасаясь с народным горем, он не утратил чувства сострадания к нашему несчастному народу, хотя это и укорачивает ему жизнь. В старости он уже не может говорить о сиротах, вдовах, ветеранах без слез.

На таких людях стояла и будет стоять Русь. Общаясь с ним, веришь в это.

Владислав Шаповалов

ТРИ СЛАВЫ

Тот воскресный июньский день 1941 года был напряженным для чுவеских колхозников. Одни строили отведенный трехкилометровый участок шоссеиной дороги Белгород — Старый Оскол, другие, где был и Гавриил Васильевич Чуев, находились в поле. Шла тогда сенокосная пора. Там и застала их страшная весть: фашистская Германия вероломно напала на нашу Родину.

Началась война.

Не успев дойти до конца прокоса, вскидывали мужики косы на плечи и шли скорым шагом в село, чтобы, в ожидании предстоящего расставания, подольше побыть с семьей и успеть сказать, как принято в этих случаях, самое необходимо и сокровенное.

Не спали тогда в Чуеве в первую военную ночь. Смолкли девичьи песни, которыми славилось село во всей округе. В хатах, где получили военкоматовские призывные повестки, не гасили керосиновые лампы — собирали мобилизованных в дорогу.

Вместе с односельчанами уходил на войну и Гавриил Чуев — мирный и трудолюбивый человек. Уходил, чтобы защитить свою Родину от чужеземных захватчиков. Уходил, казалось, не надолго, налегке. Не думал тогда никто из тех, кого провожали в тот июньский день, что не месяц и не два будет длиться кровопролитная война.

Вскоре, после прохождения краткосрочной военной подготовки, Гавриил Васильевич в составе маршевой роты попал на фронт. И с тех пор куда только ни забрасывали фронтовые дороги солдата. Боевое крещение принял на смоленской земле, где был ранен. После излечения в госпитале воевал на Волховском и Ленинградском фронтах, освобождал Белоруссию, Украину. В этих боях он был трижды ранен, за солдатскую доблесть и мужество награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу».

В трудном для Родины 1942 году он стал коммунистом. А впереди было еще много, так много солдатских дорог и Победа.

...Июль 1944-го. Стрелковая часть, в составе которой он воевал, громила немецко-фашистских захватчиков на польской земле. Шли ожесточенные бои на Сандомирском плацдарме. Той земли, которую они отвоевали у врага, было мало, чтобы начать стремительное наступление. Впереди, в нескольких десятках метров — окопы противника, позади — широкая река Висла. Люди знали, что назад до-

роги нет, что любой ценой нужно удержать израненный, исковерканный минами и снарядами пятачок земли.

И пять отбитых атак в эту ночь не дали возможности сомкнуть глаза даже на мгновение. В воронке они лежали двое, оставшиеся в живых от пулеметного расчета.

— Нам бы до рассвета продержаться. Переправятся наши, легче станет, — сказал пулеметчик Чуев, стараясь хоть разговором отогнать надоедливый сон.

И вдруг среди короткой тишины зашелестели снаряды, мины, засвистели пули, гулко плюхаясь в воду.

— Приготовиться к атаке! — раздался голос командира взвода.

О том бое в наградном листе записано так: «Несмотря на тяжелые потери, стрелковый взвод успешно отражал натиск врага. Гитлеровцы уже приблизились на расстояние броска гранаты и готовы были смять гвардейцев. В это время пулеметчик Г. В. Чуев был ранен, но не оставил поле боя, продолжая вести огонь, чем помог отбить атаку. Более 30 немецких солдат были убиты, остальные не выдержали, отступили. Плацдарм на этом участке удержан. А вскоре силами переправившегося батальона он был расширен.»

За этот подвиг орден Славы III степени Чуеву был вручен уже в госпитале.

Потом снова фронт, но уже другая часть. В войну солдаты после излечения редко возвращались в свои подразделения. Из госпиталей их направляли на пересяльные пункты, в запасные полки. А уже оттуда в составе маршевых рот они попадали на поле боя.

Наши войска подошли тогда к Одеру. Гитлеровцы ожесточенно сопротивлялись. Седьмая стрелковая рота, в которой воевал в должности командира отделения Гавриил Васильевич Чуев, то стремительно, то медленно, с боями и потерями, продвигалась вперед, все дальше на Запад, все дальше от Родины, все ближе и ближе к логову фашистского зверя — Берлину.

На пути стояло польское село Грабуз, занятое фашистами. Враг заранее зарылся в землю, многие избы превратил в огневые точки. Рота залегла. Потом бросилась в атаку. И вдруг кто-то из солдат крикнул:

— Тяжело ранен командир роты.

Взводные вышли из строя раньше.

— Чуев, командуй ротой, — услышал Гавриил Васильевич и тут же выскочил из окопа.

— Седьмая рота, за мной!.. Вперед!.. — закричал он что есть силы и увлек солдат в штыковую атаку.

Боевое задание седьмая рота выполнила, но в рукопашной схватке Чуев снова был ранен. За этот бой Гавриил Васильевич был награжден орденом Славы второй степени.

После «ремонта» Чуев снова в строю, снова в стрелковой роте. Только теперь уже в должности помкомвзвода.

Накануне форсирования Одера разведывательный взвод, во главе которого был Гавриил Васильевич, получил задание незаметно, пользуясь темнотой, переправиться на подручных средствах на левый берег реки и своими действиями отвлечь внимание противника от главного места переправы роты.

— На трудное дело посылаем вас, — принимая от солдат красноармейские книжки, сказал командир. — Всякое может случиться...

Гитлеровцы обнаружили Чуева и его шестерых товарищей, когда они уже закрепились на берегу. Завязался жестокий бой. Тогда в живых осталось только трое. Но поставленная задача была выполнена.

За мужество и отвагу в этих боях Гавриил Васильевич был награжден третьим — золотым — орденом Славы I степени. Теперь уже полным кавалером ордена Славы шел в рядах атакующих старший сержант Чуев. Шел к главному рубежу войны — рубежу Победы.

Всем, кто был на войне, хотелось дойти до Берлина, увидеть поверженный рейхстаг. Но не все его брали, не все остались в живых. Не удалось увидеть логово фашиз-

ма и Гавриилу Васильевичу. В предместьях Берлина он был снова ранен и контужен. Очнулся в медсанбате. Это было его шестое по счету ранение на пути к Победе. Оно и поставило для солдата точку на войне.

На парад Победы в Москве старший сержант Чуев не попал, хотя полных кавалеров ордена Славы включили в сводные полки повсеместно. Его тоже вызывали, но раненая рука тогда еще не зажила.

Находясь на фронте, Гавриил Васильевич редко получал письма из родных мест. Слишком часто его фронтовые дороги сменялись госпитальными койками, а вместе с ними менялись и номера полевой почты. И тем радостнее было возвращение в родные края, к своим близким, на родную землю, которую он, потомственный хлебороб, уходя на войну, оставил ухоженной и преображенной. Ведь его трудом и трудом односельчан в колхозе «Заря трудящихся» уже тогда — в предвоенные годы — собирали на круг стопудовые урожаи. А теперь с какой-то щемящей болью смотрел солдат, как на больших массивах земля стала запущенной, поросла бурьяном. Все это было характерным для тех мест, где проходили дороги войны.

И опять труженик войны, коммунист Гавриил Васильевич Чуев на переднем крае мирной битвы за хлеб. Ему поручили ухаживать за лошадьми — главной тогда тягловой силой.

Мне не раз приходилось встречаться с Гавриилом Васильевичем Чуевым. По складу своего характера это был скромный человек, принципиальный коммунист. Он очень скупно говорил о себе, пережитом лично им. Мало кто знал о его боевых наградах. Никогда не напоминал он о своих заслугах, никогда не жаловался.

И только однажды, в разговоре, как-то задумчиво сказал:

— Да, хорошо запомнилась мне война. Начнешь раздеваться, глянешь на рубцы да шрамы от ран — и встают перед глазами разрушенные города и села, солдатские окопы, взрывы бомб и снарядов и рвущиеся в бой товарищи. А еще плохо, что часто во сне вижу, как готовлюсь к бою, иногда вскакиваю и, не очнувшись, подаю команды. Меня уже за это жена, Ефросинья Петровна, стала поругивать.

Война... Она часто приходила к солдату по ночам до самых последних дней его жизни. Одолели фронтовые раны, а к ним от пережитого прибавилась болезнь. И не стало рядом с нами еще одного героя войны — кавалера трех орденов Славы, которых были удостоены 2500 солдат страны, 12 — Белгородской области и один — нашего района.

Провожали Гавриила Васильевича Чуева в последний путь всем селом. Верный воинской присяге и гражданскому долгу, он сделал все, чтобы нынешнему и грядущему поколениям всегда светило мирное солнце.

Похоронили Гавриила Васильевича у братской могилы, рядом с воинами, погибшими при освобождении его родного села. Здесь же на плитах мемориала высечены имена 310 односельчан-чуевцев, не вернувшихся с войны. Над братской могилой возвышается памятник советскому солдату — символ мужества и непобедимости русского человека. И все, кто приезжает в Чуево, при въезде в село на установленной у дороги арке рядом с названием колхоза обязательно прочтут слова: «Здесь родился и жил кавалер ордена Славы трех степеней Чуев Гавриил Васильевич».

В уголке боевой славы Чуевской средней школы под стеклом на видном месте находятся награды Г. В. Чуева — молчаливые спутники и свидетели его боевых подвигов. Они зовут юное поколение продолжать подвиги старших односельчан, свято хранить память о тех, кто отдал свою жизнь за вечный мир на земле.

На здании Чуевской средней школы, где учился Гавриил Васильевич, установлена мемориальная доска, а пионерской дружине присвоено его имя.

Данью высокого уважения к подвигу героя-земляка явилось установление бюста на его могиле. Он заслужил это своим мужеством и кровью. И пусть все жители села, района, города, все четверо его детей — Виктор, Иван, Валентина и Мария вместе со своей матерью Ефросиньей Петровной гордятся своим земляком, отцом и мужем — верным сыном Родины.

НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ

После взятия крепости Кенигсберг, а это было 9 апреля 1945 года, бойцам хотелось отдохнуть, отоспаться: на войне это постоянная мечта солдата.

Но не получилось. По тревоге нас подняли неожиданно, построили и сразу отправили на железнодорожную станцию, где призывно гукали паровозы. Мы тогда удивились, как быстро было восстановлено железнодорожное сообщение, ведь здесь шли бои всего несколько дней назад.

Прощай, Германия. Долгим и трудным был наш путь к Победе, дорогой ценой спасли свою страну, освободили другие народы.

Воины сделали свое солдатское дело. Поредевшие батальоны нашей 184 стрелковой Духовщинской Краснознаменной ордена Суворова и Кутузова дивизии спешно грузились в эшелоны и под звуки военного марша в разные промежутки времени уходили со станции.

И какое тогда было счастье встретить на перроне оставшихся в живых земляков, обмениваться новостями из солдатских писем, полученных из родных мест.

Дело в том, что 184 стрелковая дивизия формировалась в наших местах и пополнялась людьми Скороднянского, Б-Дворского и других районов бывшей Курской, а ныне Белгородской области.

В одном поезде со мной оказались солдаты из Юрьевки, Скородного, Ивановки и других сел. Вскоре эшелон вез нас по тем местам, где совсем недавно шли бои и лилась кровь.

Мы подъехали к месту в Литве, где наша дивизия первой в Советской Армии 17 августа 1944 года вышла на Государственную границу с Германией. А в октябре в числе первых открыли счет взятым немецким городам.

Паровоз усердно дымил, состав извивался, а впереди рельсы, рельсы... На нарах теплушек похрапывали ребята, отсыпались за войну, пели фронтовые песни, вспоминали бои под Сталинградом, на Курской дуге, в Белоруссии и Литве, перечитывали полученные письма, отдавали дань глубокого уважения памяти погибших товарищей.

Белоруссия. На остановках вагоны окружали местные жители. С той же теплотой они встречали нас, когда мы продвигались с Востока на Запад, неся с собой освобождение многострадальному героическому белорусскому народу.

Вместо Минска — коробки сожженных и взорванных зданий. Но город живет. На перроне столпотворение, а на полуразрушенном вокзале на красном полотнище белеют слова: «Беларусь низко кланяется доблестным советским воинам», «С русским народом на вечные времена».

И вот, через 50 лет, мне посчастливилось с группой ветеранов дивизии быть на белорусской земле, в тех боевых местах, участвовать в торжественных мероприятиях по случаю освобождения Белоруссии, встречаться с жителями повсюду — на площадях и улицах, снова видеть и слышать слова о дружбе тех далеких военных лет, желание жить вместе.

Белоруссия с помощью братского русского народа возродилась из пепла, и там это ценят и помнят.

...Наш эшелон продолжал движение на Восток. Миновали Москву. Мы стали догадываться: едем на войну с Японией. Война теперь раскручивалась в обратном порядке, перебрасывалось большое количество войск. Есть святое понятие воинского долга, и мы тогда сознавали: коль надо, то будем воевать с японцами на совесть, как научились за эти годы.

Не могли мы тогда знать, что на Ялтинской конференции Рузвельт и Черчилль повторно обратились к Сталину с просьбой о вступлении СССР в войну с Японией.

Верное союзническим обязательствам, советское правительство удовлетворило эту просьбу.

— Наконец-то дошла очередь до самураев, — говорили друг другу фронтовики, — сколько они нам угрожали.

Воинам Советской Армии предстояло разбить Квантунскую армию, помочь освободиться народам Китая, Кореи и других государств.

Пополнение получили в основном за счет молодежи 1927 года рождения. Это были люди из Кемеровской и Курской областей, в том числе и из нашего района.

В батальонах напряженно проводились учения, отрабатывались действия наступательного боя в тяжелых условиях гористой местности.

9 августа 1945 года вступили в Маньчжурию. Впереди были тяжелые бои. Китайцы встречали нас тепло, как освободителей, с возгласами: «Шипко Шанго». Захватчики причинили им много горя и страданий.

Скажу, что японцы неплохие вояки, встречались смертники с распоротыми животами. Но высокий патриотизм и опыт советских воинов и наша мощная совершенная техника обеспечили быструю нашу победу.

За боевые подвиги 308 тысяч солдат и офицеров награждены орденами и медалями СССР, 87 удостоены звания Героя Советского Союза. Была учреждена медаль «За победу над Японией», которую получили все участники боев.

О боевых ратных подвигах воинов 184-й стрелковой дивизии, в которой воевало много наших земляков-губкинцев, в том числе и в Маньчжурии, рассказывает в собранных следопытами материалах, которые хранятся в музее Троицкой средней школы.

3 сентября 2005 года советские люди, все честные люди Земли отметят 60-летие победы над милитаристской Японией и окончание Второй мировой войны.

Это святой праздник Победы над силами агрессии и войны. Хотелось, чтобы этот тяжелой уроком навсегда охладил пыл сегодняшних агрессоров, которые зарятся на чужие земли.

В Е Т Е Р А Н

Мы в легенду уйдем, подождите немного,
И не надо сейчас превращать нас в гранит.
Мы такие, как все! Не судите нас строго,
Что не каждый в огне вечной Славы горит!
Просто мы на войне их счастливее были,
Просто нам, что скрывать, больше них повезло,
Мы лежали в снегу и в атаки ходили,
Постигая той страшной войны ремесло.
Мы, закончив войну, все на плечи взвалили,
Из руин полстраны поднимая горбом,
В фронтовых гимнастерках на свадьбы ходили,
Не имея возможности выйти в другом.
Все удары судьбы на себя принимали,
Да и кто, кроме нас, мог тогда их принять?
В эти мирные дни многих мы потеряли,
Как когда-то в боях приходилось терять!
С каждым днем на земле меньше нас остается,
Нелегко мы прожили отмеренный срок,
О священной войне много песен поется,
Подводя нашей жизни последний итог.
Судьбы разных людей все в единую слиты,
Слава Курской дуги нас и ныне роднит,
Этот подвиг народа не будет забытым,
И Россия нас в сердце своем сохранит!

НИКУЛИН СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Воспоминания отца в записи сына

Сергей Михайлович Никулин в кругу родных
13 мая 1945 года

— Родился я в 1924 году в селе Заячьем Корочанского района, где проживаю до сих пор. До войны успел закончить курсы трактористов. Только посеяли, а тут немец. Пшеница при немцах растет, а мы, одногодки, сидим, затаились. В начале 1943 года нас освободили. И сразу молодежь — от фронта, в тыл. Посадил нас дед — колхозный ездовой — на телегу, привез в большое село Красное. Сейчас это районный центр. Дед уехал, а нас никто никуда не вызывает. Продукты в сидорах кончились, и мы пешком вернулись домой.

Второй раз сразу отправили нас в Рыбинск, при артиллерийском училище начали готовить на минометчиков. Тяжелый миномет — 120-миллиметровый. А потом узнали, что я до войны был трактористом и отправили на курсы шоферов. Сорок человек. Тут же, при Рыбинском артучилище. Шесть месяцев проучился. Старший лейтенант учил, хороший мужик. По окончании курсов госавтоинспекция права никому по возрасту не дала. Такие строгие правила были. Только справки стажеров выдали. И я попал в звукоразведку стажером к водителю. Вроде запасного шофера. Возили мы сверхсекретную аппаратуру. Что за механика — до сих пор не знаю. Рулон, как газетная бумага, больше бочки. Не поднимаешь. Закладывают этот рулон бумаги, он медленно вращается, а три пера пишут. И когда у немца пальнут — перья эти закачаются. Засекают, в каком направлении ударила пушка, какой силы звук, время полета снаряда.

Ребята там такие грамотные были! Сразу на карандаш. Высчитывают, дают координаты, куда бить. И наша артиллерия точно подавляла огневые точки противника. В общем, на автомашине такая звукоразведывательная установка. А спрашивать, что к чему, нельзя. Сразу: а зачем ты спрашиваешь? Я шофер, в аппаратуру — не касайся. Куда командир указал, туда еду. Места меняли часто. Однажды шофера убило, командир ко мне:

— Никулин, запрягайся в машину.

Ранило меня в две руки сразу. Через плечо. Одним осколком. Как он мне еще голову не отрубил? Это случилось уже в 1944 году, 1 апреля. Наши войска брали город Стрый, что в Львовской области. Я тогда служил в 101-м противотанковом полку шофером. Вozил двухосную 76-миллиметровую противотанковую пушку. Подал ее на позицию, отвел машину в укрытие. Тут со стороны противника начался минометный обстрел. Я стоял, выглядывая из-за хаты. Вдруг как шарахнуло, и меня будто по груди перепоясало огнем. Руки повисли, поднять не могу. Ребята подбежали, я кричу. Затащили меня в эту хату. Перевязали одну руку, а вторую нечем. А немец еще крепче начал лупить. Ребята убежали в укрытие, а я лежу посреди хаты. Ну, думаю, сейчас ударит прямым попаданием... Прибьет, не досками, так матицей. Потом прибежали, разодрали все на мне, перевязали. Положили на плащ-палатку и в яр потащили. Там машины. Две машины набили ранеными и повезли. Весна 1944-го, грязь. Машина буксует, ее кидает из стороны в сторону. Боль нестерпимая. Кровь из-под бинтов выступает. В полевой госпиталь привезли, бросили на солому, и я до вечера лежал, пока очередь дошла. Вечером — на стол, развязали, почистили, помыли, перевязали. Подвесили руки на веревках, и стало терпимо хоть чуть-чуть. Вокруг орут. У кого что, а набито полно.

Перевезли в тыловой госпиталь. Лежал в Мичуринске Тамбовской области и на фронт уже не попал. Выписали, а рана открылась снова. Дали нестроевую. Думал — домой, но как раз 101-й рабочий батальон формировали в Борисоглебске. Всех калек собрали. Ловили-ловили по области — и в Германию, на авиазавод Фокке-Вульфа. Спросили: можешь ли работать на железнодорожном кране? А что там мудрого? На кнопку нажал — вира, на другую — майна. Из глубины вытаскивали оборудование. Авиазавод был на 40-60 метровой глубине. Шесть километров длиной. Под землей — узкоколейка. Рядом село — и никто не знал, что под ними завод. В общем — снимали оборудование.

Один эшелон погрузили, поехали ребята, повезли в Воронеж. А вторым и меня отправили... Такая вот у меня война.

После демобилизации работал молотобойцем в родном колхозе. Потом восстановили одноцилиндровый двигатель. Керосиновый. На молотилку поставили. Меня взяли машинистом, так как я кое-что в моторах понимал. Когда в 50-м году купили новый нефтяной двигатель Балаковского завода, стал на нем работать. Потом комбайнером класс показывал. Был лучшим в районе механизатором.

На пенсии четыре года молоко возил. Вставал рано, чуть свет, шел на конюшню. Дорог не было, но ехал в любую погоду.

Все переменялось... К худшему. После отделения от Алексеевского «Рассвета» наш колхоз называли «Новая Русь». Но люди стали не те. Пошел в колхоз, а они все пьяные. Трубочка питательная лопнула, сварить надо. Сварщик газ развел и спалил к чертовой матери. Нашел вторую, он и эту спалил. А начальство ничего не говорит.

Людей надо держать в узде. Не правительственной, а моральной. Правительство сейчас разлагает. Правительству лучше, если народ пьет. И поддыхает...

Вчера пошел за газом на ток. Грузят кукурузу. Склад надо освободить. Вышел старший, бригадир:

— Давайте еще кинем, приберем, да и все.

А уже пять часов вечера.

— Да ладно, — на бригадира, — посидим. И ты посиди.

Посидели, ничего не убрали, так и бросили на дороге.

На них надежды никакой. Придет к восьми пьяный, какая с него работа? У него в голове — где что украсть. Да выпить. Вот эти, до 1960 года рождения, эти еще работают. У них старая закалка. А после этих уже одни алкаши. Кто нас кормить будет?..

— Американцы будут кормить, — смеются.

— С Израилем, — отвечаю.

Эти накормят. Уже кормят...

И детей не родят. Какие у них дети, если сами спитые...

— Выходит, село вымирает?

— Где там вымирает! Черные понаехали. Какие-то турки-месхинцы — и не выгодно. Семей двадцать. Каждой по 5 тысяч рублей выдали безвозмездно. Еще на те деньги. Хаты дали, какие пустовали. По 3-4 бычка из колхоза выделили. Корову. Сена дали. И все бесплатно. Видишь, какие мы, русские, добрые. Такая вот политика...

В колхозе эти турки не работают. С нашими не контактуют. «Здорово» не знают. Идут, словно волки. Разговор не ведут с нами. Некоторые только. Спросил у одного, он мне:

— Мы тут все родные.

Поначалу было каждый год собирались в дорогу. Но лето настанет и они задерживаются. Теперь успокоились. Понравилось. А что — у них по пять детей на семью.

— А у наших?

— У наших никого...

* * *

Как-то отец обмолвился, что в нашем родном селе Заячьем, где он живет и поныне, останавливался во время войны Жуков.

— Георгий Константинович?

— Он самый.

— У кого останавливался?

— Твоя фамилия как? — спросил отец в свою очередь у меня.

— Никулин, — недоумеваю.

— Так вот у Никулиных и останавливался. Веру Дмитриевну знаешь?

— Что на Кутку живет?

— Она самая.

И вот мы вместе с писателем Владиславом Шاپоваловым едем в Заячье, на Кутку. Кутком у нас называют кривую улочку, что отростком (аппендиксом) от села уходит по-над яром в лес. Отменное место выбрали штабисты накануне битвы, которую позже назвали Курской. Село в стороне, а здесь, внизу, семь хаток утопают в зелени — не сразу и заметишь.

Зашли во двор, окликнули:

— Вера Дмитриевна!

Не отзывается. Значит, на огороде. Живет она одна, пятеро детей разлетелись, мужа схоронила. Идем узкой полоской огорода, чуть ли не в четверть километра длиной, аж до самых ветел в низинах. Еле различили согнутую спину в картофельной ботве. И она шаги услышала. Разогнула спину, ладонь к глазам поднесла. А мы подошли и диву даемся: какие голубые-голубые глаза! И совсем молодые. Девичьи, даром, что девятый десяток подбирается. Вот эти глаза видели легендарного маршала! Правда, тогда не понимали, **кого** они видят.

Думали, что нехстати явились, оторвали от работы. А она сама рада людям, отгадала наши мысли:

— Мокро. Земля за тяткой тянется. Рано полоть. Пойдем до хаты.

Накануне прошел хороший дождь, в кустарнике, шадя тишину, несмело пробуют голос птицы, пахнет цветами и медом. А воздух так чист и густ, что, кажется, его можно руками перецеживать.

— Тут, возле колодца, на огороде, был наш окоп. Мы хоронились, — рассказывает тем временем Вера Дмитриевна.

Проходим мимо сруба из четырех венцов — никаких следов: подсолнух желтоголовый вымахал в человеческий рост, крыжовник ежится.

— А то был еще возле крылец — ихний окоп. Как двери откроют, так прямо туды в траншею его, генерала. Там земли сверху много было.

Действительно, до сих пор видно, что грунт во дворе порушен: на цвет бурый и «доси» бугром.

И вот мы в светлице на три окна с уличной стороны.

— Усё тахта было. Усё тут осталось. Ну, чисто усё, как было. Диванчик деревянный, стол, шкаф, ничего не выносила. Кровать залезная. Правда, сундук уносила. На той кровати он спал. Вот эти самые иконы в углу и до сих пор стоят. Я думала, може скаже: «Прибери!» Нет. Не сказал. Так при иконах и спал...

Даже не верится, что вот в этой убогой комнатенке с низким потолком и матицей посредине, на которой до сих пор висит лампа довоенной поры, жил Маршал.

— Он жил у моей хате. Что знаю, то скажу.

Она присела, сложила руки на коленях.

— Когда фронт приблизился к Заячьему, то увесь Куток выгнали за угол на улицу. Я перебралась к сестре. А у меня маленькое. Чи Ленка, чи Маруська? Как бы не Ленка. Ну, извините за выражение, перессалася вся, а перепеленать не у щё. Хоть юбку сымай с себя, оборачивай ребеночка. Взяла я Ленку, Маруську за руку веду. Пошли на свой Куток. Дошли, как к нам сворачивать, а там охрана стоит. На уличных воротах, у крылец стоит, и в огородных воротах стоит, не пускает. Стою и я, так и балакаю. Вот идет какой-то военный, спрашивает: «Дмитриевна, чи ты?» И я узнала: Иван Сафонович. Вместе с мужем трактористом работал. Он в этой части служил. Когда сухо, Жуков на машинах ездил, а когда грязь, Иван Сафонович возил его на бричке. Говорю: «Иду в сарай тряпок взять». Он и отвечает: «Идем, он человек хоро-

ший, побалакаю.» Ну, правда, я осталась, переночевала. На другой день Иван Сафонович и говорит: «Ты, Дмитриевна, чтоб слуху не было никакого.»

Живу я, а сама глазом все секу. Он вечером уходит, а зарею возвращается. Грязный, на пузе лазил. Спать ложится. Днем спал, ночью работал. А этот, адьютант, чистя, моя его одежду, я ему помогаю. Дала таз и корыто. Берите. Жизни не рада. Жива буду, будет все. А не буду жива — не надо мне ничего. Они не разбогатеют и я не победнею.

Меня они не стеснялись, часовые тоже пропускали. А голодные. Я картошек наварю, в карманы возьму, тому, тому там пырну. Стал и он со мною разговаривать. «Здравствуй, хозяйюшка, как ночевала?» «Я-то ночевала хорошо, а как вы ночевали?» «Мы, — отвечает, — всегда хорошо.»

Потом Иван Сафонович сказал: «Перебирайтесь в хату, в другую половину.» Я не мешала им нисколько. Он утром приедет и по телефону звонить начинает. Отселя, из хате, звоня, откель бойцам заходить. Он же по телефону кричить, я усе слышу. Там, в окне, шипка была худая. Они провода протянули, тут на подоконнике, телефон установили. Никому этого не казала, только вам говорю.

Один раз немецкий самолет сбили, привели не нашенских. Двоих. Летчики. Один высокий, худощавый, голова забинтована; заводят в хату. Притолока на входной двери низкая, так тот, высокий, забинтованный, как гахнулся головой — так на коленки и сел. Чё допрашивали, не знаю, а как их отселе вывели, больше их не видала.

А он встрене — поздороваётся. Росточком маленький, небольшой, коренастый, хороший был. Штаны в полоску. Красные полоски. Три. Я таких ишло не видала.

Ночью он уедет, я грубку вытоплю, маленькую выкупаю. Увидал, что вода горячая у меня, принес майку и трусы. И все шелковое. Я их сроду не видала. И браться как за их можно, и как мыть. А как-то пришла с огорода, села во дворе, стала кормить, а солдат и сфотографировал. Сижу без внимания. Собрались они ехать, лошадей запрягли, день простояли, другой — не поехали. Потом второй раз. Я как-то вышла, или меня он увидел. Тахта оно пришлось, не знаю. Говорит: «Ну, хозяйка, до свиданья». И карточку мне дает на память. Я ту карточку никому не показывала всю жизнь, стыдно было, что грудь видно. Отвечаю ему: «Гоните его до самого двора, чтоб и поворота ему не было!» «Эх, кабы твои речи, да богу навстречу!» — отвечает.

От это поехали, и боле не вернулись, боле его не видала.

Записал Вячеслав Никулин

**ЛЕЖЕБОВ
ПЕТР ИВАНОВИЧ**

Петр Иванович Лежебоков родился 20 ноября 1921 года на Украине, в Харьковской области, в селе Терновая бывшего Волчанского, теперь Харьковского района.

Окончил техникум механизации сельского хозяйства, Харьковский педагогический институт им. Г. Сковороды, Харьковское училище химической защиты Красной Армии.

Работал в Старосалтовской МТС, школах Дергачевского района Харьковской области Украины, школах и школах-интернатах в самом Харькове, затем в школах Шебекинского района Белгородской области. Был учителем, завучем, последние пятнадцать лет директором школы.

С 1984 года — на пенсии. Живет в селе Разумном под Белгородом.

Участник Великой Отечественной войны, звание — майор.

МОИ ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

Предвоенная обстановка

Уже в конце тридцатых годов прошлого столетия в воздухе запахло военной грозой. Мирное благополучие прикрывалось только внешней спокойной оболочкой, под которой бурлили военные приготовления ведущих государств мира. Все грядущие события и дела носили военный оттенок. Так, например, в Волчанском техникуме механизации сельского хозяйства, где я учился на четвёртом курсе, на стене висела картина огромного танка, а не трактора или комбайна — символов моей будущей профессии.

В верхней части картины красовались слова — «Броня крепка и танки наши быстры» из песни к кинофильму «Трактористы», посвящённого, казалось бы,

мирной профессии. В этот период зазвучала и новая песня, посвящённая пограничникам-дальневосточникам — «Катюша», популярная ещё и сейчас. На экранах страны появился новый кинофильм, посвящённый будущей войне — «Если завтра война», в котором прозвучали такие слова: «И на вражеской земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом». По линии военкомата участились призывы резервистов, активизировался набор в ремесленные училища подростков для подмены взрослых на случай войны. Для их учёбы срочно освобождались лучшие помещения. Военно-патриотический угар был настолько высок, что всем казалось — любого врага мы действительно забросаем одними шапками. Договор о ненападении, заключённый между СССР и Германией, и приложения к нему позволили нам взять под защиту западные Украину и Белоруссию. Гитлеровское командование, окрылённое успехами во Франции, сосредоточило свои отборные войска по всему периметру советско-польской границы. Военная машина была уже на старте и ждала приказа о нападении на Советский Союз. Мирное время отсчитывало свои последние минуты.

О начале военного нападения Германии на Советский Союз его граждане, в том числе и я, узнали из выступления В. М. Молотова по радио, где он в заключение сказал: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами». Мне тут же вспомнились слова из кинофильма — «Если завтра война», и я ещё по наивности продолжал верить, что наши войска вот-вот развернутся и погонят немцев по их территории. Но события тех дней меня обманули. Линия фронта трещала по всем швам, фашистские войска стремительно продвигались вглубь нашей страны. Через железнодорожную станцию Волчанск прошёл первый воинский эшелон с защитниками Отечества. Вслед за ним пошли без остановок товарные поезда с вооружением и эшелоны, гружённые станочным, заводским оборудованием, а вместе с ними двигался штат обслуживания — специалисты токарного и слесарного дела, металлурги-плавильщики и ряд других мастеров своего дела, попавшие под заводскую бронь. Все они ехали подальше от фронта, а куда конкретно, ещё и сами не знали. А когда эшелон останавливался на станции, к нему присоединялись другие нештатные попутчики, которые спешили воссоединиться со своими родственниками в поисках надёжного убежища от ужасов войны.

По дороге из Волчанска в родное село Терновая я неоднократно встречал идущие один за другим стада домашних животных, в том числе — крупного рогатого скота. Их стадами перегоняли от прифронтовых колхозов и совхозов на восток, подальше от врага. Дорогой эти стада попутно пасли, поили, а коров, овец и коз даже доили. Это нужно было делать потому, что наплавив молока порождал болезненные явления и мешал нормальному передвижению. Одну из таких доек коров мне пришлось наблюдать. Всем известно, что коровы, как и люди, имеют свой нрав и характер. В силу этого они по-разному ведут себя при дойке. Четырёх коров, привязанных вокруг телефонного столба, доили четыре солдата из воинской роты, расположившейся рядом на привал. В июльскую жару кому не хочется отведать вкусного молока? Вот и взялись за дело. Две коровы из четырёх стояли спокойно, но третья из них задней ногой отбросила ведро метра на два, а четвёртая, кроме того, ещё и добавила в молоко часть своих ненужных отходов. Вся эта дойка происходила под солдатские смех и шутки.

А в это время кое-где в лесах уже готовились базы укрытия для народных мстителей-партизан, планово подрывались стратегически важные объекты — мосты и даже целые заводские корпуса вместе с оборудованием. Всё говорило о том, что скорой победы не будет.

В местном сельском клубе, куда я ходил каждый день, висела политико-административная карта СССР, и мы вместе с землемером-геодезистом отмечали продвижение врага на восток, в сторону Смоленска и на юг, в направлении Киева и Харькова. Враг двигался молниеносно к Москве и другим важным городам. Создалась непосредственная угроза Донбассу — угольному центру России и Кривому Рогу — центру металлургической промышленности. Для того, чтобы отбить врага и заставить его повернуть назад, требовалось ещё много сил и времени. И всё это было только впереди.

Мой очередной призыв в армию

Ранним утром, 6 августа 1941 года конный оповеститель постучал в окно нашего дома и сообщил о моём очередном призыве в армию. В Волчанском райвоенкомате нас помыли, побрили и на автомашинах, через Белгород, отправили в областной центр — Харьков. Нашей гостиницей там был госцирк, где мы пробыли около недели, до подачи эшелона, состоявшего из товарных вагонов и внутренних нар, сделанных из досок. Наш путь лежал в Красноярск, куда мы двигались очень медленно, долго стояли на станциях и даже на перегонах, пропуская так называемые литерные поезда. Нас везли в Киевское училище связи им. М. И. Калинина, которое уже успело эвакуироваться в один из военных городков Красноярска.

По пути в Красноярск я заболел дизентерией и был переведен в санаторный вагон. В нем я и находился до прибытия эшелона в Петропавловск, где меня поместили в железнодорожную больницу. Чистота и уют в этой больнице вызвали мое восхищение и оставили хорошие воспоминания на всю жизнь. В больнице я пролежал около двух недель. Поскольку своих денег у меня уже не было, военный комендант станции выписал мне требование и с ним я самостоятельно добирался до Красноярска. Военный городок, куда я сразу направился, минуя центральную часть, располагался километрах в двух за городом. В училище мы месяц с лишним маршировали на правах кандидатов. Человек семьдесят, в том числе и я, в отбор не попали и были снова направлены по своим военкоматам.

Для тех, чьи военкоматы уже находились под оккупацией, был дан выбор — в любой военкомат Советского Союза. Выбор нашей команды, в количестве четырёх человек, пал на город Самарканд. Поскольку я был старший команды, все необходимые документы и суточные выдали мне. Наш путь лежал через Барнаул, Рубцовск и Ташкент. В Ташкент мы прибыли рано утром, а поезд на Самарканд отправлялся вечером. В нашем распоряжении оказался целый свободный день. За этот день мы успели побродить по городу, сходить в театр имени Алишера Навои на «Анну Каренину» и постоять в очереди за грецкими орехами, где у меня вытащили из кармана все коллективные суточные. Все члены моей команды — Карпухин, Гаврилов, Реус и я — остались по моей вине без денег. Обкраденные и угрюмые, мы вечером сели на поезд Ташкент – Самарканд и полуголодные отправились в путь. В вагоне мы быстро уснули и проснулись только от воплей и крика гражданки казахской национальности с ребёнком на руках.

Оказалось, что кто-то из присутствующих пассажиров украл у неё шерстяной платок, которым она укрывала малыша. Малыш остался, а платок уплыл. Через несколько остановок она вышла из вагона, а мы спокойно продолжили наш путь. Подъезжая к Самарканду, наш Карпухин признался, что платок украл он. Привязал его к крыше вагона, а сам вёл наблюдение за пострадавшей. Когда дама вышла из вагона, он его достал и даже успел продать за 150 рублей. Так у нас появились первые деньги. На станцию Самарканд мы приехали ночью. В центральном зале станции прямо на полу покато спали пассажиры. Нашлись места и для нас. К утру тот же Карпухин успел «обчистить» богатую личность и наша общая касса увеличилась на 450 рублей.

Располагая деньгами, мы в первую очередь пошли на рынок, купили кишму, каких-то чебуреков и отправились искать мечеть Тамерлана. Осмотрев мечеть, мы вновь вернулись к рынку, где пробыли, пока не проели все деньги. А когда, уже под вечер, явились в военкомат, приёма там уже не было. Но нам показали бесплатную гостиницу. Когда мы пришли в гостиницу, там уже спали какие-то люди на кроватях с голыми матрацами. Каждый из нас выбрал себе кровать, разделся, прикрыл себя одеждой и уснул.

Я проснулся раньше всех и заметил, что моих ботинок уже нет. Кто-то их подменил порванными, парусиновыми туфлями. В военкомате мы попали на приём к начальнику 2-й части. Новой обуви мне там, конечно, не выдали. Нас направили

в Алма-Ату — в запасную бригаду, которая пополняла действующие армейские части живой силой за счёт поступления из госпиталей и других мест. Находились мы в Алма-Ате недолго, спали на полу в каком-то кинотеатре, где всю ночь напролёт крутили картины. Просыпаешься ночью и видишь — «Депутат Балтики», снова просыпаешься — «Трактористы», еще раз — «Золотое Озеро» и т. д.

За это небольшое время наш Карпухин, дежуря в столовой, успел украсть килограмма два комбижиру и продать его на рынке. Из Алма-Аты нас перевели в Семипалатинск. Там выдали новую одежду, помыли в бане и в составе батальона стали готовить к отправке на фронт. Перед подачей эшелона нам даже дали свободный день. Отдыхая в этот день со своими друзьями на нарах в казарме, мне приснился сон. В каком-то доме — вереница открытых комнат, чистых и белых. У дверей первой комнаты стояла мать. Она звала меня за собой, и я по её зову, вместе с ней, переходил из одной комнаты в другую — более светлую и тёплую. Я понял, что этот сон к лучшим переменам, но о каких лучших переменам могла идти речь, если завтра — на фронт?

Примерно через час слышу объявление: «Всем, кто имеет среднее и высшее образование, записаться» — и я записался. Через час ещё объявление: «Кто записался — сдать новую одежду и получить старую. А ещё через три часа я уже спал на багажной полке вагона, следуя в Ташкент, в военно-химическое училище, которое носило имя маршала Тимошенко и эвакуировалось из Харькова, из моих родных мест.

Питание в училище было хорошее. Я не испытывал такого голода, как в Красноярске. Печёная свекла, которую мы там ели, убирая колхозное свекловичное поле, осталась в прошлом. Знания, которые я получил в техникуме, мне пригодились и в военном деле, особенно по органической химии. Там, далеко от фронта, мы узнали, что правительство переехало в Куйбышев, что Сталин в это трудное для страны время остался в Москве и принимал парад на Красной площади в честь очередной годовщины Октября. Последнее нас обрадовало и воодушевило. Но зато огорчили события, связанные с переводом Москвы на осадное положение. В то же время мы были восхищены подвигами защитников Москвы, особенно воинов взвода Панфиловской дивизии, которые своими телами преградили врагу путь к Москве. Крылатые слова комиссара Клочкова — «Велика Россия, но отступать некуда, позади Москва» — облетели всю страну и стали нашей гордостью. И, как все мы знаем, Москва была защищена, а враг был отброшен от столицы на 200-250 км.

Не миновали нас и лагерные сборы. К лагерям мы добирались пешим ходом во всём боевом снаряжении. Была очень жаркая погода и соль, вместе с потом, выступала через одежду. Усталость валила курсантов с ног и нарушала строй колонны. Но по возвращении, не доходя километра полтора до училища, в голову колонны пристроился духовой оркестр, заиграла маршевая музыка, колонна мгновенно выровнялась и торжественно вошла в училище.

Двухгодичную программу училища мы освоили за восемь месяцев. Не обошлось и без диверсий. Подожгли химический склад. Горели и взрывались баллоны, ампулы с горючей смесью, разлагались и смердили отравляющие вещества, пылали средства химической защиты. Вокруг на 100-200 метров летели осколки. Это было жуткое и опасное зрелище. Вражеская рука и здесь, в глубоком тылу, проверяла бдительность и надёжность охраны военных объектов. Поскольку фронт требовал пополнения химических кадров, в августе 1942 года нам присвоили офицерские звания и всех направили в Москву, в распоряжение главного химического управления Красной Армии, а затем часть воинов распределили по войскам, а часть направили в город Владимир, в резерв, в лагерь, расположенный рядом с рекой Клязьмой.

В нём, в основном, находился офицерский состав разных военных специальностей. Питание в резерве было очень плохое, никаких занятий. Спали в сарае и в клуне, на соломенной подстилке, укрывались шинелями. Единственное, что строго помнили — вовремя являться на завтрак, обед и ужин. Опозда-

ешь — не получишь. Поскольку лес и река находились рядом, мы всё свободное время проводили там. Кто рыбачил, кто просто бродил по лесу, собирая бруснику или грибы, которых там было очень много.

У нас с воентехником 2-го ранга из Борисоглебска было своё расписание. После завтрака мы уходили в лес, собирали в котелок грибы и варили. Иногда добавляли картофель из огорода лесника или рыбку, выловленную в Клязьме. На всю эту лесную кухню уходила половина дня. К обеду мы возвращались. И так каждый день. Вещмешки мы оставляли в клуне под соломой. Однажды, возвращаясь из лесного похода, я не обнаружил свою шинель, хотя в ночное время было уже холодно. Но на моё счастье, у меня был красивый мундштук, который я поменял на шинель у одного старшины, переодевавшего будущих фронтовиков.

Первое своё назначение на должность начальника химслужбы 1-го батальона 1-й гвардейской танковой бригады я получил где-то в октябре-ноябре 1942 года. Формирование батальона происходило в Москве. Здесь я подружился с казначеем этого батальона, фамилию которого уже точно не помню. Кажется — Завадский. Мы часто в свободное от службы время бродили по Москве, ходили в кино, на рынок, в зоопарк и даже в общежитие к девочкам. Он мне рассказывал разные истории из своей жизни.

Через какое-то время наш батальон погрузили в эшелон и привезли к дачным местам Саратова. В это время сюда прибыла воинская часть из Сталинграда на отдых и доукомплектование. Весь личный состав нашего батальона, в том числе и меня, передали этой воинской части. А мой друг — казначей остался вне штата. Через некоторое время вызывает меня представитель контрразведки — «Смерш» и в присутствии замполита уже новой для меня части, даёт поручение, связанное со слежкой за моим дружкой, который ещё находился с нами в части. Делать это я категорически отказался, за что был выведен из штата новой части и отправлен в резерв на станцию «Причернавская» Вольского района Саратовской области.

Находясь рядом с городом, мы не упустили момента посетить Саратовский цирк, где нам особенно понравилась клоунада. Человек вынес на арену цирка в портфеле маленькую собачонку, поставил её на подставку перед микрофоном. Собачка, поворачивая голову в разные стороны перед зрителями, пролаяла, после чего повернулась задом к микрофону, подняла лапу, полила его и соскочила с подставки. И тут же послышалось объявление: «Речь министра пропаганды Геббельса окончена». Аплодисменты. Подобные сатирические номера помогали разоблачению лжи, распространяемой вражеской стороной.

В феврале 1943 года окончился мой резервный срок и я в прежней должности был назначен в 3-й батальон 42-й краснознамённой отдельной стрелковой бригады, которая формировалась в городе Петровск Саратовской области. Наша бригада была передана 60 армии генерала И. Д. Черняховского, которая уже обороняла Курский выступ длиной 92 км. В её состав входило пять стрелковых дивизий и три стрелковых бригады. Располагалась в районе Коренево. На место своего постоянного боевого расположения часть добиралась сначала эшелонами, затем пешим ходом. Лютые февральские морозы и вьюжный снег слепили глаза. Нас на этом марше спасла новая добротная одежда, выданная накануне. Офицеры получили новые шубы и новое снаряжение, рядовой и сержантский состав удостоился новых шерстяных свитеров, новой обуви и шинелей.

В связи с тем, что часть солдат нерусской национальности всё время отставала от колонны, я был поставлен в её хвост и толкал отстающих. Была уже ночь, когда я прибыл с отстающими солдатами в село. Основная колонна была уже размещена и спала крепким сном.

Дежурный по части офицер указал и нам место ночлега. Я нашёл дом с железной крышей, где разместился штаб батальона со спящими офицерами. Нашупав руками свободное место в какой-то оградке, я удобно расположился и сладко уснул. Утром проснулся от сильного смеха и разных шуточных подковырок. Смеялись надо мной. Оказалось, что я в потёмках попал в вольер, в котором спала хозяйская коза. Она-то меня и приютила. Спасибо ей. Следующую ночь мы уже

проводили в городе Ливны. Нас засекла немецкая «рама» и привезла нам хороший бомбовый гостинец. Несколько соседних домов были разрушены, а наш остался невредим, только вот стёкла повывлетали, и под утро стало ужасно холодно.

За Ливнами перед нашими глазами развернулась картина последствий ночного налёта на конный обоз. На большаке валялись трое подбитых саней, а возле них — два трупа солдат. Несколько поодаль в снегу, на небольшом расстоянии друг от друга, в снаряжении стояли три лошади. Одна из них с разорванной спиной и подбитой ногой. Они молча поглядывали на идущую колонну. Издали нам казалось, что лошади плачут. Один солдат вышел из колонны, достал из вещевого мешка три кусочка сахара и поочерёдно угостил животных. Хотя колонна отошла уже от того места, где происходило угощение, лошади долго ещё смотрели вслед тому солдату, который преподнес им щедрый гостинец.

К линии фронта подошли незаметно, ночью. Смена частей произошла тихо и спокойно. Все четыре роты и разведвзвод занялись благоустройством своих фронтowych квартир, окопных сооружений, проверкой вооружения и расстановкой огневых точек, изучением минных полей, проволочных заграждений врага и своих собственных, налаживанием связи между ротами, штабом батальона и штабом бригады.

По химической части было проверено наличие противогазов, их состояние и подгонка. В жилых землянках были поставлены двойные двери с уплотнителями, проведён инструктаж личного состава рот и разведвзвода по использованию средств защиты на случай применения противником стойких ОВ. Для штаба батальона была поставлена землянка в три наката, установлен столик, сооружены деревянные нары. Боевое охранение очень близко располагалось к окопам противника, чётко была слышна немецкая разговорная речь. Нейтральная полоса постоянно находилась под наблюдением двух сторон, освещалась ракетами. В сторону противника смотрело множество оптических установок, велась разведка, в том числе боем, в составе отделения, взвода и роты.

Вот один из примеров. Пять солдат под руководством сержанта А. Г. Веселовского в немецкой форме в дневное время скрытно подошли к переднему краю противника и вдруг заметили, что один из немцев прохлаждается в примитивной душевой установке, и не заметил появления наших смельчаков, которые своей внезапностью его так ошеломили, что он не успел подать сигнала, а когда опомнился, было уже поздно, его утихомирил кляп во рту. Документы и одежду (за исключением трусов) разведчики доставили в часть. За этот подвиг сержант Веселовский был награждён орденом «Красной звезды», а остальные ребята получили медали «За Отвагу».

Наша бригада бесменно стояла в обороне почти полгода и кроме слежения за противником занималась укреплением обороны, построением её сложных и надёжных препятствий. С началом активных действий противника наш батальон был расформирован с передачей личного состава в другие части, которые продолжали сражение на огненной Курской дуге.

Курское сражение

Курское сражение является как бы продолжением Сталинградской битвы. Это была вынужденная передышка двух сторон перед началом большого и решающего сражения.

Обе стороны со всей тщательностью готовились к предстоящему столкновению громадного количества всех родов войск с громадным перевесом авиационных и танковых соединений. Битва под Курском, включающая в себя три крупные стратегические операции советских войск — Курскую оборонительную, Орловскую и Белгородско-Харьковскую наступательные — отличалась большим размахом, исключительной напряжённостью и ожесточённостью. В битве под Курском впервые была применена оборонительная стратегия как средство обуздания противника и его непоправимого поражения. В сражении под Курском потерпела поражение наступательная стратегия главного военного командования Германской армии. Все основные сражения южного склона Курской дуги проходили на Белгородской земле.

Я был направлен в 503 фронтовой автобатальон начальником химслужбы. Этот батальон занимался подвозом боепитания и продуктов на передовые позиции, хотя его штаб и спецслужбы находились в значительном удалении от фронта. Мой день приезда на новое место службы совпал с днём формирования батальона. На торжество по этому случаю был накрыт стол, начиная от жареных поросят и кончая гусиной начинкой. Рядом с дорогими блюдами были поставлены разные марки вин, коньяки и набор прохладительных напитков. Все участники этого торжества были красиво и празднично одеты. Мне, пришедшему только что с фронта, грязному, педикулёзному, казалось, что, как говорят в народе, кому война, а кому мать родна.

В этой веселой компании я чувствовал себя белой вороной и совершенно ненужным приложением ко всей этой праздничной обстановке, которая царила в этот час в гостинном зале. Переодеться мне было не во что, весь гардероб был на мне. Так сложились обстоятельства. Со мной никто не пытался разговаривать, садились поодаль. Короче говоря, новости с фронта их не интересовали, они жили своей тыловой жизнью.

На другой день, рано утром, я нашёл старый поддон двигателя, закрыл масляное отверстие деревянным чопом, пошёл в лесок, набрал из воронки воды, развёл небольшой костёр и только было хотел прокипятить погружённую в поддон одежду, которую я с себя снял, как хлынул дождь. Солнце — единственный источник тепла, закрыло тучами. А дождь всё шёл и шёл, не унимался. Слегка выжав одежду от влаги, я вновь надел её на себя и почти весь день сушил собственным теплом. Мой лесной демарш пришёлся не по вкусу начальству батальона и оно, под видом расформирования батальона, вскоре направило меня опять в отдел кадров армии, который в то время находился во Льгове.

В отделе кадров армии я получил новое назначение — дефектовщиком по химическому 3-го батальона 5-й фронтовой трофейной бригады, где я прослужил до конца войны и три года после неё. Правда, менялось название этой воинской части и её функции.

На новое место службы я ехал попутным транспортом. Ехал в первой, головной машине, которая меня подобрала на военной дороге. Колонна состояла из пяти машин. Ехали мы медленно, много раз останавливались, ожидая друг друга. Когда стемнело, колонна остановилась. Все водители вылезли из машин и куда-то исчезли. Продав около 40 минут, я пошёл их искать. Оказалось, что они находились в доме, который был их постоянной остановкой для ужина. Дальше они не ехали, ночевали в этом населённом пункте, спали в машинах.

Когда я вошёл в этот дом, водителей там уже не было, они ушли к машинам. В доме за столом находилась хозяйка дома и две молодые, лет по пятнадцать-шестнадцать, девушки. Хозяйка дома угостила меня ужином. Тут же за столом выяснилось, что одна из девочек — хозяйская дочь, а вторая, как и я — попутчица, только ехала в хвосте колонны. После ужина хозяйка дома предложила мне ночлег в сенях дома, на дощатом помосте, а моей попутнице — лечь с дочерью на кровати, но Лида — попутчица (обе девушки имели одно и тоже имя) отказалась и сказала, что она пойдёт спать со мной на помост. Я, конечно, всё это принял за шутку, — но нет. Не прошло и десяти минут, как Лида была уже рядом со мной. Так у меня возник короткий ночной роман.

С Лидой я провозился целую ночь, до утра. А рано утром я её покинул и вышел во двор дома, где лежала куча дров. Бушующие ночные страсти потянули меня на отдых. Я лёг на дрова и уснул. Пошёл дождь и я вынужден был, уже на рассвете, пойти к машинам. Лида была уже там. И только спросила: «Почему Вы ушли?» Где-то в дороге потерялся её след, а воспоминания тех уже далёких лет живут поныне.

Наш 3-й батальон и бригада в целом с приходом в Берлин некоторое время занимались очисткой железнодорожного полотна Брест — Берлин от взрывоопасных предметов, готовя приезд Сталина в Потсдам. А после Потсдамской конференции — демонтажем оборудования и материалов в счёт репарации, как из зон союзников (до их передачи), так и из нашей зоны оккупации и нашего сектора

большого Берлина. Что касается меня, то я ещё некоторое время находился в Познани и заведовал там трофейными складами, которые помещались в двухэтажной школе и костёле. Был у меня и склад бумаги в больших рулонах. Тот находился поодаль, в специальном сарае. Охранял склады комендантский взвод.

Хотя помещения складов запирались, но окна были выбиты ещё во время бомбёжек. Однажды охранник поднял шум, что кто-то залез в склад и там орудует. Когда со специальным конвоем зашли вовнутрь склада, то увидели солдата в польской форме. «Пан, Вы что здесь делаете?» — спросил один из охранников. «Какой я Вам пан, я из Рязани и в польской армии нахожусь временно. Война окончится, поеду домой. Кое-что хочу выбрать и при случае выслать домой — детям. Голые ведь они у меня, совсем обнищали». Конечно, мы все его отлично понимали и позволили ему взять всё, что он хотел и сколько хотел. В то время почти каждый из нас находился в таком положении.

Когда объём ремонтных работ был точно определён в советском секторе большого Берлина и в других местах советской зоны оккупации, структура бригады была изменена. При бригаде была организована база оборудования и материалов. Соответственно поменялись и штаты. Я был назначен старшим помощником начальника транспортного отдела базы и в основном отвечал за железнодорожные перевозки, подачу вагонов и оформление отправок грузов. В моём распоряжении была дрезина и я на правах скорого поезда курсировал по маршрутам Берлин — Дессау, Делич — Лейпциг — Галле — Магдебург — Берлин. Жил на двух частных квартирах — в Деличе и Магдебурге. Немецкий язык я знал плохо, но тех слов, перевод которых я знал, вполне хватало для общения.

Выше я уже говорил о своём назначении в 5-ю ОТБ. Хочу только напомнить о делах бригады и батальона до вступления в Берлин. Наша бригада входила в состав центрального фронта. Бригада двигалась вплотную за фронтом, собирая и отправляя по адресам подбитую военную технику, снаряды, взрывчатые вещества, попутно разминирова поля боевых сражений. И все это должны документально подтвердить местные гражданские власти. Работа была трудной, опасной, приводящей иногда к жертвам. Помимо вышесказанного перечня работ, нам спускался и план сбора и отгрузки металлолома.

Командир взвода второй роты нашего батальона А. М. Гуревич, узнав, что одна из партий металлолома отправляется на завод, расположенный на территории проживания своей жены, решил заодно помочь семье — выслать в её адрес попутно с грузом центнер овса. Для этих целей он затарил крупнокалиберные пустые гильзы овсом и погрузил их с металлоломом. Одновременно почтой он направил письмо начальнику станции назначения, чтобы тот не препятствовал жене по части изъятия груза. Позже было выяснено, что трюк удался. Да и заводу двойная польза. Всё же гильзы — цветной металл.

У меня сложились хорошие отношения с членами немецких семей, с которыми я проживал на квартирах. К нам — русским — они относились вполне лояльно, хотя малая часть немцев внутренне таила в себе зло и ненависть. К хозяевам моей квартиры в Деличе приехали гости — муж, жена и её сестра. Этот период совпал с казнью военных преступников, осуждённых в Нюрнберге. В одном из иллюстрированных журналов была фотография Геринга с петлёй на шее. Когда я эту фотографию показал гостю моих хозяев, гость побагровел и грубо мне ответил: «Дас никс культуришь». Я, конечно, тоже на повышенных тонах привёл ряд примеров «культурного» поведения немцев на нашей земле. Короче говоря, в долгу перед этим ярым нацистом не остался. А так, в основном, немцы это народ высокой деловитости и расчётливости. У них есть чему поучиться.

Как известно, согласно решениям Потсдамской конференции государств-победителей, Германия была разделена на четыре зоны оккупации — Советскую, Американскую, Английскую и Французскую. А бывшая столица Германии — большой Берлин — соответственно на четыре сектора. Некоторое время Германией управлял Контрольный Совет. Советским представителем в Совете был Маршал Советского Союза В. Д. Соколовский. Несколько позже, проходя через сложные

этапы, на базе трёх зон западных союзников была образована Федеративная Республика Германия со столицей Бонн, а на базе советской зоны оккупации возникла Германская Демократическая Республика, со столицей Восточный Берлин. Спустя более 35 лет народы этих двух стран объединились в единое немецкое государство и на рыночной основе продолжают строить своё благополучие.

По основным экономическим показателям Германия вышла в данный момент на первое место в Европе и второе место в мире.

Задание по приказу

Часть демонтировала завод — «Аскания-Верке» в Берлине. Туда приехали майор и капитан из министерства вооружения с предписанием о выделении им группы бойцов для охраны очень важного военного объекта гитлеровской Германии. Объект размещался в небольшом лесу, рядом с поселком Лицлинген — недалеко от Берлина. Приехали они на машине «Студебеккер», и командир части поручил возглавить эту охрану мне. Но дороги на место никто не знал. Тогда было решено взять любого немца на выезде из Берлина в качестве сопровождающего, а после доставки вернуть его обратно. Действительно, взяли какого-то пожилого, бородатого немца, который всю дорогу сидел и дрожал, полагая, что его куда-то везут на расправу. Но как только наша цель была достигнута, немца-бородача специальным авторейсом отправили в Берлин, домой.

После прибытия на место мы узнали цель своего приезда. Оказалось, что это были секретные пороховые склады, расположенные в полуподземных бункерах, закрытых металлическими дверями.

Позже эти двери пришлось открывать при помощи автогена. Это был особый порох, для беспилотных воздушных летательных аппаратов, которые немцы использовали для налётов на британские острова, в том числе и на Лондон. Этот порох напоминал брёвна в рост человека. Там же хранилось много бикфордова шнура и взрывчатка в заготовках по 400 граммов (видимо это был тол).

Этой взрывчаткой мы пользовались для глушения рыбы в близлежащих озёрах. Напротив складов через дорогу была расположена лесная поляна, заросшая травой, на которой в скрученных кольцах хранилась рядами уже поржавевшая проволока. Эта поляна была местом обитания диких кроликов, которых я отстреливал из карабина. Полянка, расположенная недалеко от населенного пункта, помимо прочего, служила и местом встреч русских граждан, насильно угнанных в Германию в разные годы войны. Этот городок был местом их проверки на благонадежность по линии советской контрразведки перед отправкой на Родину.

Здесь они встречались между собой и с нашими солдатами, свободными от наряда, обычно в выходные дни. Разговоры велись на различные темы, начиная от жизни в Союзе и кончая перспективой их судеб. Должен сказать, что после прохождения соответствующей фильтрации не все «пленные» добивались до родных мест. Часть из них специальным этапом, минуя отчий дом, отправлялись в отдаленные места отбывать наказание за неблагонадежность. Что касается самих репатриантов — они уже довольно хорошо владели немецким языком и уже успели создать семьи. Отзывы о Германии у них были неоднозначными, в зависимости от местонахождения их пребывания.

КИЯНОВА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА

педагог, журналист

ВОЕННОЕ БРАТСТВО

Документальное повествование

1. ЛЁНЧИК

Этот мальчик с героико-трагической судьбой много, очень много лет не даёт мне покоя. Беспокоит несправедливость, которая сопровождала и сопровождает его судьбу, теперь уже посмертную.

1. В Великую Отечественную войну был сыном полка. Любимым. В 16 лет погиб, заслонив своим телом любимого командира. Звание Героя Советского Союза не дали.

2. В этом, 2003-м году, исполнилось 75 лет со дня его рождения, да напомнить было некому: мамы давно нет, связь с его бывшим командиром потеряна из-за преступной границы между братскими народами. Промолчали все знающие СМИ, забыли односельчане, забыла школа.

3. Юному герою 34 года назад установлен памятник. Хороший. Да посмотреть за ним сейчас почти некому: школа, в которой учился знаменитый земляк, «переехала» в соседнее село.

4. Есть хорошая копия памятника. Деревянная. Находится в Прохоровском музее. Хорошо? Не совсем: скульптуру героя-земляка «сослали» в подвал и никому не показывают. Почему? В просторных залах нового музея для неё не нашлось места. Вы удивлены? Я тоже. И не только удивлена. Возмущена! Но работники музея спокойно объясняют, что поставить бюст юного героя рядом с героем-генералом не позволяет субординация.

5. Даже в «Белгородской энциклопедии» в статье о юном герое есть ошибки и искажения. Фатум? Не знаю. Скорее всего безразличие, недобросовестность.

Ну, а теперь всё по порядку. Некоторые, наверное, догадались, что речь идёт о нашем юном земляке, уроженце села Малояблоново ныне Прохоровского района, сыне полка Лёне Джусе.

Впервые эту фамилию я услышала в начале 60-х годов теперь уже прошлого века. Узнала: Лёня воевал, геройски погиб. Похоронен в румынском городе Клуж. Всё. Эта мизерная информация рождала сотни вопросов. Узнать было негде.

Через десяток лет, в начале 70-х, в сентябре, в журнале новой группы учащихся (я тогда преподавала эстетику в белгородском ПТУ-4) встречаюсь со знакомой фамилией.

— Витя, а ты знаешь, кто такой Лёня Джус? — до их пор помню дрожь в голосе.

— Это мой дядя, — спокойно ответил мой юный ученик.

— Расскажи о Лёне! — чуть не взмолилась я.

Будущий слесарь-котельщик с героической фамилией Джус молчал.

В чём же дело? Почему родной 16-летний племянник не может рассказать о подвиге своего 16-летнего дяди? Стало как-то не по себе.

Как же так? Неужели в семье ничего не рассказывали о героическом прошлом брата его отца? Чудом намечавшаяся тонкая ниточка сразу оборвалась: Витя ничего не знал. Возможно ли такое, думала я. Можно ли быть из семьи героя, окончить школу, возле которой установлен памятник Лёне Джусу, и не суметь ничего рассказать о нём?

Вопросы множились. Чутьочку прояснили картину скромные сведения из библиотек. Но многое осталось неясным. Беседовала с журналистами, учителями, библиотекарями, комсомольскими и пионерскими работниками, то есть со всеми, кто, казалось бы, по роду своей деятельности должен был знать о героическом прошлом нашей области. В ответ было или полное незнание или полужнание.

«Знающие», например, утверждали, что майора Пенкина нет в живых. Некоторые даже «перекрестили его». Простая русская фамилия ПЕНКИН с помощью средств массовой информации была искажена. Третью букву «Н» сменили на «П». Эту ошибку умножил и путеводитель «В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ» (Белгород, 1986). Ни имени, ни отчества командира в статье «Сын полка» не было. Да и о чём можно было поведать в 27 строчках?

В. И. Пенкин со своими боевыми друзьями.
Леня Джус во втором ряду справа, Василий Иванович в первом ряду слева.

«Вашу открытку и очень трогательное для меня письмо я получил, за которое большое Вам спасибо», — живо помню своё волнение, когда у меня в руках оказался конверт с обратным адресом: Киев, В.И.ПЕНКИН. И дата: 31 июля 1988 года.

Значит, жив! Жив... А ведь даже в Курском музее «Юные защитники Родины», сообщая мне адрес Василия Ивановича, ничего не могли сказать о судьбе славного ветерана Великой Отечественной.

«О себе писать трудно, но командиром стрелкового батальона пробывать на фронте и остаться живым, это невероятно. История войн об этом умалчивает. Всё тело в шрамах, а их тринадцать». — Эти сведения были из другого письма Василия Ивановича.

Таких писем, больших, обстоятельных, оказалось семь да плюс к тому две больших папки с военными мемуарами Василия Ивановича Пенкина. Отважный ветеран никогда с ними не расставался. Предлагал, правда, разным редакциям, да всегда ли наш брат журналист снисходителен к

стилю и грамотности незнакомого автора? Как он мне, незнакомому человеку из другой республики, доверил сокровенное? Не знаю. Зато у меня был праздник: не было ни гроша, да вдруг...

В моём архиве появились фотографии Василия Ивановича, его боевых друзей. Одна папка была целиком о Лёне. В начале — фотография Лёни в военной форме. На груди две медали: «За отвагу» (17 февраля 1944 г.) и «За боевые заслуги» (5 мая 1944 г.) Далее — фотография памятника Лёне в Малояблоново. На гимнастёрке слева две медали, справа — Два ордена Отечественной войны 2-й степени и орден Красной Звезды.

— Лёня был маленького роста, кругленький, волосы светлые. Курчавый. У Агафьи Михайловны, — вспоминала в нашу первую встречу учительница русского языка и литературы Малояблоновской школы Лидия Фёдоровна Безгинова, — было шесть сыновей: Николай, Алексей, Владимир, Виктор, Анатолий, Александр. Старший, Николай (я с ним училась в одном классе), был застенчивый, а остальные братья очень шустрые. «Джусята», — так их звали в деревне.

От Лидии Фёдоровны узнала, что семья Лёни была большая. Кроме детей, бабушка, отец Иосиф Филиппович, мать Агафья Михайловна. На мальчишечью ораву обуви не хватало. Летом бегали босиком, а вот зимой... Зимой было трудно. В школу братья иногда ходили по очереди.

Благодарная ученица, ставшая учителем, Лидия Фёдоровна рассказала и о первом директоре школы Марии Алексеевне НИКИТСКОЙ (8 апреля 1895 г. — 29 октября 1970 г.), более полувека возглавлявшей семилетнюю, а потом восьмилетнюю Малояблоновскую школу. Но она, школа, никогда не была средней, как ошибочно утверждает «Белгородская энциклопедия» в статье о Лёне Джусе.

Выпускница Корочанской женской гимназии, Мария Алексеевна всей своей жизнью и деятельностью на каждом шагу оправдывала золотую медаль, которой она была награждена по окончании Корочанской женской гимназии 9 июня 1913 года. Я видела эту медаль, с трепетом держала её в руках. На лицевой стороне — изображение императрицы Марии Фёдоровны, на обратной — слова: «За благонравие и успехи в науках».

М. А. Никитская

Прекрасный математик, Мария Алексеевна могла вести уроки по любому предмету. В селе пользовалась безграничным уважением. Школа при ней постоянно занимала первые места в районе. Слава о школе дошла до самой Москвы. Мария Алексеевна была делегатом XVII Съезда партии. Её работа была отмечена орденом «Знак Почёта» (1939), орденом Ленина (1949) медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и юбилейной Ленинской медалью (1970).

«Ваш воспитанник Лёня Джус закрыл телом своего командира», — такое сообщение в 1944 году получила Мария Алексеевна из воинской части, где служил её бывший ученик. А Лёня-то был совсем мальчиком. В этом Подвиге и Подвиг Учителя, бессмертная слава школы.

... Известие о войне вторглось в Малояблоново тревожным звоном подвешенного к столбу куска от рельса. Мужчины уходили на войну. Собрался и Иосиф Филиппович Джус. Отец с сыном крепко обнялись на прощание. Они не знали, что расстанутся навсегда.

Ушёл добровольцем на фронт и Николай, старший брат. После этого Алёша стал задумчивым. Он не мог равнодушно оставаться в стороне от взрослых, жить на готовом, чего-то выжидать. Такая уж у него была натура — быстрее всё понять и стать самостоятельным. Но в тревожной обстановке тех военных лет он никак не мог разобраться.

Как же так, поражался Алёша, наши отступают и отступают. Неужели фашисты дойдут сюда и будут под конвоем гонять на работу по тем местам, где он рос, учился, бегал, гонял в ночное лошадей, заслушивался пением птиц, играл с ребятами? Но тут же успокаивал себя: нет, наши ещё соберутся с духом. Ведь им пошли помогать отец и брат. «И я ещё тоже приду к ним на помощь. Брехня, наша возьмёт, вот увидите». И ещё не совсем продуманная мысль — тайком уйти на фронт и быть рядом с бойцами на переднем крае борьбы — врезалась глубоко в его сознание и не давала ему покоя.

Фронт приближался. Мужчин в селе осталось совсем мало. Все работы и заботы легли на плечи женщин и подростков. Но почему-то не спешил на фронт учитель географии Иван Фёдорович Булгаков. Алёша быстро понял: учитель выполняет какое-то важное задание. Алёша днями, а то и ночами начал пропадать где-то со своими сверстниками. И незаметно что-то важное доносил Ивану Фёдоровичу.

Однажды Алёша доложил учителю, что видел немцев. Они расположились недалеко от села. Иван Фёдорович собрал оставшихся в тылу врага партизан. Их было одиннадцать человек. Они взяли гранаты, винтовки и пулемёт. С ними был лейтенант (фамилия его осталась неизвестной). Как показалось Алёше, он был за главного. Иван Фёдорович и лейтенант влезли на один из колхозных сараев и стали пристально наблюдать за приближением немцев.

Всё на миг, как перед бурей, затихло в селе. Люди закрылись в погребах и хатах. А немцы уже шли россыпью по заросшим полям и прочёсывали незнакомую для них местность. И вдруг в ответ на беспорядочную стрельбу фашистов «заговорил» «Максим». Иван Фёдорович и лейтенант не отрывались от его щитка.

«Началось! — воскликнул Алёша, — Молодцы! Вот так их!» Но партизаны слишком увлеклись своей удачей и в горячке не заметили хитрость врагов. Главные их силы пошли в обход. А чтобы отвлечь внимание засевшей кучки партизан, оставили только часть своих для перестрелки с ними. Кучка отважных партизан, не имея другого выхода, двинулась с боем к соседней деревне. Немцы перехватили их. Лейтенанта тут же прикололи штыками, вымещая на нём свою звериную злобу.

Потом они набросились на Ивана Фёдоровича. Любимого учителя и других односельчан, кого немцы считали подозрительными, они расстреляли на глазах Алёши. Жители тайком от гитлеровцев похоронили борцов за свободу.

«Не могу я больше тут», — решил Алёша. Вскоре он исчез. Никто не знал, куда он делся. Мать плакала день, другой, месяц. Алёши не было.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ПЕНКИНА:

«В перерыве между боями ночью 15 мая 1943 года в район расположения нашего второго батальона со стороны противника линию фронта перешёл 15-летний мальчик Лёня Джус из села Малояблоново бывшего Беленихинского (ныне Прохоровского) района Курской (а ныне Белгородской) области».

Читаю записки Василия Ивановича и представляю: перед двадцатисемилетним заместителем командира 682-го стрелкового полка майором Пенкиным стоит небольшого роста паренёк, босой, в изодранной одежде, весь в ушибах и ссадинах. Без крошки хлеба, без сна и отдыха он в течение двадцати суток пробирался к своим через минные поля, проволочные заграждения, между огневыми точками противника, каждую минуту рискуя жизнью. Полз на животе, на четвереньках по оврагам и ручьям.

«Много пришлось передумать, — продолжал Василий Иванович, — как поступить с мальчиком. Быть или не быть ему сыном полка. Посоветовавшись со старшими, мы приняли решение направить Лёню в тыл нашего полка, а после освобождения его села от немецких захватчиков доставить его матери и братьям.

Мальчика накормили, одели, обули и объяснили ему, что он малолетка и не может находиться в рядах действующей армии. Лицо Лёни вдруг стало багровым от гнева и из глаз покатались крупные слёзы. После минутного молчания он неожиданно выпрямился и заявил: «От Вас, батя (он указал на меня), я никуда не пойду, что бы Вы со мною ни делали». И он стал моим боевым товарищем, сыном полка».

Первые дни и месяцы Лёня появлялся на передовой только ночью и в затишье между боями. Маленький боец оказался сообразительным. Он быстро понял, как нужно вести себя при авиационных налётах и артобстрелах, изучил винтовку, автомат, ручной пулемёт и тактику боевых действий одиночного бойца. Военную науку Лёня воспринял очень серьёзно.

Лёня уже давно гарцевал на трофейном коне с немецким ручным пулемётом-автоматом, и его невозможно было удержать в тылу батальона. Успехи советских воинов действовали на него ошеломляюще. Лёня из мальчика постепенно превращался в мужалого бойца. Благодаря его умелым действиям батальон успешно решил ряд боевых задач.

По характеру Лёня был мужественным и решительным. После освобождения каждого села вторым батальоном он обычно шёл впереди. Когда гражданское население от радости со слезами на глазах встречало своих освободителей, на Лёню обращали особое внимание:

— Почему с вами находится маленький мальчик?

Лёня с гордостью сам отвечал на этот вопрос:

— Маленький, маленький, а вас освободил.

Всё это хорошо, скажете вы, Ну а где же Лёнины подвиги?

Вот они.

Подвиг первый. Западнее города Тульчина (Украина, Винницкая обл.) в 12 километрах в одном из сёл полк завязал бой. Противник не выдержал натиска советских воинов и оставил село, но часть немцев разрозненными группами укрывалась в подвалах. Лёня заметил, как в один из домов побежало до десяти немцев. Не раздумывая долго, он бросился за ними вслед, заскочил в дом с поднятыми вверх двумя гранатами, с автоматом на груди и крикнул:

— Хенде хох!

Немцы, думая, что за мальчиком следуют русские солдаты, подняли руки вверх. Лёня отобрал у них гранаты, патроны, построил немцев в колонну и скомандовал:

— За мной шагом марш!

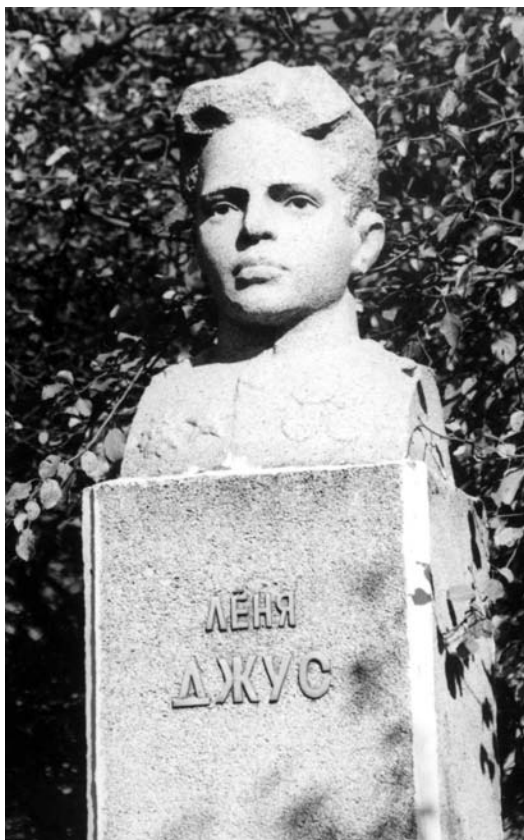
Подвиг второй. 6 марта 1944 года. У села Берёзовка в 35 километрах восточнее города Могилёва-Подольского батальон был оторван от главных сил полка на 20-25 километров. Неравная схватка с противником длилась четыре часа. Боеприпасы на исходе. Обстановка сложная. За пулемёт пришлось взяться и командиру Пенкину. Рядом с ним Лёня, Лёнчик, как называл маленького воина Василий Иванович. Бойцы отразили шесть яростных атак. В этом бою юный стрелок уничтожил до шестидесяти немцев. При форсировании Днестра Лёня метким огнём из винтовки уничтожил пятнадцать фашистов.

Подвиг третий. 12 апреля 1944 года наши части подошли к городу Яссы. Немцы и румыны сосредоточили в этом районе огромное количество пехоты, артиллерии, танков и временно задержали продвижение советских войск вперёд. Однако наступление состоялось. В нашей полосе были пущены в наступление три танка. На один из них заскочил Лёня. Все танки были подбиты, а танкисты, оглушённые ударом артиллерии, не могли выйти из горящих танков. Лёня под сильным артиллерийским и пулемётным огнём вытащил из горящих танков оставшихся в живых танкистов, оказал им первую медицинскую помощь, а с наступлением темноты сообщил в медицинский пункт. Сам Лёня явился в штаб батальона к утру следующего дня, измученный боями и ожогами на руках и лице.

Тяжело ранен был и Василий Иванович. Батю и сына полка отправили в госпиталь. Потом они были в отпуске. Лишь в сентябре 1944 года они вернулись в свой 628-й стрелковый полк, которому за освобождение города Клужа в Румынии было присвоено имя — Клужский.

Подвиг четвёртый, последний. При внезапном артиллерийском обстреле в двадцати километрах западнее города Клужа 12 октября 1944 года полк потерял своего любимого сына — Лёню Джуса, маленького отважного бойца Советской Армии.

Выписка из донесения политотдела 202-й стрелковой Корсуньской Краснознамённой ордена Кутузова дивизии от 13 октября 1944 года:

«Ефрейтор ДЖУС — шестнадцатилетний воспитанник полка, трижды награждённый, — во время артиллерийского обстрела противником НП полка закрыл своим телом майора Пенкина. Джус погиб смертью храбрых».

И подпись: полковник Горбань.

Похороны состоялись в городе Клуже на центральном кладбище. Надпись на простейшем памятнике гласила:

«Здесь похоронен воспитанник Красной Армии, трижды орденосец, геройски отдавший свою молодую жизнь в боях с немецкими извергами, Джус Алексей Иосифович. Родился 23 февраля 1928 года, погиб 12 октября 1944 года».

Хоронить юного героя прибыло в город Клуж много солдат и офицеров полка. На траурном митинге старшие друзья юного героя выражали сожаление по поводу безвременной утраты любимца полка. На могиле Лёни они поклялись жестоко мстить врагу до полного уничтожения.

Героический поступок Лёни Джуса был посмертно отмечен орденом Оте-

чественной войны второй степени (приказ от 26 октября 1944 года — посмертно). Эту награду получила мать героя. Агафья Михайловна не дождалась с войны мужа и старшего сына. Иосиф Филиппович и Николай Иосифович погибли в боях за Родину.

В который раз читаю-перечитываю воспоминания Василия Ивановича Пенкина. Думаю о Лёне, думаю о современных шестнадцатилетних. В 16 лет, считал замечательный советский педагог В. А. Сухомлинский (1918-1970), молодой человек уже сознательно должен поставить для себя вопрос: для чего он живёт на свете? И дать на него ответ гражданина. Оглянувшись назад, он должен увидеть плоды своего труда, сделать первый итог своей жизни.

Самый главный итог Лёниной жизни — даже не воинские награды, а спасённая жизнь его командира Василия Ивановича Пенкина.

2. Б А Т Я

В 1969 году Прохоровская газета «Коммунист» писала:

«День 9 Мая жителям села Малояблоново запомнится надолго. Он явился для них двойным праздником: праздником Днём Победы и праздником открытия памятника юному герою Алёше Джусу, чьё имя стало известно не только в области, но и далеко за её пределами».

Памятник был открыт у здания восьмилетней школы, в которой учился Лёня Джус, при большом стечении жителей Малояблоново и окрестных сёл Новосёловки, Плотвы, Жимолостного и других. Сооружён он был белгородским скульптором Александром Григорьевичем Саушкиным (1930-1980) по инициативе подполковника запаса ветерана Великой Отечественной войны Василия Ивановича Пенкина. В 1988 году я с жадностью знакоилась с содержанием больших папок, присланных мне Василием Ивановичем. Одна была посвящена Лёне, а другая — ему, Лёнину «бате».

Так кто же он, откуда этот мужественный человек, замечательный командир, за которого, не раздумывая ни секунды, отдал свою жизнь наш юный земляк Лёня Джус?

Родом Василий Иванович из Сибири. В Алтайском крае, в селе Камышенка он увидел мир и учился его познавать, не чурался никаких дел по дому, рос смелым, сильным, здоровым. Впитывал доброту родного дома.

До Великой Отечественной войны выполнял самую мирную работу — был счетоводом. Потом срочная служба в армии, полковая школа, курсы младших лейтенантов. С 1939-го по 1941-й год был командиром учебных подразделений.

Воевать Василию Ивановичу пришлось на четырёх фронтах, участвовал в форсировании шести рек, в том числе Днепра, Днестра, Дуная. Участвовал в освобождении Румынии, Венгрии и Чехословакии.

У ветерана Великой Отечественной семнадцать наград, среди которых пять орденов. Каждый из них оплачен собственной кровью. Пять ранений — пять орденов. Одно из них — особенно тяжёлое. Оно не даёт ни сна, ни отдыха: в мозгу фашистский осколок. Однако 37 лет трудился Василий Иванович после войны. Благодарности, грамоты, денежные премии — свидетельство добросовестной работы в мирные дни.

Только в 66 лет попросился Василий Иванович на пенсию: отказала нервная система. Скован в движениях, нарушена речь. Преодолевая недуг, поддерживал связь с 16-ю ветеранами, с которыми воевал в 202-й стрелковой дивизии.

«Именно солдаты были моими хранителями, — писал Василий Иванович. — Это серьёзная и неисчерпаемая сила побеждала врага».

В памяти Василия Ивановича — многочисленные примеры солдатской любви. Командир был молод и решителен, отчаянно смел. Какое сравнение приходило в голову солдатам, когда они видели его на коне? «Как Чапаев», — решили они, и имя его подкорректировали. С тех пор и стал Влас Иванович Пенкин (это его подлинное имя) Василием Ивановичем. А иногда и просто Чапаем, Чапаевым. Так легче было солдатам ве-

рить в то, что их командир оправдывает высокое доверие, не подведёт. И он не подводил.

... Батальон стоял в обороне у села Вязовка. «Когда вспоминаю эту оборону, пере-
до мной встаёт сплошной кошмар. Земля скована льдом, солдаты примерзали к зем-
ле, питание скудное. Приходилось есть убитых лошадей. Стрелковый батальон, а
стрелять было нечем. Один наш винтовочный выстрел вызывал сплошной пулемёт-
ный огонь противника. На нас летели сотни мин», — вспоминал Василий Иванович.

«К маю 1942 года положение изменилось в нашу пользу: пришло пополнение,
подвезли боеприпасы. Теперь мы не давали противнику поднять голову. Чтобы пре-
кратить взаимоуничтожение, начали рупорную войну. Немцы кричали нам на рус-
ском языке: «Переходите к нам, у нас белый хлеб, масло, сахар». Мы отвечали по-
немецки: «Мы будем с вами воевать сто лет, но нашу русскую землю от коричневой
чумы очистим. Сидите в болотах и кормите арийской кровью комаров. Жёны ваши
гуляют по городам Германии с эсэсовцами. Переходите к нам, чтобы вместе громить
кровавый фашизм».

Этот текст читал Василий Иванович. Диалог заканчивался жуткой огневой дуэ-
лью. Но перебежчики с немецкой стороны были. От них и узнал Василий Иванович,
каким его представляли немцы. Маленький, рыжий сибиряк, серые глаза, очень под-
вижный, мозги и кровь пропитаны большевизмом. Грозил: если поймают, вырежут
на спине и груди звезды, потом порежут на маленькие кусочки и выбросят на съеде-
ние хищникам.

Ошибались ли дотошные немцы? Суть угадали: советский командир — страстный
патриот. А вот в деталях ошиблись: ни рыжим, ни маленьким он не был. Какой там
маленький, если в первый год войны он попал в один из лыжных батальонов, кото-
рые готовились в Сибири и были предназначены для разгрома коммуникаций тылов,
железных дорог, аэродромов и других военных объектов противника. Требования к
воинам-лыжникам были такие: возраст — 22-26 лет, рост 170-180 сантиметров и вы-
ше, крепкое телосложение, морально-устойчивый, физически развит, умение владеть
лыжами или другими видами спорта. Желательно член партии или комсомолец. «Это
были сибирские богатыри», — писал Василий Иванович. Какой уж там маленький?

«Маршрут «Сквозь пламя», — так назвал Василий Иванович свои воспоминания.
В этом пламени горела родная земля, гибли боевые друзья. А что значит остаться на
поле боя одному? Кругом в странных позах лежат твои боевые товарищи. Они боль-
ше не поднимутся. Никогда. А ты должен преодолеть страх, должен приподняться и
ползти, чтобы не заметили фашисты.

«Когда я добрался к своим, висевшие у меня на шее рукавицы, шинель и даже
валенки — всё было в дырах, и я походил на человека, изорванного злыми собака-
ми», — читала я жуткие строки.

Ему было 26 лет. Он взялся за голову, а волосы остались в руках. Посмотрел в
зеркало и не узнал себя. Горько. И было это на северо-западе нашей Родины у дерев-
ни со странным названием Гарчитса, Шёл 1941 год.

Этот ужас на всю жизнь поселился в душе. Вот почему командир не остался рав-
нодушным к судьбе подростка, которого увидел перед собой 15 мая 1943 года. Ма-
ленький, страшно худой, с окровавленными руками и ногами, босой, он вызывал ще-
мящую жалость.

Лёню Джуса (а это был он) полюбили солдаты и офицеры. А Василий Иванович,
наверное, больше всех. Кто знает, почему взрослого и мальчишку тянуло друг к дру-
гу? Может, потому, что Василий Иванович называл его ласково «Лёнчик»? Может,
не случайно два воина, старший и младший, родились в один день — 23 февраля?
Может, потому, что дома у Василия Ивановича остался младший братишка Ваня,
ровесник Лёни, который тоже рвался на фронт? Ваня-таки после попал на фронт и
тоже стал сыном полка. По примеру Лёни.

Много примеров мужества и героизма можно привести, рассказывая о боевых
годах Василия Ивановича. Его военный талант не подлежит сомнению. В самой труд-
ной и запутанной боевой обстановке он умело ориентировался и находил правильное

решение. За наградами не гнался. Берёг солдат.

В 1944 году Василий Иванович был представлен к званию «Героя Советского Союза». Но то ли ранение, госпиталь, то ли военная ситуация — документы где-то застряли. На фронте всякое бывало.

Война для Василия Ивановича закончилась в марте 1945 года. И не ранение на этот раз было причиной. После тяжелейшей военной операции, которую блестяще провёл командир 682-го стрелкового полка, он был вызван членом военного совета 26-й армии генерал-лейтенантом. Василий Иванович забыл фамилию высокого начальника, но запомнил его слова: «Ваша оборона приравнена к Сталинградской, за что Вы награждаетесь орденом Красной Звезды

с присвоением очередного звания — подполковник».

Как один из лучших офицеров Василий Иванович Пенкин был направлен на учёбу в Москву. Первый День Победы батя Лёни Джуса встретил в столице.

«Здравствуйте, дорогие и совсем близкие моему сердцу все пионеры и школьники! Ваше поздравление по случаю 52-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции во мне тронуло сердце и душу и моему восторгу я не мог найти пределов.... Мне стало на душе легче с тех пор, как Лёня стоит, как гордость и символ перед вашей школой... Меня успокаивает лишь то обстоятельство, что народная тропа к его памятнику никогда не зарастёт травой, венки и цветы, берёзы и плакучие ивы всегда будут охранять и украшать его образ. Всё это будет сделано вашими усилиями под руководством ваших старших товарищей, в этом я уверен твёрдо».

Из письма В.И. Пенкина от 15 ноября 1969 года

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Кто бы знал небольшое Малояблоново, если бы не знаменитый учитель Мария Алексеевна Никитская, если бы не её героический ученик Лёня Джус? Надо, чтобы о них знали не только жители Прохоровского района, но и всей области, всей страны.

Знаю могилы Марии Алексеевны Никитской и мамы Лёни Джуса Агафьи Михайловны на кладбище в Малояблоново. Своей заслугой считаю проведение 100-летия

со дня рождения М. А. Никитской в 1995 году.

Готовясь к юбилею, земляки привели в порядок могилу первого директора Мало-яблоновской школы. А в первое своё посещение, в 1988 году, я так была поражена бесхозностью этого места упокоения, безымянностью его, что не верила в то, что можно навести там порядок. Но высоченные сорняки выпололи, появились надгробие, мемориальная табличка с фотографией когда-то известного директора, выучившего всё Мало-яблоново.

А могилу Лёниной мамы в Мало-яблоново знают единицы. В их числе Л. Ф. Безгинова и Т. М. Затынина, бывшая директором Мало-яблоновской школы в 1971-1987 годах. Успеть бы у них перенять эстафету да «озвучить» место упокоения мамы юного героя. надо знать свой род, корни надо беречь. Беречь так, как это делают малые народы. Поучиться бы у них.

Каждый год мы отмечаем 9 Мая, День Победы, нашей общей Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Но её, этой Победы, могло не быть, если бы не было конкретных солдат и офицеров в нашей армии, если бы конкретные подвиги не выстраивались в великий обелиск Победы. Вы обратили внимание, что памятники героям чаще всего ставят на их малой родине. Почему? Да потому, что там их корни, там вечно должна храниться память о герое.

Пятнадцать лет я занимаюсь историей жизни и подвига Лёни, и в течение этого времени не было отмечено ни одной памятной даты в его жизни. В 1988 году ему было бы 60 лет. Промолчали. В этом году — 75. Тоже тишь.

В то, первое посещение в 1988 году, я спросила у бывшего директора: «Почему?» Оказалось, что Лёней она «ещё не занималась», а молодой историк меня «успокоил», что 9 Мая каждый год все необходимые мероприятия они проводят.

Ну а какая обстановка в Лёниных краях сейчас? Школа прекратила своё существование в ушедшем в историю XX веке. Уже несколько лет дети из Мало-яблоново ходят в соседнюю Плоту. Там хорошая средняя школа, в которой чисто и уютно. Хороший школьный музей. Документы, папки, фотографии, альбомы, стенды. График лекций. А обновленный портрет ставшей за эти годы дорогой для меня Марии Алексеевны Никитской чуть не заставил меня кричать: «Ура!»

Помню, как в первое посещение Мало-яблоновской восьмилетней школы в период «междоцарствования» мы с преподавателем музыки Аидой Евгеньевной Волковой случайно обнаружили его как портрет «неизвестной»... за шкафом в учительской. В музее очень красивая красная книга отзывов гостей школы. Там добрые слова высоких гостей.

Всё это хорошо. Даже очень! Но я хочу, чтобы Лёня для детей был не свадебным генералом, а живым членом школьной семьи. Он навечно остался 16-летним (в день подвига ему было 16 лет 7 месяцев 19 дней, а не «неполных 16»), как иногда приходится читать в статьях некоторых «специалистов»). И место ему быть вечно среди самых юных, школьников, своих земляков.

Говорят, когда с цветами разговаривают, они лучше растут. А если вечно разговаривать со своим земляком-героем?

Если знать о нём всё? Если в его дни рождения, дни памяти устраивать линейки, сборы, лекции, доклады... Десятки мероприятий. Если в дни рождения в школе вывешивать плакат: «С днём рождения, дорогой Лёня!»

Ребят из семьи Джусов в селе тепло называли джусятами. Может, так называть и земляков-школьников? Может, ежегодно проводить общешкольные сочинения о Лёне, а лучшие помещать в школьную стенгазету, оставлять их в школьном музее и посылать в районную газету «Истоки»? От умных, выразительных и грамотных не откажутся и наши областные газеты. Победителей отмечать на школьных линейках в Лёнины дни, награждать.

На возложение венков к памятнику Лёне в Мало-яблоново водить всех учащихся, а не скромные делегации от учеников и учителей. А для этого «большим» дядям из администрации Прохоровского района надо вдохновиться на очень важный и нужный для жителей Мало-яблоново и их детей шаг — заасфальтировать дорогу от села

до центральной трассы (всего-то около 500 метров!).

Считаю, что районное начальство должно помочь школе получить из Прохоровского музея деревянный бюст Лёни. Его никто никогда не видит и мало кто о нём знает. Пусть Лёня в здании школы «общается» со своими юными земляками. С ними ему будет уютнее. С ними он будет каждый день, а не только по праздникам, как уверяли меня работники музея.

Будь моя воля, я бы отвезла всех детей, Лёниных земляков с их учителями, в Курский музей «Юные защитники Родины». Там они поняли бы и осознали, что таких сыновей полков, как Лёня, не было. Столько наград, как у Лёни, ни у кого не было. наш Лёня — в числе самых знаменитых! Это надо знать! Знать, чтобы гордиться! А у нашего Лёнчика в музее даже нет специальной витрины, документы его тоже в запасах... Теперь уже в курских.

Над дверью в школьный музей помещены слова А.С. Пушкина: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

Меня очень внимательно слушал молодой директор Плотавской средней школы Сергей Владимирович Крикунов. Соглашался с моими советами. Думаю, что толк будет. Дай Бог!

Г. Н. Киянова у памятнику Лене Джусу. 1988 год

АЛЕКСЕЙ КОПИН

ученик 11 класса

Прохоровской гимназии

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ МОЕЙ СЕМЬИ

Читать, писать и познавать вновь открытые деяния древности, говорить с прошлым в настоящем и делать нашим и прошлое, и будущее. Что может быть более радостным и более полезным?

Паола Верджения (из трактата «О благородных и свободных науках» — 1402 год)

«Время, череда событий, уход со сцены поколений переворачивают всё: нет того интимного понимания эпохи, среды и человеческих отношений, что прежде; непонятны благородные чувства к государственным деятелям и особам; распорядок, уклад выветриваются начисто, и кажется, что всегда жили и торопились, как мы нынче».

В. Лихоносов. О пользе духовного собирательства

Вместо предисловия

Я долго размышлял, стоит ли мне заняться исследованием. Сомнения отброшены прочь. Рядом со мной живут замечательные люди, чья память хранит события вековой давности. Это моя бабушка, Клавдия Даниловна Кравченко и дедушка, Бурдюгов Стефан Алексеевич. Их судьбы — крошечная песчинка в том вихре, что пронёсся над моей страной. Но именно такие, как они, простые смертные люди, и были творцами истории.

Есть ещё одна причина, побуждающая меня взяться за моё первое в жизни исследование. В этой огромной стране мы все «Иваны», не помнящие родства». Что знаем мы о своих предках? Да ничего. В лучшем случае, услышим рассказ о прадедах. Дальше всё скрыто временем. Дедушка говорит, что предки его ходили с князем Потёмкиным «Крым воевать». А вот с фотографии смотрит на меня другой прадед, Копин Роман Васильевич, Георгиевский кавалер, которого, по воспоминаниям, встреча-

ли с духовым оркестром на перроне г. Белгорода.

Только вот узнать всё точно невозможно. Единственным архивным источником крестьянских семей до революции была церковь, т. е. хранящиеся в ней метрические книги. Но церкви уничтожены были ещё в первые годы советской власти, ценнейшие документы памяти человеческой за многие века были просто сожжены.

Я листаю альбом с пожелтевшими фотографиями, слушаю воспоминания родных и близких, мысленно переношусь в те годы, стремлюсь душой постигнуть, осознать суть происшедшего.

Изучаемый материал по истории России 20 века в моём сознании дополняется картинками и сюжетами реальных человеческих будней близких мне по крови людей.

1918 — 1928

Из воспоминаний К. Д. Кравченко :

«Я родилась в августе 1922 года. К этому времени отгремели залпы Гражданской войны. Кажется, моё рождение не имело никакого отношения к эпохальным событиям. Но нет!

Мой отец, Кравченко Даниил Матвеевич, крестьянин-бедняк. О таких, как он, говорят: «Гол, как сокол».

В бурном водовороте революционных событий он стал коммунистом-большевиком, участвовал в разгроме Деникина, был в 1920 г. делегатом 2 Всероссийского съезда Советов, видел и слышал В.И. Ленина, его речь, посвящённую плану ГОЭЛРО. В Большой Писаревке, Сумской области занимал пост председателя Волкомнезема.

Но эти взлёты имели, как медаль, две стороны. Обратная, моральная, — дала червоточину, которая сыграла роковую роль в судьбе целой семьи. Из семерых детей у Данила Матвеевича и Анны Демьяновны в живых осталось трое. Остальных, как говорят, «бог прибрал». Для маленького хуторка дореволюционного периода явление обычное. В живых остались одиннадцатилетняя Соня, семилетний Тимоша и совсем крохотная Клава. Поднявшись к вершинам власти, новоявленный революционер решил, что к его должности и идейным убеждениям простая неграмотная крестьянка не подходит. Он, обучаясь в Змеевской партийной школе, нашёл «краснокосыночную» делегатку, оставил семью, когда меньшей дочери было семь месяцев.

Из воспоминаний:

«Отец со своей новой женой остался в родном доме. А мама, забрав детей, без средств к существованию, побрела в село Шевченко. Там, в бывшем имении помещика Пономаренко образовалась коммуна имени Кравченко и Брыля..».

Отвлекусь от хроники семьи и поясню, почему коммуне дали такое имя. Кравченко — это двоюродный брат бабушкиного отца.

В годы гражданской войны многие оказались по разные стороны баррикад. Он (Кравченко) был красноармейцем. Писаревка была занята деникинцами. Красная Армия готовила наступление. В разведку пошли Василь Кравченко и Иван Брыль. Но в жизни роковую роль всегда играет случай. Василь не выдержал и глубокой ночью нагрнулся домой. Мать пообещала принести поесть и дать «весточку».

Сын сказал, где они скрываются. Душевное беспокойство привело её в церковь, где на исповеди она поведала свою тайну. На рассвете деникинцы взяли разведчиков и расстреляли на площади. Впоследствии был поставлен памятник, а на нём высечены слова:

Георгиевский кавалер
Роман Васильевич Копин

Товарищ, стой и поклонись.
Здесь каждый камень говорит о жизни,
Здесь лучшие сыны отдали жизнь свою
Во имя матери-отчизны.

Вот почему коммуна, в которой нашла свой приют семья Кравченко, носила имя Кравченко и Брыля.

Эта трагическая страница из истории гражданской войны наводит на грустные размышления. Там, где люди одной страны сходятся в кровавой схватке, понятия о чести, материнской любви, верности, служении Богу теряют свою нравственную основу, приобретают уродливую форму. Любая война противоестественна природе человека, а гражданская — тем более.

Из воспоминаний:

«От пережитого мама тяжело заболела, но от работы её не отстраняли. Она со старшей дочерью ходила на работу. Ей дали «лёгкий» труд: охранять большой сад. Меня одну оставляли в комнате, а чтобы не выползала, привязывали к ножке дубового стола.

Коммунары иногда выносили меня на улицу. В один из летних вечеров, когда мама была ещё на работе, подкатила бричка с новой женой отца, она взяла меня и увезла в другую семью. Так отец разрешил «партийную» проблему. Дети, брат и я, были с ним. Для всех он был благопристойным коммунистом, но в быту это был человек с невысокими нравственными и моральными качествами. Меня поместили в кладовке. Вечером мачеха командовала: «Тимоха, обмой Клавку». Тимоша вытаскивал ведро воды из колодца и, как умел в свои семь лет, обмывал меня. Я заболела. Тогда ночью меня отвезли в коммуны и положили у двери нашей комнаты. Шли смертные. Но умереть было не суждено. Все коммунары выхаживали травяными ваннами да парным молоком».

Следы «делегатских» ванн моя бабушка пронесла через всю жизнь.

Теперь шрамы спрятаны под морщинами. И если бы это рассказал кто-то другой, не моя родная бабушка, я бы в это не поверил.

В 1928 году коммуны преобразовали в колхоз имени Шевченко.

Для семьи Кравченко выделили строительный материал из бывшей помещичьей конюшни и всем селом соорудили крошечную хатёнку. В ней не было даже сеней, и морозный воздух с улицы шёл прямо в хату. Пол был земляной, а потолок из досок, что служили помостом в конюшне. От этого на потолке всегда висели рыжие капли, а пол был скользким и сырым. Топили бурьяном, соломой. Голод стал постоянным в семье.

1929 — 1933

Не обошло семью Кравченко и образование колхозов.

Из воспоминаний:

«Отец принимал участие в раскулачивании. С семьёй он не жил, и его отношение к своим детям видели все селяне. Однажды ночью к дому подошли мужики, которые хотели отомстить отцу. Они попытались сорвать дверь, скрежетали железным ломом. Мама приказала нам молчать. Сама подползла к окошку и, открыв уголок занавески, узнала одного из местных богачей. Потоптавшись у двери, они ушли. Почему не совершили своего злодеяния — неизвестно? Может, просто пожалели семью. Умерла и мама, Кравченко Анна Демьяновна, оставив троих детей».

Девочки работали в колхозе. На трудодни давали овощи, немного зерна. О деньгах речи не было, поэтому не покупалась одежда, еда. Всё это отразилось на здоровье моей бабушки: она заболела, врачи признали порок сердца. Отец в село не приезжал, лечить было некому.

Потом пошла в школу. Полураздетая, голодная училась на отлично.

Воспоминания о школьной жизни того периода интересны. Колхозы бедствовали. Интеллигенция жила лучше, мальчик из класса, сын врачей, подарил бедной девочке ботики, видно, рассказал всё родителям.

В шестом классе двух отличниц из школы отправили на слёт пионерии, посвящённый годовщине Октября в Харьков, одна из них — Кравченко. Семь дней продолжался этот замечательный праздник. Поразило воображение здание Дворца пионеров, множество сверкающих люстр, цветов, лозунгов. Провинциальную девочку посадили в президиум, с приветственным словом выступала девочка-ученица из города Харькова. Когда она растерялась, ей подсказали: «Скажи спасибо товарищу Сталину за счастливое детство». Бабушке предложили ответное слово от пионеров области. В антракте подбежали харьковские пионеры: от Дворца пионеров подарили новую пионерскую форму и настоящий пионерский галстук. Те слёзы радости и благодарности бабушка помнит и поныне.

О том, какие знания давали тогда, могу и я судить. Моя бабушка в совершенстве знает русских, украинских классиков, цитирует наизусть А. С. Пушкина и Т. Г. Шевченко, великолепно разбирается и знает историю не только России, но и мировую.

Из воспоминаний:

«Вспоминается такой случай. В наше село иногда заезжали русские. Мы их почему-то называли панами. Я слышала русскую речь, и мне очень хотелось научиться говорить по-русски (русский язык в то время в украинских школах начинали изучать с четвёртого класса).

В нашем селе у самого яра жил дед Гарасько. У него был большой, сказочный сад, пасека и дочь — красавица Настя. Этот длинный-предлинный яр, в котором было море цветов и съедобной травы, так и окрестили Гараськов яр.

Мы бегали туда, чтобы поесть щавеля, сергибы, какой-то пиёнки и медоносной травки.

Дед частенько стоял у плетёного тына, наблюдая за нашими нехитрыми забавами. Ко мне он проявлял особую заботу: жалел сиротинку. Помашет бывало, указательным пальцем и даст мне хлеба с салом, яблок, а иногда даже кусочек сотового мёда. Ему нравилось беседовать со мной. Однажды, сидя на дубовой скамье возле дома и, глядя меня по голове, спросил: «Скажи, дочка, какое твоё наиглавнейшее желание?»

— А вы не будете смеяться, дедуся?

— Нет, — ответил он на полном серьёзе.

— Мне хочется научиться говорить, как паны.

— Ну, это не беда. Считай, что я добрый волшебник и тебе помогу.

Опираясь на свой костыль, он пошёл в зал и вынес мне две книги: «Записки охотника» Тургенева и толстый, допотопный (ещё с буквой ять) украинско-русский словарь, и стал втолковывать разницу между некоторыми украинскими и русскими буквами. Уроки шли с трудом. Завернув книжки в чистые тряпицы, я, спотыкаясь на каждом слове, читала длинные тургеньевские предложения, а он, глядя меня по голове, приговаривал: «Молодец. Ты читаешь как настоящая панночка». Жарким летним днём, забравшись в тень сада, штудировала словарь, стараясь по-детски разобраться в смысле новых слов и предложений. Это стало игрой, которая заразила меня, не давая покоя. Уже в четвёртом классе, когда мы стали изучать русский язык, я свободно читала и пересказывала содержание тех или иных рассказов. С тех пор я одинаково люблю певучий русский и родной украинский».

В 1927 году начался хлебозаготовительный кризис.

Анализ причин кризиса привёл Сталина к мысли, что он вызван нарушением экономических пропорций. Слишком слабая промышленность не может обеспечить выпуск необходимых товаров, товарный голод не позволяет получить у крестьян хлеб экономическим путём — в обмен на промтовары. Сталин предложил сконцентрировать финансовые и материальные ресурсы на решении проблемы индустриализации и создать сельское хозяйство, основанное на коллективной крестьянской собственности.

Пленум УКВКП(б), состоявшийся в апреле 1929 г., поддержал сталинскую программу «великого перелома», тем самым развязав ему руки для свёртывания НЭПа. В деревне начались два взаимосвязанных процесса: создание колхозов и раскулачивание. В итоге 1932 — 1933 г.г. в стране разразился невиданный голод, охвативший примерно 25-30 миллионов человек. Несмотря на его масштабы, за границу было вывезено 18 мил. ц. зерна для получения валюты на нужды индустриализации.

Трудным выдался тридцать третий год. Украина, как и вся Россия, голодала. Где была та гуманитарная помощь, которую оказывал запад, нам неизвестно. Только сейчас мы узнали, что, якобы, спасая людей от голода, правительство продавало бесценные сокровища Эрмитажа, которые до сих пор выставляются на аукционах Сотби.

7 августа 1932 г. был издан Закон об охране социалистической собственности, получивший в народе название «закон об пяти колосках». За тайный обмолот колосьев в поле назначались карательные меры — вплоть до расстрела. По этому закону к уголовной ответственности были привлечены сотни тысяч человек.

Украина понесла тяжёлые потери, здесь умерло 1,5 млн. человек.

В памяти бабушки тот голодный год остался навсегда. От голода она опухла. Почти каждый день кто-то в селе умирал. Старые люди стояли неподвижно часами и, прикрыв глаза ладонями, вглядывались в небесную даль, — нет ли там облачка. А дети ложились на землю, заглядывая в огромные трещины, хотели увидеть, что там, под землёй. Ели даже траву.

Из воспоминаний:

«В тот страшный 1933 год люди не дожили даже до весны. До сих пор помню, как в садах поспели вишни, появилась скудная зелень, но эти ягоды уже никому было рвать. Кое-как перебивались. Многие дома были пусты, в бесхозных хатах, в садах находили трупы. Мне в эту пору шёл одиннадцатый год. В школу не могла ходить: от голода опухли ноги. Помню, как ходили по домам измождённые голодные люди из Харькова, Богодухова, Водолаги и других мест, готовые за две-три картошки, за краюху хлеба отдать любые вещи, среди которых были и очень ценные. Но мы с сестрой не могли нажиться за счёт горя людского и если случайно была какая-нибудь похлёбка, делились ею просто так. Брат Тимоша ходил в поле ловить сусликов, варил из них отвар, отдавал мне печень, сердечко, приговаривая: «Ешь, а то умрёшь». И я, преодолев брезгливость, ела».

Чтобы спасти ребёнка от голода, сестра отправила бабушку в Новую Водолагу, к отцу. Надежды на то, что она выживет, уже не было. Но, вопреки всем предсказаниям, она осталась жива. С тех пор она жила со своей новой мачехой, Клавдией Николаевной. Сказать, что в семье было всего вдоволь, нельзя. Мачеха, по профессии учитель, была интеллигентна, чрезмерно строга. Эти качества помогли ей в то трудное время прокормить семью, в которой было четверо детей. К неродным детям относилась, можно сказать, даже жестоковато. Она часто говорила: «Никогда никому не верь, Клава, что чужих детей можно любить так же, как своих». Но именно ей благодарна бабушка, так как любовь к классической литературе, интеллигентность, умение следить за своим внешним видом, безупречная грамотность были привиты ею.

Из воспоминаний:

«Наша семья — мачеха, её дочь, сестра и я, выжили. Осенью я опять пошла в школу. Мачеха не жаловала меня, сестра приехала и увезла меня в наше село Шевченко. Был голодный 1936 год, но этот голод был менее страшен. В это время сестра вышла замуж. Её супруг работал в Харькове. Раз в месяц она ездила к нему и привозила в мешке печёный хлеб. Делили его крохотными порциями, варили похлёбку из зелени и пережили ненастье».

Старший брат рано покинул семью, и с 1936 года служил в Красной Армии в Дальневосточном округе (город Чита). Оттуда вместе с Дальневосточной дивизией был переброшен на восточный фронт в 1942 году. Всё, что о нём известно, это то, что дивизия, в которой он служил, была брошена на освобождение города Харькова. Город был освобождён, тылы не закреплены, и бойцы попали в окружение. (В войсках это окружение получило почему-то образное название «Хрущёвский мешок»).

Немцы перешли в наступление, и Тимофей заскочил к тётке, сказал: «Мы отступаем, но мы скоро вернёмся!» Больше его никто никогда не видел. Хотя на запрос, сделанный уже в наше время, пришёл ответ, что он погиб в Латвии».

1941 — 1945

В 1941 году бабушка закончила школу. 22 июня их класс ушёл встречать рассвет, а когда вернулись в посёлок, то узнали, что гитлеровская Германия напала на Советский Союз. Все выпускники отправились сразу в военкомат с заявлением о зачислении в армию. Отнесла такое заявление и бабушка. Надо отметить, что ещё в школе учащиеся в те годы получили подготовку по стрельбе, гражданской обороне, нормам ГТО, парашютному спорту, как медицинские сёстры. Видно, такая подготовка велась потому, что правительство понимало неизбежность войны. В апреле 1942 года она ушла добровольцем на фронт, была призвана Скороднянским райвоенкоматом. В Скородном зимой дислоцировался полевой подвижной госпиталь 126, в котором юная медсестра в мае приняла военную присягу. Это был большой военный госпиталь, в котором выполняли свой ратный долг десятки замечательных врачей, сестёр, санитаров. Летом началось отступление на юго-западном фронте и госпиталь двинулся вслед за армией.

Из воспоминаний:

«Не помню название села, в котором развернули свой госпиталь. Помню, что это была школа, одно крыло которой ещё не было достроено».

Несмотря на выброшенный с красным крестом флаг, несмотря на все международные нормы и соглашения, враги постоянно бомбили госпиталь. Самое главное в такие минуты не поддаваться панике, потому что тяжело раненные бойцы не могли двигаться, и все их взоры были обращены на медицинский персонал. В один из таких налётов бомба угодила в недостроенное крыло. В это же время на территорию госпиталя въехала полторка, в которой находились раненые. За рулём был лейтенант медицинской службы. Он выскочил из кабины и залёг в саду. Осколками ему вырвало левый бок. Врачи на месте делали невозможное, но спасти его не смогли. Когда извлекли документы, чтобы отправить похоронку, то в кармане его брюк обнаружили три кусочка сахара-рафинада, пропитанных кровью. Они были похожи на камни рубина.

Июньское отступление было очень тяжёлым: дороги забиты большой и малой техникой, санитарными фургонами, подводами, беженцами. Проскочили горящий Будённий, Острогожск, подъехали к Каратаюку. Остановились в поле, во ржи. Мост через Дон взорван. Постоянно идут налёты фашистской авиации. Наш госпиталь разбился на две части: одни с госпитальным имуществом и врачами уехали на машинах, другие (в том числе и я) отступали с подводами.

Прошла тревожная ночь. Наступило утро. Комиссар вызвал медсестру, санитарку и меня, приказал: «Пойдёте в Каратайку. Узнаете, в каком состоянии переправа, есть ли возможность переправиться на другой берег. На всякий случай возьмите сухой паёк и продовольственный аттестат. Война. Всякое может быть». И вот мы в селе. Началась бомбёжка. Небо потемнело от фашистских самолётов. Горит вокзал, горят вагоны с комбизиром, рвутся гружёные составы. Дым, смрад, трупы людей, лошадей. Для психической атаки сбрасывали какие-то металлические предметы: свист, грохот, суицид ад. Навели понтонную переправу и с толпой отступающих мы оказались на противоположном берегу Дона. Здесь на бреющем полёте фашистские штурмовики расстреливали людей. У меня в двух местах был пробит вещмешок. Обратный путь был отрезан. К нам подошла группа лётчиков, их аэродром разбомбили и они, как и мы, отступали. У них была карта, они ориентировались на местности и вместе с ними, не отдыхая ни днём, ни ночью, мы отступали, чтобы не попасть в плен. Чего только не натерпелись! Донские казаки, люди недружелюбные, даже переночевать не пускали, мы спали у тына под открытым небом».

В это время формировался Сталинградский фронт. Так бабушка попала в новую воинскую часть — Полевой эвакуприёмник № 174. Здесь она выполняла свой воинский и медицинский долг во время Сталинградской битвы, до полного разгрома фашистской группировки.

Из воспоминаний:

«Это было под Сталинградом.

Стояли мы тогда со своим Головным эвакуприёмником у берегов Волги. Расположились со своим нехитрым медицинским имуществом в огромном саду. Волга была совсем рядом, и наши санитары, чтобы подкормить тяжелораненых, ходили к Волге и приносили здоровенных щук. Как они, рискуя жизнью, когда шли непрерывные бомбёжки, ухитрялись это делать?

Здесь, в этом саду, были добротные румынские землянки. Мы в них и разместились. В землянках находились перевязочная, операционная, в них размещались раненные. Мы жили в палатках. Чтобы обеспечить стерильность, стены, потолок в операционной и перевязочной обтянули белыми простынями. Внутри была железная хорошо сконструированная печурка. Вход был ступенчатый и уходил глубоко под землю, во внутрь открывалась тяжёлая дверь. Снаружи землянки были не заметны, виднелись слегка лишь трубы дымоходов.

В этих условиях при свете гильз, которые делали из малокалиберных снарядов, хирурги делали сложные операции, а мы помогали им шить многочисленные раны, сращивать переломы и как могли, как умели тащили израненных, изуродованных бойцов к свету, к жизни.

В глубине сада была расчищена небольшая посадочная площадка. Как на неё садился У-2, диву можно дивиться (эти «утики» мы называли «кукурузниками»). На них в тыл (в Ахтубу, Ленинск и др.) отправляли нетранспортабельных, то есть очень тяжёлых, в основном профильных (с ранениями в голову, резекцией грудной клетки и т. д.). Легко раненых и тех, кого можно эвакуировать другими видами транспорта, отправляли в полевые передвижные госпитали, медсанбаты.

Ещё запомнился такой случай. Мы стояли в Красной Слободе. Сталинград бомбили, утюжили небо так, что всё вокруг грохотало, свистело, горело. Это было зловещее страшное зарево. Особенно сильно горела старая часть города, строения в котором были деревянные. Мы приготовились к передислокации. Должны были уйти на противоположный берег Волги. Но не успели. В этом крошечном саду остановились прямо у берега. Перевязочную развернули в каком-то длинном дощатом сарае. Делали спешные перевязки, накладывали швы, давящие перевязки и тут же отправляли раненых на баржи, речные пароходы. Нам помогали матросы-речники. Бомбили так, что смертоносный фашистский груз попадал в пароходы, разливалось горячее, и горела в этих местах Волга.

Одна бомба попала в правое крыло нашего сарая. Раздался грохот — всё заволочло пылью и гарью, стерильные инструменты со звоном попадали на пол. Но ни одна сестричка (а нам в ту пору было по 18-19 лет), не ушла со своего ратного поста. Мы продолжали оказывать первую помощь и лишь на рассвете сумели перебраться на противоположный берег реки и ушли в посёлок Лоцино».

Здесь моя бабушка встретила свою первую любовь — лётчика, который летал на тяжёлых бомбардировщиках. По разрешению командира полка их брак зарегистрировали. Но в 1944 году Гончаров Алексей во время боевого вылета погиб под Ростовом. В семье хранятся его боевые ордена и медали, фотографии тех фронтовых лет. Он всё такой же юный, и уже мы, внуки, знаем почти всё о нём, о его военных подвигах. Я назван Алексеем в память о нём.

Сталинградская битва длилась 200 дней и ночей. Для моей бабушки она началась 14 июля 1942 года, когда попала в эвакуприёмник № 174, а закончилась 18 марта 1943 года. Официальной датой капитуляции армии Паулюса считается 2 февраля 1943 года, хотя, по воспоминаниям моей бабушки, бои ещё продолжались в районе завода «Красный Октябрь». После окончания Сталинградской битвы эвакугоспиталь принимал раненых не только своих, но и пленных.

Сталинград стал символом массового героизма советских солдат, целых полков и дивизий. Гитлер требовал, чтобы то ни стало овладеть городом. Бои за город продолжались непрерывно более 2-х месяцев. К середине ноября наступательные возможности немцев окончательно иссякли, и они перешли к обороне.

«Армия окружена. Запасы горючего скоро кончатся, танки и тяжёлое оружие в этом случае будут неподвижны. Положение с боеприпасами критическое. Продовольствия хватит на 6 дней». *(Из донесения командующего 6-й армией генерала Паулюса в штаб группы армий «Б» 22 ноября 1942 года 18.00).*

1945 — 2001

В 1945 году, после демобилизации, так как родила дочку, бабушка преподавала в Мощенской школе, жила в семье погибшего мужа. Она до сих пор вспоминает тех детей, которые почти раздетые, голодные шли за несколько километров в школу. Дыханием согревая чернильницы, выводили свои первые буквы.

Потом было педучилище, Курская областная партийная школа. С 1954 года бабушка жила в Прохоровке. Первые годы работала директором Гусек-Погореловской средней школы, а потом в редакции газеты «Коммунист» («Истоки»). Она — член Международной организации журналистов. В 1981 г. была направлена в Международный дом отдыха в Венгрию на озеро Балатон. Сейчас она, несмотря на свой преклонный возраст, всё так же пишет. Не так давно ей вручили новое журналистское удостоверение.

Клавдия Даниловна Кравченко. 1960

Не менее интересна судьба моего дедушки, Стефана Алексеевича Бурдюгова.

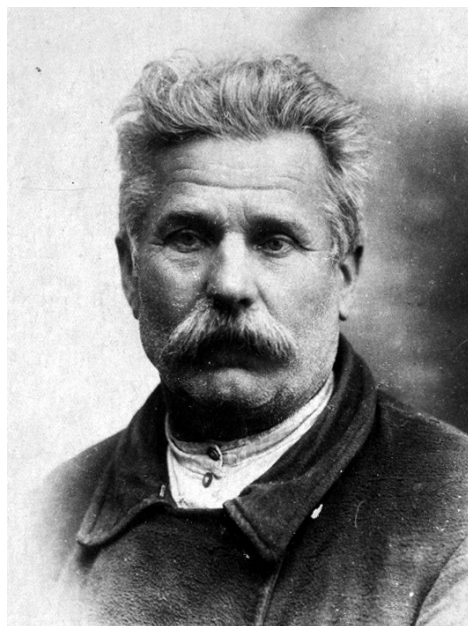
1918 — 1928

Он родился в многодетной крестьянской семье. У его отца, Бурдюгова Алексея Ивановича (1879 г.р.), и матери, Веры Афанасьевны (1881 г.р.) родилось одиннадцать детей, но в живых осталось только пять. Болезни, нищета делали свой безжалостный естественный отбор.

В семейных преданиях хранится история прадеда, который в 1907 г. вместе с другими селянами разгромил помещичью усадьбу. Революция 1905-1907 годов уже была

окончательно подавлена, всякие её отголо-ски пресекались немедленно. В Волоконовку (родина прадеда) приехала следственная комиссия. Всех участников бунта арестовали. Чтобы спасти сына, у которого были уже дети, его отец (мой прапрадед) Иван Иванович собрал своих 5 сыновей, на семейном совете решил, что вину за участие в погроме возьмёт меньший сын, Кузьма, т. к. семьи у него не было. Пока велось следствие, всех арестованных держали в Старооскольской тюрьме целый год. Арестован был и прапрадед и его брат Кузьма, т. к. на следствии селяне показали, что и Алексей принимал участие в бунте. Было установлено, что из экономии ничего не взяли себе (ни имущества, ни скота помещика), прапрадеда отпустили «под надзор», а Кузьму отправили по этапу в Сибирь на каторгу.

В 1-ю империалистическую прадед был мобилизован в армию. Так как мобилизация была массовая, то учили деревенских мужиков офицеры по-своему. Урок нижнего чина — затрещина в ухо за то, что неправильно разложил вилку и нож на столе во время дежурства на кухне — прадед запомнил на всю жизнь.

А. И. Бурдюгов (1879-1955)

1929 — 1941

Семье тяжело пришлось в эти годы. Без мужа, с 5 детьми тянула воз женщина, хотя и помогал её свёкор. Домой муж (прадед) вернулся после гражданской войны и сразу стал восстанавливать своё хозяйство. Так как лошадь была старая, то в 1921 году позже всех селян отсеялись. Это-то и спасло семью. Ранняя засуха уничтожила посевы, а поздние посевы (просо) дали основной урожай.

Засуха — природное явление. Но голод — это уже явление социальное. Засуху крестьянское хозяйство встречало обескровленным. Тревожные сигналы о надвигающемся несчастье поступали с весны. Стихийное бедствие охватило 35 губерний. Число голодающих достигло к концу 1921 года 15 млн. (это девятая часть населения страны).

Прадеда избрали на сходе депутатом сельского Совета, председателем РКИ (рабоче-крестьянской инспекции). Он был организатором и членом колхоза «Парижская коммуна» (села Волоконовка, в то время Чернянского района Центрально-Чернозёмной области, затем Курской, ныне Белгородской) с 1927 г. В колхозе было 29 хозяйств. Специалистов не было. Прадед, как хороший хозяин, был полевым.

1929 год — чистка партийных рядов. Искали вредителей. Но Алексея Ивановича оставили членом ВКП(б) и даже избрали председателем колхоза «Светлый путь» в селе Макареевка Гниловского сельского совета. Для семьи это было тяжело, так как соседнее село находилось далеко. Вся тяжесть сельхозработ по дому легла на детей. Моему деду тогда было только 9 лет.

В 1932 году — засуха. На полях и огородах всё выгорело. С огорода 0,5 га семья не могла набрать 3-х мешков картошки. Огород примыкал к пойменному лугу, но и луг высох, овощей семья не собрала.

В колхозе, где председательствовал прадед, собрали хороший урожай, рассчита-

лись с поставками и остались даже семена. А в родном селе из-за суглинистых почв не смогли рассчитаться с государством, начался голод. Отец даже запретил детям приходить к нему, чтобы ребёнок не смотрел голодными глазами на хлеб, который был в соседнем колхозе. Свой пай прадед отдал семье, но семья всё равно голодала. Занятия в школе прекратили в марте. Истощённые дети вышли в поле помогать родителям. По особому указу стригли колоски.

Конечно, колоски воровали, жарили и ели. За это людей забирали. Дед не был исключением, но чудом под репрессии не попал. Ночью истощённые дети пасли лошадей. Вот так и выживало село в те страшные годы: в голоде, в репрессиях, в арестах.

В тот же голодный год прадеда перевели председателем в отсталый колхоз «Путь к жизни», который через 3 года он вывел в передовые. За это его избрали делегатом Партийной конференции ЦЧО, где секретарем обкома был старый революционер Варейкис.

В 1935 году мой дед окончил Волоконовскую школу. По рекомендациям РК ВЛКСМ его приняли на должность технического секретаря начальника Политотдела Сукмановского сельского свиносовхоза. Оттуда в 1936 году по рекомендации начальника политотдела и решению бюро Чернянского РК ВЛКСМ был направлен в военное училище, которое окончил в 1939 году.

Из воспоминаний:

«К 1938 году обстановка в мире стала напряжённой, поэтому был получен приказ НКО о досрочном выпуске курсантов 3 курса. А уже 5 января я получил приказ убыть на Дальний Восток командиром танкового взвода.

Но судьбу мою изменили в отделе кадров 1 ОКА ДВФ (Отдельная Краснознамённая армия Дальневосточного фронта). Меня назначили начальником химической службы отдельного артпулбата Барур (Барабашский укрепленный район). Это долгосрочная огневая точка в 3 этажа, в которой артиллерийское орудие, 2 станковых и 1 ручной пулемёты имеют секторы обстрела круговой обороны. Укрепрайон находился в Уссурийской тайге. В феврале прибыл на границу, а в сентябре того же года были бои на Халхин-Голе. После разгрома японцев на реке Халхин-Гол правительством было принято решение форсировать строительство Хасанского укрепрайона. Но так как район был необжитой, то подбирались командиры по преимуществу холостые и члены и кандидаты в члены ВКП(б). Вот почему меня перебросили туда служить. Первый год мы жили в палатках, в последующие 3 года (до окончания строительства укреп района) — в землянках.

Граница была укреплена достаточно прочно. С моря нас прикрывал Тихоокеанский флот. С началом войны в 1941 году гарнизоны были переведены на военное положение, поэтому японцы не решились открыть второй фронт».

Дедушка был кадровым офицером-пограничником. Служил на Дальнем Востоке. Он мечтал изучить военную историю и не ведал, что сам будет одним из её творцов на поле битвы.

Мог ли он спокойно нести службу в тылу, если над Родиной нависла беда?! Шла интенсивная боевая подготовка и на границе. Отдельные командиры убывали во вновь формируемые стрелковые дивизии, которые через 6-10 месяцев отправляли на Западный фронт. Рапорт за рапортом подавал пограничник с просьбой отправить на фронт. Наконец командование дало согласие, деда перевели в действующую армию 12 июля 1942 года. И вот он в боевом строю, командир первого батальона на Сталинградском фронте. Первое боевое крещение получил в Абгонерово.⁶

Из воспоминаний:

«В жестоких боях немцам удалось прорваться сквозь нашу оборону и окружить оставшиеся соединения. Нависла опасность полного окружения.

19 августа меня вызвал на наблюдательный пункт командир 550 сп 126 сд полка майор Иванов и спросил, сколько осталось в моём батальоне бойцов.

— Семьдесят шесть и три командира, — ответил я.

— А теперь слушай. Приказывать тяжело, но выхода нет. Получен приказ из штаба дивизии 64 «а» оставить позиции и выходить из окружения. Чтобы спасти

штаб, полк, раненых, спасти даже ценою жизни, доверяю вашему батальону прикрывать наш отход. Продержитесь хотя бы до 23 часов следующих суток. Затем разрешаю выход всех, кто останется в живых. Вас прикроют оставшиеся два орудия и танк «Т-34». А теперь давай прощаться, надеюсь, если в рубахе родился, — встретимся.

Я прибыл на место, объяснил задачу командирам. Младшего лейтенанта Сазонова и совсем молоденького ординарца Акбара оставили сопровождать раненых.

А потом начался суицид ад. Наш танк пошёл в атаку на выдвинувшуюся вперёд батарею противника. Немцы открыли встречный огонь, и танк запылал. Подбито было одно из двух орудий. Заняв оборонительные рубежи, мы выполняли приказ «Стоять насмерть! Ни шагу назад!» Атака следовала за атакой. Горсточка — семьдесят отважных смертников — не сдавала своих позиций. На начало второй ночи мы уже

С. А. Бурдюгов, 1939

видели оскаленные пасти гитлеровцев. Приказ был выполнен. Собрав оставшихся в живых, (вместе с ранеными всего 21 человек) попытались вырваться из окружения. Немцы, измотанные нашим жестоким сопротивлением, сделали передышку. Стояла зловещая тишина. Я с адъютантом 2 батальона и одним из разведчиков под покровом ночи шёл вперёд».

За этот бой и участие в Сталинградской битве дедушка был награждён медалью «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги», Орденом Красной Звезды.

В одном из боёв он был тяжело ранен. Безжизненный, обескровленный, лежал он на влажной земле. Его подобрали речные моряки, погрузили на катер и отправили в медсанбат.

Но была и в этой войне другая сторона, о которой предпочитали долгое время молчать. Из окружения с дедушкой вышли ещё один офицер и два солдата. Здесь же, на берегу Волги, вершили свой суд офицеры команды СМЕРШ. Так как офицер не сохранил партбилет (отступая, зарыл его в землю, чтобы в случае гибели он не достался врагу), то его здесь же без суда расстреляли. Он только успел крикнуть: «Передайте родным, что я честно сражался за Родину!»

Эта картина потрясла моего деда. В партию он верил всегда свято, но человека, который с боями вышел из тяжелейшего окружения, убили свои. Где же логика?

Нарком обороны И. В. Сталин 28 июля 1942 года издал приказ, в котором потребовал усилить сопротивление врагу. Жесткие слова приказа — «Ни шагу назад!» — подкреплялись карательными мерами по отношению к тем, кто без приказа отступал. Тот расстрел на берегу Волги, те штрафбаты, которые пускали впереди наступающих, чтобы у штрафников не было выбора (или пуля немецкая, или, если повернёшь назад, — своя) дед видел своими глазами

Колонна, отступление которой прикрывали так отчаянно силами подразделения, была уничтожена авиацией противника. Один из тех, кто был вместе с дедом в этом аду, — сержант, шахтёр из города Сучаны. У него были перебиты обе ноги. Зная, что ему осталось жить два-три часа, он сам вызвался прикрывать отступление своих товарищей. Уже после войны, побывав на месте боёв в Абгонерово, дед узнал, что пу-

лемётчика убили немцы, на спине ему вырезали красную звезду.

Битва на Волге, участниками которой были мои дедушка и бабушка, стала крупнейшим военно-политическим поражением германского фашизма. Она сыграла решающую роль в осуществлении коренного перелома в Великой Отечественной войне и повлияла на весь ход второй мировой войны.

1945 — 2001

Целый год дедушка провёл в госпиталях, после чего преподавал в военном училище. Был слушателем Курсов академии имени Ворошилова в Москве. До 1947 года служил начальником химической защиты, в том числе в знаменитой Таманской Краснознамённой ордена Суворова стрелковой дивизии. Расставание с армией было болезненным. Вышел приказ Сталина о сокращении войск и многие кадровые офицеры -фронтовики были убраны из армии.

Вся остальная жизнь связана была с хозяйственной работой. Был слушателем Курской областной партийной школы, затем — зональным секретарём Прохоровского РК КПСС. Он был первым председателем Межколхозстроя. Долгие годы перед уходом на пенсию работал директором типографии. По итогам социалистических соревнований типография занимала первые места в области.

Заключение

Многое можно было бы писать о духовном наследии моей семьи. Весь двадцатый век отразился в судьбах моих предков.

Прадеды — участники первой империалистической, дед и бабушка — участники Великой Отечественной войны, Сталинградской битвы.

Дед, Копин Николай Романович прошёл с боями Венгрию и Румынию.

Дядя, Катыхин Валерий Викторович, командир подводной лодки, участник знаменитых Карибских событий (целый год их подлодка с заряженными боеголовками «пролежала» около Кубы). Его подлодка посещала «горячие точки» того периода: Ливию, Кубу.

Гончаров Николай Тимофеевич, брат погибшего в 1944 году Гончарова Алексея, убежал на фронт в 16 лет. Был сыном полка. Закончил Саратовское лётное училище. С военной миссией был в Китае. Большую часть своей жизни провёл на севере — был полярным лётчиком. вышел на пенсию полковником.

В родословной нашей семьи и древние крестьянские фамилии Бурдюговых, Кравченко, Гончаровых, и старинный род князей Недригайловых, дворян Петренко.

Двадцатый век.
В нём современный человек
Отображён довольно точно...

Все мои предки верно служили Отчизне, служат и сейчас, будут служить и в дальнейшем. Своё исследование я хочу закончить словами А. С. Пушкина: «...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал».

P. S.

Прочитал бабушке реферат, который писал в школе. И она дополнила его содержание некоторыми, на мой взгляд, существенными фактами своей биографии.

Первое касается сталинских репрессий.

Для бабушки, в её идейных убеждениях, Сталин — великий человек, с его именем

в годы той страшной войны шли в бой и побеждали. К сожалению, со взлётами были и падения, которые оставили трагический след в жизни нашего народа. Я, например, считаю, что эти глобальные ошибки повлияли на распад такого могучего государства, каким был Советский Союз.

Что касается массовых репрессий, бабушка вспоминает такой случай.

«Мы, учащиеся Б-Писаревской средней школы Сумской области пришли, как всегда, на свой первый урок: учителя в классе не оказалось. Преподавал он у нас украинский язык и литературу. Дмитрий Иванович Харченко был нашим кумиром. Как умел он сравнивать творчество великих (Пушкина и Шевченко, Леси Украинки и Кольцова), как учил нас образно мыслить, делать свои личные умозаключения. В его словах мы никогда не слышали никакой крамолы, или недовольства в адрес тех, кто стоял на верху политической пирамиды власти или в адрес ВКП(б).

Просидев несколько минут в ожидании, отправились к директору Пищепе. Ответ был ошеломляющим: нашего учителя и первого секретаря райкома ночью забрали в НКВД. Зачем? Почему? Эти вопросы не давали нам покоя, и мы, все старшеклассники, гурьбой направились к райкому партии, здание которого было рядом со школой. Был задан один и тот же вопрос: где наш учитель? Получили вежливый ответ: разберутся и вам ответят. Но никто нам ничего не ответил: наш учитель, как в воду канул. Его сын Толик вырос без отца».

Заинтересовал меня ещё один небольшой эпизод её жизни. Один год, будучи старшеклассницей, бабушка училась в Тогульской средней школе Алтайского края. Тогда из школьных программ было изъято творчество поэта Сергея Есенина как кулацкого поэта. Но после уроков в опустевшем классе втихомолку собирались ребята и в рукописях читали его стихи (бабушка и по сей день цитирует их наизусть). Но кто-то из слушателей стал штрейкбрехером. Их тайный союз разоблачили, всем вклеили двойки по поведению, а двух девятиклассников, как зачинщиков, исключили со школы.

И последние штрихи к биографии бабушки. За свой скромный ратный труд в годы Великой Отечественной войны она награждена орденом Отечественной войны, медалью «За победу над Германией», медалью «За оборону Сталинграда».

А за труд в мирное время медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «Ветеран Труда» и многими юбилейными медалями.

Ей восемьдесят. Но она человек неутомимый, только за последние три года трижды являлась победителем творческих конкурсов журналистов по номинации патристическое воспитание детей и молодёжи. Удостоена трёх дипломов и премий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белгородская энциклопедия. Белгород, 1998 год.
2. Белгородский численник. Белгород. Крестьянское дело 1993 г.
3. Великая Отечественная война, 1941-1945 г. Москва, Советская энциклопедия, 1985 г.
4. Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России XX век. Рабочая тетрадь для учащихся 9 классов в 2-х частях. М.; Гуманитарный издательский центр Владос, 1996 г.
5. Маршал Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Москва, Новости, 1995 г.
6. Петровская Академия Наук и Искусств. Журнал «Медный Всадник», № 2 1998 г.
7. Мосякин А. Антикварный экспортный фонд. Журнал «Наше наследие», № 1, 2, 3, 1991 г.
8. Никулов А.П. Оскольский край. Исследование. Старый Оскол, 1997 г.

ЛИРА АБДУЛЛИНА

ТРИПТИХ

1.

Фотокарточка хранится
С довоенных лет.
На счастливых этих лицах
Негасимый свет.

Неумело, но прилежно
Снято без затей:
Мама в платье белоснежном
Обняла детей.

Мне — четыре. Остальные —
Вовсе мелкота.
На мне часики стальные —
Шик и красота!

Рядом папа. Рот упрямый,
Руки на груди.
Ах, не знает моя мама,
Что там, впереди...

2.

Уходил отец из дома
На кровавый бой,
Взял на память из альбома
Карточку с собой.

Мама в платье белоснежном
Обняла меня.
А повсюду ад крошечный,
Всполохи огня.

На мне часики стальные —
Шик и красота.
Фотокарточка обильно
Кровью залита.

Может, братец милосердный
Или кто-нибудь
Этот снимок в путь последний
Положил на грудь...

И сегодня под землю
Тикают часы.
Не развеялось золою
Горе на Руси.

3.

Слышу вздох смиренный
В тишине ночей:
«Сын мой убиенный,
Свет моих очей!

На каком погосте
Мне поголосить?
Где зарыты кости,
Некого спросить.

Белый плат сменила
Я на черный плат.
Ворог и в могиле
Будет трижды клят...»

Сказки про военных —
Бабкин монолог.
Кто там — «убиенный»,
Мне и невдомек.

Чем я виновата?
По спине мороз.
Привкус горьковатый
Бабушкиных слез.

* * *

Беда неизбежна.
Но детское сердце
Для скорби
Не очень надежный сосуд.
Я помню:
Голодные
Пленные немцы
Твердили заученно:
«Гитлер капут!»
И хлеба просили.
Да, голод не тетка...
Я эту науку
Постигла вполне
И хлеб выносила,
Хоть помнила четко,
Что папа убит на войне.

МАМАТОВ ДМИТРИЙ АКИМОВИЧ

Дмитрий Акимович Маматов родился в 1931 году в селе Призначном Прохоровского района, в крестьянской семье. Окончил среднюю школу, работал в родном колхозе. После десятилетки служил в армии, работал на производстве, затем — художником в областных газетах.

Первые стихи опубликованы в «Курской правде» (1949). Печатался в армейских, районных, областных, центральных газетах, в журнале «Подъем», в коллективных сборниках «Рукопожатие», «Слово». Несколько стихотворений Дмитрия Маматова вошли в «Антологию современной литературы Белгородчины» (1993). Автор книг стихов «Вечерний разговор», «Добро», «Раздолье», «На острие судьбы», «Родная чужбина».

ПРОХОРОВСКОЕ ПОЛЕ

Поэма

*Пусть в веках для живого и мёртвого
Третье поле не меркнет во мгле,
Чтобы люди не знали Четвёртого
Никогда и нигде на земле!*

Там, где сила встала против силы,
Вольный ветер крылья распростёр,
И хранит священные могилы
Прохоровский танковый простор.
Там утрами стелятся туманы
Цвета ранней вдовьей седины,
И уходят в вечность ветераны
Трижды Богом проклятой войны.
Журавлей летит над полем стая,
Тронув неба нежную струну,
Звонницы корона золотая
Всем сияньем чувствует страну.

Словно залпы, громяхают грозы.
На осинах лиственная дрожь,
В мае соком здесь полны берёзы,
В зной июля колосится рожь.
Разноцветья радужные пляски
Песнопеньем оглашают дол,
И закопан в землю по-крестьянски
В место вехи — орудийный ствол.
Всё идёт здесь по житейской норме,
Всяк улыбкой встретить вас готов.
Вот стоит на танковой платформе
Ветеран с мелодией цветов.
На лице грядущая разлука,
Тишь в пустом гуляет рукаве,
А другой рукой он гладит внука
По вихрастой светлой голове.

Льётся в роще иволгино пенье,
Меловых слегка касаясь гор,
И ведут два разных поколенья
О войне бессмертный разговор.

* * *

Тишь над чернозёмною державой.
Танк застыл у солнца на виду.
Он хранит в своей утробе ржавой
Стон земли и вечную беду.
Над бронёй не спят ветра тугие,
Замедляя времени шаги.
До земли поклон Вам, дорогие
Ветераны огненной дуги!
С памятью святой солдатской боли,
Словно в ратном боевом строю,
Вы пришли на Танковое поле
Вспомнить юность грозную свою.
Со слезой гвардейского кристалла
Кружкой фронтовой отметить путь
Тот, где кровью пролитой упала
Ваша верность на земную грудь.
А над горькой памятью литые
Атакуют синий звон стрижи.
Слава вам, подруги фронтовые
Женщины пылающей межи!
Вы бросались в боевые схватки
С яростью неженскою в очах
И носить умели плащ-палатки
Словно плащ парчовый на плечах.
Были вы и юны, и красивы,
Даже с автоматами стройны,
Девушки — защитницы России,
Боевые дочери страны!
Но венчают времена другие
Ваших лет нетвёрдые шаги.
Счастья Вам, старушки дорогие,
Воины пылающей дуги!
Пусть морщины украшают лица
И царит нелёгкая пора.
Кланяется в пояс Вам пшеница
И отрадой веют клевера!
Вековые белые отроги
Торжествуют в этот светлый час
И угрюмый домик у дороги
Добрим словом вспоминает Вас.
Над его покоем небо чисто,
Только пенье благодарных птах.
В нём тогда лежали три танкиста,
Три обрубка в розовых бинтах.
Он на славу сотни раз помножен,
Молчалив и дорог нам вдвойне,
Кирпичом руиновым обложен,
Как последний памятник войне.
В нём окошки — словно вдовьи лица,
И крыльцо заветное при нём

И жива хрустальная криница
С одноногим старым журавлём.
В ней не тонут фронтовые были,
Гимн струится рощам и полям.
Из неё тогда солдаты пили
Дань земную с местью пополам!
Мы пройдемся в даль сторожевую,
Где на зорях дремлют ковыли,
Где раздолье, словно боль живую
Тихо тронут ваши костыли.
Посидим на бруствере устало,
Там земля духмяна и тиха,
Но она посевами металла
До сих пор гремит о лемеха.
Пусть сердца сжимаются до боли,
Над кисетом задрожит рука.
Поле, поле! Танковое поле!
Третье поле славы на века!
И когда под добрые приметы
Вспомнится потомками оно,
Две сестры пришлют ему приветы
Куликово и Бородино!

* * *

Вечна память о полях святая
В золотой таинственной красе.
Русь моя! Ты вечно фронтовая
На крутой ничейной полосе!
И твои не заживают раны
Ни с какой бывалой стороны.
Дорогие наши ветераны,
Доблестные рыцари страны!
Вы святые русские иконы,
Всех гостей непрошенных гроза,
Но редуют Ваши батальоны
И тускнеют ясные глаза.
Тихо дремлют ивы на пригорках,
Лес застыл под памятью немой,
Помним Вас в солёных гимнастёрках,
Из Берлина прибывших домой.
Помним Вас, израненных и нищих.
Вы, вернувшись прямо из огня,
На родных трудились пепелищах,
Головы пред горем не склоня.
Лишь проклятья чёрному Рейхстагу
В не осевшем сыпались дыму
И луна медалью «За отвагу»
Освещала пасмурную тьму.
Вы свои залечивали раны,
Шар земной вращая на оси,
И бродили скорби караваны
По сожжённым пажитям Руси.
Поле, поле! Танковое поле!
Ты, к людской приписано судьбе.
Сколько бед и тяжкой русской боли
Прокатилось, поле, по тебе!

На тебе окопы и воронки
 Даже птиц пугали по ночам,
 И вразнос блудили похоронки
 По землянкам, избам и печам.
 Поле, поле! Без еды и крова,
 Ты от мин избавилось едва,
 И тогда впрягалась в плуг корова
 А в пристяжку гордая вдова.

* * *

У звонницы мирные травы,
 Но сердце болит и болит,
 А колокол скорби и славы
 Из горя людского отлит.

Мчатся годы, в пространстве тая,
 Обгоняя житьё-бытьё.
 Здравствуй, Прохоровка святая,
 Детство огненное моё!
 Правда — былъ обожжённой доли
 Прописалась в людской судьбе
 Друг-потомок, про это поле
 Я хочу рассказать тебе.
 Тут по-своему вечно правы
 Рожь-царица и ширь полей,
 Поле — солнце крестьянской славы,
 Сила русских богатырей.
 Там, где спят меловые кручи,
 Косы ивушек до корней,
 А над Танковым полем тучи
 Всё тревожнее и черней.
 Срежь забот и свершений славных
 Глобус вертится на оси.
 Есть под небом три поля главных,
 Три святыни вся Руси!
 Бородинское, Куликово,
 Чья земля тяжелей свинца.
 Поле Жукова, Катукова,
 Поле Ротмистрова, Горовца,
 Легендарного Кожедуба,
 Чья в атаке тверда рука,
 Поле Левина — жизнелюба,
 Славы нашего земляка!
 Поле яростного комбата,
 Грозной силы передовой,
 Поле труженика-солдата
 С забинтованной головой.
 Поле юного артиллериста,
 Вмиг подвластного седине,
 И обугленного танкиста
 Замурованного в броне.
 В землю вдавленного связиста,
 Что был первым в бою всегда,
 Что в предсмертье зубами стиснул
 Оголённые провода.
 Поле тех, кто не знал обычных,

Ураганом сметённых дат,
 Кто на хрупких плечах девичьих
 Из огня выносил солдат.
 Поле жителей сёл без крова,
 Чьи сгорели дотла дворы,
 Поле Думного, Высыпного
 И назначенской детворы...
 Там зловеще восходят зори
 Сквозь багровые облака.
 Это Прохоровское поле,
 Третье ратное на века!
 Это чести солдатской знамя,
 Неподвластное и огню.
 Кто там был, тот отлично знает,
 Что такое — броня в броню.
 Это с кронами неживыми
 Обгоревший дубовый лес,
 И с конвертами фронтовыми
 Пепел, падающий с небес.
 Это то, что на ниве Курской,
 Словно в самом аду на дне,
 Сталь Урала со сталью Рурской
 Полыхала в одном огне.
 Над бронёй дотлевали флаги,
 В чёрной копоти небеса,
 Ни глотка в пересохшей фляге,
 Лишь со смертью глаза — в глаза.
 Поле — жизнь и лихое время,
 Поле — Родины всей наказ,
 Поле в грозном танкистском шлеме,
 Поле в каске стальной до глаз.
 Поле с вдовьей слезой-молитвой,
 Поле в пламени и в дыму,
 Превратившее жаркой битвой,
 День июльский в ночную тьму,
 Где расплата гуляла люто,
 Враг сломал о дугу рога.
 В русской кузне была согнута
 Эта праведная дуга!
 Мир подлунный вновь неспокоен
 Посреди тишины и снов,
 Где по грозному полю воин
 Носит знамя её сынов.
 И в июльское многогорье
 В ширь пшеничную поутру,
 Как патроны, звенят колосья
 И качаются на ветру.

* * *

Я сын родных ржаных околиц.
 Не надо чести мне другой.
 Здесь прозвенел мой колоколец
 Под самой огненной дугой.

Я по возрасту не был в том страшном бою,
 Жил, как все фронтовые подранки,
 Но порой до утра через память мою
 Всё грохочут горящие танки.
 Вижу пепел сожжённой июльской травы
 И гудящий огонь урожая,
 И всё видится мне, будто руки в крови,
 Кровь на них и своя, и чужая...
 И бинты на поваленной сохнут сосне,
 Это мы их танкистам стирали...
 Без конца вот такая картина во сне
 Ходит кругом по адской спирали.
 И мне кажется, где-то у края земли,
 О немеркнушем счастье мечтая,
 За берёзовой сказочной рощей вдали
 Снова Прохоровка — молодая.
 И опять бомбовозы с крестами над ней.
 Дверь покоя срывается с петель.
 Я — заложник
 Тех чёрных трагических дней
 И ещё не ушедший свидетель.
 К нам со смертью война
 В орудийном стволе
 Сатанинской подкралась походкой,
 Больно была она по священной земле
 И по детству прямою наводкой.
 С той погибелью был я на краткой ноге,
 Уцелел по Господней лишь воле.
 Я родился на будущей Курской дуге
 И крещён был на Танковом поле.

Мы в неполных мальчишких
 Четырнадцать лет
 Знали тонкости фронта и тыла,
 Где ещё кровотоцит июльский рассвет
 И от боя земля не остыла.
 Там глядел ясным взором
 Родной водоём
 На ракитовый тёмный пригорок,
 Где исходный рубеж был
 В Призначном моём
 Для прославленных «тридцатьчетвёрок».
 Мы ласкали могучую силу брони,
 Нас механик присматривал строго.
 Но ушли на рассвете колонной они,
 Лишь вослед простонала дорога.
 И она — проводница тех огненных дней
 Пахнет смертью и славой поныне,
 И шумит неутешно и горько над ней
 Седина безымянной долины.

* * *

Земля страданий! Танковое поле!
 Земля Руси и чёрный смерч над ней.
 Моя поэма — это капля в море
 Событий тех и тех великих дней.
 Идут года, опережая сроки,
 Пусть не померкнут в памяти живой
 Мои простые горестные строки
 О той суровой жизни фронтовой.

ОНИ ВСЕГДА НА ВОИНСКОМ ПОСТУ

С Т И Х И

*Герой Советского Союза, бронебой-
 щик Павел Иванович Шпетный со
 своим взводом подбил семь «Тигров»,
 под восьмой бросился со связкой гра-
 нат и погиб.*

*Санинструктора, любимицу ба-
 тальона Дусю Марушилину убил
 снайпер. Батальон без команды
 ринулся в атаку, перебил в руко-
 пашном бою фашистов и захва-
 тил убийцу-снайпера.*

Светят зори алые веками,
 Не тревожа светом никого,
 Где лежит немой холодный камень
 Над святой могилою его.
 Там грустят задумчивые ивы,
 Пахнет поле тёплой бороздой
 И на камне высечено имя
 Под бессмертной Золотой Звездой.
 Под Звездой российского Героя,
 Где метели памяти метут,
 Да весной под белою горою
 Допьяна черёмухи цветут.
 Павел Шпетный, просыпаясь рано,
 Бережёт родную высоту.
 Сын простого русского Ивана,
 Он всегда на воинском посту.

Россия! Святая Россия!
 Багровое небо над ней.
 Выходит из тьмы Евдокия
 Из танковых огненных дней.
 Встаёт из кромешного ада,
 Из вечной могильной тиши
 Девчонка крестьянского склада
 И верной солдатской души.
 Летят всё тревожные гуси,
 Спасённое небо любя,
 Ах, Дуся! Любимая Дуся,
 Мы помним, родная, тебя!
 К тебе мы, за память в ответе,
 Приходим, слезы не тая,

И звёздочкой верности светит
Простая могила твоя.
Твои расцветают здесь вишни
И, где протекают века,
Кочуют над танковой тишью
Стерильной любви облака!

В одном воздушном бою над Огненной дугой советский лётчик Александр Горовец сбил девять фашистских стервятников.

На летний день душистого настоя
Из пожелтевших фронтовых газет
Мне вдруг явилось русское, простое
Лицо пилота тех суровых лет.
Под зорким оком фотоаппарата
Застыл покорно Северский Донец.
И в ладной форме, словно для парада,
Войны легенда — витязь Горовец
По богатырски статен, добродушен,
Весь, как Россия, — подвиг и полёт
И снова бой неравный тот воздушный
Грозой в тревожной памяти встаёт.
В обрывках туч порохового смрада,
Являя опыт свой и мастерство,
Лютует в небе злобная армада
Фашистских асов против одного.
Но с девятью завершена расплата.
Запас бензина пляшет на нуле
И лётчик, крепче вечного булата,
Навек уснул в спасённой им земле.
На неприступность вражеского дота
Сквозь ураган кинжального свинца
За белый город матушка-пехота
Идёт в огонь с упорством Горовца!
Разгромлен враг. Настала та минута
Сиять рассветам мирным, вековым,
И шлёт бессмертник Первого салюта
Земной поклон и павшим, и живым!

Сотни километров окопов отрыли добровольцы-подростки, прибывшие из всех окрестных сёл на третий оборонительный рубеж Курской дуги.

Не знал я даже как её и звали.
Они окопы рыли у села.
Резвились мы на свежем сеновале,
А ночь такая лунная была.
Насмешник-месяц прятался за копны,
Девичий пыл плескался без границ,
Но всё же труд сморил её окопный
И мир уснул под веером ресниц.

Она лежала в позе безмятежной,
Во всей своей божественной красе,
Я шёл домой счастливый и безгрешный
И только след дымился по росе.
И вновь бежал с кувшином к тайной фее.
Ронял шальные песни на бегу
И до темна лопатою трофейной
Мы укрепляли Курскую дугу.
Я разбивался перед ней в лепёшку,
Был, словно в бурю лодка без весла,
Она спасла меня тогда в бомбёжку,
А вот себя, родная, не спасла.
Перед кончиной девушка молила
Нести её любовь через года.
Горит, горит над братскою могилой,
Не угасая, горькая звезда.
В веках бессмертно Танковое поле,
Сияют зори ярче и светлей,
Лишь те окопы до жестокой боли
Не зарастают в памяти моей.

В моей родной школе с. Гусь-Погореловка немцы заживо сожгли около семисот советских военнопленных и мирных жителей. Там, над братской могилой, теперь шумит тополиная роща, посаженная нашими детскими руками.

Когда смыкает сон ресницы
И ночь плывёт над головой,
Мне неотступно часто снится
Овчаркой лающий конвой.
Я вижу вас, свой крест несущих,
Сквозь строй сожжённых русских хат,
Под автоматами идущих
Советских раненых солдат.
Вы здесь сражались, нас спасая,
Вы славны будете в веках,
Вы в жизнь из пламени бросались
И повисали на штыках.
Вы, изнурённые, босые,
Страшней погибли, чем в бою.
Нет, не забудет вас Россия
Как жертву горькую свою.
И времени суровый ветер
Не стихнет, Господа моля.
Да будет подвиг ваш бессмертен,
Да будет пухом вам земля.

В жарком бою ничего, пожалуй, не было дороже глотка студёной воды.

Жаждой бойцы до предела измучены.
Зной, колыханье горячего ветра,
А до речной серебристой излучины —
Четверть пристрелянного километра.

Вот уж девятый смельчак незаметно,
 Молча пополз за спасительной влагой,
 Словно споткнувшись о камень заветный,
 Вздрыгнул и умер с пробитою флягой.
 Этой смертельной кровавою тропкой,
 Взрывами в землю родимую вмятый,
 Даже с улыбкой какою-то робкой
 Чудом с водой возвратился десятый.
 Этот десятый счастливцев на свете
 Думал в ночи после жаркого боя,
 Думал о Родине и о Победе
 И говорил в тишине сам с собою.
 «Девять друзей похоронено... девять...
 Если вернуться домой доведётся,
 Кроме всего, что сумею я сделать —
 Девять прекрасных построю колодцев.
 Будут колодцы с водою святою
 В небо глядеться в прохладе и вишнях,
 Срубы в поклон возведу высотой
 И назову именами погибших».
 Спутники жизни, насущного хлеба,
 Все не подвластны ни илам, ни молам,
 С мирным своим отражением неба
 Нынче живут те колодцы по сёлам.
 Может тебя остановит когда-то
 Этот колодец, как скорбная вежа,
 Ты позови, поклонившись, солдата
 И отзовется бессмертное эхо!

Во время сражения на Огненной дуге в селе Подольхи, где начинается Северский Донец, находился госпиталь. Сколько через него прошло искалеченных битвой, наверное, никогда не считать.

Край привольный славился простою
 Силой песни, хлеба и сохи,
 А на карте звался высотой
 Этот русский хутор Подольхи.
 Знойный день, свинцовая лавина
 Всё живое выжигает в прах,
 Там со смертью бьётся у овина
 Низкий домик в этих Подольхах.
 Небо подом пахнет над трубою,
 Тонет рожь в удушливом дыму,
 И как будто в ту избу из боя
 Мать-Россию занесли саму.
 Медсестра бледна и неказиста,
 В мир иной смотревшая не раз,
 Ловит взор охрипшего связиста
 Под разбитой каскою у глаз.
 Похоронным звоном медалионы
 Прибавляют горький счёт в ряду,
 И комбат в атаку батальоны
 Поднимает яростно в бреду.

Рядом с ним, обуглен и неистов,
 Кто и с чёртом-дьяволом «на ты»
 Запевает песню про танкистов
 Сквозь от крови чёрные бинты...
 В Подольхах цела всё та же хата,
 Только липы выше, зеленей,
 Да зловещий призрак медсанбата
 Весь в бинтах всё кружится над ней.

Большинство ребят, вернувшихся с фронта, были со страшными отметинами тех тяжёлых боёв.

Девочки-девчоночки,
 Не будьте гордоватые —
 Любите раненых ребят,
 Они не виноватые.
 (Частушка военных лет)

По тропинке, размытой и вязкой,
 Нелюдим и совсем одинок,
 На глазнице с глухою повязкой
 Он на шумный пришёл огонёк.
 От веселья в молчании робком
 Отделённый незримой межой,
 На костыль опершись подбородком,
 Он в сторонке сидел, как чужой.
 Плыл мотив деревенского вальса,
 Словно юность, задорен и чист,
 И подобие белого танца
 Объявил инвалид-гармонист.
 Круг весельем был полон, как чаша:
 В День Победы — везде торжество,
 И красавица первая, Маша,
 Пригласила на танец его.
 Шёл домой он до позднего часа.
 Отступала ночная гроза
 И на орден из синего глаза
 Вечной болью скатилась слеза.

В Прохоровском храме Петра и Павла невозможно без отдыха прочесть списки павших героев, сражавшихся на Огненной дуге. Кажется, стены храма спрессованы из золотых сердеч защитников и спасителей нашей Родины.

На мир звезда рассветная упала,
 Сверкнув родным божественным огнём.
 Сияет солнцем храм Петра и Павла,
 И списки павших бронзовеют в нём.
 Не спит Победы горькая отрада
 Под куполом июльской синевы.
 Спасибо Вам, герои Сталинграда
 И Вам бессмертным воинам Невы!

И всем, кто пал на Прохоровском поле,
 В горниле Курской Огненной дуги,
 Кто умер стоя в каторжной неволе,
 Пройдя сполна все дантовы круги.
 И тот солдат с осколочною метой,
 За верность клятве сгнивший на кресте,
 И кто зарыт, метелями отпетый,
 На безымянной фронтовой версте.
 Дым городов, пожары сел окрестных,
 Святая рать, идущая к столу,
 И та, родная армия безвестных,
 Победы свет ковавшая в тылу!
 Кто возвратился к жизни, глаз не пряча,
 Из пекла боя, пепла и руин.
 Салют тебе, полуживая кляча,
 Везущая снаряды на Берлин!
 Спасибо вам ковыльные покровы,
 Что нас спасали в миномётный вой,
 Поклон вам, наши русские коровы,
 Что шли в пыли за кухней полевой.
 Тебе, опушка, с тёмною левадой,
 Спасавшая солдата в трудный час,
 Тебе родник с божественной прохладой,
 На всех привалах воскресивший нас.
 Спасённый мир забудет вас едва ли,
 Старух, смотрящих вдаль из-под руки,
 Когда без слов для переправ ломали
 Свои родные избы старики.
 Будь вечен тот, что как святыню века
 Вознёс над миром наш Победный стяг,
 И в снах моих ночующий калека
 С простреленной пилоткой на култых.
 Холмов могильных горек дух полыни,
 Над ним в ночи мерцает лунный свет.
 Да будет славен, что в сердцах поныне
 Солдат и пахарь тех суровых лет!

Многие солдаты — участники сражения на Танковом поле дошли до самого Берлина и встретили Победу у стен Рейхстага. Слава героям, не дожившим до этого великого дня. Вечная память Вам, наши родные! Вечная память!

Живи в веках, солдатская отвага,
 Святая доблесть на земных кругах.
 Солдат был ранен у ворот Рейхстага
 От знаменосца в четырёх шагах.
 Уже раскат победного набата
 Над миром нёс незримый вестовой,
 И, как второе знамя, кровь солдата
 Алела на берлинской мостовой.
 В дыму тряслась под ним земля чужая,
 И в сотый раз в последнем пекле том
 Рванулся в бой он, смерть опережая,
 Под каской с окровавленным бинтом.
 Потом плясал у Бранденбургской арки
 Он со слезою счастья на щеке,
 И витязем славянским в Трептов-парке
 Взошёл с мечом возмездия в руке.
 Ещё во мгле война дымилась где-то,
 Но, предаваясь радостям и снам,
 С его груди спасённая планета
 В обличье детском улыбалась нам.
 Европа лишь дымиться перестала,
 Зажглась Победы вечная свеча,
 Сошёл его прообраз с пьедестала
 И выковал орало из меча!
 Пришёл по русской и солдатской воле
 Он в дом родной, весёлый и живой,
 И сеял рожь на Прохоровском поле,
 На Третьем поле славы боевой.
 Теперь там ветер ходит курсом вольным
 И клонит тучный колос до земли,
 Да фронтовым конвертом треугольным
 Летят весною ранней журавли.
 Давно свезли на переплавку танки,
 Ушли солдаты новые в запас,
 А он стоит на каждом полустанке,
 Ни днём, ни ночью не смыкая глаз.

ДУБРАВНЫЙ ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВИЧ

Не думаю, что это легенда, но по рассказам старшего брата, своим рождением я обязан этой самой жуткой и самой страшной войне.

В крохотной станице Косякинской, неподалеку от Армавира, никто никогда не думал, что над тихими домами и хатами вскоре разразится кровавая гроза. Все были твердо уверены — фашистов разобьют без всяких сложностей прямо на пограничных рубежах. Поэтому первые призывники уходили на войну относительно бодрыми.

С ними уходил и мой отец. Но председателя передового колхоза не могли так просто отпустить на фронт. У него, оказывается, была «бронь». Возвратили его и после второй попытки. А когда решили задержать в третий раз, отец наотрез отказался возвращаться в станицу...

Перед отправкой на фронт их разместили в специальном лагере километрах в тридцати от Косякинской. Узнав об этом, мать пешком отправилась в лагерь. Там пришлось заночевать... Отец долго успокаивал мать — ведь на руках у нее оставалось трое детей. Меньшему из них не было еще и двух лет.

Отец доказывал, что бояться нечего — война скоро кончится, и он с победой вернется домой. Доказательством этой глубокой веры в скорый и благополучный исход войны стало мое рождение в самый, пожалуй, страшный для страны сорок второй год.

Отец, действительно, скоро вернулся. Но не с победой... В первом же бою под Ахтыркой, что рядом с нашей белгородской землей, ему оторвало ногу.

А вслед за отцом в станицу пришли немцы...

Мне все время кажется, что мы до сих пор не осмыслили всего трагизма минувшей войны, всего величия нашей Победы, и той жуткой цены, какой она досталась нашему народу. И поэтому я пишу и буду писать о войне, на которой никогда не был.

Федор Федорович Дубравный

ТРОФЕЙНОЕ РУЖЬЕ

Р а с с к а з

У Федора Быкова отобрали ружье. Отобрали сверхъехидным образом. Заглянул как-то мимоходом новый участковый и, заметив на крючке изношенный бердан, бросил небрежно:

— Дядь Федор, дай-ка посмотреть. Номера надо сличить...

— Сличить так сличить, — рассказывал на другой день Быков своему соседу Петру Елисееву. — Я-то дурной, недошолопал сразу. Я ему поверил как представителю власти. А он, шельмец, ружье мое под мышку и улыбается: пусть, говорит, у нас чуток повисит.

Федор сплюнул и нервно заерзал по скамейке.

А Елисеев между тем неотрывно смотрел в приглашенные временем пепельные глаза Быкова.

Словно раскрыв, наконец, великую тайну, он презрительно кивнул в сторону дома, где проживал участковый, и зло бросил:

— Нет, уважаемые, это вам не Африка, где один раз бухнут в барабан и неделю танцуют. У нас такое не пройдет. Сами заплывете под народный инструмент... Зарвались некоторые. Он же не имеет права без санкции прокурора, понял? Сегодня ружье, а завтра телку уведет со двора. Скажет — не там оправились. А что — никто же не мычит...

— Ты брось, — обиделся Быков. — Я этого дела так не оставлю.

— Ага, к бабке Лабынчихе сбегай, пожалуйста. Она утешит первачком. Добрая старушка. Писать надо, Федор, писать. На место их нужно ставить и как можно быстрее, понял...

Елисеев быстро поднялся и заходил взад-вперед, как ходят генералы, прежде чем принять важное стратегическое решение.

— Это же какая наглость — у ветерана единственную радость отнять! А на войне винтовку, небось, не отнимали. Ты прямо так и начни: я — ветеран войны, трижды раненый...

— Ну, ты хватил...

— А что, не раненый?

— Ну так один раз.

— Пиши — кто там будет проверять. Учти, ты не напишешь, я сам за это дело возьмусь!..

Разговор с Елисеевым расстроил Федора до сердечной боли. Вечером он долго сидел на крыльце, вглядываясь в синеву майской ночи, и в памяти тяжело поднимались далекие картины войны... Вон как легко Петр пальнул о ранении. Сам пришел без единой царапины, а замахивается... Тут и одно казалось таким счастьем, что дай еще две жизни — все равно помнить будешь...

Кровавым получилось то лето под Белгородом. Беспрерывные атаки фашистов, артылеты и бомбежки вконец измотали наших солдат. Чтобы хоть как-то укрыться от безжалостных снарядов и мин, рота решила сменить позицию. Спрятал их небольшой лесок. Да только недолгой была передышка. Фашистские летчики, видать, заметили, как входили в рощицу измотанные солдаты. Будто обрадовавшись их незащищенности, фашисты остервенело взялись бомбить лесок.

Даже сейчас Федор физически ощутил ужас происходившего и по спине пробежал холодок. Но чувство стыда оказалось еще сильнее. Он вспомнил, как, полуобезумевший, в самый разгар бомбежки, выскочил из леса и бросился на землю, пытаясь вдавить в нее измученное страхом непослушное тело. А когда все стихло, он скорее догадался, чем понял, что на этот раз смерть прошла мимо.

Однако радости от спасения Федор не чувствовал. Все вокруг было искорежено и обезображено. Он ходил по обгоревшей рощице, как пьяный, пока не наткнулся на тело политрука Тюнина. И эта страшная находка мгновенно вернула ему память и ощущение реальности. Только теперь он понял, что произошло. Никогда еще Федор не ощущал в себе такой жгучей ненависти, такого ожесточения и злости. На мгновение ему показалось, что все это случилось по его вине, из-за его трусости.

Он аккуратно взял из рук Тюнина противотанковое ружье, отстегнул подсумок и, пошатываясь, двинулся на окраину леса. Болела голова, невыносимо хотелось пить. Но еще больше хотелось что-то делать: стрелять, колоть, взрывать, только не сидеть и не ждать очередного налета...

Однако, сражаться было не с кем. Безобидно голубело над головой июльское небо, мирно трещали в траве кузнечики, и белая бабочка так легко и так нелепо порхала над почерневшими от взрывов цветами, что Быков невольно зажмурил глаза.

Невдалеке на лугу Федор увидел старый сруб колодца и торопливо направился к нему. Но не успел он пройти и двадцати шагов, как из-за меловой горы вынырнули два самолета. Они шли низко прямо на лесок. Фашистам явно не терпелось довершить начатое.

Федор удивился, что совершенно не испытывает страха. «Вот и пригодилось твое оружие, политрук!» — подумал спокойно и стал торопливо шарить в подсумке. Оты-

скалось пять патронов с бронезажигательными головками. Он быстро зарядил ружье. Три выстрела ухнули один за другим, а самолетам хоть бы что. Когда они были почти над головой, Федор сделал упреждение побольше и нажал курок. Самолет развернулся на крыло, потом неожиданно клюнул, задымил и пошел к земле. И тут же над ним раскрылся купол парашюта.

Летчик опускался прямо на Федора. В эти минуты Федор ничего не видел, кроме сбитого им летчика. И так захотелось взять фашиста живым, что он ощутил знакомый холодок у сердца. И едва парашютист приземлился, Федор гаркнул из своего укрытия что есть мочи:

— Вафен хин леген, хенде хох!

Однако немец словно оглох. По-гусиному вытянув шею, он долго смотрел в сторону леса, потом поднял руку с пистолетом к виску и тут же рухнул на землю.

Федор в растерянности приподнялся из своего укрытия и понял, почему фашист не обращал на него внимания. От леса, со стороны небольшой деревеньки, бежали старики и женщины с палками и вилами в руках...

Федор поспешил к лежащему на земле фашисту, быстро отстегнул сумку. В ней была карта и толстая пачка каких-то бумаг. Рассматривая их, он совсем забыл о втором самолете. А тот, сделав большой круг, стал стремительно снижаться на Федора. Не успел он приложиться к ружью, где еще оставался один патрон, как ощутил резкий толчок в левое плечо и опрокинулся навзничь.

Больше Федор ничего не помнил. Очнулся он в крестьянской избе, уже перебинтованный и переодетый...

«Как же давно это было, — подумал Быков и огорченно крикнул, вспомнив разговор с Елисеевым.

Он долго еще сидел на крыльце, обдумывая неожиданную ситуацию. Никогда в жизни ни на кого не жаловался Федор. Но слишком серьезной была теперешняя обида. «Схожу завтра еще разок к этому праведнику, неужто у него понятия не найдется, — решил Быков. — А там посмотрим...»

Участковый встретил его весело:

— Что, дядь Федь, не настроился еще за такую-то жизнь? А я б на твоём месте телевизор цветной купил и отдыхал бы в мире животных...

— А чем бы ты занимался на моем месте в сорок третьем, не скажешь? — сдержанно ответил Быков. — Ты и теперь вон как-то по-лисьи. Ты же власть, государственный человек, а действуешь чисто экстремист. Зачем ружье-то забрал?

— Значит надо. В целях жизненной безопасности населения.

— Да что же я с ружьем за твоим населением гоняюсь? Чего ты буровишь...

— А вот эти слова я сейчас запротоколирую, и ружьишко твое импортное тебе больше не потребуется...

Быков растерялся. Он смотрел на участкового широко раскрытыми глазами и беззвучно шевелил губами. Потом вдруг выдохнул с болью:

— За что же ты так не любишь народ? Он же тебе эту форму надел, а ты?..

— Вы на психику не давите, — перешел на официальный тон участковый. — Я действую по закону, я выполняю предписание...

— У ветеранов ружья отнимать — предписание? А чего ж у меня на фронте не забирали, когда я Родину защищал? Тогда доверяли, да?!

— Только про Родину не надо тут... Не надо красивыми словами бросаться...

— Какими? — задохнулся Федор от гнева. — Ах ты, пенек неошкуренный!..

— А за оскорбление при исполнении можете пострадать дополнительно, — спокойно заметил молоденький милиционер и захлопнул папку, давая понять, что разговор окончен. — Мы не посмотрим на ваши заслуги. Да надо еще проверить — были они или...

Участковый не договорил, наткнувшись на потемневшие от гнева глаза Быкова.

— Вошь ты тулупная! — зло бросил Федор и, громко хлопнув дверью, вышел.

«Да, Петро прав — надо писать, — думал он по дороге. — Ведь этот сосунок, еще двух лаптей не сплел своими руками, а уже людьми правит, уже командует...»

Дома Федор отыскал тетрадочку, приобретенную для ответов на письма разлетевшихся по свету детей. Развернул и задумался. Никогда ему не приходилось писать

жалобы, а в редакцию — и подавно. Брала боязнь: кто знает, как они там посмотрят на всю эту историю.

Федор было уже отодвинул тетрадь, но в ушах его снова зазвучал спокойный самоуверенный голос участкового. А в памяти, как из тумана, выплыл политрук Тюнин. Рука сама потянулась к тетрадке.

«Дорогая редакция! Может и не то сейчас делаю, что взялся за перо, — вывел он первые строчки. — Но как же можно молчать, когда на общественных глазах творится безобразие. А история тут такая. Наш новый участковый, используя хитрость своего характера, подлым приемом извлек у меня ружье. Потому, что он считает его импортным. А какое же оно импортное, если досталось мне как трофей. Да и не трофей, а самая настоящая награда. Но этот пришибей и грамма не поинтересовался обо всем известном. Вы извините, что я так грубо, но он сам способствовал этому. Я говорю, ты же меня в яму живьем зарываешь. А он скалится, иначе ты, говорит, кого-нибудь туда отправишь. Ну разве так можно с ветеранами? Да, я отправил и не одного. Но то были фашисты. И я за это орден имею. Тогда мне автомат доверила Родина, а этот унтер отбирает ружье. Вы не думайте, я хоть и на пенсии, все ж работаю. И пока ничего, на здоровье не жалуюсь. И трудился бы дальше потому, что рук в колхозе не хватает на всю работу. Но теперь охоту всю отбили. То, бывает, возьмешь ружьишко, побродишь с ним по полям или по нашей пойме, и работа веселее шла, энергия жизни внутри поднималась. А сейчас как молотком по голове ударили. И что обидно, кто раньше нарушал все правила, у тех не отбирали. Зато у честных тружеников постарались, проявили принцип. А почему же мы не читали, чтобы ружья у ветеранов отбирать?»

Но я не сказал самого главного про ружье. Мы подошли тогда к одному местечку под Берлином. Май начался, все Победу ждем. А тут подходим к одному особнячку в лесу. Командир и говорит: здесь заночуем. Зашли мы туда, а там войной и не пахло. Ковры, паразиты, везде поразвешивали, ружья на них красивые. Мы глаза вылупили, но командир нас поправил — ничего, мол, не трогать. Переспали мы, утром глядим — нету одного ружья. Самого красивого. Командир на нас, мол, шкуру спущу, если дознаюсь. А чего дознаваться, не брали мы его. Ну, поругались малость и собрались уходить. Только на опушку вышли, вдруг сзади ба-бах! Мы кто куда, конечно. Лежим по кустам, а сверху снова ба-бах! И тут я заметил, что стреляют с чердака. Киваю командиру — вон, мол, откуда. Он посмотрел и кричит: кто добровольцем пойдет! Молчат ребята. Оно и понятно, кому охота умирать на пороге победы, когда до нее пять километров осталось. Ну, я вызвался. Не может быть, думаю, чтобы головушка моя под пулю попала перед самым праздником всего человечества. Не я буду, если не обхитрю. Подкрался я по кусточкам к тыльной стороне, а там лесенка узенькая и прямо на чердак. Убей, не помню, как залез по ней, только вижу, лежит гитлеровская морда и стреляет из того самого ружья, что ночью пропало. Прыгнул я на него, скрутил. Смотрю, а он пацан-пацаном. Оказалось, за отца мстил, который погиб на Курской дуге. Летчиком был. Я еще подумал ненароком — может, отца-то его я тогда сшиб.

Командир допрашивает этого вояку, а я ружье из рук не выпускаю — так оно мне приглянулось. Командир наш Гладыш Иван Степанович заметил это и говорит: чего ты, Быков, облизываешься, бери его себе — ты его храбростью своей заслужил. А этот наш законник недозволенным приемом выкрал его у меня. Разве ж это справедливо? Прошу помочь моему неожиданному горю.

К сему Быков Федор Васильевич, ветеран. Может, где выражался неправильно, извините. Это ж я только в первый раз обращаюсь в редакцию. Заранее благодарю. Все.»

Быков закончил письмо и задумался. Кажется, все рассказал, как оно есть, по справедливости. Но на минуту ему стало жалко участкового. Это же комиссия придет, головомойки ему не миновать. «Сам виноват, — успокоил себя Федор, — может, поймет своей зеленой башкой, что с людьми надо по-людски...» С этой мыслью он и отправился к Елисееву посоветоваться. Тот долго вертел письмо в руках. Читал, перечитывал. Видно, был чем-то недоволен.

— А где ж про ранение? — спросил с ухмылкой. — Устыдился, что ли?

— Ну, при чем здесь мое ранение? — возразил Федор.

— Здесь все при чем. Здесь каждое лыко должно быть в строку, понял? — веско бросил Елисеев. — И концовка у тебя какая-то хлипкая получилась. Давай-ка, садись.

Он усадил Быкова за стол, дал авторучку и стал диктовать.

— Мы внимательно следим за всеми постановлениями нашего родного правительства и еще не встречали такого, где бы говорилось о грубом и бестактном отношении к ветеранам. Если же вы не примете должных мер, я буду жаловаться в вышестоящие инстанции. А там не поможет, напишу самому Юрию Жукову. Он, думаю, сумеет разобраться с этими вопиющими безобразиями и воздать негодяям по заслугам.

— Ну, чего ты барабанишь, на базар опаздываешь, что ли? — взорвался Быков. — Я же не успеваю...

— Пиши, пиши, — подстегнул Елисеев.

— Он, думаю, суме... Нет, «думаю» не надо. Пиши прямо: он сумеет разобраться с этими вопиющими безобразиями и воздать негодяям по заслугам, — закончил Елисеев и долгим колючим взглядом посмотрел в окно.

— Да какой он там негодяй? Так, мальчишка зеленый, — попытался возразить Быков.

— Эти мальчишки еще поддадут тебе под одно место, только расслабься. Давай-ка лучше сюда конверт...

Елисеев решительно вставил в него письмо, быстро провел языком по кромке конверта, положил на стол и пристукнул по нему кулаком:

— Распишитесь в получении, многоуважаемый...

Быков с трепетом ждал ответа. Но тщетно. Уже близился конец охотничьего сезона, а почта молчала. Только месяца через полтора, когда он уже и ждать перестал, пришло золотое письмо. Но то, что он в нем обнаружил, было под стать второму ранению.

«Редакция газеты, копия — гр. Быкову, — прочитал Федор. — Сообщаю, что 27 августа сего года у гражданина Быкова изъято охотничье ружье иностранной марки № 207, которое он хранил без регистрации в органах милиции, тем самым Быков Ф. В. нарушил Указ «Об ответственности за нарушение правил приобретения, регистрации, использования и хранения огнестрельного оружия». Материал на гр. Быкова Ф. В. за нарушение данного Указа направлен для рассмотрения в административную комиссию сельсовета». А ниже стояла подпись участкового.

Письмо это так ошарашило Быкова, что он растерялся уже по-настоящему. Особенно разозлило Федора в длинном перечне содеянных им безобразий одно — нарушение правил приобретения огнестрельного оружия. Быкову показалось, что над ним кто-то издевается. А вот кто и почему — уяснить не мог.

Вечером он снова пришел к Елисееву и, чертыхаясь, показал ему ответ из редакции. Тот внимательно изучил каждую строчку и улыбнулся.

— Ну, что я тебе говорил? Вот он, твой мальчишечка. А теперь жалуйся хоть самому министру обороны. Ружье-то действительно держал незарегистрированным?

— Да кто же их регистрировал раньше? Это же, видать, недавно понапридумывали. Ну, объяснил бы по-человечески, зарегистрировал да и дело с концом. Нет же, ход конем придумал...

— Теперь ничего не сделаешь. Ружье у тебя старенькое, а их приказано не регистрировать. Но этому правдостроителю надо все-таки на хвост соли насыпать. За ретивость. Тебе, кстати, дрова привезли?

— Нет еще.

— А у него весь двор забит и вчера еще тележку притащил. А Марфа-пенсионерка полгода уже пороги у председателя колхоза обивает. Ты вот что. Ты возьми и в ту же газету напиши про это дело, все как есть. Что ж это выходит, воевали-воевали и дров себе не заслужили на старости лет?

Федор попытался было отказаться, но Елисеев был напорист. Да и своя обида

жгла и томила душу.

Направляясь домой, Быков с удивлением думал о том, как легко можно оказаться в таком дурацком положении, в каком неожиданно оказался он.

Домаш он снова достал свою заветную тетрадку. Однако все противилось в нем предстоящему писанию. Не раз доводилось Федору ходить в открытую атаку и чувствовал он себя в ту пору намного увереннее, чем теперь. Но обида, обида подкатывала к сердцу слепящей волной и укротить ее не было сил.

Быков хорошо знал Марфу, о которой вспомнил теперь Елисеев. Всю жизнь она проработала в колхозе. Пахала на волах, была звеньевой, а после войны села на трактор, потому что не вернулись с фронта лучшие колхозные трактористы. Теперь Марфа постарела и о ней потихоньку забыли. По три-четыре раза в год ходила она осенью в контору, где ей охотно обещали завтра же завезти злополучные дрова, но в круговерти колхозных забот скоро забывали про обещанное. После каждого возвращения из конторы соседи беззлобно шутили:

— Ох, сколько ты, бабка Марфа, дров уже заготовила. Зачем тебе столько-то?..

Федор переживал за старушку, а вот помочь не додумался ни разу. Сейчас вроде бы самое время заступиться.

Быков подвинул тетрадь и аккуратно пошел авторучкой по строчкам:

«Донесение. Дорогая редакция! Не думал, что будет нужда беспокоить вас по второму кругу. Но действительная наша жизнь преподнесла мне такой сюрприз в виде оскорбительной дули, что и не хочешь дак напишешь. Но не в этом дело. Есть у нас хороший трудящийся человек. То есть, была трудящимся, а ныне заслуженно отдыхает. Я имею в виду Позднякову Марфу. Какая трактористка была! На всю округу славилась. А теперь дожилась до старушки и никакого внимания от колхоза. А молодежь на это смотрит и думает, небось, что человек нужен, пока работает. Они, может, потому-то и бегут из села. И что обидно, старенькой старушке вязанки дров привезти не могут, а здоровому Кузьмичеву третью тележку ташат. По справедливости это? Вообще к этому Кузьмичеву надобно в упор присмотреться. Сказывают, он у Сайкиной Верки самогон проверял недавно. Попробовал на язык, да и забрал весь с собой. А за хорошее приготовление, видать, решил Верку не наказывать...»

Тут Федор приостановился, пытаясь вспомнить, кто же ему рассказал про это. И удивился — Елисеев. Чего же он так сердается на участкового? И тут пришло: совсем недавно прошелестел по хутору шумок, будто Кузьмичев задержал у фермы трех несунув с комбикормом, среди них оказался и Елисеев. «То-то он и люзует, — расстроено подумал Федор, и тревожная догадка кольнула сердце. — Так он же меня науськивает...»

Федор поднялся и нервно заходил по комнате. «Ловко получается — ты пиши, а я в кустах посижу, посмотрю, что оно выйдет. Да ты, похоже, и воевал так же. Были такие храбрецы», — думал Быков, вышагивая по комнате. Потом подошел к столу, резко рванул исписанный листок, смял и выбросил в угол.

Через минуту он уже сидел за столом и новые строчки ровно ложились на бумагу. «Дорогая редакция! Получилась нехорошая история, что вас как бы отвлек от работы, а сам оказался виноватым. Вина моя, конечно, есть: но я же в этом не был проинформирован нашей безгласностью, так как с утра до ночи провожу свои часы на ферме. У меня к вам только одна просьба. Вразумите нашего Кузьмичева, больно он круто поступил. Пусть он зарегистрирует мое ружье и возвратит. Ведь оно же для меня еще и фронтовая память. Если я в чем виноват, то готов понести любое наказание, но помогите мне в моем горе».

* * *

Отправив письмо, Быков переживал теперь еще больше, хотя сердце подсказывало ему, что все должно кончиться благополучно.

А дня через три-четыре Кузьмичев зашел к нему сам, хмуро протянул ружье.

— Ты, Федор Васильевич, тоже хорош. Мог бы сразу рассказать, откуда твоя трофейка. Я же человек свежий у вас. А то пошел шуметь. Настырный ты мужик. И фамилия у тебя такая...

Но Быков ничего не ответил. Он осторожно взял ружье, молча погладил ствол. И

СЕРГЕЙ АНОХИН

* * *

Сквозь кинофильмы, смерти, годы
уходит в прошлое война,
дружней становятся народы,
но ты, земля, войной больна.

Порою теплым днем роскошным
к тебе прислушаюсь: «Поет!»,
но из-под тучи рухнет коршун,
а ты затихнешь: «Самолет?»

И пусть все реже льются слезы
по не вернувшимся с войны,
но на душе твоей — березах —
рубцы по-прежнему черны.

1980

* * *

Все будем жить,
Кто сам в себе,
Кто в пачке писем.
Рвет штурмовик
Глубины выси,
Закат дрожит.

Все будем там:
В сердцах друзей,
В тревогах мамы...
Визжат свинца
Шальные граммы.
Нас минет срам.

Сейчас пойдем,
Чтоб штык на штык,
Хрипя, схлестнуться:
Мы не умрем!
...Не все вернутся
В свой отчий дом.

НЕИЗВЕСТНОМУ СОЛДАТУ

«Иван, не помнящий родства»,
России вещие слова.

Как будто не ее сыны
Не возвратились
С той войны...

Один на всех отлит солдат,
Нет ни фамилии, ни дат,
Как нету внуков и жены,
Как нет спасенной им страны.

Простите, павшие, всех нас,
Буржуйский жрущих ананас,
Живой мы памятник вины
Сей,
Неизвестной вам
Страны.

Покуда в долах и горах
Солдата безымянен прах,
Победно шествует она —
С Отчизной вечная война.

1995

МАНТРОВ НИКОЛАЙ ТИМОФЕЕВИЧ

Николай Тимофеевич Мантров родился 30 октября 1949 года в посёлке Бабинка Аннинского района Воронежской области. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

Автор пьес: «Общество бездельников» (опубликована в альманахе «Светоч» (Белгород), «Дрогнувший мост» (журнал «Странник», Москва), «Под пылью веков» (поставлена в белгородском драмтеатре, сезон 1987-1988 годов).

Автор прозаических произведений: «Забор», «Машина времени» (журнал «Подъём», Воронеж), «Святая женщина» («Странник», Москва), «Мать Ариадны» («Звонница», Белгород), «Я иду по земле расхристанной» (Белгород). Член Союза писателей России.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ:

Как только Николай Мантров принес рассказ «Забор» в нашу писательскую организацию, сразу обнаружилось, что перед нами человек с недюжинными литературными способностями. Рассказ поразил нас, уже признанных членов Союза писателей, своей внешней простотой, какой-то разящей обыденностью и, вместе с тем, глубиной поставленных в нем вопросов. На таком незначительном материале поднять такие важные проблемы по силам только истинному художнику слова. Уже тогда «забор» разгородил двух самых близких людей — мужа и жену (хотя они, как говорят, «одна сатана»). Конечно, по этому рассказу нельзя назвать Мантрова провидцем, сумевшим заглянуть в наше время. Но по аналогии невольно приходит мысль: как же эти заборы стали полосовать живое тело единокровных братьев-славян... преданных тремя ублюдками.

Не возьму греха на душу, если скажу, что культура художественного слова Белгородчины приросла. Пусть читатель попробует опровергнуть мои доводы.

Да вот беда: Николай Тимофеевич пишет пьесы. Пишет и стихи, которые, как я считаю, слабее прозы, а вот такую великолепную, как ниже представленную, прозу почти не пишет, и сколько ему ни толкуешь:

— Ты же прирожденный беллетрист! — не внимлет...

А жаль! Потери невосполнимы.

Владислав Шаповалов

СКВОЗЬ ДЫМ И ОГОНЬ

Р а с с к а з

Родионов поднялся и привычным движением рук ощупал тело. Кажется, все на месте, не ранен, и только голова была словно налита свинцом: стоило качнуть ею вправо или влево, как все тело устремлялось за ней, непослушной. Родионов взялся за голову руками и стоял, покачиваясь из стороны в сторону, пытаясь вспомнить, что же произошло. Но как он ни старался, ему так и не удалось что-либо вспомнить: голова была чужая, и мысли в ней, а точнее обрывки мыслей, тоже были чужими.

Вдруг несколько пуль с противным визгом пролетели совсем рядом. Родионов встрепенулся. Этот привычный звук войны вернул его к жизни. Правда, он ничего так и не вспомнил, но все-таки сумел понять, что надо идти, бежать от этого раскаленного свинца, от этого леденящего душу свиста. Родионов поправил шинельную скатку, съехавшую на шею, и огляделся по сторонам. Бой шел за лесополосой, метрах в ста пятидесяти отсюда. Еще несколько пуль прилетело оттуда, и нельзя было понять — свои они или чужие. Родионов прислушался и с удовлетворением отметил, что уже может различать звуки. Вот протатакала пулеметная очередь, вот раздалось несколько винтовочных выстрелов, вот разорвалась граната, а вот все смешалось в кучу — пулеметные очереди, одиночные выстрелы, разрывы гранат. А вот опять противный свист близко летящей пули... Он еще раз поправил скатку, которая почему-то никак не хотела оставаться на привычном месте, и пошел в ту сторону, куда улетела шальная пуля. Сделал несколько шагов, и это было все, что ему удалось: голова кружилась, ноги не слушались, и, чтобы не упасть, он присел на небольшой бугорок. Однако, не успев еще как следует сесть, он вскочил: бугорок оказался человеком, наполовину засыпанным землей. Несколько секунд Родионов тупо смотрел на торчавшую из земли ногу, обутую в кирзовый сапог, потом вдруг упал на колени, разрыл мягкую податливую землю и перевернул лежащего на спине. На него глянуло страшное, четырехглазое лицо: две пули, ударив в лоб, проделали в нем новые глазницы, и если бы не пистолет, который, казалось, все еще сжимала рука лежащего, Родионов так и не узнал бы убитого.

— Лейтенант!.. — почти простонал он, и руки его бессильно опустились. Он оглянулся по сторонам. Вокруг лежали то ли убитые, то ли еще живые. Родионов переворачивал лежащих, хватал их за руки, щупал лица, но все было тщетно — нигде рука его не находила тепла. Он опустился на мягкую изрытую землю и беззвучно заплакал.

Теперь он все вспомнил. Он вспомнил, как каких-нибудь полчаса назад лейтенант получил приказ — перебросить свой взвод на левый фланг, где неожиданно прорвались неизвестно откуда взявшиеся немецкие танки. Собственно, это был уже не взвод: девять человек осталось от взвода после ожесточенных трехдневных боев, — но лейтенант быстро вскочил, отбросив уже ненужную телефонную трубку, и скомандовал: «Взвод, за мной!» — и они, все девятеро, выскочили из окопов и побежали.

Они бежали быстро, потому что кругом свистели пули и рвалась на части земля и надо было как можно скорее добежать до небольшого леса, который виднелся впереди. Все понимали это, но больше остальных понимал это лейтенант, который бежал впереди всех и время от времени покрикивал командирским голосом: «За мной, ребята, за мной! Быстрее!» И они бежали. Бежали не из последних сил, потому что не было уже этих последних сил, бежали, потому что надо было бежать. Родионову было труднее остальных: кроме основной амуниции он еще тащил бронебойное ружье (его второй номер был убит два дня назад), но и он не отставал от товарищей.

И все-таки они не успели добежать до спасительного леса, как ни спешили. Неожиданно раздался чей-то истерический крик: «Танки!» — потом еще кто-то протянул, словно удивляясь: «Та-анки!» — и все смешалось. Правда, они еще продолжали бежать, но вряд ли кто из них сознавал, куда бежит. И только лейтенант, любимый всеми, безусый еще лейтенант, сохранял полное спокойствие. Он по-прежнему бежал

впереди всех и по-прежнему покрикивал сквозь зубы, но уже не приказывающим, а каким-то просящим тоном: «Быстрее, ребятки, быстрее! За мной...»

Да, они все пошли за ним, пошли на тот свет, и только он, Родионов, не сумел исполнить последнюю просьбу командира. Он остался на этом свете, а они все ушли в мир иной, хотя и продолжали лежать здесь, на земле. Вот, по-детски поджав ноги, лежит веселый, никогда не унывающий татарин Хасбулатов. Он плохо знал русский язык, и это служило причиной частых беззлобных насмешек над ним со стороны сослуживцев, но он не обижался, а, напротив, нередко намеренно ломал язык, чтобы повеселить приятелей. Родионов вспомнил, как всего какой-нибудь час назад они сидели с Хасбулатовым в окопе и он спрашивал у него: «Ну что, Хасбулатка, где наша с тобой смерть? Далеко?» А Хасбулатов с полной серьезностью слюнявил указательный палец, поднимал его вверх и отвечал, хитро шуря свои маленькие черные глаза: «Смерть близка!» Он даже представить себе не мог, как она близка, его смерть. А вот, широко раскинув руки, лежит Приходько, ефрейтор-здоровяк. Несмотря на свой огромный рост, голос он имел очень тонкий и часто говорил этим тонким, жалобным голосом: «Эх, ну до чего же мне землю нашу матушку жалко! Как только она терпит, бедная, ведь такая сила в ней рвется. Так мне жалко ее, что, кажись, взял бы и обнял ее обеими руками, как мать родную...» И вот теперь он исполнил то, что обещал земле: обнял ее и полил кровавыми слезами.

Родионов с трудом поднялся, отыскивая свою неразлучную бронебойку, осмотрел ее и тут же бросил опять на землю: все было погнуто, покорежено и оставалось только удивляться, как это он, человек, сотканный из нежной плоти и хрупких костей, сумел выдержать то, чего не выдержало железо. Он осмотрел несколько винтовок, валяющихся здесь же, но не нашел ни одной исправной: у этой нет затвора, у той затвор заклинило, иная с разбитым прикладом. Скрепя сердце, он подошел к лейтенанту, с трудом выдернул из его правой руки пистолет, проверил обойму и сунул пистолет в карман. Затем посмотрел в сторону лесополосы, где шел бой, перевел взгляд на небо и сумел определить, в какой стороне восток. Значит, с противоположной стороны немцы, идти туда нельзя. Родионов поправил скатку, все время сползающую с его плеча, и медленно пошел к лесу, до которого они так и не успели добраться.

Едва он добрался до первых деревьев, как ему пришлось сразу же присесть: ноги, ставшие вдруг необычно легкими, не держали тяжелое тело. Где-то вдали горел лес, и сюда доносило дым и запах гари. Дым стлался по земле, продираясь сквозь кустарник, и Родионову пришлось встать, чтобы поискать более удобное место, где дым не лез бы в глаза. Он прошел вглубь леса и уселся под небольшой березкой, опершись спиной о ее тонкий ствол. Здесь дыму было меньше, но Родионову легче не стало. Тяжелые мысли одолели голову. Да, странная штука жизнь, очень странная. Вот он, Родионов, сидит сейчас здесь, в этом лесу, а ведь тоже мог лежать на том поле, засыпанный землей. Как же это получилось, что он один сумел выбраться из этого ада? Ведь он никогда не думал, что родился под счастливой звездой, как например Сазонов, его земляк, который часто повторял: «Нет, братцы, вы как хотите, а меня не убьют. Нет, не убьют! Да разве ж это возможно, чтоб меня — и вдруг убило! Ну, представьте, все есть: и небо, и деревья, и земля — а меня вдруг нет. Не, братцы, это невозможно, чтоб меня убили. Нет, не убьют!» И вот все осталось на месте: и небо, деревья, и земля — а он, Сазонов, лежит на этой земле с развороченным животом. Да, странная штука жизнь, очень странная. Ведь если разобраться, то это он, Родионов, должен был умереть в первую очередь. Ни кола у него, ни двора, ни семьи, да и пожил уже, жизнь повидал, скоро сорок. Но вот он, Родионов, никому не нужный Родионов, сидит теперь целый и невредимый в этом лесу. А Сазонов, который, несмотря на свои молодые годы, успел уже завести жену и троих детей, лежит там, с развороченным животом... Странная штука жизнь.

Вдруг совсем рядом, метрах в пяти от Родионова, зашевелились кусты, и оттуда послышался не то стон, не то смех. Родионов вскочил, нащупывая в кармане пистолет, и встал за березу. Кусты больше не шевелились. «Показалось», — подумал он с облегчением и вынул руку из кармана. Он собрался уже сесть на прежнее место, как

кусты опять зашевелились и оттуда послышался слабый женский голос:

— Помоги, солдатик! Солдатик, помоги...

Родионов бросился к кустам, осторожно раздвинул их и увидел там женщину. Она лежала на земле, неудобно запрокинув голову назад, юбка ее высоко заголилась и была вся в крови, полные ноги почти до колен тоже были в крови. «В живот», — подумал Родионов и сразу же вспомнил, чего не надо делать при ранении в живот: нельзя давать воды и нельзя переворачивать раненого. Он снял скатку и опустился перед женщиной на колени. А она смотрела на него широко открытыми испуганными глазами; эти глаза просили только об одном: «Помоги...»

Родионов расстелил шинель перед головой лежащей женщины, осторожно взял ее за плечи и волоком втащил на шинель. Встал, поплевал на руки, взялся за полу шинели и потянул. Скорее, скорее прочь от этого места, от этого стелющегося по земле дыма, ей нужен свежий воздух. Но вдруг женщина ухватила рукой за первые повисшие ветви и простонала, показывая другой рукой куда-то в кусты:

— Его... Его возьми!

Родионов остановился и посмотрел в ту сторону, куда указывала женщина. Он увидел под кустом какой-то узел и чертыхнулся: чертова баба, помереть запросто может, а все еще о тряпках думает! Он отпустил полу шинели, подошел к узлу, нагнулся и обомлел: из груди тряпья на него смотрели человеческие глаза! Родионов так растерялся, что некоторое время стоял неподвижно. Так вот оно в чем дело! Значит, женщина вовсе не ранена, а кровь у нее оттого, что она только что родила, родила здесь, в этом лесу, в дыму, под свист пуль и грохот снарядов. Родионов наконец опомнился, осторожно поднял ребенка и заглянул ему в лицо. Еще бессмысленными глазами ребенок смотрел на мир, на мир, в котором люди теперь старались убить друг друга, вместо того, чтобы заботиться о появлении новых людей. Бедная крошка, и надо же было тебе появиться на свет в такое время! Что увидят твои, впервые открывшиеся глаза? Страшное, небритое лицо солдата, чудом спасшегося от смерти, измученное лицо матери, искаженное от страха за твою жизнь. Что услышат твои уши?

Родионов повернулся и осторожно понес ребенка.

— Ну и дура же ты, баба! — сказал он, отдавая ребенка женщине и берясь опять за полу шинели.

— Дура, солдатик, еще какая дура! — радостно согласилась женщина, прижимая ребенка к груди.

Родионов вытянул женщину из кустов на ровное место и остановился. Все-таки он был еще слаб, ноги дрожали, голова кружилась. Он немного постоял, вздохнул и собрался опять было тащить, но женщина вдруг заворочалась на шинели и, не выпуская из рук ребенка, тяжело приподнялась и села.

— Ты погоди, солдатик, погоди немного. Сядь, отдохни малость, — сказала она, поспешно расстегивая кофточку на груди и поднося к ней ребенка. — Я, может, оклемаюсь еще и своим ходом пойду.

Родионов сел, стараясь не смотреть на женщину, которая кормила ребенка. Дыму стало меньше, поднявшийся ветер относил его в сторону. Только было слышно, как где-то, совсем недалеко, трещал горевший лес. А что если ветер повернет и огонь пойдет сюда? Надо бы посмотреть, где горит, куда идет огонь, в какую сторону двигаться, чтобы избежать встречи с огнем, но нет сил, совсем нет сил и тяжелая чужая голова клонится к земле. Не надо было останавливаться, надо было идти, пока есть силы. А тут еще где-то за лесом, то утихая, то разгораясь с новой силой, все еще гремит бой. Иногда сверху раздается тонкий свист и вниз падает срезанная пулей ветка.

— Когда танки на деревню пошли, наши все в Гнилой лес побежали, — словно бы для себя говорила женщина, продолжая кормить ребенка. — Гнилой-то лес и подале, и поболее. Ну, а я сюда. Куда мне с таким пузом-то. Только до первых деревьев добежала, тут и началось... А вокруг-то все гремит, да рвется! Если б не ты... Слышь, тебя как звать-то? — спросила она, повернувшись к Родионову.

— Родионов я, рядовой, — ответил он и, спохватившись, добавил: — Петр,

значит.

— А меня так Дарьей кличут. Муж-то, бывало, все Дашуткой звал. Теперь и не знаю, где он, жив ли. Как ушел полгода назад, так и ни одной весточки от него не получила. Дал бы бог... А тут еще я, дура, рожать собралась. Так кто ж думал, что немец проклятый до нас доберется!

Ребенок наконец оторвался от груди и сразу же уснул. Дарья осторожно положила его на шинель и тяжело зашевелилась, пытаясь встать.

— Ты вот что, Петр, помоги-ка мне... — проговорила она, все еще пытаясь подняться самостоятельно. — Встать бы мне...

— Куда тебе, сиди, — пробормотал Петр, вставая и подходя к Дарье. — Тебе ж лежать надо.

— Нам теперь лежать нельзя, никак нельзя. Ну-ка, дай руку-то... Вот так.

Дарья встала, постояла немного на месте, потом попробовала сделать несколько шагов.

— Ничего, получается. Нам теперь, Петр, лежать никак нельзя. Чуешь, лес горит? А лесок этот маленький, за два часа выгорит. Уходить надо, в Гнилой лес уходить. Да и стреляют, чуешь? А ну, как опять сюда вернуться? Надо в Гнилой лес, он большой, спрячемся.

— Далеко он, этот Гнилой?

— Да нет, рядышком, километра два от силы. А может и меньше, кто ж мерил. Эх, как я шинельку-то твою замазала! — с сожалением проговорила Дарья, потом взглянула на свои ноги. — А я-то, господи! Да отвернись ты, черт, что смотришь-то на такую? Помыться бы мне надо, если по-хорошему...

— Я сейчас, принесу... — засуетился Родионов, но, вспомнив, что у него нет ни фляжки, ни котелка, с сожалением развел руками.

— В чем же ты принесешь-то? Я бы сама, тут недалеко озерушка есть. Я бы сбежала. Пойми, неудобно мне так-то, перед тобой, кровища ведь... — быстро говорила Дарья, комкая юбку руками. — Ты побудь тут с ним, я быстро. Неудобно же.

— Иди, чего там. Раз надо, иди, — ответил Родионов и сел на шинель около ребенка. — Спит.

— Так он теперь все время спать будет, лишь бы грудь... Так я побегу, я быстро, — сказала Дарья и, повернувшись, пошла в лес, и уже скрывшись за деревьями, прокричала еще раз:

— Я быстро!

Родионов повернулся и посмотрел на ребенка. Тот спокойно спал, лишь иногда его красное сморщенное личико дергалось, словно он видел во сне что-то нехорошее. Ветер стих, и дым опять пополз по траве. Родионов прилег поближе к ребенку, загорючил его своим телом от дыма. Теперь дым, обволакивая тело Родионова, поднимался вверх и меньше беспокоил ребенка. Родионов опять заглянул ребенку в лицо и усмехнулся. Вот она какая, эта жизнь! Странная штука... Ребенок... Здесь, в этом лесу, и вдруг ребенок. Вот они какие дела, ребенок! Кругом были дым и огонь, рядом ходила Смерть со своей ржавой косой, а здесь, в этом лесу, сквозь дым и огонь Жизнь дала свой новый росток, не боясь своей вечной соперницы. Родионов опять усмехнулся и поправил тряпье, в которое был завернут ребенок. Что ж, может так и надо, пусть живет, пусть растет этот нежный росток, надо же кем-то заменить тех девятерых, что лежат на том поле... И там, за лесополосой, где теперь идет бой, тоже, наверное, уже много таких, которых нужно кем-то заменить.

Родионов опустил голову на шинель и забылся. Через несколько минут он поднял голову, посмотрел вокруг, пощупал лежащий рядом теплый комочек и опять опустил голову. Так продолжалось около получаса: Родионов то просыпался, то засыпал снова. Потом он вдруг резко вскочил, ощупал ребенка, посмотрел по сторонам. Дарьи не было. Ему показалось, что спал он очень долго. Какая-то неясная тревога охватила его. Он вскочил, отошел немного в сторону и негромко позвал:

— Дарья! Дарья...

Ему никто не ответил. Родионов снова сел около ребенка. Прошло минут десять,

ему показалось, что прошел час. Дарьи не было. Родионов опять поднялся, постоял немного около спящего ребенка, потом прошел метров на двадцать в лес, вскоре вернулся, опять постоял, раздумывая, взял ребенка на руки, прихватил кое-как шинель и пошел в ту сторону, куда ушла Дарья.

Шагов сто Родионов прошел по густому лесу, продираясь сквозь деревья, отворачивая лицо и ребенка от острых ветвей. Ветви цеплялись за шинель, стараясь выдернуть ее из его рук, и Родионову приходилось часто останавливаться, чтобы отцепить шинель. Потом лес начал редеть и вскоре совсем перешел в кустарник. Впереди блеснула вода. Родионов ускорил шаг. Он пробился через густую поросль кустарников и перед ним неожиданно открылось небольшое лесное озеро. Родионов сразу же заметил Дарью. Она лежала у самой воды, лицом вниз, с неудобно подвернутыми руками. Родионов положил ребенка на пригорок, подбежал к Дарье и перевернул ее на спину. Кофточка на Дарье была расстегнута, обе молочко-белые груди были обнажены. Под левой грудью Родионов увидел аккуратную маленькую дырочку. Крови почти не было.

— Как же это, как же... — растерянно забормотал Родионов, беря Дарью под руки и пытаясь посадить ее. — Как же это, Дарья? Кто же это тебя, а? Ведь ребенок...

Вдруг что-то ударилось в землю, почти у самой ноги Дарьи. Родионов оглянулся. Еще две пули чиркнули по воде, подняв небольшой веер брызг.

— Простреливают, — словно бы удивляясь, произнес Родионов, поднимаясь. — Простреливают, сволочи!

Он посмотрел в ту сторону, откуда прилетели шальные пули. В той стороне, за озером, леса уже не было, вдали были заметны еле различимые фигурки людей, которые то появлялись, то исчезали. Там, вдали, кто-то в кого-то стрелял, а пули прилетали сюда.

На пригорке заплакал ребенок. Точно откуда-то из-под спуда вырвался наружу звонкий, не умолкающий голос Жизни...

Родионов опустил на колено, затем на другое и, нагнувшись, прикрыл живой комочек своим огромным телом.

ВИТАЛИЙ ВОЛОБУЕВ

ВДОВА

Убегала от злого навета в луга,
 Хоронила тревожные думы
 В тех местах, где речушки родной берега
 Потонули в болоте угрюмом.
 И потом, просветлев от дыхания трав,
 Прорастающих светом в болотах,
 Все решала, кто прав был, и кто был не прав,
 И кляла, и жалела кого-то.
 Приходила домой, разжигала очаг,
 Согревала детей, уставала,
 И ложилась на свой неудобный топчан,
 И проснувшись к утру, тосковала.
 И все грезилось ей — в непросветном дыму,
 На земле обожженной и стылой,
 Муж погибший, не нужный уже никому,
 Все лежит, без креста, без могилы.

* * *

Окопы, окопы,
 В лесу, по буграм —
 Как много их, в муках отрытых,
 И отданных после снегам и ветрам,
 Заброшенных и позабытых.
 А тут, в этой яме, лежал человек,
 Подставши пожухлые листья,
 И в каской укрытой его голове
 Теснились житейские мысли.
 О том, что обед до сих пор не везут,
 Патронов опять что-то мало,
 Что немцы шевелятся где-то внизу,
 Махорка куда-то пропала.
 И в этом холодном его уголке
 И хата его, и могила,
 Уснет на подложенной грубой руке,
 Не понявши, чем уложило.

Окопы, окопы,
 В лесу, по буграм —
 Трава и не помнит, конечно,
 Но помнит земля — в ней как будто вчера
 Окоп отрывался поспешно...

ТАНКОВОЕ ПОЛЕ.
ПРОХОРОВКА

Это поле страшным летом
 Было пахано войной,
 И лежало, как раздето,
 До июльского рассвета
 Опускалась пыль стеной.

Долго-долго зарастали
 Черноземные рубцы,
 И чужой, и нашей стали
 Ключья ржавчиною стали,
 Стали бронзою бойцы.

Как и не было злой доли —
 Где волнуются хлеба,
 Посреди бескрайней воли —
 Просто танк, и просто поле,
 Просто — русская судьба.

ВЛАДИМИР КАЛУЦКИЙ

Родился 15 февраля 1953 года на хуторе Колодезный Новооскольского района. Автор шести прозаических книг, участник нескольких общих сборников прозы. Получил вторую премию на конкурсе в честь пятидесятилетия Великой Победы, проводившемся в области. Член Союза писателей России. Живет в поселке Красногвардейское Белгородской области.

ГИПЕРБОРЕИ

Роман в трех книгах
Книга вторая

«Локализация гиперборейцев, как и
каждого мифического народа,
очень запутанна и неопределенна»

Академик Б. Рыбаков

В ТУ ЖЕ ЗЕМЛЮ

ВИДЕНИЕ НА ГОВЕРЛЕ

На самой вершине Карпат стояли Святогор и Смерть. Богатырский конь под седоком дремал, опустив большую голову. Смерть опиралась на суковатую клюку, стоя рядом с богатырем. В ее плечо, изредка шевеля тяжелыми крыльями, укогилась громадная птица-грифон. Грязно-белый капюшон ее савана был откинут на спину, безжизненные седые волосы космами свисали на плечи. Они глядели сквозь утреннюю дымку на войска, еще дремавшие внизу, по ту и другую сторону гор.

Смерть захихикала, указывая тонким, как тростник, пальцем, на Восток, где за Уралом золотились первые солнечные лучи:

— Я уже отправила по армиям своих генералов, они готовы есть мясо и пить кровь своих солдат. То-то пир начнется с восходом!

Святогор поглядел на гуцульские поселения у передних копыт своего коня и спросил, следя за крестьянкой в рубище и с вязанкой хвороста, за которой плелась простоволосая девочка:

— И они погибнут?

— Все погибнут! — ликовала Смерть. — Тут народы прошли — никто не вернулся живым!

— Ты цинична, Смерть...

Она гулко захохотала:

— Нет, я абсолютна. Так уж повелось среди людей, что для них тот, кто убивает одного человека — просто убийца. Кто убивает миллионы — победитель. Кто убивает всех — тот Бог. Для людей я Бог, Святогор!

Клубился в низинах туман, на германской стороне лязгнуло железо. Святогор прислушался к утренним звукам и сказал, взвесив в руке огромный двуручный меч, переключаясь своей похожий на крест:

— Ты слишком высокого мнения о себе. Смерть. Но посмотри на ту танковую дивизию, что уже запустила двигатели. Видишь, на головном танке штандарт с изображением мертвой головы?.. А чуть в стороне, за кустарником, фельдфебеля, который приставил к своему виску пистолет? Видишь? Простой воин может сделать то, в чем ты бессильна. Ты, Смерть, перед человеком настолько слаба, что не можешь убить даже себя. Какой же ты Бог! Ты — ничтожество, от бессилия противостоять добру, вечно творящее зло.

Смерть скрипнула зубами:

— Но разве сами люди не подобны мне? Разве не зло и себялюбие правят миром?

— Миром правит альтруизм.

— Ага. — захихикала Смерть, — и это именно желание сделать добро ближнему столкнет сейчас народы в смертельных объятиях! Если это добро, то чем же оно лучше зла?

— Уже хотя бы тем, что альтруизм не даст тебе убить всех, не даст вразумить сделатьсь Богом. У настоящего Бога все живы. И те народы, что прошли тут за века — тоже живы. Твой труд напрасен, Смерть!

Небо уже вовсю разгорелось над Сибирью, запылали грани ледяных вершин Беловодья, солнечные лучи брызнули, отражаясь, по самоцветам Урала, хлынули на зеркало Азовского моря. Очертания Святогора и Смерти обрели еще большую зыбкость, и скоро их тени оторвались от Говерлы и растворились в напоенном светом воздухе.

И тогда в предгорьях возликовали генералы и двинули свои бесчисленные армии навстречу врагу врагу.

И дрогнуло мироздание!

1

«Сюда, к устью Танаиса, враги прижали Гипербореи уже ко второму военному лету. Основные цепи оборонявшихся протянулись по восточному берегу Меотийского озера и далее, к седому Понту Евксинскому. После зимней битвы у стен заснеженной Космы Архипелаг отступил почти к самым рубежам. И тогда властители Архипелага прибегли к последнему оружию, проклятому даже у них на островах: Делос двинул на Гиперборею чудовищ. Невиданные на Севере огнедышащие звери летали по небу и плавали в водах, они змеились над самой землей и поглощали людей целиком. И гипербореи перед таким натиском отступили, снова оказавшись на краю гибели.

И тогда к оборонявшимся прибыл Хранитель Духа Агай. Он возил перед войсками завернутое в белые пелены дитя — свою непорочную восприемницу из дома угольщика Гона Аюка».

Младший лейтенант Артур Горюнов отложил самопишущую трофейную ручку из наборного плексигласа и задул фитиль. На сегодня писать хватит.

Робкий рассвет заглядывал в хату, где десантники стояли уже почти неделю. По лавкам у стен и прямо на земляном полу спали солдаты его взвода, а древняя хозяйка хаты всю ночь неусыпными очами следила за пишущим офицером из-за уголка занавески. Артур поднялся, размял плечи, несколько раз присел, приглушенно побрякивая. Спохватившись, прижал ладонь ко рту и, осторожно ступая, вышел на улицу.

Июньское погожее утро занималось. Прямо у крыльца, не шелухнув ягодами и крупными капельками росы, стояла низкорослая вишня. Поодаль, у пенька-плахи темнела сырая рукоятка топора. Пятна петушиной крови на траве и лезвии побурели, и Артур пожалел о съеденной птице. Правда, зарубила его сама хозяйка, но вот уже нынче утром для полноты картины так не хватало хулиганистого петушиного «ку-ка-реку!».

Хутор еще спал и темные силуэты двух десантных «Дугласов» на давно не

паханном поле отсюда, от крылечка, казались тушами неведомых гигантских зверей, приткнувшихся к сонному зеркалу ставка. Они, трудяги-самолеты, словно тоже не хотели выходить из сна прямо в войну, как это предстояло совсем скоро и самим десанникам.

Первая утренняя птица неожиданно резко хлопнула крыльями, по ставку пробежала мелкая рябь. Артур зябко передернул плечами потянул с ветки спелую вишню.

— Черт! — озорно крикнул он, попав под настоящий холодный душ осыпавшейся росы. Офицер громко хлопнул в ладоши и в восхищении прокричал:

— Лепота!

И тут же от соседней хаты с проваленной соломенной крышей ему ответил такой же озорной молодой голос:

— Да, слушаю вас!

Артур от неожиданности замер в движении — и побежал на голос. У соседней хаты возле крылечка о две доски военный, голый по пояс, тоже разминал плечи движением рук.

— Я капитан Лепота, слушаю вас.

Офицер крепко пожал ладонь Горюнову, опустил на крыльцо, хлопнув ладонью по доске рядом. Артур присел, улыбнулся:

— Нет, я в смысле — красота какая!

— А я, грешным делом, подумал, что меня окликают. Познакомимся: я — командир армейской разведки капитан Савелий Лепота.

Артур тоже назвал себя. Достал из брючного кармана портсигар, щелкнул крышкой:

— Угощайтесь. «Казбек», довоенный. У хозяйки-старухи сохранился от сыновей. Еще до оккупации этой местности они ушли на фронт, но вот и после освобождения пока нет вестей. Старушка сказала — может, и моих кто угостит сердобольный.

— Спасибо. Не курю. Сами-то зря чадите, противу человеческого естества это.

Артур пыхнул дымком:

— А сама война — не противу естества? Вообще-то мне кажется, что жить тоже вредно — умереть можно... Давно на передке, товарищ капитан?

— Да с первого дня. Кстати — насчет переднего края... Скорее — мы даже перед ним, за линией фронта ходим. Нынче ночью вот сюда на суточный отдых вышли. А вы?

Артур придавил окурочку о край доски, сощурился на пронзительный солнечный луч, ударивший из-за недалекого строения:

— А я все больше над землей. Со своими хлопцами латаем дыры во фронтовом бредне. Где тонко — туда и сигаем со своими парашютами. Тоже вот — отдыхаем перед боями. Вы разведчик — поделитесь: слышно — за Курск серьезная драчка намечается?

Капитан поднялся с крыльца, с веревки потянул полотенце. Ответил, до красноты растираясь:

— Будет драчка! Вы бы видели, каких железных монстров Гитлер наплодил для этой битвы. Такая техника, что ее тяжести ни один мост не выдерживает. Стена из брони!

— Много русской кровушки прольется!

— Да уж... Велика Россия, и, похоже, солдаты в ней никогда не кончатся. Сколько уж нашего брата полегло, — капитан натянул через голову гимнастерку, затянул и поправил ремень на поясе. — Такое впечатление, что сам белый свет настроен на уничтожение славян. Ну, брат, пачками гибнем даже там, где можно вовсе без потерь обойтись.

— Ага, — согласился Артур. Вчера на хуторских задворках сами двоих пехотинцев расстреляли. Трибунал близнецов приговорил за самоволку. А они-то и отлучились всего на пару часов — их село тут рядом. К мамаше решили смотаться по молочко. Смотались...

Помолчали, сидя.

Утро уже переливалось солнечными красками, обещая день жаркий, знойный.

К ставку подошла пегая лошадка с постромками, наклонилась к воде. Пила, стягивая к морде зеленую тину. Артур глянул на запястье, определяя время до подъема и неожиданно для себя прочел, глядя на лошадь:

Конь у деда — Ураном звали,
Был в носочках и с белой гривой.
Его в кузнице подковали,
Чтобы поступь была игривой.
Яровой дед кормил пшеницей.
Не считаясь с ценою злака.
На коне дед ездил жениться.
Но в колхоз его сдал, однако.
И присев на скамью у хаты,
Со своею женою вместе —
Пред конем они виноваты,
Пред колхозом — правы по чести.
Без коня — уж куда подворью?
И зерну не осталось ходу.
Активистов шайка поворья
Покидала его на подводу.
Дед глядел обреченно в угол,
Где белело пятно от иконы:
Я сегодня расстался с другом —
Только беды и нам знакомы!
Будет конь у меня соловый —
Будет пегий, и будет рыжий!
И, рассыпав волос солому
На дорогу под вечер вышел.
Ждали деда и поздно, и рано,
Только видели, вроде, люди:
Говорят — он ушел к цыганам —
В табуны разномастных буден.

— Сами написали? — спросил капитан.

— Так сказать — выразил в стихах. Я ведь, как говорится, тутошний, товарищ капитан. В Верхососенске, что сейчас перед нами и пока еще под немцем, до войны жил, в районке пробовал авторского счастья. Не чаял, что освобождать малую родину доведется.

— Верхососенск, говорите? — Капитан отерся полотенцем, одеваясь, поглядел на Артура: — А до освобождения побывать в городке не хотите?

— Шутка, да?

— Какой там! В Верхососенске немцы возвели непонятную установку, что-то вроде радиостанции слежения. Вот нам ее и поручено пустить на воздух.

— Такая вредная станция?

— Да я, собственно, не очень в курсе. Знаю лишь, что при подходе к Верхососенску в наших частях теряется напряжение в электросистемах. Машины глохнут, рации умолкают. Словом — чертовщина своего рода. Вот десантируемся — разберемся. И тут местный человек нам дозарезу нужен.

Артур досадливо махнул рукой:

— Да не отпустят меня!

— Э-э-э! Вы не знаете наших возможностей. Если согласны пойти с нами в разведку — разрешение я обеспечу.

— Да я только за! Тем более, что стоять нам тут еще недели две. Самое малое.

Глядишь — к началу наступления и вернусь к своему взводу.

— А вот этого гарантировать никак не могу. Черт его знает — насколько затянется наш рейд. И потом — уж кто зачислен в наш отряд, тот выбывает из него разве что...

— Да понял я, понял, капитан!. А вы меня и не зачисляйте. Уж коли все можете, как утверждаете, то не надо меня вообще в ваши списки вносить. Пусть уж наше десантное командование запишет меня на время рейда в медсанбат. Для всех я заболел — делов-то!

— Не желаете в разведку насовсем?

— Куда уж я от своих воздушных пехотинцев? Тут у меня база, если хотите. Повязан я, капитан, со своими ребятами самым временем. Книгу пишу, с вашего позволения.

— О войне? — капитан глянул на Артура с новым интересом.

— Ну да, и о ней тоже. Поэтому из любой передрыги обязан вернуться к рукописи... Впрочем, капитан, — уже шесть утра — время поднимать братву.

— Да пусть поспят, не горит ведь!

— Устав есть устав, товарищ капитан. Это вашим разведчикам он не писан, а мы служим, как предписано. Тем и спасаемся, как говорится.

— Так я оформляю вас в разведку?

— В медсанбат, товарищ капитан. — Артур ступил на дворик, потянул свежий росный след к дороге.

— Ну, я и говорю — в медсанбат, — крикнул вдогонку капитан. — Подчищайте там концы, с вечера уходим за линию фронта... Не робей, лейтенант, у нас, гипербореяцев, закалка вековая!

Артур запнулся на полшаге, круглыми от бешенства глазами полоснул по капитану:

— Как ты сказал, служивый?!

— Гипербореяцы — это слово такое, вряд ли вами слыханное.

Артур вернулся к крыльцу, ткнул пальцем капитана в грудь:

— Выселки на Псковщине, протопоп Илия?

Капитан хлопнул себя по лбу, захохотал:

— А ты сержант из десанта, похититель бытописания?.. Вот так встреча! У тебя же, негодяя, дочка там осталась.

— Дочка?! У Наташки!...

— Ну да, лейтенант.

Артур стрельнул взглядом по циферблату на запястье, скороговоркой выдал:

— Сделаю взводу подъем и вернусь. Так еще раз уточним: вы — капитан Лепота, старика Парамона Агафоныча сын?

— Точно. Я еще пацаном был, когда вы с Наташкой задурили.

— Ладно. Бегу. В разведке поговорим, капитан.

И скорым шагом Горюнов отправился к своему взводу. Капитан видел, как через пару минут из низенькой двери хаты постоя голыми по пояс начали выскакивать молодые плечистые парни. «Тридцать три богатыря» — невесть отчего пришло на ум капитану, и он тут же, как от зябкого ветерка повел плечами: представил их убитыми.

Впрочем, и сам Артур Горюнов на расстоянии виделся таким же молодым и дюжим. Десантники после зарядки затеяли возню с гоготком и легкой перебранкой так, что отличить командира от прочих стало совсем нельзя.

Этот июльский день 1943 года на позициях обещал быть спокойным и бесконечным.

2.

— Войска в обороне — это организованные банды уголовников, от безделья способные на любую мерзость. А посему, — генерал Фриновский поднялся из-за стола, и его лицо ушло из круга света от настольной лампы. — Сидите, товарищи, —

из полумрака осадил он участников совещания. Постучал гильзой папиросы о портсигар, но закуривать не стал, вернул папиросу на место. — Так вот, наша задача — не дать солдатам вконец, как говорится, оборзеть, нужно все время держать армию в напряжении. Чтоб война не казалась медом.

Вдоль длинного стола в кабинете заместителя наркома внутренних дел сидели особы самого высокого ранга. Старший лейтенант НКВД Вениамин Полетика чувствовал себя тут явно не в своей тарелке, но гордыня от того только переполняла сознание. С такими людьми рядом, посмотрел бы братец Вадим! Брат ведь не знает, насколько приблизил к себе Венечку сам (!!) Фриновский после авиакатастрофы. В святая святых Лубянки вселил, вот ведь и нынче допустил на совещание, где ниже подполковника только он, старший лейтенант. Видимо, не зря пригласил, будет, наконец-то и для него настоящее, фронтовое дело. А то уже почти четыре года в органах, а все на подхвате, все протокольчики да мелкие допросы. Спасибо, правда, о производстве в очередное звание не забывали. А теперь, может, и капитана дадут... «Я чту партийный идеал. И Родину я чту, И верю, то, о чем мечтал, Я воплощу в мечту!». Стихи на краешке листа пошли легко, прямо для «Чекиста» пригодные.

Генерал зорко окинул взглядом комнату и мягко сказал:

— Вениамин, оставь карандаш, тут записывать не принято.

— Так это только стихи, товарищ Фриновский!

Кто-то из полковников хрюкнул в кулак, многие заулыбались: мальчишка, зачем только пригласили на столь серьезное совещание?

— Этот мальчишка, — пояснил Фриновский, — проявил настоящий героизм при авиакатастрофе. Он первым сообразил в горящем самолете сорвать противопожарную ткань со стенки кабины пилотов и накинуть ее на горящую канистру с бензином. Очаг он задавил. А огонь уже остальные пассажиры затушили. Летчики посадили обгоревшую изнутри машину на крошечную лесную поляну. Более того, товарищи, — наш юный коллега Полетика и в такой ситуации остался верен присяге: не допустил бегства перевозимых в самолете преступников. Применив табельное оружие, он застрелил цыгана-диверсанта и за всю эту операцию награжден, по моему представлению, боевой медалью «За отвагу». Поэтому усмешку некоторых из сидящих здесь считаю неуместной. Скажу больше — старшему лейтенанту нынче мы с вами поручим особо ответственное задание. Особо! — поднял он палец. — Сегодня, как вы обратили внимание, в моем кабинете нет стенографисток и ни одно — я подчеркиваю — ни одно слово отсюда не должно выскользнуть наружу. Вот лист — он пустил по кругу бумагу с текстом, — подписка о неразглашении. Прошу каждого расписаться... Полетика! Ну не карандашом же!.. Благодарю вас. Теперь о деле.

Генерал вложил лист с подписями в серую папку, сел на место, хлопнул по папке ладонью:

— Сначала познакомлю вас с последними донесениями с фронта. Надеюсь, что данные оперативников заставят вас проникнуться серьезностью момента.

Венечка уже был знаком с этими донесениями, ведь именно он и его отделение готовили документы для Фриновского. И без того зловещие, документы эти теперь, из чужих уст, воспринимались особенно остро. «Не спи, боец, Возьми, боец, Винтовку верную свою. Пусть знают мать, сестра, отец, Что ты погиб за них в бою»

— Полетика, отложите же, наконец, свой карандаш, делаю замечание. Итак, вот оперативное донесение: «Красногвардейцы 1121 полка Бутов и Немигайло в селе Клиницы Воронежской области, находясь в полосе обороны, совершили кражу с подворья 80-летней колхозницы Жженовой мешка картошки и четырех фунтов муки. На увещевания колхозницы пьяные красноармейцы ответили бранью, изнасиловали и задушили старуху. Вернувшись в расположение, они рассказали о случившемся командиру роты, старшему лейтенанту Георгиевскому. Вместо сообщения о ЧП по команде, офицер велел отправить продукты на кухню, а дом колхозницы с наступлением темноты сжечь с тем, чтобы скрыть следы преступления».

Документ второй. «Старшина 27 пограничного отряда, дислоцированного в районной станции Полатово, Глущенко за время затишья практически перешел на житель-

ство к железнодорожной рабочей Юдиной, самовольно оставив расположение части. В ночь на 14 мая сего года Глушенко и Юдина, по предварительному сговору, похитили из проходящего товарного состава партию закупленного на валюту лекарства пенициллин. На следующий день Юдина задержана на местном рынке, где продавала пенициллин, как противозачаточное средство».

«Жечь клеймом врагов народа, Как велит родной нарком, Буду даже в непогоду, Буду явно и тайком!». Полетика спохватился, зыркнул глазами по лицам сидящих и старательно спрятал карандаш под блокнот. На него сегодня буквально навалило вдохновение, но решил дальше не баловаться с записями, а просто запоминать строки.

— Документ третий. — Генерал держал темное лицо выше круга света, от того руки под лампой и бумага казались особенно белыми: «Развратные оргии в 72 прожекторном дивизионе. Отделение младшего сержанта Орланиной в полном составе при обильной пьянке устроило сцены раздевания прямо в штабе майора Горового. Причем, — генерал оторвался от документа, зорко глянул вдоль голов офицеров, — это преступление надо рассматривать не только как общеуголовное, но и как воинское, поскольку четверо прожектористок забеременели, что приравнивается к дезертирству из действующей армии».

Четвертый документ: «Лейтенант Гуров, командир десантной роты 5 танковой армии спас из горящего детского дома в городе Тюмени двенадцать воспитанников. На первый взгляд — поступок геройский. Но при этом выясняется, что лейтенант Гуров в день пожара обязан был находиться за тысячи километров, на хуторе Авдотьины Колодцы, в расположении части. Он же оказался в самовольной отлучке аж в Сибири».

— Что это?

Генерал отодвинул папку с донесениями и сурово переспросил:

— Как все это понимать?.. А понимать это надо, я вам доложу, как настоящий моральный развал войск, находящихся на позициях. Повальные пьянки, дебоши, самоволки и дезертирства. У особых отделов просто не хватает оперативников, чтобы уследить за всеми этими безобразиями. А ведь их надо еще и пресекать! И тут главное — генерал поднялся, вышел из-за стола, мягко заходил за спинами офицеров, — тут главное, как учит нас товарищ Сталин, опередить события, предупредить преступление. Ученые правоведы называют этот метод профилактики. И сейчас каждый из вас получит под роспись конверт с боевым заданием и сроками его исполнения. Для наглядности, так сказать, как образец подобного приказа, я при всех поставлю сейчас задачу старшему лейтенанту Полетике. А на следующем подобном совещании мы заслушаем его отчет по результатам командировки на фронт. Думаю, в случае удачи, опыт Полетики мы сделаем образцовым.

Венечка уже стоял, вытянувшись в струнку — руки с подрагивающими пальцами по швам. Генерал подошел к нему, опустил ладони на плечи Венечки:

— Присаживайся, сынок. Я думаю — настоящее боевое крещение ты пройдешь на тех самых Авдотьиных Хуторах, что упоминаются в донесении. Под твоё начало выделяется отделение бойцов и сегодня же самолетом вы отправитесь на передовую... Да ты сиди. Сиди...

«Вот оно — чудо великого дня. Родина выбрала только меня. Что мне награды, и что мне враги? Мне генерала слова дороги!»

— Я понимаю твоё волнение, сынок. Так вот — обращаю внимание всех присутствующих. — вы тоже получите в помощь по отделению особо подготовленных бойцов. И там, в отведенной для каждого полосе фронта ваши отряды проведут специальные операции. Вы, командиры, конкретные задания узнаете на местах, вскрыв свои конверты, а лично для тебя. Полетика, от меня еще и добавочка — по выполнении задания отравить все колодцы в тех самых хуторах.

— Зачем? — не понял Полетика и тут же испугался своего вопроса, — ведь это уже освобожденная территория?

— Затем, чтобы и санитарная служба фронта встрепенулась, — объяснил заместитель наркома.

— ... Сальери, — подал голос из-за стола тот самый хрюкающий полковник.

— Что? — не понял генерал.

— Ну... классический пример. Отравитель Сальери из Пушкина, — пояснил свою мысль полковник.

— Верно, — согласился генерал. — Вот и окрестим нашу операцию этим словом — операция Сальери. Пусть не дремлет фронт — великий музыкант. За такую встряску он нам же еще и спасибо скажет... Все, товарищи, к делу, спасибо за внимание.

И, следя за поднявшимися офицерами, Фриновский неожиданно сказал:

— Старший лейтенант Полетика! А сдайте-ка в шифровальный отдел ваш блокнотик. Пусть проверят, что у вас там за поэзия. Уж не зашифровал ли ты наше совещание, сынок?

3.

В Выселках оккупантами стояли финские егеря. Они в первый же день безжалостно и как бы брезгливо выгнали на улицу из домов всех их жильцов и пользовались людским добром, как своим. Протопоп Илия выкопал у кромки леса узкую землянку и жил там, каждый день заноса что-то в толстую коленкоровую тетрадь. Глядя на него, выкопали землянки и остальные.

Финны заняли и монастырь, хотя монашек не тронули: просто между строениями подняли утепленные палатки и заставили матушку Софию и дальше вести отлаженное производство. Теперь уже их грузовики, не таясь, увозили отсюда тюки белья и кружев.

На монастырь, и без того угрюмый, упала особая тоска. В знакомой горнице за жужжащими прятками сидели подруги по несчастью — сестры Надежда и Любовь. Они то напевали тихонечко в лад, то попросту переговаривались. Сейчас вот на полуобороте Любовь задержала ладонью деревянное колесо прялки и спросила:

— Сегодня вот стишок ночью пришел. Послушаешь?

— Все о своем десантнике вспоминаешь? Где-то он теперь, если жив? И где мой Савелий?... Господи, до чего же глупыми теперь кажутся все наши обиды. Да если бы не белые собаки, я сама сейчас воевала бы. Ведь я же на границе выросла — подготовлена не хуже иного бойца!

— Да... собаки... — Любовь поднялась, подошла к столу, отломала черного хлеба. — Голубь, Голубь, иди сюда.

Зевая во всю пасть, в углу поднялась белая собака, поймала хлеб на лету. Улеглась опять. Монашка кинул еще кусок другой собаке у порога.

— Стерегут... теперь-то чего стерегут? — спросила Надежда. — Небось, все теперь поганым достанется. И мы в конце концов тоже.

— Ну, нет! — мягко тронула колесо Любовь. — Собаки знают, что стерегут.

— И ты знаешь?

— Конечно! Немцы да финны все равно уйдут, а мы останемся. Правда, немере-но русского люда сгинет в этой войне. Вот нам, да таким, как мы, и придется наро-жать новых людей.

— Ого!

— А ты как думала? С автоматом тебе захотелось в атаку идти! Не бабье это дело.

— Но душа-то горит!

— Терпи, подруга... Знаешь — я раньше не говорила, но рискну. Глянь-ка в окошко — во-о-он у амбара горбун Гриша на деревянное колесо шину железную на-бивает. Ты думаешь — просто плотник? Как бы не так: он им, проклятым, все авто-мобильные колеса подковными гвоздями исконопатил. Вон у шлагбаума опять тягач разуют для ремонта, проклятые!

— Вот, уже и Грише невтерпеж! Сбегу, Люба, непременно сбегу. Собаку вот только окончательно отравлю... Ой!

— Что, что такое? — забеспокоилась подруга.

— Так чего мы ждем, две дуры? Если можно собаку отравить, значит — можно и этих, проклятых! — кивнула в сторону окошка.

— Вон ты о чем! — успокоилась и мягко засмеялась подруга. — Да я уж об этом мыслила. Только нет у нас яду, а у колодца — вон — два дуболома торчат бессменно. Напрасная думка.

— Вот и выходит, — досадливо вздохнула женщина, — бесполезные мы люди, ты сама признала. И гнут они нас, таких покладистых, как им хочется.

— Ну... не такие уж мы и покладистые. Простыни вон да белье тачаем, так оно все светится, словно сети рваные. Недолго им наше добро прослужит.

— Наше добро... — Сестра Надежда тоже остановила колесо прялки и повторила: — Добро. Какое же оно добро, когда служит злу?

— Ну, — тоже запнулась на полуобороте колеса собеседница, — а что делать-то?

— А все, что служит злу — должно уничтожаться!

— Ой! — зажала рот ладонкой Надежда. — Мысли у тебя — и те расстрельные.

За окошком двумя шеренгами протопала дюжина солдат. В их касках чугунно отразился солнечный свет, зайчик от блеска стального значка на груди фельдфебеля прыгнул на стену горницы и исчез под потолком. Приглушенно донеслась команда, солдаты развернулись, кинули карабины прикладами к ноге.

— Опять! — в сердцах Надежда задернула занавеску. — Гарнизон снова меняется — недобитков с фронта на отдых привели. То-то упьются к вечеру!!

Крупный и неудержимый июльский ливень внезапно упал на монастырь, ударил по крышам и зелени. Тяжко зашевелился и что-то сказал гром в небе. Любовь снова отодвинула занавеску и удивилась:

— Стоят, что твои истуканы! До нитки же вымокли, окаянные! — И мягко обернулась на вкрадчивый голос подруги.

— А мы их... подсушим...

— Что?!

— То самое. Как только заснут в лабазе на тюках, тут мы их со всем добром и отправим на небо разом.

— О-х-х...

— Да не стони ты, как квочка! Давай, начинай.

— Что начинать-то?

— Ну, стихи, ты говорила.

Женщины несколько минут посидели молча, потом Любовь зябко поправила на плечах кружевную накидку и прочла, полностью успокоившись к последней строке:

Кудрявый плотничек Гриша
На припеке спит, на песке.
Уснуть бы ему под вишней
В моем цветнике.
Строгая мати София
О полдне идет ко сну.
Занавесочку бы отвела я,
Села бы шить к окну.
Все глядела бы, как он дышит,
Как уста раскрывает во сне.
Прости меня, Господи, Гриша,
Сегодня приснился мне.

Ливень прекратился резко, словно его выключили. Финны так и стояли посередине двора, ошарашенные и мокрые. Стволы приставленных к ногам карабинов были

полны водой.

4.

Угрюмая, почти черная тайга сбегалась к самым берегам Витима, и группка плененных словаков с платформы грузового буксира тоскливо и безнадежно глядела на вековые леса. Здесь, на самой стремнине, гнус почти не появлялся над людьми и потому вся первобытная красота Сибири раскрылась им от самого нутра.

Поручник Нестор Обренович зябко потягивал на плече шинель. С того самого февральского дня под Белгородом, когда сдался в плен, поручник ее так и не снимал.

Плыли.

Конвойный старшина раскрыл пачку «Казбека» и протянул пленному офицеру:

— Закурюй, пан... Та не будь такой смурный: туточки, у Сыбири, вашему брату-словаку — поблажки е... Сеж-таки одной крови мы — шо хохлы, шо моска-ли, шо сербы.

— Словак я.

— Та це едино. А вийна — дило пидневольно — то и йижаку понятно.

Солдат-охранник с красными погонами пиликал на корме платформы на губной гармошке. Заунывно так, выматывающе. Винтовка его косо завалилась у плеча. Видно было, что многочасовое плавание утомило и конвой, и узников. «Когда будешь в Сибири, — вспомнил Нестор наставление отца Павле, — то не пытайся бежать. Там по трактам и берегам рек крестьянам еще с царских времен золотом платят за поимку беглых».

— Та и куды тут бигты? — старшина курил мощно, сильными затяжками, — до першого миста с тыщу километрив набежит. А у тайге токи на видмидя шатучего можно наткнутися, або на лагерь с бандюками да охраной на вышках.

— Медведь шатучий? — не понял Нестор, — это разновидность такая?

— Ну да. Зверюка такой, ведмедище.

— А жители местные часто встречаются?

— Та бывае... Тике вони часом хуже шатуна. Вот було, — оживился старшина, припомнив свое: — Я ж тут ще до вийны конвоиром служу. — Так вот из-под стражи и утик одын... як это по-росийски?.. фа-ль-ши-во-монет-чик! — с удовольствием выговорил старшина. — Тягавси вин по тайге, а на семый день наткнулся на заимку.

— Заимка что такое?

— Така охотничья стоянка... А мы уже и рукой махнули: сгинув, думали. Мене и не наказали даже. Ведомо ж: коли выжив — то охотники сами нам его и выдадут с головой. Та-а-а...

— Им за это платят?

Старшина развернулся всем корпусом, в упор рассмотрел словака и погрозил пальцем:

— Ны суйся у це дило... Так вот. Мисяц, другий — про биглого ни слуху, ни духу. Порешили — видьмак задрав. А тут удруг старовиры-артельщики пороху купувалы у сильпе, а заплатили самодельными карбованцами. Ну, мы их поприжали — они и привели на ту заимку. Так повирышь — наш биглый и там уже наладився деньгй малюваты. Крестьянам заплатыв, понятно, бильшь, кабы за его поимку держава дала. Мы его, понятно, закувалы у кандалы, да тике слышно, шо вин опять в бегах.

— Что — плохо рисовал?

— Куда как гарно! То ж его беда, что не ведал: у тридцать девятому роки держава сторублевки не печатала, а вин цим годом свои бумаги и пометив! На тому тоди и погорив, горемычный.

Солдат на корме спрятал гармошку в кармашек, лениво потянул за ремень и поднял винтовку. Над баржей кружила огромная серая птица:

—... Стервятник, — полувыдохнул старшина, словно боясь спугнуть птицу. Задрав головы, за ней теперь следили все.

Стучал дизель.

— Така ж тварюга и на иконе була, — все так же вполголоса произнес старшина и крикнул: — Пали, разиня!

Выстрел хруснул, гулко прошелся над водой, ушел в тайгу, в далекие горы. Птица, даже не дернувшись, величественно взмахнула крыльями и по большому кругу ушла от реки. Пленные сразу забыли о ней, опять сидели, опустив головы. Пиликала гармошка.

— На какой иконе? — еще не веря в удачу, переспросил Нестор.

— Це ще коли мы того поганого рисовальщика брали, вин церковь у силе пид Канском размалевував. Там ще дид старый на его шумив: не можно, крычав, Святого духа замист голубя кречетом рисуваты! Це ересь супротив православия. «А еще сыщи в Сибири церковь с птицей кречетом вместо голубя под куполом: то и будет тебе первый знак» — пребольно застучали в висках слова отца Павле и Нестор осторожно спросил старшину:

— Как зовут художника-то?

— Що карбованци малював? Та вин из жидов хрещенных, Ионой кликалы... Чого ты всполошився, словак? У Сибири туточки народу нескитано, усяких племен есть.

— И не поймали его до сих пор?

— Иону-то?... Не, его старовиры прячуть. Розумиють: чоловик вин доходный, лубу грамотку справить горазд.

Плыла баржа по Витиму.

Одинокый охотник по-звериному быстро и чутко скользил меж деревьев по берегу, все норовя взять на мушку карабина пленного в офицерской шинели на барже. Но охотнику мешали ветки, и он старался забежать вперед, чтобы стрелять навстречу судну. Гнус сеткой висел над ним, лепился к ресницам, но охотник улучил-таки момент, щелкнул курком. Мягкая подошва охотника скользнула по голому корневищу, он упал, ударившись задом и досадливо, но тихо, выдохнул:

— O, main Got!

Потом резво поднялся и раздвинул ветки: проверял — попал ли?

Старшина с удивлением глядел на пленного офицера, который медленно заваливался на бок. Прямо под левым плечом у Нестора расплзалось по шинели алое пятно. Конвойный подхватил словака под мышки, но тот сквозь зубы простонал:

— Я выживу, мне нельзя умирать... Мне нужно к протопресвитеру Алексею Романову в Белую Русь...

Старшина грубо зажал словаку ладонью рот, воровато озирнулся по сторонам и крикнул солдату-конвою:

— Помогите опустить раненого в трюм, оглобля! Эй, конвой! Всем лечь на палубу, не будьте мишенями.

Как всегда в моменты опасности старшина говорил по-русски, и этим чувство тревоги передавалось окружающим. Легли и заключенные, и конвоиры и теперь с берега виден был лишь невысокий борт баржи.

Стучали дизели.

Чуткий охотник напролом уходил вглубь тайги. Он нес с собой весть о том, что словак убит и первого знака отца Павле уже не ищет никто.

5.

Командировка в немецкий тыл закончилась для капитана Вадима Полетики совсем неожиданно. Признаться, готовя отчет о ней для наркома, Вадим уже сомневался: стоит ли теперь упоминать о прихваченной рукописи? Хотя так же без всякого сомнения офицер написал параллельный отчет Жукову и начал его именно с этого происшествия. «Довожу до вашего сведения, что в деревне Выселки подо Псковом, при выполнении особого задания НКВД, я вышел на прислужника оккупантов, священника Илию. По условиям задания предстояло устранить Илию, но я не пошел на

это, обнаружив в доме протопопы рукопись, аналогичную известной вам книге под заголовком «Гиперборей». Как и в книге, в найденной рукописи предвосхищаются события грядущих боев с фашистами. Полагаю, что рукопись может представлять для вас особый интерес, поскольку провидческий характер книги уже подтвержден имевшими место событиями настоящей Отечественной войны. Рукопись прилагаю. Протопоп Илия оставлен мною на захваченной территории. Моцарт».

Вадим взвесил на руке солидную тетрадку в коленкоровом переплете и вернулся к только что написанному рапорту. Зачеркнул слово «рукопись» и переправил: «копию рукописи». Как бы там ни было, решил он наконец, но настоящую рукопись надо передать Берии. Иначе не оправдать своего поведения в отношении к изменнику Илие, да и шила, как говорится, в мешке не утаишь: вдруг какой-нибудь писатель снова отправит «Гиперборея» в журнал? Кстати, отметил для себя, надо бы выяснить, где теперь находится Василий Горюнов, столь взбаламутивший обстановку в наркомате перед войной?

Вадим Полетика мельком взглянул на большие настенные часы между окнами, прикидывая, за какое время он успеет переписать тетрадку: доверять копирование он не мог никому.

На звонок вошла официантка наркомата, принесла чай в подстаканнике, четыре кусочка рафинада, печенье.

— Вадим Юрьевич! — невзначай она задела капитана бедром: все-то вы чай да чай, да еще «Беломор» вон... В буфете нынче буженина свежая только из копильни. Принести под рюмочку?

— Спасибо, Тонечка. При моем довольствии только чаи гонять...

— Остальное небось на женщин тратите? — официантка поставила блюдце с печеньем с другой стороны, толкнулась другим бедром.

— Куда уж мне при моем малом звании? — засмеялся капитан. — Женщины — они полковников любят.

— Так пробивайтесь в полковники, Вадим Юрьевич! Хотя, — официантка освободила поднос, подняла его на вытянутых пальчиках, — я бы и капитану по гроб жизни верная жена была бы... Так принести буженину?

— Тонечка, — прижал ладони к груди капитан, — не до того, милая.

Она задержалась на секунду, вскинула ресницы:

— А до чего же, Вадим Юрьевич?

И тут что-то щелкнуло в голове капитана. «Чем черт не шутит, — дерзко подумал он. — Уж с нее спросить никому и в голову не придет!» Вадим игриво приложился ладонью к затылку официантки и спросил:

— У тебя почерк хороший.

Она опустила поднос на стол, присела на краешек соседнего стула.

— Кал-ли-гра-фи-чес-кий, — вставляя произнесла она и добавила: — у своего дядюшки-дядка с детства молитвы перебеляла... Ой!

Она испуганно зажала рот ладошкой и враз посерела. Аккуратно поднялась, оправила фартук и взяла поднос:

— Теперь меня уволят из буфета, товарищ капитан?

— За что, Тонечка?

— Ну, как же... В анкете я написала — дочь крестьянина.

— А это не так?

— Так... но дядя...

— Дядя, милая — это другая семья, ты за нее не отвечаешь. Ведь ты же атеистка?

— Ну конечно... Но ведь вы теперь обязаны все равно написать обо мне рапорт, я знаю.

— Ничего ты не знаешь... впрочем, если хочешь, чтобы я тебе помог, то помоги и ты мне. Да присядь же ты наконец! Готова?

Девушка присела на тот же краешек стула и откровенно зарделась:

— У меня жених есть, товарищ капитан, десантник на фронте..

Полетика с досадой всплеснул ладонями:

— О чем ты, Тоня! Ну — как не стыдно!... Мне просто нужно сделать грамотную и красивую копию с одной рукописи. Это не секретный документ, для чего нужен особый допуск, а просто лесная сказка. Ты сама из тайги?

— Из-под города Канска.

— Ну, значит предмет сказки тебе знаком. Тут около трехсот страниц, за сколько времени перепишешь?

— Да я... за один вечер, товарищ капитан!

— Ну, не станем использовать твое личное время. Вот я сейчас позвоню начальнику ХОЗу и скажу, что официантка Антонина Наказных остается в числе прочих готовить читальный зал к завтрашнему совещанию санитарных врачей наркомата, прибывающих из частей. Вместо этой работы ты и пиши.

— А как же зал?

— Да он уже подготовлен! — рассмеялся капитан, — там уже плакаты с разновидностями бешеных собак развешаны. Заполонили, понимаешь, одичавшие псы всю страну. На людей кидаются, заразу разносят. Нарком ставит задачу стопроцентного отстрела таких собак по всей стране, особенно в прифронтовой полосе. Впрочем, это неважно... Вот тебе, Тонечка, — офицер раскрыл створку стола, извлек нераспечатанную пачку писчей бумаги, со стола взял тетрадь-оригинал и пачечку фиолетового чернильного порошка.

— Чернила разведешь, как умеешь. Сейчас половина десятого утра. К вечеру, надеюсь, тетрадка будет перебелена. Я могу попросить тебя никому не говорить об этой работе?

— Да я... да товарищ капитан, разве я посмею трепаться? Знаю, где служу... пока.

— Вот и умница. Но служишь ты не пока, а сколько потребуется Родине. К делу, девочка. А я, с твоего позволения, прилягу вот на диванчике. Поверишь — почти трое суток не спал, из-за линии фронта возвращаясь.

И он улегся, свернувшись калачиком и даже не сняв сапоги. «И почему не отдал рукопись машинисткам?» — забеспокоилась Тоня, вскрывая чернильный порошок. И еще не читая тетрадки испугалась. Ведь все машинокопии, она знала, нумеровались и становились документами. А тут ей велено сделать нештатную работу. Это под носом у самого Берии! «С огнем играет капитан... Дернул же нечистый проговориться о дядюшке-дядчке... Нет, тут нужно как-то выкручиваться», — лихорадочно соображала девушка, распечатывая пачку бумаги. «Как?»

И тут она вспомнила о приставах липучего брата капитана, Венечки Полетика, недавно объявившегося в наркомате. «Держись меня, боевая подруга, в любой трудной ситуации выручу!» — как-то сказал он Тоне, прижав в уголке коридора. Тогда она ловко вывернулась из-под его локтя, а теперь поняла, что Венечка и впрямь может пригодиться.

Она испуганно оглядела рабочий стол капитана. Ничего лишнего. Лишь у края, за лампой, лежало в серой почти пустой пачке несколько листов копировальной бумаги.

(Продолжение второй книги в следующем номере)

АНАТОЛИЙ АВДЕЕВ

КАТЕРИНА И ИВАН

Рассказ в стихах

От автора

Была в этом рассказе женщины такая боль и тоска по ушедшим из жизни близким, что я безоговорочно поверил в безграничную ее любовь к ним. Но почему же тогда, спрашиваю себя, случилось так, что родные ей люди жили полузабытыми? Кто виноват в том, что в уже далекое от войны время живут и умирают сиротами родители наших родителей в заброшенных их детьми старых домах?..

Однажды,
В смерть свою поверив,
под жизнью подведя черту,
все перебрав и соизмерив,
ты сам себя отдашь суду.
И, не стыдясь,
уже без риска,
зажатый недугом в кольцо,
откроешь ты свое лицо
в предсмертной исповеди близким.

Я ехала, гонимая стыдом,
в забытый всеми нами дедов дом,
где в одинокой старости жила
Екатерина — дедова жена.
Она, оставшись верною солдаткой,
возможно,

что одна на всю страну,
склонив лицо
над внучкиной тетрадкой,
писала письма мужу на войну
и верила: ее Иван живой.
Ее Иван воюет — он герой!
— Иван! —

Она надрывно в дверь кричит,
но всякий раз в ответ ей ночь молчит...

Мой славный дед, ты умирал, винясь —
любовью, смертью,
совестью гонимый —
счищал с себя невидимую грязь
перед своей женою Катериной.

Но, так и не оттаявши с войны,
дрожало сердце у твоей жены,
в котором шел обильно черный снег —
так разум мерк...
Ты, муж ее, отец ее детей,
остался там —
в плену среди смерчей,

над ней прошедших
страшной черной тучей,
напомнивших ей свастику паучью...
И слышал ты лишь безысходный вой
из уст твоей жены, совсем больной —
то плакал, наклонившись над тобой,
рассудок, искалеченный войной.
Выходит, что и время ходит вспять!
Иначе как же вновь могла забрать
ушедшая в года беда войны
израненного мужа у жены?!

Жена не пожелала стать вдовой.
Она опять ждала с передовой
от мужа вести сладкой и скупой,
написанной мозолистой рукой.

Опять жила от бед черным-черна
ненавистная женщине война,
забравшая покой и мир когда-то
в ее семье,
у всей ее страны.

Так кое-где,
скорбя со стороны,
стоят живыми сиротами хаты:
сутулятся,
дряхлеют,
но живут —
они с войны своих хозяев ждут.

Вошла в заросший крапивою двор.
Дом обветшал,
осунулся с тех пор.
Чертополох стеной стоит на грядках
и пялится колючками в меня.
И тут же рядом,
только за оградой,
соседа улы пчелами звенят,
передо мной построившись в параде,
как в противоположность двум дворам.

И ради любопытства детвора
многоголосьем мне:
— Скажите,
тетя,
вы к нашей Кате-дурочке идете?... —
И я,
сторая в собственном стыду,
сказала им,
что к бабушке иду.

Вошла в избу, и нос забила мне
зловонная запущенности прелость.
Как сильно в ту минуту захотелось
назад,

за дверь,
и словно в жутком сне
стояла я,
как поступить, не зная.

Не приведи господь
такое с нами.

Обрадовавшись, бабушка моя,
живой душе,
меня не признавала.

Все говорила,
что Иван в боях
дослужится до чина генерала
и что на днях вернется он домой —
ее Иван —
ее живой герой.

Что соберут они тогда в свой дом
всех сыновей за праздничным столом,
и внуков им опять оставят дети.
И хорошо, что есть на белом свете
родительская светлая любовь.

И от всего услышанного бровь
непроизвольно в тике заходила.
Всех

простодушно
бабушка просила
прийти на праздник к нам после войны.
Но смогут ли приехать к ней сыны?..

Давно никто не ездит в дедов дом.
Никто не знает ничего о нем.
Случайно

год назад узнала я,
что бабушки не стало у меня.
Ее,

не написав сынам о смерти,
похоронила дальняя родня,
а мне недавно в заказном конверте
пришла тетрадка школьная моя
с коротеньким письмом моей подруги
и с фото, на котором дед за плугом
стоит в послевоенные года,
и фронтовая дедова медаль...

Смотрю в листы исписанной бумаги,
и в сердце жар от чувств, как от огня.
Стоят слова в своей немой отваге
и виновато смотрят на меня.

Слова жены —
из мирных дней — солдату,
на фронт —
в войну,

из русской старой хаты
ослабленной написаны рукой:
«... За нас, Иван, себя не беспокой...
Бей крепче гадов и вернись живой...
Попробуй там найти старшего сына...
Целую.

Остаюсь твоей женой
до смерти.

До свиданья!
Катерина».

ПЕТР БРУДКОВ

БЕЖЕНЦЫ

Я видел июнь сорок третьего года,
Как женщин, детей бесконечный поток,
Нагруженный скарбом, в любую погоду
От дыма зловещего брел на Восток.

Родные края с пепелищем остывшим
Тогда породнились, как с горькой судьбой,
Бросали дома, поклонившись могилам,
Живое все люди вели за собой.

Я помню июль. Ничего не забыто.
Устало коровы телеги везли.
Казалось, избитые в кровь, их копыта
Ступать уже больше на тракт не могли.

А немцы из пушек по беженцам били,
Снаряды рвались на несчастье людском,
Но люди в упряжках буренок доили —
Поили голодных детей молоком.

Встают перед взором живые картины,
И явственно вижу, как будто вчера,
Как мирный народ подрывался на минах,
Почти как в бою, лишь без крика «ура».

Года пролетели, а вижу воочью:
Горящий Ржавец, и в огне Подольхи,
И дым от пожарищ, как черные ночи,
И пахара кровь на обломках сохи.

Как ветер в порыве своем леденящем
Дорогою гонит упавший листок,
Так люди на сердце с тоскою щемящей,
Спасаясь от смерти, брели на Восток.

Брели и брели от родимого крова,
Кляня молчаливо те горькие дни,
Но верили твердо русские вдовы,
Что все-таки к дому вернутся они.

ПЕСНЯ-ПАМЯТЬ

Я в песне выстраданной, вольной,
Меж строчек слышу стон и крик,
Когда в победный день раздольно
Поет бывалый фронтовик.

Та песня памятью зовется,
Насквозь пропахшая войной:
«...А молодого краснофлотца
Несут с разбитой головой.»

Я словно вижу на утесе,
Что на века остался свят,
В кольце врагов того матроса
С последней связкою гранат...

Он сам пришел из Сталинграда
В пожар Берлинских грозных дней...
И песня, словно канонада,
Звучит для нынешних людей.

ПОРТРЕТ

Не спит старушка, небо просит
Вернуть надежду прошлых лет,
Через стекло лишь лунный отсвет
Печально льется на портрет.

Неутолимая тревога
Лишает радости и сна:
Перед глазами сын, дорога
И та проклятая война.

Был сын врачом в санбате энском,
Гремел войны девятый вал,
И в сорок первом под Смоленском
Родимый без вести пропал.

С тех пор жила надеждой робкой:
Пропал — не значит, что убит,
Случайно в дом далекой тропкой
Зашел к старушке инвалид.

В беседе тихой, немудреной
На них глядел сквозь горечь лет,
Со стенки, чисто побеленной,
Поблекший памятный портрет.

По хате гость пошел несмело,
Ногой протезною стуча,
И... замер вдруг оторопело,
Узнав военного врача.

Он вспомнил топкие болота,
В кольце измотанный отряд,
Военврача у самолета,
И стоны раненых солдат.

Дрожал от взрывов, мин, снарядов
На сотни верст сосновый бор,
А военврач с горящим взглядом
Врагов расстреливал в упор.

...Сгущался сумрак в комнатухе,
Закат за рошей отдымил,
И инвалид перед старушкой
В поклоне голову склонил.

— Спасибо, мать, за чай, заботу,
За все, чем в этом мире жил:
В последний миг в том самолете
Ваш сын мне место уступил...

...Лежит нетронутой подушка,
От лампы кроткий свет горит,
Всю ночь не спит в избе старушка
И тихо с сыном говорит.

НИКОЛАЙ ГЛАДКИХ

* * *

Мой отец убежал воевать
 Лет в пятнадцать, недолго готовясь,
 Но его престарелая мать
 Упала, моя бабушка, то есть.
 Она полк догнала и, пока
 Отдыхала пехота под тыном,
 Безутешного сына полка
 Снова сделала собственным сыном.
 Шестьдесят тогда было ей лет.
 Старших с Богом на фронт проводила,
 И остались отец мой и дед —
 Ей для нужд укрепления тыла.
 В этом самом злосчастном тылу
 Мой отец, подорвавшись на mine,
 Без ноги шкандыбал по селу,
 Непокорный «гражданской» судьбине.

МЕКЛЕНБУРГСКИЕ
ВОСПОМИНАНИЯ

Я с немцем толковал за кружкой пива.
 За кружкой он был, я, считай, за бочкой.
 Рассказывал он мне неторопливо
 Про все, что было, как на ставке очной.
 Он говорил: «Меня призвали в вермахт
 Аж в тридцать лет.
 Я был восточным пруссом.
 Мне крупно повезло — судьба, наверно, —
 Я сразу в плен попал под Старой Руссой.
 Я был никто, ни в силе, и ни в чине,
 И очень скоро заболел чахоткой,
 Но ваши замухрышек не лечили,
 Меняли на кого или чего-то.
 Жена меня в Шверине отходила
 Своим усердьем и альпийским чаем,
 Хотя меня уже ждала могила —
 Места для них мы загодя скупаем.
 И по сей день я помню «мать вашу»,
 Пью из горла и даже моюсь в бане,
 Но пуще смерти ненавижу кашу,
 Не кашу даже, а ее название». —
 И, будто ставя в разговоре точку,
 Он заявил — глаза его блистали —
 «Ты если хочешь, сватайся за дочку,
 Она по-русски шпрехает, как Сталин.
 Она у вас была в штабной работе
 И с вашими солдатами якшалась,

Потом служила при газопроводе,
 Ну, в общем, к нищете питает жалость». —
 Я был доволен эдаким итогом —
 И я с ними работал и якшался,
 Ходил под их сребролюбивым богом,
 Наперстком пил, но мать их не трогал,
 Не видел в этом для удачи шанса.
 И забывал про кашу и про баню,
 Когда с германцем пил я мировую,
 Но вдумываясь в ихние названья,
 Я ощущал не жалость роковую.
 Потемная душа моя болела,
 В стерильную окутываясь плесень
 Исправного филистерского тлена.
 И я все ждал, когда б меня из плена
 Судьба освободила по болезни.

В ДЕНЬ НАЧАЛА ВОЙНЫ

Есть в родимом селе
 Над высокой могилой братской
 Место скорбное славы солдатской
 На цветущей земле.
 Это памятник, где
 Среди прочих, а их здесь немало,
 В камень врублены инициалы
 За фамилией русской — Н.Д.
 В день начала войны
 Я приду, как всегда, к обелиску,
 Где деревья склоняются низко,
 Будто с чувством вины.
 — Здравствуй, дядя! — скажу, —
 Ты родного признал человека?
 Я почти уже целых полвека
 Твое имя ношу.
 Неизвестно, когда
 И в какой стороне погребенный,
 Он ушел, еще полуребенок,
 И ушел навсегда.
 И горит, и горит,
 Как горела земля под ногами,
 Негасимое, вечное пламя
 Среди мраморных плит.
 Словно сквозь забытье
 На гранитные инициалы
 Я взираю. Ни много ни мало —
 Это имя мое.

НИКОЛАЙ ГРИЩЕНКО

ПАВШИМ ЗА РОДИНУ

Убитый никогда не побежден!
 Живые побежденными бывают.
 Зловещий ответ вражеских знамен
 Погибший воин кровью отмывает.
 Упавший на колени — это трус,
 Но павший воин трусости не знает,
 И та земля, что отдана ему,
 В душе его свободою сияет.
 Ведь в душу он врага не допустил,
 Хотя над телом танки грохотали,
 О сколько, сколько дорогих могил
 Поныне нашу землю охраняют!
 И светятся над ними огоньки
 Солдат, упавших на траву июня, —
 То душ их бесконечные полки
 За нашу землю с тьмою зла воюют...

КОНТРАТАКА
ПОД ПРОХОРОВКОЙ

Война,
 Отечество,
 атака...
 Рывок последний на врага...
 И осени густая слякоть,
 и подмосковные снега —
 уже история, но поле
 опять встает перед судьбой,
 и подает команду: — К бою! —
 комбат, который принял бой
 еще в июне, у границы...
 И вот с тех пор бои, бои...
 За златоглавую столицу,
 За Сталинград, за неба синь...
 А новобранцам бой неведом,
 они не знают, что почем,
 но командир кричит:
 — Победа! —
 За нами! Родину спасем!
 И поднимает дух атаки
 солдат в июльские поля,
 а впереди грохочут траки
 и танки по хлебам пылят...
 Идут железные лавины,
 и плавит землю шквал огня,

комбат уже прошит навывлет,
 но бой остановить нельзя...
 И те, которые по полю
 идут в стремительном броске,
 последнюю исполнят волю
 от гибели на волоске...

ПЕРВЫЙ БОЙ

(рассказ начальника заставы)

...От взрывов оглох
 искореженный воздухом,
 и падали в небо
 обломки ветвей,
 и капли смолы,
 будто ржавые слезы,
 стекали и стыли
 на битом стекле...
 Застава дымилась.
 Солдаты, припав
 к изодранной в клочья земле,
 цепенели,
 и я, задыхаясь, им крикнул:
 — Вставать!
 И к бою,
 и к бою...
 Скорее,
 Скорее!
 Я шел в этом крике,
 в крови и в огне,
 и каждая ветка
 взывала к отмщенью,
 когда по своей
 обожженной земле
 я вышел с бойцами
 навстречу сраженью.
 Я видел,
 как первый фашистский солдат
 упал,
 натолкнувшись на первую пулю.
 Я долго кричал,
 задыхаясь:
 — Ура!
 когда их атака
 огнем захлебнулась...
 И вот я вернулся к заставе своей.
 Теперь здесь один
 из моих сыновей.

НИКОЛАЙ ГРИБАНОВ

ТЕТКА АКУЛИНА

Баллада о матери

В погожий день с весны до поздней осени
Сидит на большаке седая женщина
И на дорогу без конца глядит.
К ней шофера давно уж попривыкли,
Иной, открыв кабину, громко спросит:
«Что, мать, опять пришла на вахту?»
Она не отвечает и не злится,
Из-под руки посмотрит на машину,
Ее проводит далеко глазами
И вновь задумается о своем.
Автобус остановится — она
Вдруг встрепенется и вперед подается,
Она ни у кого и ничего не спросит,
Пытливо только вглядывается в лица,
Как будто бы кого-то узнает.
И, не найдя того, кого искала,
Опустит голову, полусогнувшись, долго
Сама с собой о чем-то говорит.
У ног ее всегда лежит котомка
Да старая березовая палка,
Натертая ладонями до блеска.
Ее приветствуют и стар, и мал,
Она в ответ кивает с тихой грустью.
Лишь поздно вечером она большак покинет,
Чтоб утром вновь занять свой трудный пост.
Седая женщина под вздохи ветра
Сидит на большаке вдвоем с полями
И терпеливо сына ждет с войны.
Поля печалятся и все своей машиной
Как будто на дорогу смотрят тоже.
С полями вместе двадцать лет назад
Она на зорьке сына проводила.
За двадцать лет большак ей стал родней.
Хотя она ссутулилась, а он помолодел,
Они друг друга с полуслова понимают,
Большак ей молчаливо обещает,
Что сын вернется из чужих земель.
...Велик день летний.
Сколько дум за день столпится,
Что им и в поле поместиться трудно.
И всей толпой идут они за сыном,
На ум приходит тетке Акулине,
Каким душевным был ее сынок,
Ему лет десять было иль двенадцать,
Болели зубы у нее надсадно,
Она тогда и плакала не раз.
Сын от нее весь день не отходил
И плакал вместе с ней. Ее глаза
Своей рубашкой вытирал от слез...
Или ей кажется, что вот-вот из оврага
Вдруг выскочит русоволосый мальчик

И скажет радостно и звонко: «Мама,
Гляди, какую птичку я поймал».
Молчат овраги. В распростертом небе
Кричит надрывно птица полевая,
Как будто стонет. Видно, враг какой-то
К ее птенцам подкрался ненароком,
И ветер носит ее стоны над полями.
Забылась тетка Акулина. Небо
Запеленало солнце в одеяло синее,
Держало на весу, к груди прижав.
Вот так когда-то и она, счастливая,
Носила маленького Колю на руках.

Их было двое — мать и он,
Ее русоголовый Колька-плотник.
Года катились, будто на колесах,
Она старела, он мужал.
Он топором мог дивно колдовать,
Тесал березу, и береза пела,
И пел топор свою стальную песню.
С него стекали солнечные блики
И зажигали белую кору.
Вставал до света молодой хозяин,
Отделявал узорные наличники
Или вырезывал коньков и птиц.
А после завтрака спешил на общий двор
И до заката топором уверенно и бережно,
Как врач, выстукивал грудь древесины,
Давая дереву другую жизнь.
Украдкою мать сыном любовалась,
И все мечтала о снохе красивой,
И видела во сне русоголовых внуков...
Война в их дом вошла с повесткой,
Вторично — со зловецей похоронкой,
И стала мать с тех пор
Жить только сыном.
Так не было, пожалуй, даже в дни,
Когда живой он на глазах ее ходил,
И все ждала его, ждала...
Грустили у окна задумчивые вербы
Под невеселым равнодушным небом.
Ходил я в школу мимо ее хаты,
Стоявшей одиноко у реки.
Она меня встречала ежедневно
И все просила: «Милый, разужнай,
Я думаю, ошиблись там, в Москве,
Мой Коля жив, я чувю, жив он.
А может, он в больнице, а не то — в плену».
И вытирала красные глаза.
И все глядела и глядела в землю.
Война ей принесла морщины и седины
Да горький взгляд куда-то в пустоту.
Видать, полынь-трава прокралась в сердце
И проступила та полынь на голове.

Всю ночь луна, венец надевши белый,
Ходила в одиночку под окном.
Теперь у них семья —
 считай, «втроем» живут,
Пожалуй, только внуков не хватает.

А сын погиб в Смоленске, в сорок первом,
Он разнесен был на куски снарядом.
Не знал никто, чьи руки в землю вбиты.
Не знал никто, чьи пальцы моет дождь.

А тетка Акулина в это время
Картошку у реки копала.
С трудом вгоняла ржавую лопату
В сухую землю.
И одна мечта
Кружила и кружила возле сердца:
Чтобы беда лихая
Единственного сына обошла.
Она об этом говорила еле слышно
Земле и солнцу,
Ветру и реке.
Вставляли над рекою зори алые,
Вставляли, уходили, приходили вновь.

Шумела жизнь...
Цветы цвели и увядали,
И вновь цвели...
А над землей живою
Крепли песни.
И так хотелось тетке Акулине,
Чтоб это все
Хотя на миг какой
Увидел и услышал Николай.

«Кто виноват, что сын мой муки терпит?
Кто виноват, что не со мною он?
Живого места нету в моих жилах,
Иголками исколото все сердце,
Да разве я одна теперь такая?
Таких нас больше, чем в мешке просинок,
Вить сколько
Не доделали делов,
И сколько песен
Не допели люди.
А все ж таки от каждого, поди,
Какой ни есть,
а след остался.
Не умер, стало, вовсе человек».
Когда приходится идти ей по селу,
Она глядит, глядит часами все на избы,
Что были срублены его рукой,
Глядит на избы и сыном гордится.
«Теперь такие избы стали строить,
А Коля — он бы строил людям от души,
И свой домишко бы подпер плечом».
Меня увидевши,

Заговорила без вступлений.
«В колхозе вот невольорот работы,
Намедни председатель говорит:
«Эх, мать, кабы Микола твой вернулся,
Доверил бы контору ему строить,
Он бы отгрохал нам такой дворец».
Вот видишь, людям-то
Мой сын был по сердцу.
И даже карточку его забрали: сказали,
Что повесим, мол на стенку,
Пусть молодежь, мол,
Знает, что за люди были.
Ходила я глядеть
На эту доску, почетную.
Под карточкой подписано — погиб...
На фронте...
По-геройски жизнь отдал...
Погиб! Да разве может он пропасть,
Коли народ весь
И теперь желает ему счастья!»

Среди полей широких
Маленькая женщина
Сидит и сына ждет с войны.
Ее тоска огромнее полей,
Огромней неба,
 что спустилось к матери.

И синий плат
На плечи ей набросило.
Над нею солнце
Распростерло крылья золотые,
А горе подсекает эти крылья,
Над нею небо чистотой сверкает,
А горе затуманивает небо.
И небо

 маленьким становится, с овчинку,
Ночами же,
Для тетки Акулины очень длинными,
На печке лежа,
Видит вновь большак.
Но только небо сине-синее, как в сказке,
И солнышко веселое, как в детстве,
И поле все горит в цветах весенних,
И сын ее, ничуть не постаревший,
Шагает по дороге прямо к ней...

О горести, пришедшие с войной!
На воз вас не повьешь,
 не бросишь в море.
Полынные войны посева
И потеперь еще то здесь, то там взойдут.
Десятки лет седая мать ждет дива,
Стоим мы с нею долго у реки,
Над хатами, поднявши гордо гривы,
Куда-то скачут, чудо, как красивые,
Умельца-сына детища-коньки.

ИГОРЬ ИНЮТИН

ОСКОЛОК

Двинькнет тятка от боли —
 Я склонюсь, как магнит.
 Это полюшко-поле
 Вечный подвиг хранит.
 Проржавевший осколок
 У груди положу.
 Но кольнет вдруг укором,
 Что лишь рядом держу
 Его тяжесть, в кармане,
 Не рискуя собой,
 Что лишь память он ранит
 Той, священной судьбой.
 Ну, а если б под сердце,
 Если б быть в том бою,
 Где смертельные песни
 Злые пули поют?
 Как же сил им хватило

Сталь в себе пронести,
 Растворить ее в жилах
 И полмира спасти?

ПАМЯТЬ

Кто сказал, что руин и воронок
 Нам теперь днем с огнем не найти,
 Что угольничек похоронок,
 Как осколок, в сердца не летит?
 Нет, остались раненья — воронки
 На священных солдатских телах,
 И несут, все несут похоронки
 Поседевшим любимым во снах.
 И пока они ходят и дышат,
 И пока они песни поют —
 Я войну ту и вижу и слышу,
 И у боя стою на краю.

ИВАН КРУПА

ШЛИ СОЛДАТЫ

Я стоял босоногий
 В придорожной пыли
 Не по возрасту строгий,
 А солдаты все шли.
 На восток — не на запад...
 Что ж вы нам принесли
 Дыма едкого запах?
 А солдаты все шли.
 Что ж вы там, у границы,
 Стать стеной не смогли?
 И глядел я в их лица.
 А солдаты все шли.
 Лишь плотнее сжимали
 Губы в серой пыли.
 Бабы вслед им вздыхали,
 А солдаты все шли,
 И сурово молчали,
 Унося на штыках
 Наши беды-печали,
 Нашу веру и страх...

КОЛОСКИ

Собирали колоски,
 Набирались силушки.
 Руки детские легки,
 Словно птицы крылышки.
 Над щетинистой стерней

Накапилось небушко.
 Мучит жажда,
 Морит зной —
 Ох, и труден хлебушко!
 Дядя Митя без руки
 Шутит над ребятами:
 — В немца ваши колоски
 Полетят снарядами.
 Вы — опора всей страны...
 И вздохнул: — Эх, долюшка!
 Шла босая по стерне
 Родины опоруха.

СПАСЕНЬЕ

...Опять взревела батарея,
 Опять огня взметнулся столб...
 Я каганец тушу скорее
 И, как котенок, — шасть под стол.
 Застыла под иконой мама,
 Прося всевышнего о том,
 Чтобы случайно миновала
 Игрушка страшная наш дом.
 А вот и «Мессер» в небе слышен...
 Получше, мамочка, молись!
 Пока над нашей хилой крышей
 «Гостинцы» не разорвались.
 Услышь, Господь, ее моленья! —
 Лежу, свернувшись калачом...
 Ну где еще искать спасенья,
 Как только в хате, под столом.

ВЛАДИМИР МИХАЛЕВ

ОСКОЛОК

В осоке примятой
у кручи Оскола
Я поднял снаряда
нелегкий осколок.
Ладонь мне ожег он,
колючий и ржавый,
Как тлеющий уголь
большого пожара.
А сколько осколков
в полях и долинах
Скрывает земля
от Москвы до Берлина!
Сражались жестоко
неправый и правый.
Холмы сотрясались,
стонали дубравы;
И пламя металось
от крова до крова,
Пригорки сочились
слезами и кровью.
И рушились горы,
и дыбились бездны...
Молчит на ладони
осколок железный.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Камни кричат...

1.

Молча камни кричат.
Камни стуком стучат,
В самое сердце стучат.
Сердце, битое болью,
В небо стучит голубое —
Памяти нет отбоя!

2.

Падает тихий снег.
Бьется, как сердце, пламя.
Снег застилает свет,
Снег замедляет след,
Снег не заносит память!
Сыплется чистый снег,
На постаменте тая.
Катится
капля
святая...

3.

...И склоняет голову
Бронзовый солдат!
Вьются в небе голуби,
Облака летят.
Ходит солнце пашнею,
Зреет урожай...
Славьтесь,
В битве павшие
За родимый край!

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Горести и радости припомнив —
Навернется на глаза слеза, —
Как давно отгрохала гроза!..
А глаза все молниями полны,
Пламенем охвачены глаза!..

* * *

Поле славы —
Поле Куликово
Множит славу озера Чудского!

Поле Бородинского сраженья —
Той же грозной славы продолженье.
Прах наполеонов и донныне
В древнерусской корчится равнине!

Пашни выступ —
Курская дуга,
Шли на приступ полчища врага.

Поработал заступ после приступа.
Много их в России, этих выступов!
По гробы ходить в Россию запросто:
Приступ, отступ —
И ворочай заступом.

ЛЕОНИД ПОПОВ

* * *

Как только вспыхнула война,
 Упрятав в стол подальше книжки,
 Познали горестей сполна
 В войну вчерашние мальчишки.
 Валили лес, хлеба растили,
 Забыв про отдых и покой.
 Гордась тяжелою судьбой,
 Они поблажки не просили.
 Нам всем на бублики досталось,
 Хлебнули горюшка сполна,
 Но как на взрослых опиралась
 На нас великая страна.

* * *

Пришил к гимнастерке погоны,
 Прощай, деревенская жизнь.
 Кряхтят, словно старцы, вагоны,
 Кричит паровоз мне: — Дер-жи-сь!
 Проносятся мимо селенья,
 Мелькнул деревенский погост,
 Не слышно в вагонах веселья,
 Лишь льется морзянка колес.
 Нам всем не до песен, веселий,
 Тут впору без слез промолчать.
 От древних российских селений
 Лишь трубы печные торчат.

.....
 Казарма — огромная хата,
 Вокруг из колючки забор.
 Там принял присягу солдата,
 О чем еще тут разговор?

* * *

Четвертый день живем в вагонах,
 К Карпатам, к Альпам держим путь.
 Краснеют лычки на погонах,
 Нас на Дунай-реку везут.
 Идут навстречу эшелоны,
 Домой спешат фронтовики,
 Мелькают в лозунгах вагоны,
 Пришли счастливые деньки.
 Прошли с боями путь немалый,
 Хотя израненный — живой,
 Как будто конь, в пути усталый,
 Солдат торопится домой.
 На станциях, на полустанках,
 Словно на сельских на гулянках,
 Солдаты пляшут и поют,
 Ведь победителей везут.
 Домой, к семье бойцы спешат,
 Растить детишек и внучат.
 Мы в Трансильванию, и в Вену,
 Спешим седым бойцам на смену.

ВЕРА РЕШЕТНИКОВА

У ПАМЯТНИКА

1.

В селе моем, на самом косогоре,
 В руках сжимая строго автомат,
 И день, и ночь бессменно на дозоре
 Стоит в молчанье бронзовый солдат.

С землею здесь навечно обвенчались
 Чуваши, эстонец, русский и бурят...
 А где лежат мои односельчане?
 Пятьсот ребят... Каких пятьсот ребят!..

Ванюшка. Костя. Николай. Сережка...
 Пятьсот имен... И в зной, и в злой мороз
 Стоит солдат на одного немножко
 И на другого чуточку похож...

Похож на сына... С чем на белом свете
 Сравниться может горе матерей?!
 Играют рядом беззаботно дети:
 Ванюшка, Костя, Коленька, Сергей...

Давно уже распаханы окопы,
 Давно развеян ветром смрадный дым...
 В селе моем, крупиночке Европы,
 Стоит солдат над мрамором седым.

2.

А глаза у Солдата синие,
 А черты у Солдата милые,
 Руки юные сильные-сильные
 С автоматом над братской могилою.

Чуб вихрастый запятан под каскою,
 Не девчонкой, ветрами облаканный,
 Хмарь осенняя стылая, вязкая
 Над могилой склонилась солдатскою...
 И мечты у Солдата светлые
 О свиданье желанном под ветлою.
 Песни звонкие, не допетые
 Ни закатами, ни рассветами,
 Ни плакучими летними ливнями...
 Я спросила:

— Как звать-то по имени?..

Отвечает солдат:

— Извини меня,

О каком ты меня просишь имени?..
 Мать родная сыночком родименьким
 Называла до часа последнего,
 Все ждала меня, Богу молилася...
 Та девчонка, что встречи под ветлою
 Ожидаячи столько, состарилась.
 Все во сне меня кличет соколиком,
 Ненаглядненьким и молоденьким...
 А придет на свидание женщина,
 Что своих сыновей ТАМ оставила,
 Долго-долго скорбит горемычная,
 Имена сыновей мне даваячи...
 Ветеран, убеленный сединой,
 Из горнила войны чудом вышедший,
 Словно к другу, ко мне обращается,
 Другу верному, в бою павшему...

3.

Не яблочко, а спелую зарю
 Мальчонка держит на своей ладошке,
 Солдату подает...

А я стою,

Не зная, что сейчас скажу Алешке...
 А он упрямо яблочко дает...
 И на ему лишь ведомом наречии,
 Не понимая истины, лепечет:
 — Хорошее, а дядя не берет...
 И снова просит: — Дяденька, бери...
 Недоумение в глазах мальчонки,
 И вот уже дрожат его ручонки,
 Дрожит и яблочко, дрожит и свет зари...
 С двухлетним ли о войнах говорить?!
 Простите, Павшие...

Мальчонку обнимая,

Я говорю: — Алеша, дядя спит...

Простите, Павшие...

4.

В боях сгоревшее село
 Давно уже возрождено...
 Не раз здесь делали привал
 Те, кто когда-то воевал.
 Им иногда, бывало,

У жданного привала
 Кукушка куковала...
 Солдат заветное «ку-ку»
 Считал годочком на веку
 И дольше петь ее просил,
 В ответ — лишь ветер голосил...
 Ликующий весенний день
 Ласкает гроздьями сирень,
 Но... Вновь кого-то гложет стыд,
 Вновь чья-то боль кричит навзрыд,
 И снова кто-то на войне
 Один в зловещей тишине...
 Кому — извечная печаль,
 Кому — земля вся на плечах,
 Кому — безвинная вина...
 И все — проклятая война...
 Горят отвагой ордена.
 К живым зывают имена.
 Цветы к граниту принесла
 Им сорок пятая весна.
 И снова сделали привал
 Те, кто когда-то воевал.
 И снова, как бывало,
 У жданного привала
 Кукушка куковала.
 Солдат заветное «ку-ку»
 Считал годочком на веку
 И дольше петь ее просил.
 В ответ... лишь ветер голосил...

5.

Прости, Солдат. За все прости меня.
 Бег времени — сплошное одночасье.
 Но вдруг молчанье — тоже соучастье
 Во всех невзгодах нынешнего дня?
 Ненастной зимней стужей ты продрог
 Под снежною разбухшею папашой...
 Тебе не уготовила я плаху —
 Неужто кто-то так подумать мог?
 Война не снится тем, кто не познал
 Ее ужасной сути, боль утраты...
 Народ тебе воздвигнул пьедестал
 Над мраморной плитой неоплатной.
 Прости, Солдат, за исповедь меня,
 За чей-то шепот сладко-ядовитый,
 Ты не был оккупантом и наймитом —
 Всем павшим пухом будет пусть земля.
 А сколько их, ровесников твоих,
 Лежат в местах, порою недоступных...
 У нас идут бои в масштабах крупных,
 У нас между собой идут бои...
 Чуваши, эстонцы, русский и буряты...
 Союз ваш был поистине прекрасен.
 К стыду живых, наш мир теперь ужасен,
 Умы не знают, что порой творят.
 Прости, Солдат...

ПЕТР РОЩУПКИН

22 ИЮНЯ 1941

1.

В донских степях
Осыпались тюльпаны...
Роня пену с крупа скакуна,
В вагончик дальний
Полевого стана
Примчался коннонарочный —
Война.
Упала весть,
Как бомба на вокзале,
И затаилась жуткой тишиной.
Не верили,
Не ждали,
И не знали
Какою будет та война войной.

2.

Недолгий мир
Надолго был утрачен:
Суровый час
Позвал в безвестный путь.
В победу верили
И ни во что иначе.
Была в той вере
Всей России — суть.
А по степи не скошенной,
Как в море,
Катились волны
Из конца в конец.
Кто взвесить мог
Свалившееся горе
На миллионы любящих сердец?
Меня отец,
Прощаясь, взял за плечи,
На память мне
Часы отдал свои.
— Крепись, сынок, — сказал —
До скорой встречи,
Мужайся,
Ты теперь глава семьи.
А я вернусь.
Ты мне пиши почаще,
Пиши про все,
Как тут идут дела.
От мамы далеко не отлучайся:
Она вчера
Вам братца родила.

3.

Тех горьких слов
Сурового значенья,
Признаться, я тогда не понимал,
И знать не мог,
Какое назначение
В тот час войны
От жизни принимал.
Шли в степь донскую
Конные подводы,
Отцы за ними уходили вслед.
Кому из них
Сквозь фронтовые годы
Домой назад
Дороги больше нет?
Кому из них
В конце войны той длинной,
Когда падет
В смертельной схватке враг,
Поручит жизнь
Воздвигнуть над Берлином
Израненный в боях
Советский алый флаг?
Их путь лежал
За голубые дали,
В стальную грозовую круговерть...
И люди
Кров свой мирный покидали,
Чтоб обрести
Победу или смерть.
Шел сорок первый...

ТРАКТОРИСТ ПРИШЕЛ С ВОЙНЫ

В зелена — щекой небритой,
Весь в мазуте и в пыли,
Крепко спал он,
Как убитый,
На груди своей земли.
Окликал во сне он маму,
Шел навстречу ей сквозь сны...
На щеке багровым шрамом
Догорал пожар войны.
Он пахал подряд три смены —
Запоздалые пары.
На руках синели вены,
Как бикфордовы шнуры.
А когда проснулся — снова
Он меня к себе привлек,
И сказал всего три слова:
— Отдыхай еще, сынок.

БЕРЕЖНОЙ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Сергей Бережной родился в 1955 году в Воронежской области. Детство и юность прошли в поселке Красногвардейское Белгородской области.

Служил в Советской армии. Окончил юридический факультет Воронежского государственного университета, Академию МВД. В настоящее время — федеральный судья. Живет и работает в поселке Ракитное Белгородской области.

Автор книги повестей и рассказов «Тихая провинция». Печатался в альманахах «Капели клавишинный звон» и «Я трогал радугу руками». Руководит литературным объединением «Радуга». В соавторстве написана книга «Профессия — следователь». Автор текстов песен «Реквием» (памяти погибших в Чечне) и «Край мой Ракитянский».

ВСТРЕЧА

Р а с с к а з

Николаю Рябцеву, бывшему начальнику Курского РУБОПа и Олегу Морозову, бывшему оперу ОУР Ракитянского РОВД, посвящается

Вот уже тридцать две минуты Ерёмин, уперев широко расставленные локти в плотно слежавшуюся грязно-рыжую хвою, жадно щупал взглядом каждый дюйм распада. Но даже восьмикратный бинокль, выменянный по случаю у разбитного прапора из артрэзведки за ящик трофейной натовской тушёнки, не мог помочь проникнуть под плотный полог елового леса.

Верхний ярус переходил в редколесье и прозрачная вуаль зелени уже не могла прикрыть вызывающую наготу вершин. Но не по ним сейчас скользил взгляд. Ему важна вот эта полоса плотного темно-зеленого до черноты ельника шириной в пять-шесть сотен метров, неровной лентой опоясывающая обращённый к нему склон горного кряжа. Оттуда, снизу, от воровато крадущегося в камнях ручья, ещё не напитанного талем и не превратившегося в ревущий поток, до нижнего среза леса добрая сотня метров.

Желтовато-серая, голая, усеянная камнями стометровка. И столько же от воды к укrywшему его лесу. Всего две сотни метров по базальтовой осыпи. Вверх, вниз, по каменному корыту, с валуна на валун. Отсюда и — в неизвестность. Или в вечность.

Ерёмин мысленно усмехнулся, гоня прочь страх, который противно лазил под мокрым тельником, лапал сердце и гонял адреналин. Страх жил внутри, как бы сам по себе, не прорываясь наружу, загнанный в самые внутренние глубины, не довлея и не мешая. Но исподволь он делал свою работу, оттачивая остроту мысли, зрения, слуха, реакции. Он превращал в зверя, обложенного егерями, интуитивно чувствующего опасность.

Если на рывке, на одном дыхании, сначала вниз, а потом вверх по склону к спасительному обреза леса, то минуты две бега, не меньше, а то и все три. По максимуму сто восемьдесят секунд, из них шестьдесят на спуск и сто двадцать вверх на подъём.

Итак, считаем. Секунд двадцать на засечку. Даже тридцать. Все таки обзор метров четырёхста в обе стороны. Ещё пятнадцать на изготовку. Пять на выцеливание. Итого пятьдесят секунд. Накинем ещё пяток. И всё. А дальше выстрел, глухой раскат и рванувшееся к вершинам эхо вместе с грешной душой.

Он аккуратно снял слабую корку наста, захватив на кончики пальцев покалывающую холодом белизну кристаллов, и, стараясь не влажнить губы, иначе растрескаются на ветру, языком слизнул снег. Рот заполнился тягучей, с привкусом канифоли, слюной и он вбил плевков в бурый валун, нежно оглаживаемый еловой лапой.

Итак, шестьдесят секунд. Минута. Вечность. Более чем достаточно, чтобы снять даже петляющего зайцем стайера с форой секунд в двадцать. Но это если снайпер, которому, по большому счёту, здесь делать нечего. Они могут ждать его не здесь и даже скорее всего у села, когда опасность кажется уже позади и притупляется страх. Конечно, могли выставить дозор, место уж больно удобное, но таких по горам — со счёта собьёшься. Впрочем, любой недоумок с испугу из акаэма изрешетит его в сито. На войне ведь всё вопреки здравому смыслу.

Остаётся либо в обход вдоль опушки, либо ждать ночи, чтобы, прикрывшись темнотой, перейти этот проклятый распадок. Там, за отметкой двадцать ноль девять его ещё сутки будет ждать группа обеспечения. А потом начнётся операция. Вслепую, удар пятернёй по воде, только брызги, победные реляции, вспотевшие штабисты над горой исписанной бумаги. Нет, он должен успеть до рассвета, иначе вся та работа, которой он занимался вот уже третий месяц, коту под хвост.

Он ввёл Астагу¹ в разработку группы Мамакаева давно. И никто, кроме него да воронежского фээсбэшника, не знал агента в лицо. Астага должен был дать координаты базы отряда, чтобы накрыть банду сразу, одним ударом. Но Астага, проверенный ещё Афганом, старый друг Астага не пришёл на хинйист² в условленный час. Его кудал³, тот самый, с вмятиной на боку, с которым он выходил прошлый раз к ключу, остался среди камней.

Астага не мог предать: Мамакаев его кровник. Значит, случилось непоправимое. Ерёмин ещё не знал, что трое суток спустя он вернётся сюда, найдёт изуродованное тело друга и привезёт в Урус-Мартан, где Астагу похоронят по обычаю тезет⁴ на родовом кладбище.

Но это будет потом, спустя целых трое суток, невероятно тяжёлых, на нервах, с матом, налитым свинцовой усталостью телом, провонявшей потом грязной одеждой, мгновениями тревожного, какого-то изматывающего, а не расслабляющего сна, скорее похожего на забытье. Всё это ещё будет, а пока он лишь чувствовал опасность. Подспудно, исподволь, словно кто-то невидимый твердил: «Уходи».

Он не торопился принимать решение. Что-то держало, придавливало к уже набравшему колючесть мартовскому снегу. Серые проплешины южных склонов гольцов сквозь пожелтевшую ржавчину прошлогоднего травостоя робко пробилась зелень. Но здесь, под разлапистой елью с искривленными ветрами вершиной, снег ещё хранил белизну.

Он перевернулся на спину, поправил магазины в карманах «разгрузки» и смежил веки. Опасности из распадка ждать не стоило. Она может придти отсюда, с этой стороны.

Холод забирался под куртку, свитер, лапал лопатки, знобил. Удобные ня-эрмачаш⁵ мягко обнимали натруженные ноги. В горы он всегда обувал именно их, отдавая предпочтение бэрцам и кроссовкам. Даже от неловко поставленной ноги попавшей под подошву камешек не опрокидывался, не смещался, а оставался на своём месте.

Андрей неслышно, в одно касание, так, что не шевельнулась ни одна иголка на распластанных над камнями еловых лапах, перевернулся лицом к тропе и каждая клеточка тела стала и зрением, и слухом, и обонянием. Не открывая век, он по-звериному потянул носом воздух и затаил дыхание.

И тут он понял, что его насторожило. Мягкие звуки леса взорвал тревожный хабар.⁶ Где-то в вершинах елей, приближаясь, заполошно голосила сойка, выплёвывая россыпь резких звуков, и они осыпались на землю, отражались, и эхо металось среди камней.

На опушку, сторожко ступая только на оголившиеся камни, озираясь, вышел волк. Он пришёл с севера, со стороны долины, оттуда, куда шёл Андрей. Тощий, с грязно-рыжими подпалинами на провалившихся боках. Старость и неимоверная усталость жили в каждом его движении. Левый глаз гноился, шкура натянулась на рёбрах, шерсть свисала клочьями свалывшегося войлока.

Волк повернулся всем корпусом туда, откуда пришёл, шумно втянул воздух. Ветерок тянул в сторону Ерёмину, и зверь не почувствовал чужака. Беспокойство вселилось в него давно, но теперь это был страх, который гнал его все дальше в горы. Он повернулся к распадку, с тоской оглядел серые валуны и сунул морду под лапник.

Глаза сузились, шерсть вспенилась на загривке, верхняя губа приподнялась, обнажив жёлтые с рыжиной клыки, уши припали к черепу. Белки желтоватые и мутные, со старческой сосудистой сеткой, а в глазах вымученность и затравленность. Эти камни и ели ещё помнили его молодым и сильным. А потом пришли люди в камуфляже и принесли с собою лязг гусениц, кислый запах сгоревшего тротила и острое чувство страха. И большую часть своей волчьей жизни он ощущал дыхание этой войны.

Козы и косули ушли за перевал, на юго-запад, туда, где ещё жила тишина. Волки не могли подняться к заснеженным вершинам и отступили на равнину. Самые сильные и отчаянные добрались даже до южных воронежских степей.

Он не смог уйти с ними или не захотел. Быть может, преданность этим горам была выше страха смерти. А может быть просто силы покинули его мышцы.

Еремин, опытный охотник, знал, что нельзя смотреть зверю в глаза — это вызов, это право сильного. Но не смотреть он не мог. Зрачок в зрачок, но без внутреннего вызова. Я не боюсь тебя, говорил его взгляд, но я тебе не враг. У тебя свой путь, у меня свой, так что иди, серый, я не трону тебя.

Сойка заполошно заорала совсем рядом.

Зверь вздрогнул и сделал судорожное движение, словно рванувшись назад, и вдруг, припадая к камням, вполз под ель и лёг рядом, повернувшись мордой туда же, куда смотрел он.

Жизнь рядом с человеком научила его поступать, как человек. Он научился не только думать, как человек, но и думать за человека, предугадывая его решение, его поступки. Поэтому он дожид до волчьей старости. Он понимал, что этот прячущийся под елью человек опасен. Но он понимал и то, что этот человек и сам прячется, его самого флажкуют. Значит те, что идут следом, ещё опаснее. Значит, они и для него враги и у них общий враг. Значит, с этим человеком он из одной стаи. Они сейчас одной крови.

Ерёмину ударил в нос острый до тошноты запах псины и распаренной потной шерсти. Рыжеватые подусники, седые усы, сивый загривок, жёлтый до грязноты клык, выпирающие под кожей рёбра — всё это говорило о возрасте волка. И, если он не отпрыгнул, не бросился вверх по склону или вниз по осыпи, значит те, от кого он уходил, совсем рядом и несут с собою смерть.

А глупая сойка продолжала возмущаться, но уже дальше, и крик её был всё тише и тише. Те, от кого уходил волк, те, о ком предупреждала птица, должны вот-вот появиться.

Ерёмин внутренне подобрался.

И всё же они появились на тропе неожиданно. Идущий впереди поднял руку и четверо, рассыпавшись в круг спиной друг к другу, присели на подвёрнутую под себя правую ногу, уперев согнутую в локте левую руку, захватившую цевьё автомата, в выставленное левое колено. По тому, как они заняли круговую оборону, молча определив каждый свой сектор стрельбы, одновременно прикрывая друг друга, по синхронности движений, по тому, как не раздалось ни одного звука касания металла о камень, Ерёмин понял, что перед ним не просто профессионалы.

Нет, это были асы экстра класса, роботы, машины убийства. Это была та самая команда спецназа «Борз»⁷ из наёмников — охотников на людей, о появлении которой предупредил Астага.

Остальные придвинулись к тому, что был впереди, и о чем-то тихо перебрались несколькими фразами. Затем тот, первый, вновь поднял руку и коротким взмахом вперёд опустил. И они вновь двинулись вдоль кромки леса, след в след, вытягиваясь цепочкой.

Один, два, четыре, семь, нет, девять. С дистанцией метра в три друг от друга. Одной очередью не срежешь, а второй не будет. Не дадут. Шедший в середине с чёрными подмороженными щеками шагнул к ели, укрывавшей Андрея и волка. Его сбить одним выстрелом ничего не стоит, но теперь и слева и справа от него были остальные, а значит шансы выбраться равны нулю. Ерёмин краем глаза видел, как волк вжался в прошлогоднюю хвою и ржавые иголки вошли в шерсть.

Наёмник, справив нужду под ель, застегнул брюки, оправил куртку и намеревался было вернуться к своим, как вдруг что-то привлекло его внимание. Ерёмина словно ошпарило ледяной водой. Шерсть! В полуметре от земли на вытянутой к тропе еловой лапе висел клочок грязно-бурой волчьей шерсти. Всё, это конец.

«Глупо-то как» — со щемящей тоской подумал Андрей, медленно снимая со скобы палец и кладя его на спусковой крючок.

Какое-то мгновение араб внимательно разглядывал свалевшийся клок, затем нагнулся и снял его, повертел в пальцах, словно разминая, бросил на камни и протянул руку к ели.

Волк напрягся, и Ерёмин ощутил, как его бок втискивается в его тело. Сейчас спецназовец раздвинет ветки и удовлетворит своё любопытство порцией свинца, выпущенной в лицо. Он вынужденно примет этот неравный бой, а потом и его изорвут безжалостные очереди. И всё потому, что позволил этому лесному доходяге укрыться в его убежище.

Закрывающий что-то сказал, и наёмник, опустив руку и поправляя автомат, быстро зашагал прочь, догоняя своих.

Ерёмин закрыл глаза и ощутил накачивающуюся волной слабость. Они лежали, всё ещё вжимаясь друг в друга, и волк чувствовал силу находившегося рядом человека. Такого же, как те. В таком же камуфляже и так же пахнущего железом.

Волк легонько потянул воздух. Чёрный влажный бархат кончика носа приподнялся и наморщился. Ноздри поймали кислый запах сгоревшего пороха из ПБС⁸ автомата.

Андрей шевельнулся. Волк напрягся. Ерёмин медленно приподнялся на колени, стараясь двигаться плавно, раздвинул еловые лапы и выскользнул наружу.

Волк пружинисто встал и осторожно вышел на тропу. Он долго смотрел вслед человеку, втягивая носом воздух и запоминая его запах. Потом внимательно осмотрел распадок.

Горы давно перестали быть для него убежищем. Каждый камень таил опасность, за каждым стволом ели, сосны или ореха могла таиться смерть. И даже небо, зацепившись за вершины, темными рваными облаками, в любой момент могло разверзнуться грохотом и воем. Зверь ещё раз посмотрел в ту сторону, куда ушли «волки», затем обвёл взглядом распадок и медленно затрусил следом за Ерёминым.

Сиреневые языки сумерек лизнули каменную осыпь склонов, размыв контуры человека и волка. Было только начало марта. До операции оставалось трое суток. Всего лишь трое суток. Ещё трое суток. Целых трое суток.

¹ Астага — хромой.

² Хинийст — побережье, место свидания у реки, ручья, колодца.

³ Кудал — большой медный кувшин для воды

⁴ Тезет — похороны и связанные с ним обряды и церемонии согласно горским обычаям.

⁵ Няэрмачи — мягкая обувь из буйволовой кожи без каблучков.

⁶ Хабар — весть, слух.

⁷ Борз — волк

⁸ ПБС — прибор бесцельной стрельбы

ТАТЬЯНА РЫЖОВА

ИЮНЬ 1941

Воскресное утро,
Жара с девяти.
Горластая утка
В корыте сидит.
Котенок под лавкой
Забился в тенек.
Смеялася мамка:
— Вот это денек!
Воскресное утро,
Кругом тишина.
Но радио гулко
Сказало:
— Война!

* * *

Что снится тебе, раненый солдат?
Какие сны теперь тебя лелеют?
Ведь только не пришедшие назад
Ни спать, ни ждать, ни плакать не умеют.
Ты награжден победой и весной,
Навеки молодой, непокоренный,
Быть может, тебе снится голос мой —
Двенадцать лет спустя рожденной?..

АФГАНЕЦ

1.

Деревня старая уснула,
но вдруг, как гром прогрохотал:
— Привет из жаркого Кабула!.. —
в письме братишка написал.
Мы все читали, как молитву,
твердили клятвою письмо.
Как будто праведною битвой
уже возвышено оно.
Вдруг мир расширился пред нами,
рождались гордости слова,
и наших душ коснулось пламя
отваги, долга и родства.

И стал нам мир еще дороже,
и стала жизнь еще ценней...
В ответ мы шлем тебе, Сережа,
привет от Родины твоей.

2.

Ты вскрикивал по ночам
и бился во тьме о стенку,
охрипшим голосом звал
погибшего друга Генку.

А мама шептала: — Сынок,
ты дома, родной, ты дома!
Но рушился потолок
и бой грохотал знакомо.

Хоть не было больше сил,
но рвался опять помочь ты.
И пить по-афгански просил
среди непроглядной ночи.

* * *

Не была я солдатской вдовой,
О любимом своем не кричала.
Бог не дал мне печали такой —
Нас счастливые звезды венчали.
Но всю жизнь, будто тень, будто звон,
Горе женщин тех следом ходило:
Рвал мне душу отчаянный стон,
Сердце долюшка злая томила.
И глядела я вдовам в глаза,
По утрам на тропу выходила,
И моею была их слеза,
Что рососою полынь побелила.

АЛЕКСАНДР ФИЛАТОВ

НАКАНУНЕ. ИЮНЬ 1941-го

Еще ничто не предвещало
Налета западной грозы,
Еще лазоревка трещала
В зеленых зарослях лозы.
Еще в соцветьях эспарцета
Кипели сочные меды.
Еще, еще... Но было лето,
И было близко от беды.
Так близко было! Так беспечно
Гудел скворечник на шесте...
И страшно было в этой вечной,
Лишенной смысла суе.

ХАТЫНЬ

Ветром ли качнуло три березы
Или голоса из глубины?
Или белорусские морозы
Так и продолжают с войны?
Я не знаю. Уши заложило.
И трещит от боли голова —
Это серый камень старожил
Предъявил извечные права:
«Жить хочу». И эхо повторило:
«Жить хочу». И голосом полей
Повторила братская могила:
«Жить хочу и видеть журавлей.
Жить хочу и видеть, как цветенье
Полонит родную Беларусь.
Жить хочу во имя возрождения —
В этом присягаю и клянусь...»

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Я кланяюсь братской могиле
И слышу, как шепчет гранит:
«Тебя на рассвете убили...
А ты на закате убит...
А он — когда солнце светило...»
Не надо, молчи — не хочу!
Молчит роковая могила.
Но я, как безумный, шепчу:
«Тебя на рассвете убили...
А ты провалился в зенит...»
И птица звенит на могиле:
«Убили... убили... убит...»
Гоню сумасбродную птицу,
И ветер гоню полевой...
Я молча пришел поклониться
Могиле и жизни живой!

ГЕНЕРАЛ КАРБЫШЕВ

Еще не окончился бой,
Еще по ночам крематорий
Замучит зловещей трубой
Селенья с покатых предгорий.
Еще повторится ответ,
Еще не окончены муки,
Еще многолетнее — «нет!»
Шепнет генерал от науки.
Еще сквозь альпийский мороз
Ударит струя ледяная...
И камень, набухший от слез,
Нависнет над бездной Дуная,
Да так, что не скоро трава
Взойдет на лугах Прииртышья.
И люди, не веря в слова,
Не сразу поверят в затишье...

* * *

Время просит вернуться к земле,
Где мальчонка в побитой фуфайке
Запекает картошку в золе
И по-взрослому делит на пайки:
— Это, мама, тебе и сестре...
Я забыл, когда сбился со счета,
Но смотрю, как сгорает в костре
Не мое еще детство, а чье-то —
Сиротливое детство войны,
Что осело крупичами яда
На разрывы глухой тишины
И на смертные взрывы снарядов...
Я и нынче копаюсь в золе,
Наживая ожоги и пятна...
Память просит вернуться к земле
И летит от земли невозвратно.

СЛЫШАЛ НА БРАТСКОЙ

Слышал на братской, как внук произнес:
«Здравствуй, могилушка дедова!
Все у нас ладно, братишка подросток...»
Мне показалось — с живым он беседовал.
Слышал на братской слова не слова,
Стонов плетеное кружево —
Камню кричала больная вдова:
«Что ж ты, могилушка мужева?!»
Слышал на братской, как старая мать —
Вечная боль деревенская —
Камню шептала: «Пришла помирать!
Примешь, могилушка детская?»

НИКОЛАЙ ФИЛАТОВ

ЖЕНСКАЯ ВЕРНОСТЬ

Старинный снимок из альбома.
Два человека мне знакомых...
Она и он...
 Горят глаза...
И, как пророчество,
 слеза...
День свадьбы.
 Праздничный букет...
В предчувствии грядущих бед,
Вокруг
 немая
 тишина...
А утром
 грянула война.
Внезапной бурей грозовой:
Был гул моторов,
 бомбы вой,
И разрушенья без конца,
И кровь,
 разбитые сердца...
...Стонала, мучилась душа,
Но мысли мрачные глуша,
Шла,
 проводжала до пруда,
Да проводила
 навсегда...
Ей сколько выдюжить пришлось!
Одной,
 без слез не обошлось.
И тех уже в помине нет...
Солдаткой стала в 20 лет.
Осталась позади война,
Все ждет,
 надеется она;
Часами смотрит на дорогу,

Скрывая от людей тревогу.
И верит сердцем и душой,
Что облик милый и родной
Вот-вот мелькнет.
 — Да вот же он!
Опять ошиблась,
 Сердца стон
Вновь подавляет у себя,
Уходит из-под ног земля...
Ей кажется,
 что скрипнет дверь,
Смеясь, произнесет:
 — Поверь!
Своим глазам.
 Я — пред тобой! —
Весь в орденах, и сединой
Вся серебрится голова...
А по земле
 идет молва:
— Ты не дождешься никогда.
Пройдет вся жизнь,
 уйдут года.
Его теперь напрасно ждешь,
Лишь существуешь, зря живешь,
И упускаешь жизнь свою...
— Для внуков я своих живу.
Мне радость и печаль —
 все в них... —
А годы длинные, не миг:
Журчала талая вода,
Пылало лето, как тогда,
Грусть навевал багрянец крон,
Мела метель со всех сторон,
Не то стонала или выла:
Все это было,
 было,
 было...

АНАТОЛИЙ ФОРОВ

ОЖИДАНИЕ

Мужа с войны ожидает она.
В морщинах лицо, в волосах белизна.
В хатенке порядок — здесь лишнего нет,
Икона в углу, да на стенке портрет.

Усталые руки положит на стол
И скажет портрету: «Чего не пришел?..»
Расплакаться б рада — да слез больше нет...
За окнами тьма, в окнах — память и свет!..

* * *

«Солдат без раны — не солдат!..» —
Он говорил порой.
А то, что не было наград —
Не каждый же Герой.

В село вернулся без руки,
Покрытый сединой.
И был в работе он лихим,
Хоть и с одной рукой.

А среди вдов — так нарасхват,
Для них он Богом был!..
Зачать детей, тут говорят,
Он многим пособил...

А вот о той большой войне
Он редко вспоминал,
И то лишь ночью — в тишине,
Когда протез снимал...

* * *

Он лежал на опушке
в горячем снегу.
Белый снег под солдатом был алым.
И шептал он: «Я встану,
я, мама, смогу!..
Я прошел по земле еще мало.
Не горюй, что сейчас
от тебя я вдали,
Что осколок настиг меня вражий.
Я ушел, чтоб сразаться
за Правду земли,
За могучую Родину нашу.
Ты прости меня, мама,
пред тобой я в долгу...

Вижу фрицев! Прорвемся, я знаю!..
Ты пойми меня, мама,
я в плен не могу!..
И рванул он кольцо!..
Эх, родная!..

* * *

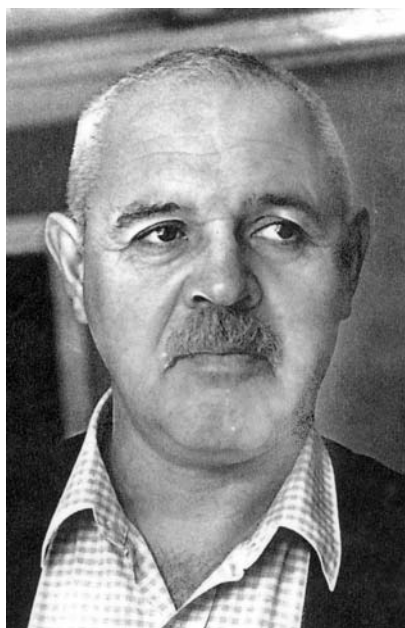
Я войны не видел никогда,
Не лежал в окопах под бомбежкой.
И не знаю я, как в холода
Пахнет дым печеною картошкой.
И не знаю я, как иногда
Сладок сон солдата перед боем.
Как враги сжигают города,
Как солдат становится Героем.
И смотрю с тревогою всегда,
Как «в войну» играют мальчуганы.
Я войны не видел никогда,
Но она во мне болочей раной!..

* * *

Искалеченный войною
И трудом измотан он.
«Почему ж моей страной
Ты, старик, не награжден?»
Усмехнулся и без боли:
«Побрякушки — ерунда!
Главное, что хлеб есть в поле,
Вот награда, это да!..
И расправив сигарету
Подкурил, дымок смахнул...
И добавкою к ответу
Мне лукаво подмигнул...

ПАМЯТЬ

В небе новые звезды рождаются,
Что бы значило небо без них?
На земле моей жизнь продолжается,
А для жизни — земля — родник!
Пахнет воздух прохладой и порохом,
Память есть на земле о войне...
Все, что связано с небом —
мне дорого,
Что с землею, — то свято вдвойне!..

ПАПАНОВ АНАТОЛИЙ МИТРОФАНОВИЧ

Родился 26 ноября 1953 г. в Тамбовской области. В 1976 году закончил Воронежский медицинский институт, с тех пор живет и работает врачом в Белгороде. Автор пяти сборников стихотворений.

ПАМЯТИ ОТЦА

С Т И Х И

АВГУСТ 1941 ГОДА

Памяти отца

Август выдал погоду сполна,
Ни дождинки, зато будем с хлебом.
На завалинке возле окна
Он курил, глядя в звёздное небо.
Спят детишки, и плачет жена,
Собирая в дорогу припасы.
И звенит над селом тишина
Отголоском медового Спаса.
Столько дел сделать он не успел.
Дай-то Бог, лишь бы минули беды.
На рассвете кисет опустел,
Выпил стопку, с женой посидел
И пошёл на войну. До Победы.

МАЙ 1965 ГОДА

Умер Вождь, и расстрелян палач,
И на съезде подбиты итоги.
Мать — Россия! Тоска да дороги,
Разудалая песня да плач.
Кто виновен, а кто без вины?
Кто в конвое, а кто под конвоем?
Кто решил, что уместятся двое
В главном склепе великой страны?
Вот и поднята вся целина,
Раньше всех на орбиту слетали.
Всем причастным — по списку медали,
Непричастным дают ордена.
Пьёт стаканами водку отец
И с тоскою глядит на награды.
Всё красивей и лучше Парады,
И всё чаще — кресты да ограды,
И всё ближе и ближе конец.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Водка налита в стакан со слезами,
Хлеба кусочек лежит на граните.
Пью за Победу я со стариками,
Пью и не верю, что всё не забыто.
Варится каша, салюты и речи,
Павших Героев аллея открыта.
Вижу дрожащие старые плечи,
Пью и не верю, что всё не забыто.
Вновь поздравленья, цветы и поклоны,
Кремль присылает казённые строки.
Пьём за погибших, за плен, за погоны,
Взятый Берлин и за старые сроки.
За сыновей, опалённых войною,
Вовремя вроде уже позабытых.
Пьём за Афган, за Чернобыль с Чечнёю —
Память, что в бронзе не будет отлита.
За синий платочек и девичьи плечи,
Райскую жизнь и пустые карманы,
Скорые проводы, редкие встречи...
Плачет гармошка, и пьют ветераны.
Сто фронтовых за весь день не допито,
Спасибо, Россия! Спасибо, держава!
Пьём и не верим — ничто не забыто?
Вновь вспоминается доблесть и слава?
Помнит страна о своих ветеранах,
О победителях старых и нищих.
Господи, Боже мой! Вылечи раны
И приberi поскорей на кладбище.

«ЕСТЬ КАРТОЧКА ТВОЯ...»

Песни петь мой отец не умел,
Не имел он ни слуха, ни голоса.
Лишь когда за бутылкой сидел,
Бормотал про кудрявые волосы,
Про дороги и сорок второй,
Похоронки и письма от сына,
Как вернулся с победой домой,
Где ещё не погасла лучина.
Затихла и слушала мать
Про свою фотографию-песню,
Как пришлось расставаться и ждать
И войну эту вынести вместе.
А отец пел и пил не спеша,
Путал он и слова, и мотивы,
И слезой умывалась душа —
Слава Богу, что дома и живы.
И трещали дровишки и печи,
И зимой ночь казалась короче
Под куплет про огарок свечи
И про чёрные жгучие очи.
Про парнишку, что сгинул в бою,
Про цветы и нейтральную полосу...
Я теперь эти песни пою,
Не имея ни слуха, ни голоса.

Рис. И. Бобенчика

ЧЕРКЕСОВ ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Черкесов Валерий Николаевич родился в 1947 году в городе Благовещенске на Амуре. С 1982 года живет в Белгороде. Автор поэтических сборников «Небо и поле» (1982), «Вечные родники» (1987), «Заповедь» (1989), «Люблю!» (1993), «Летописец» (1995), «Крестный путь» (1999), «Непохожие стихи» (1999) «Камни заговорили» (2000), «Если и значит...» (2002, стихи для детей), «Гусиным пером» (2003), документальной повести «Минерам было по шестнадцать» (1995). Стихи и проза печатались во многих журналах, антологиях, сборниках.

ОТСВЕТЫ ВОЙНЫ

С Т И Х И

Стихи, которые вошли в эту подборку, написаны на протяжении последних двадцати лет, как я приехал на Белгородчину. На Дальнем Востоке, где прошли мое детство и молодые годы, Великая Отечественная война завершилась, оставшись в моей памяти обелисками, дотами и дзотами, рядами колючей проволоки и многочисленными солдатами-инвалидами.

На Белгородчине я увидел другие, более глубокие и страшные следы войны, особенно на Прохоровском поле. Моя сыновья дань белгородскому краю — книги «Камни заговорили», в которой поэзия перемежается прозой, «Минерам было по шестнадцать» — рассказ о мальчишках, в военные и послевоенные годы освобождавших территорию Белгородчины от смертоносных «подарков» войны. Потом об этих героях надолго забыли...

И вот новые стихи, в которых Великая Отечественная перекликается с далеким прошлым и не очень-то радостным настоящим нашей страны.

Война — самое мерзкое явление, о котором не стоило бы и писать. Но то, как ведет себя народ в минуты тяжких испытаний, достойно самых высоких и правдивых слов.

Рис. И. Бобенчика

Валерий Черкесов

ПОЛЕ КУЛИКОВО

Стрелы еще посвистывают,
А мечи подустали.
Густо закат багрянит
Поле кровавой сечи.
И очами, полными
Страдания и печали,
Богородица смотрит,
Лишившись от боли речи.

* * *

Отсветы давней войны
Мне

через годы
видны.

Отзвуки страшной войны
Мне

через годы
слышны.

Да не притупится зренье,
Пусть будет слух идеальным
И у других поколений
Родины многострадальной.

ПАМЯТЬ

Все с лихвой оплачено:
обелисками светлыми
память в небо возносится,
хоронится в земле
проржавевшими гильзами
и осколками острыми.
...И пронзительной болью
отзовется во мне.

СЕРЖАНТЫ

«Гв. сержант И. И. Петров...»
«Гв. сержант И. И. Петренко...»
Стоит старушка на коленках,
Бурьян дерет в наклон, без слов.
Присядет, притомясь маленько,
На терпко пахнувший покров.
Покойно спит сержант Петренко
И рядышком — сержант Петров.

НА ПРОХОРОВСКОМ ПОЛЕ

Дети супостатов,
навсегда оставшихся в русской земле,
седые, ссутулившиеся,
стоят на Прохоровском поле,
утирая слезы
скомканными носовыми платками.

ВETERАН ПРОХОРОВСКОГО СРАЖЕНИЯ

1.

В плен не попал при отступлень
И в наступлень не убит...
Встал на пригорке на колени,
Руками травы шевелит
И взглядом ищет: здесь когда-то
Лежал он, стиснутый землей,
И, скрежеща, пер на солдата
По склону нагло танк чужой.
Из ПТРа, словно плетью,
Окоротил врага...
Застыла
Слеза в глазу...
Здесь в 43-м
Могла быть и его могила.

2.

По фотографии он водит
Подрагивающей рукой:
— Вот Саня, Миша и Володя,
И я стою. Нам завтра в бой.
Остался я лишь...
А на снимке
Солдаты смотрят озорно
И браво. Юные улыбки,
Как у героев из кино.
Они как будто что-то знают
Такое — нам и не понять:
За что достойно умирают
И вечно будут умирать.

3.

Проползший на брюхе
от Курской дуги до Берлина,
получивший три ордена Славы
и три ранения,
которые перекрестили
сизо-фиолетовыми рубцами грудь,
он стоит перед молоденькой врачихой
и видит санитаря,
верней — санитарку
с выбившейся из-под выцветшей пилотки
русой челкой.
она накрыла его
своим теплым телом,
когда рядом сданула мина...

4.

«Театр военных действий был развернут...» —
Велеречиво, будто генерал,
Он говорит, вниманьем нашим тронут,
А сам юнцом безусым воевал.

В солдатской полинялой гимнастерке
В окопе он, израненный, лежал,
Из-за разбитой «тридцатичетверки»
Ни «действий», ни «театра» не видал.

ПЕРЕД ВЕЧНОСТЬЮ

На почти истлевшем клочке бумаги,
извлеченном из позеленевшей гильзы,
разобрали только одно слово — Мама,—
и сразу стало понятно,
о ком и о чем думал солдат
перед встречей с Вечностью.

ФРОНТОВИКИ

1.
Орденów больше,
фронтовиков меньше —
печальная арифметика.
2.
Наверное,
последний фронтовик
умрет в почете, славе и достатке.
Верится, верится, верится...
3.
Недолет...
Перелет...
И — накрыло...
Пролетел через годы снаряд, —
Как воронка, дымится могила,
И друзья редким кругом стоят.

ТАНГО. 1945

Послевоенное танго.
Как пары кружатся легко!
Наваксенные сапоги
И туфельки.
И не могли —
Нечаянно притиснуть — белые.
— Простите!
— Ах вы, неумелые!
Где так учились танцевать?
— Брест. Курск. Берлин.
Ранений — пять...
— Тогда позволю наступать!..

* * *

Вокруг поля. А на пригорке дуб,
Как пригоршни, листья подставляет
Под первый дождик, что по-майски скуп —
Не столько льется, сколько гроыхает.

Дуб повидал такое — рассказать
Об этом могут кольца годовые.
И молния, как прошлого печать,
Тяжелый ствол навеки раздвоила.
И, спрятавшись от холодящих струй
Под кроною, шумящей над поляной,
Я слышу посвист полóвецких стрел и лязг
Железных орд Гудериана.

* * *

*В 1944 году при разминировании
Белгородчины семнадцатилетний
Павел Шинкарев потерял зрение*

И никому не удавалось
продлить хотя б на миг, на малость
путь, что нам предназначен Там...

Он поднимает к небесам
глаза, которые не видят
с войны, когда совсем юнец,
от мины проволоки нити
затронув, думал: Все. Конец.

Во храм лежит во тьме дорога
Он молится тому, кто дал
ему пожить еще немного.
Да только сколько не сказал.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

1.

Слипшиеся леденцы
Тают в ладошках.
Мальцы —
Делим их честно, по-братски,
Словно паек солдатский,
И запиваем водою
Из фляжки с глубокою вмятиной,
И гордимся страною,
Где есть такая вкуснятина.

2.

Игрушки детства — банка жестяная,
Таившая дух сладких леденцов,
Катушки из-под ниток; голубая,
Как небо, лента, стрелки от часов
Настенных; пара пуговичек медных
С шинели деда и его медаль,
Где выбито навеки: «За Победу...» —
Я не сберег, не сохранил. А жаль!..

* * *

Такие подробности вспомнятся,
 Когда одолеет бессонница, —
 Дрожу, не спасет одеяло:
 Опять посредине квартала,
 В канаве мой отчим лежит
 И матом солдатским блажит.
 А он ведь, наверно,
 На небо попал —
 И правда
 За Родину кровь проливал.

СОЛДАТКА

Брошенная хатка
 На задках села...
 Тихая солдатка
 Здесь одна жила.
 В 41-м Ваня
 В летний день ушел, —
 Торкнулось под сердцем,
 Ой! — нехорошо.
 Ни письма, ни слухов
 Много-много дней.
 — Чи погиб, чи сгинул, —
 Говорили ей.
 И война минула.
 И полвека — миг!
 Потемнел когда-то
 Ясноокий лик.
 И не вышла замуж,
 Не было детей.
 Чаше сторонилась
 В праздники людей.
 — Что ж ты одинока? —
 Спросит тот и тот.
 — Не могу. Мне Ваня
 Не дает развод.
 Как старушку звали —
 Помнили навряд.
 Попросту — Солдатка —
 Кликал стар и млад.
 А когда в домишке
 Не зажегся свет,
 Поняли соседи,
 Что хозяйки нет...
 Хоронили скромно,
 Тихо, как жила.
 Памятник ей — хатка
 На задках села.

В ПОДЗЕМНОМ ПЕРЕХОДЕ

Что-то бормочет под нос — не понять,
 Нечленораздельные междометья.
 Боже, ну как в XXI столетье
 Ей позволяешь в лохмотьях стоять?
 Ну почему ты, соря добротой,
 Хлеба не дашь и еще чего надо
 Перевозмогшей все тяготы ада,
 Что окрестили великой войной?
 Если медаль, что дала ей страна,
 Где «За победу...» слова золотятся,
 Гонит старуху с утра побираться —
 Ты хоть на небе воздай ей сполна.

МЕДАЛЬ

Медаль героя не нашла...
 И на базар она пошла.
 Цена железке — грош, полушка.
 Её с ухмылкой бойфренд
 Повесил на военный френч, —
 Чтоб выжить, продала старушка.
 Полвека в сундуке лежал,
 Как мужа схоронила,
 Заслуженной награды ждал.
 Рукав чуть моль побила...

ВЕЧЕР НА КАВКАЗЕ

Горы зубцами зазубренными
 вгрызаются в алое солнце, —
 Словно пила, и опилками
 сыплется наземь лучи.
 Загустевающей кровью
 свет затухающий льётся,
 И переломанной пикой
 ель на разломе торчит.

НАД ПИСЬМОМ

Доколе матери тужить.
А. Блок

Сказать бы о вечном, о бесконечном!
 Но это письмо — о юнце, искалеченном
 В Чечне —
 от крестьянки из дальнего хутора..
 И — горько.
 И — больно.
 И — страшно.
 И — муторно.
 Невольно слеза на реснице дрожит,
 И нету ответа — доколе тужить
 На русской земле матерям.

МАРИЯ ПЛЕХАНОВА

ученица 11 класса Белгородского лицея № 10

ЕЛИЗАВЕТА РОМАНОВА И ЕЕ ТВОРЧЕСТВО

О Великой Отечественной войне написано много произведений, заметок, очерков и статей, сняты сотни художественных фильмов, но на этом тема войны не исчерпана.

Война потрясла душу, жизнь нескольких поколений, поэтому такая тема остается вечной, многосторонней и многоличностной. Живые свидетели — участники войны и очевидцы через десятки лет более осознанно оценивают каждое событие, которое пережили. Они могут судить о том, что видели; многое постигается «задним числом» в своем собственном поведении, переживаниях и правильности поступков. Таким образом, пересматриваются прежние взгляды и оценки. Это уже трезвый взгляд умудренного жизнью человека, понявшего истинный смысл причин поражений и цены побед.

Многие писатели прошли эту страшную войну, кто-то из них погиб в ее пекле, кто-то получил увечья, но остался жив. Все они пишут о том, что стало их личной болью и трагедией всего человечества. Но как бы ни были схожи их судьбы, все они пишут по-разному: у каждого своя оценка, своя война...

Мы привыкли к тому, что писатели-баталисты, как правило, — мужчины; именно им под силу описать грохот орудий, залпы снарядов, жуткие и тяжелые картины сражений, холодные, голодные и, наверное, самые страшные дни неудач. А женщина?.. Может ли женщина, чуткая и эмоциональная натура, изобразить динамику военных действий, увидеть то, что часто остается незамеченным? Может. Но далеко не каждая и не всегда.

Очень своеобразна военная проза белгородской писательницы Елизаветы Сергеевны Романовой. Она родилась 17 марта 1922 года в Армавирском районе Краснодарского края, там же окончила школу, а в 17 лет поступила на исторический факультет Смоленского пединститута. Но закончить его не удалось — помешала война. На третий день войны она девятнадцатилетней студенткой добровольно пошла на фронт. Будучи медсестрой Смоленского окружного эвакогоспиталя, без всякого опыта медика, она дежурила в шоковых палатках, поддерживала дух и находила ласковое слово для тяжело раненых, впадавших в панику. В декабре 1942 г. была послана на курсы переводчиков и за хорошее знание немецкого языка ее взяли в штаб 116 стрелковой дивизии. Романова прошла войну от начала до конца. Видела собственными глазами разбомбленный Смоленск, битву под Вязьмой, Ельней, кровавую мясорубку под Москвой, позорный для стратегов и стоивший жизни тысяч солдат провал операции под Демьянском в феврале-апреле 42-го, бои под Харьковом, Белгородом; прошла Молдавию, Румынию, Польшу, Германию. Конец войны ее застал в Чехословакии в должности переводчика. После демобилизации Елизавета Сергеевна поступила в Ярославский пединститут и, окончив его, стала лингвистом — преподавателем сначала в Старооскольском, а потом в Белгородском педагогическом институте.

Писательскую деятельность Романова начала в 1944 году. Первые ее фельетоны увидели свет в ежедневной Красноармейской газете «Суворовский натиск» в мае того же года. Послевоенные рассказы в больших журналах не печатались, как она пишет, «из-за избытка документалистики и мрачного взгляда». Только в конце 80-х и в 90-х годах прошлого столетия, когда изменилась общественная обстановка, стали

выходить ее произведения книгами («Трехцветная кошка», 1995; «Крайняя хата», 1995) и в отдельных журналах: «Подъем», «Наш современник» и других.

Елизавета Сергеевна Романова принадлежит к тем писателям, которые на протяжении долгого времени, иной раз всего творческого пути сосредоточены на одном круге проблем и идей. Ее рассказы посвящены тем вопросам человеческого бытия в военных условиях, которые до сих пор остаются неисчерпаемыми. Романова ставит и решает их на трагическом материале Великой Отечественной войны, такой уже далекой от нынешней жизни. Напечатанный в 1988 году в «Подъеме» рассказ «Сутки в пехоте» стал ключевым для понимания ее творчества.

В центре рассказа только что вернувшаяся из поиска шестерка разведчиков с радистом. Все происходящее видится глазами главного героя Женьки — сметливого и безотчетно храброго парня. И сутки в пехоте — это то, что прожито возвратившимися из опасной, но успешной операции разведчиками. Вместо законных 100 граммов и положенных трех суток отдыха их вдруг «сунули в боевой порядок пехоты». «Руки и ноги просили покоя, а душа — облегчения, ребята еще не опаматовались», «...нужно было все пережить, еще раз пережить в себе, обговорить, выговорить...». Они теперь без сна перебиваются в окопах целую ночь: где прикорнув на ящике из-под снарядов, где на выступе земли, присыпав ее соломкой, а то и стоя, прислонившись к стене окопа, с пальцем на спусковом крючке, проснувшись, постреливая время от времени.

Полны фатализма и динамики впечатляющие подробности начинающегося дня. Для них Романова находит поражающие свежестью, подчас убийственные детали. Всем известно, что фронтовой день открывается ленивой перестрелкой с той и другой стороны. Сейчас, «в самое сонное время, точно, спереди и сзади окопов начинают жახать мины», — окопы бывшие немецкие. Аналогично немцы «покрывают автомато-пулеметным навесным огнем» знакомые им окопы. И эта монотонная перестрелка сменяется появившимися бог-весть откуда танками, о которых разведка не докладывала.

С мужской рассудительностью и пониманием смысла в кажущейся рутинной военной неразберихе Романова видит то, что происходит в расположении части в течение этих суток. Новобранцам устроен прием присяги; «народ тут был всякий»: «заросшие, бледно-синие звероватые мужики», «одетые в рвань, обутые в ошметки». Это те, кого выгнала наступающая армия из сел, скрывающиеся в лесах пограничники, люд, который «правдами-неправдами отбил от посылки в Германию и, изловчаясь или горюя, существуя и не существуя, удержался у своих деревень, бесконечно грабимых, а теперь сожженных...». По сути — что можно было ждать от такого пополнения?..

Поднимая «тупые рыла» изо рва, танки шли, прикрывая свою пехоту. Их появление было страшно. Атака, к которой всячески, но тщетно призывали командиры, захлебнулась: при виде этих махин солдатики попрятались в траншеи и по ходам окопов отошли далеко... Но не для танка. Последние же упрямо двигались на окопы и передавили бы массу людей, а остальных добила бы в рукопашной немецкая пехота, которую прикрывали танки. Момент был решающий. За считанные минуты они на 200—300 м могут врезаться в наши позиции, и наступление сорвется.

«У Женьки сапоги стали свинцовыми, ноги в коленках ослабли. Чувство вины за неусмотренные в разведке танки, скверное чувство, без слов, без мыслей, создало горячую пустоту под сердцем». На высоком накале чувств и от ощущения вины к нему приходит единственное верное решение: во что бы то ни стало уничтожить хотя бы один танк, а это будет стоить Героя... Но без огневой поддержки здесь не обойтись, его вмиг убьют самого. Окопы пусты, лишь где-то в одном месте надсадно, без перерыва, строчит пулемет.

Елизавета Романова немногословно, сдержанно, с какой-то бытовой обстоятельностью показывает находку Женьки. Солдатик-ровесник надрывно, вцепившись в пулемет, требовал патронов: «Яшшык! Яшшык! Подтащите, Христом Богом молю, яшшык!» А сам этот «яшшык» в ячейке перебитой окровавленной ногой опирается на ящик из-под гранат; второй солдатик, он же Сивый, которого Женька определил как труса, убежавшего от него в окоп, поддерживает пулеметчика почти что на весу

под мышки и еще подает патроны. Женьке страшно. «Если Женька в эти минуты помнит и любит кого, то только этих двоих — Пулеметчика и Сивого, согласившегося умереть вместе с ним. Их готовность разделить с ним все греет, крепит и держит его перед страшной пастью танка и толпой врагов». Женька ползком попал в створ между пулеметом и танком. Огромная машина прет прямо на стыке окопов, где пулеметчик. Остаются секунды, «идущие за века». «Танк вильнул, и Женька в ужасе — уйдет! — вскочил в рост и бросился навстречу грохочущему железу. Танк лег на прежний курс. Восторг от уверенности, что эта огромная мощная гадина сейчас погибнет — только восторг — нес Женьку вперед к массе металла». Но танк Женька не подбил — его накрыло полной чернотой...

Далее мы увидим проснувшегося Женьку, сзади — горящий танк, а рядом с Женькой — его друг — разведчик Афоня и связка гранат. Получается, что танк уничтожили артиллеристы, а «потом наши выскочили в рукопашную». «Нет ни Сивого, ни Пулеметчика... Нет солдата, что требовал «увесь яшшых». Женьку, как любого на его месте, возможно, даже неопытного разведчика, мучает совесть. Женьке стыдно за то, что танк подбил не он; он еще не может осознать своего положения, подарка фортуны, которая улыбнулась ему в эти минуты.

Здесь Романова с удивительной тонкостью раскрывает диалектику души, показывает внутренний мир своего героя в определенный момент, когда в непредсказуемых, экстремальных условиях человек проявляется во всей своей сути. Здесь он настоящий.

После тяжелого дня ребята на попутной телеге возвращаются в штаб. Утомленные и изнеможенные, но счастливые, они обсуждают не закончившийся день. Женька, Афонька, Сашка, Морда, Витька Мюнхгаузен — каждый рассказывает о том, что не подбил танк. Среди них наблюдается оживление — рассказы сменяются всеобщим хохотом.

Мастерство Романовой как писателя-художника заключается в ее подчеркнутой наблюдательности и безусловном умении со всеми подробностями действий, ясностью взгляда и логикой очевидца излагать увиденное. Остро подмеченные факты вносят в рассказ особую выразительность, поэтому он становится интересен и со стороны документалистики.

Далеко не второстепенной деталью «Сутки в пехоте» является военный быт. То, что принято скрывать под маской побед, подвигов и удачных операций, Романова показывает как реальность. Это не только нечестная дележка хлеба, хитрость начальников при раздаче фронтовой еды и положенных ста граммов, но и приметливость и изобретательность простых пареньков-разведчиков, их условия жизни и подчас совсем незаметные мелочи.

Валентин Распутин отметил в рассказе удивительную подвижность авторского языка, умелое использование звукописи.

Речь героев отличает то, что она почти всегда выдерживается на чисто бытовом, разговорном уровне. В произведении фактически нет отечканенных рапортов по требуемой форме перед начальством и официальных заявлений командиров. Герои говорят на характерном для них военном жаргоне, в котором мы видим специфику того времени. Простота и непосредственность языка юношей-разведчиков соответствуют их естественному поведению, без напыщенности и фальши.

И, наконец, такой элемент, как пейзаж, не может быть не замечен читателем. С описанием природы мы сталкиваемся неоднократно. Автор вводит ее неожиданно и также неожиданно сменяет то диалогом героев, то другой бытовой сценой. Пейзаж вносит в рассказ двойное разнообразие: он на минутку отводит читателя от военной рутины, заставляет увидеть то самое солнце, что «выпустило вдруг по небу красный, прощальный — в какую-то щелку меж туч — лучик», ощутить дуновение весны, запах пахнущей медом, уже оттаявшей от снега земли. Для героев же пейзаж — это своеобразное лекарство, которое снижает накопившееся за несколько часов, дней, а, может быть, месяцев, моральное напряжение. Весна — это пробуждение не только природы, но и человека; «просыпаются» его чувства, мечты, всегда вечные надежды,

еще такие чистые и свежие, как майская зелень. «Не верится, что война», — так смеяется описание находящейся в каком-то самозабвении природы словами начальника Кантора.

Для Елизаветы Романовой рассказ о подлинной войне — «страшная ноша». Жестокая мясорубка войны пробовала на излом нравственные устои человеческой личности. В «Сутках в пехоте» есть одна тонкая, психологически верная сцена. Один из новобранцев, стоя на коленях, в отчаянии охватив голову руками, качается и кричит:

— Ой, я убил! Mamочка моя, убил до смерти! Он живой был. Он испугался. Он живой был! — парень показывает рукой на немца, лежащего ничком.

Здоровая психика и естественное нравственное чувство, может быть, укоренившееся от рождения христианским воспитанием не позволяют солдату мириться с насилием, убийством человека. Солдат выполнил свой долг, но совершенное им он воспринимает как нечто противоестественное, и ему невыносимо осознать, что он такое совершил.

В рассказе не один психологический момент. Романова своеобразно оценивает прошлое: «То, что прошло — оно было. Оно не исчезло, а прошло. Оно осталось в Прошлом. А Прошрое — реальность. Плохо, что оно недоступно, непоправимо...». А заканчивается произведение следующими словами: «он [Женька] не видит снов. Все, что было с ним, будет сниться ему годы спустя. Если война оставит живым». Концовка вносит в рассказ философский смысл, заставляет читателя о многом задуматься. Вот оно — поистине подлинно живое, колоритное художественное произведение. Напечатанный несколько позже рассказ «Переправа» — воспоминания некоторых моментов из жизни автора. Его три заключительные строки являются жизненно-философскими:

«И еще одно я осмыслила только сейчас. Умный враг всегда бьет по длинному, скрепляющему мелкие бревна бревну». В краткую формулировку выливается смысл всего происходящего на переправе под Смоленском: на мосту так были расставлены саперы с крючьями у его основных железных креплений, что немецкому бомбардировщику ничего не стоило уничтожить повозки с ранеными.

Но он, методически кружа над мостом, весь свой «огневой запас» всаживал в бревна последнего, обдавая всею щепок и людей, и лошадей, и повозки. Автор, ни на день не забывавший о войне, вдруг для себя делает «открытие» только через 46 лет: бомбардировщику надо было разбить именно мост, а все поперечные звенья пошли бы врозь и с ними повозки — под воду...

«Глубокое философское осмысление действительности, поражающие, часто убийственные детали, крутой слог языка — вот те ценности, которыми обладает проза Елизаветы Романовой» — пишет В. М. Шаповалов во вступительной статье к ее рассказу «Переправа», помещенному в изданной им книге «Потомкам».

Нужно сказать, что публикация рассказа «Переправа» в этой книге стала литературным открытием, так как на рассказ «Сутки в пехоте», напечатанный ранее в журнале «Подъем», никто, по сути, не обратил внимания. Его даже отнесли к документалистике, а не к разделу прозы, и только после того, как в своей статье о творчестве Е. Романовой В. Шаповалов написал: «Чудовищно, однако же — факт, что рядом с бездарностью, которая процветала в былые времена, забив библиотечные полки, захватив печатные площади, гонорары, почетные звания, что рядом с этой непотребой прожила всю свою жизнь в абсолютной неизвестности и не востребованности обществом искра Божья...» — ее «заметили» и в писательской среде, а кое-кто даже извлек для себя на из ее таланта личную выгоду.

Рассказы на военную тематику Елизаветы Романовой открывают многое из того, что такие же, как она, по молодости лет и недостатку жизненного опыта не сумели как следует разглядеть в людях, с которыми они воевали, и в себе. Но скорее всего, дело тут не в молодости лет и не в недостатке опыта — просто талантливому художнику дано раскрыть то, что хорошо известно, пережить как что-то неведомое.

ГАЛИНА ПОЛОВИНА

Родилась в Хабаровске. Окончила художественно-графический факультет Семипалатинского педагогического института. С 1985 года преподавала в Белгородском педагогическом колледже историю искусств и мировую художественную культуру. С 1988 года работает в Белгородском государственном художественном музее старшим научным сотрудником. Прошла специализацию в Санкт-Петербургском и Московском институтах культуры и искусства по атрибуции и оценке художественных произведений. Автор ряда публикаций по вопросам изобразительного искусства белгородских художников. Статьи в каталогах Г. Гритчина, П. Лесового, В. Осышного, В. Парамонова, Ю. Вишневого, Ю. Данченко, В. Крайнова и других. Автор более семидесяти публикаций в журнале «Художник», газете «Художник России» и в местной печати.

ВЫСТАВКА БОРИСА ПУПЫНИНА посвящённая 60-летию Курской битвы (июнь-июль 2003 г)

...И пусть не думают,
что мёртвые не слышат,
когда о них потомки говорят...

Чем больше во времени от нас отдаляется Вторая мировая война, тем зримее выступает решающая роль, которую сыграли в ней советский народ, его Вооруженные силы. Зная, какая мощная военная машина фашизма была раздавлена нашим народом, многие историки родных стран ищут ответ на вопрос о причинах, истоках этой победы, пытаются раскрыть секрет сказочно-героической силы, что принесла мир.

Этот вопрос сегодня волнует и многих людей творческих профессий, всех, кто ощущает свою судьбу как частицу общей судьбы народа. Ответ они дают в своих произведениях.

Прошедшая летом 2003 года в Выставочном зале персональная выставка Бориса Пупынина, посвящённая 60-летию Курской битвы, в этом убеждает нас.

Борис Пупынин, член Союза художников России, художник недюжинного самобитного дарования. Бывают люди с абсолютным музыкальным слухом, а бывают с врожденным универсальным художественным даром. Борис из этой редкой породы. Ему легко покоряется любой изобразительный материал: карандаш, тушь, соус, уголь, сангина, акварель, пастель, масло, а также дерево и металл. Круг его тем обозначен неподдельным вниманием к родной земле, её природе, её истории, её людям.

Пупынину незнакомы мучительные искания новых пластических форм и тем в искусстве. Он стабилен, крепок, упрям в жизни. Таков он и в творчестве. Поиск правды — во всём! — его главное кредо. Так он чувствует, так живёт, так пишет.

Бориса Михайловича Пупынина можно смело назвать художником военно-патриотической темы, к сожалению, такой непопулярной сегодня в изобразительном искусстве. И хотя у него есть полотна на сугубо мирные лирические сюжеты

(«Золото осени», «Портрет сына», «Портрет дочери Марии», «Утро» и многие другие), пейзажи, путевые зарисовки, думаю, автор против этого мнения возражать не будет. И действительно, Пупынин один из немногих, едва ли не единственный белгородский художник (за исключением С. Косенкова), кто на протяжении тридцати лет внимательно, преданно и любовно обрисовывает глубины индивидуальной психологии земляков-ветеранов, участников Великой Отечественной войны.

Казалось бы, откуда у не воевавшего человека такая полнота чувства, такая правда и образность в рассказах о величии и простоте рядового защитника Родины.

Наверно, тут помогает талант, прочитанные книги, рассказы очевидцев и, главное, горячее сердце художника-патриота. Ответы находишь и перелистав календарь его жизни.

Борис Пупынин родился в 1950 году в знаменитом селе Верхососна Красногвардейского района. Его малая родина — удивительный песенный край, место, где бережно и свято сохраняются старинные обряды, песни, духовная культура южной Руси.

В генеалогическом древе художника сплелись воедино два старинных казачьих рода. Мать, Мария Ивановна Шемякина — из сибирских казаков, отец Михаил Стефанович Пупынин, brave артиллерист казачко-пластунской дивизии, орденноносец Великой Отечественной — из Донских. По отцовской линии мужчины занимались зодчеством, строили храмы, а в столярно-плотницком ремесле слыли настоящими мастерами. Сам дух народной жизни, исконные традиции русских самородков, усвоенные Борисом Пупыниным с детских лет, стали его первыми учителями. Неудивительно, что после выполнения воинского долга в 1973 году Борис поступил в Харьковский художественно-промышленный институт, куда пришёл не «зелёным» новичком, а уже вполне сложившимся художником, автором целого ряда живописных полотен. Уже в одной из первых работ «Портрете мастера», написанной художником в 17 лет под влиянием тёплого искреннего чувства, проявились не только несомненный талант молодого автора, но и проникновенная верность натуре.

Наметившиеся в ранних произведениях реалистическая линия в творчестве Б. Пупынина стала определяющей в последующие годы. Из многообразного круга тем, волнующих художника, тема Великой Отечественной войны занимает основополагающее место. Именно в размышлениях о войне, о человеческой природе, истоках мужества, негигаемой силе духа простого русского человека, выстоявшего в страшном горниле войны, наиболее ярко раскрылся реалистический дар художника. На протяжении многих лет, без пафоса и фанфар, Борис Пупынин ведёт суровую повесть о трагедии и доблести русского народа в серии живописных и графических работ «Победитель», «Память», «Отец», «Строитель Беломорканала», «Дед Хритоний». Он знал их с детства, помнил, как с замиранием сердца следил за сверкающим блеском глаз рассказчиков, мысленно переносясь вместе с ними на поле сражений.

Иных уже нет, кто ушёл от ран, кто от водки, кто от несправедливости...

Но цепкая память художника и мастерство рисовальщика сохранили их худые морщинистые, освобождённые от обыденного и тривиального, лица. В их мудрых, подёрнутых пеленой времени глазах, затаилась боль от перенесённого и несправедливого.

Портреты земляков, выполненные Пупыниным, отличаются глубокой психологичностью, узнаваемой конкретностью. В его героях («Вятский мужик», «Строитель Беломорканала», «Абориген Байкала»), при всех неповторимых внешних особенностях, есть много общего и прежде всего мужество и духовная цельность. Бережное, лично-прочувствованное отношение к поколению фронтовиков позволяют художнику говорить о них правдиво и образно.

Борис подолгу работает «вчерне». Не в смысле затраченного на рисунок времени, порой ему достаточно черкнуть по бумаге раз-другой огрызком карандаша или угля и портрет готов. Долго, в смысле наблюдения и изучения натуры. Наблюдая, он ищет точные характерные детали, индивидуальные «особинки» своих героев в жестах, мимике, умении говорить или молчать. Ведь участников Великой Отечественной отличают не только боевые награды, но прежде всего особый рисунок поведения, ярко проявляющийся в беседах воспоминаниях.

Слушая их рассказы, оживающие всякий раз, как кровоточащие раны, за каждым праздничным застольем, художник не сворачивает на путь неразумного обобщения, а доверяется обаянию правды при встрече с конкретными людьми.

Живые лица, живые характеры и за каждым судьба.

Рисунки Бориса Пупынина быстры, точны, лаконичны и необыкновенно жизненны. И в беглых зарисовках и в мастерски скомпонованных, тщательно прорисованных, Борис стремится полнее и ярче разглядеть в человеке его сущность, понять истоки мужества. Вот один из них — Дед Трофим, крепкий крестьянин, дожил до девяноста лет, а ведь за плечами строительство Беломорканала, сталинские лагеря. Покорённый силой духа физически изнурённого старика, художник рисует Трофима неоднократно. Мощными, стремительными штрихами он моделирует форму то энергичным резким росчерком, то текучей зыбкой линией, иногда намеренно избегая активной светотени, работая на выразительности линейных ритмов. Страстный, темпераментный рисовальщик, он в скупом арсенале графических средств умеет извлекать неисчерпаемые возможности для создания образных и психологических характеристик.

Доминантой в экспозиции выставки, посвящённой 60-летию битвы на Курской дуге, звучало новое большое многофигурное полотно художника «В последних лучах славы».

Для поколения Бориса Пупынина война только история. Поэтому, работая над этим произведением, он прекрасно понимал сложность отражения темы давно ушедших дней, понимал опасность оказаться в плену готовых художественных образов.

В своей картине автор хотел выразить жестокость войны, трагичность её для матерей, отразить роль Советского народа и Советских вооружённых сил в исходе Второй мировой. Но он не стал стремиться к буквальному изображению эпизодов войны, не свернул на путь их иллюстрирования или грубой натурализации.

В ткань живописного полотна художник вводит размышления над волнующими его темами и событиями. Квинтэссенцией этих многолетних размышлений о войне, истоках её победы стал образ русского солдата, но отнюдь неидеализированного чудо-богатыря, совершающего подвиги на поле боя. В сюжетную канву произведения вошли герои многочисленных картин из серии «Незаживающие раны». Сосредоточив своё внимание на сегодняшней встрече фронтовиков, вспоминающих своё боевое прошлое, художник создаёт поистине трагические образы искалеченных людей, немало испытавших на своём жизненном пути. Четыре года войны... Но вглядываясь в эти землистые, ржаво-коричневые, изрезанные шрамами и безжалостным резцом времени лица, ощущаешь, что будто только эти четыре года и были для них настоящей жизнью расцвеченной красками, а все послевоенные годы — цепь однообразных бестолковых будней, монохромных, как фон картины.

Полотно Бориса Пупынина «В последних лучах славы» ещё не завершено, над подобными темами художники иногда работают десятилетиями. В том варианте, в котором картина существует сегодня, трактовка темы не бесспорна и возможно не однозначна. Почему, например, при ярко выраженной реалистичности (до гиперболизации) героев первого плана, парад победы на Красной площади и фигура Жукова на белом коне воспринимается плакатно, схематично, а образ матери у звонницы Прохоровского поля несколько надуманно.

Художник продолжает работать над картиной и при многих вопросах в ней, на мой взгляд, всё же есть главное — найден образ времени и способ его выражения.

Представление о патриотической теме в творчестве Бориса Пупынина будет не полным, если не коснуться его любви к своей земле, нашедшей отражение в лирических пейзажах.

При всей очевидной преданности художника к малой родине, привязанности к собственным корням Бориса Пупынина, как впрочем и его предков-казаков, отличает ещё и склонность к перемене мест, жажда новых впечатлений. Художник много путешествует. Красота необъятной земли русской, которую защищали и отстаивали наши отцы и деды, зримо оживает во многих живописных и графических работах, приве-

зённых из творческих поездок по Горному Алтаю, Пушкиногорью, Вятчине, Костроме, Рязани, Байкалу, Загорску, Звенигороду, Коренской пустыни, Белгородчине...

Многочисленные пастели, живописные этюды, графические зарисовки разных уголков страны — это не просто путевые заметки художника, это самостоятельные, самоценные произведения.

Его пейзажи «Золотая осень», «Байкал», «Улаханский перевал Сарлыки» отличаются и особая пластическая форма и выразительная, иногда мягкая, но чаще контрастная цветовая манера.

Особенно впечатляют пастельные работы художника, именно в этой технике Борис выражает себя как виртуозный мастер быстрого рисунка в цвете. В непродолжительных по времени исполнения листах тонко продуманная пластическая форма казалось бы в простом мотиве выражает сложную мысль. Посмотрите «Коренскую пустынь» или «Благодатный источник зимой». В них есть всё: и свободное владение рисунком, и точные то лёгкие, то активные удары мелка, создающие нежный ажур голых ветвей на фоне белой почти нетронутой красочным слоем, бумаги. Только два-три розовато-лиловых пятна на снегу и перед вами готовый полнокровный рисунок. С точно выверенной композицией, богатыми ритмами, с тонко рассчитанным цветовым строем.

Пастели «Мужской монастырь», «Сирень», «На Донце» и др. при всех характерных особенностях техники: бархатистости, интенсивности цвета, менее всего нежны и прозрачны. Скорее им свойственны энергетичность, эмоциональная свобода цвета, как ни странно вовсе не противоречащая естественной среде.

Лирическая тема Родины в произведениях Пупынина, идущая параллельно с военно-патриотической, не просто дополняет её, но и существенно обогащает её нравственную ценность.

Ещё одна грань универсального художественного дара Бориса Пупынина воплотилась в медальерно-декоративном искусстве, которому художник отдал более 15 лет. Выполненные им серии медалей из различных материалов, в которых отражена история страны и Белгородчины, медали «Знаменитые люди земли Белгородской», «Москве 850 лет», «Храмы Святого Белогорья», «55 лет Курской битвы» и многие другие прочно вошли в лучший фонд российского медальерного искусства. Свой талант медальера Пупынин сумел проявить в полной мере, создав медальон и 21 плакету «История Белгородской области» на главной площади города.

Многогранность дарования и потрясающая работоспособность Бориса Пупынина удивляют. Сам художник, посмеиваясь, говорит, что силы жить и творить ему дают соки родной земли и память сердца. Действительно, у каждого человека есть близкие люди, память о которых в сердце. У Бориса Пупынина большое сердце, он помнит и чтит всех фронтовиков, с кем свела его судьба на дорогах жизни. И не только помнит и чтит, но и своим искусством не даёт забыть их сегоднешним и грядущим поколениям.

ГАЛИНА СЛЕЗКИНА

Родилась 6 августа 1952 года в поселке Уразово Валуйского района Белгородской области. С рождения инвалид 1-й группы. В школе не училась, самостоятельно занималась по школьной программе, экстерном сдала экзамены. По программе, присланной из Воронежского университета (факультет филологии), изучала историю литературы и теорию журналистики.

Регулярно публиковаться начала в районной газете «Звезда» с 1976 года. Там за все годы было опубликовано очень много самых различных материалов — рассказы, очерки, статьи, короткие заметки. Несколько лет была внештатным корреспондентом областной молодежной газеты «Ленинская смена». Рецензии публиковались в воронежской газете «Центральная Россия». В «Белгородской правде» была опубликована рецензия на роман Владислава Шاپовалова «Белые берега». Автор книги критических статей о современной литературе — «Обрести себя».

ВОЗДУШНЫЕ БОИ В ВАЛУЙСКОМ НЕБЕ

От немцев девятнадцатого января 1943 года Уразово освободил конный эскадрон под командованием старшего лейтенанта Ивана Тимофеевича Лоренко. Старожилы говорят, что оккупанты вошли сюда без боя и уходили так же. Просто бежали под напором более сильного противника. Крупной стратегической точкой в поселке был военный аэродром. Недостроенным попал он в руки немцев, и те превратили его в настоящую авиабазу, о чем говорит следующий факт: при наступлении кавалеристы Лоренко захватили здесь пятьдесят немецких военных самолетов. Собственно, в захвате аэродрома и состояла операция по освобождению поселка.

Наличие аэродрома было причиной того, что Валуйский район вскоре стал ареной воздушных боев. Как известно, железнодорожная станция Валуйки в этот момент вызывала у немцев особый интерес: через нее проходили составы русских с живой силой и военной техникой в сторону Курска. Именно там немцы сосредоточили огромный боевой потенциал, тяжелую артиллерию, танки и т.д. Назревало одно из жесточайших сражений Великой Отечественной войны — Курская битва... Об этом тогда еще никто не знал, но, понимая, что противник что-то затевает, советское командование принимало соответствующие решения.

А под Харьковом, в Чугуеве, стоял немецкий авиаполк, быстро нащупавший живую мишень. Бомбардировщики в сопровождении истребителей («мессершмиттов») систематически бомбили железную дорогу, создавая серьезную угрозу для интенсивной переброски боеприпасов и воинского состава. Тут-то и сыграл свою роль Уразовский военный аэродром.

Семнадцатого марта прибыл в наши края 240-й истребительный авиационный полк под командованием Игната Семеновича Солдатенко. Позднее этот полк получит высокое звание — Гвардейский 178-й. Немецкие асы оказались лицом к лицу с очень серьезным противником.

Об историческом значении именно этих воздушных боев многое напоминает и теперь, спустя более полвека. Достопримечательностью Уразова стал открытый двадцать восьмого мая 1988 года своеобразный памятник: устремленный к небу макет военного самолета ЛА-5. Это на нем совершил свои первые боевые вылеты Трижды Герой Советского Союза Иван Никитович Кожедуб. Именно здесь начинал он свой путь к подвигу. Полк разместился в одном из ближайших от Уразова сел — Лобковке. А с Уразовского аэродрома систематически производились боевые вылеты. И когда молодой лейтенант сбивал очередной немецкий самолет, восторженные мальчишки писали мелом на заборах: «Слава герою Кожедубу!» И слава пришла к нему именно здесь. На его счету было уже достаточно подбитых «мессеров», когда на сцене Уразовского Дома культуры «Маяк» он получил первую Звезду Героя...

При жизни Иван Никитович не раз был гостем Уразова, и его приезд — одна из ярких страниц в истории поселка. Для самого же летчика это было не только и не

столько торжество: сюда звала его память о погибших товарищах, чисто человеческое желание поклониться их праху. Так случилось, что в Уразове похоронен бывший командир Кожедуба Игнат Семенович Солдатенко, погибший 12 апреля 1943 года, когда немцы бомбили ставший для них камнем преткновения аэродром. В этой же могиле похоронен и ближайший его боевой товарищ, ведомый летчик Ивана Кожедуба, Вано Михайлович Габуния. Уроженец грузинского города Потти, молоденький лейтенант, воевал бок о бок с человеком, которого в будущем узнает вся страна. Кстати, по воспоминаниям, сам Габуния был опытным и смелым летчиком. Его будущее, без сомнения, могло стать таким же славным. Но слава летчиков ходила рядом со смертью, и воздушный бой шестого мая стал для Вано Габуния последним.

Спустя уже многие годы, в основном благодаря книге И. Кожедуба «Верность Отчизне», родные погибшего узнали наконец, где погиб и где похоронен их Вано...

Открытие в 1988 году краеведческого музея и памятника в виде самолета ЛА-5 сопровождалось грандиозным театрализованным праздником, на который съехалось огромное множество гостей. Самыми дорогими среди них были, конечно, И.Н.Кожедуб и родственники В. М. Габуния — брат, сестры, племянники. Болью и радостью было для них, потерявших надежду, найти дорогую их сердцу могилу. Стоит ли говорить о том, какой теплый, сердечный прием ожидал этих людей в Уразово! Удивительная дружба связала и детей: отряд грузинских школьников отдыхал в нашем пионерлагере «Лесная сказка». А каким чудом была для уразовских ребятшек поездка в Потти, на Черное море!

Теперь все это в прошлом и фактически перечеркнуто. Лучшие человеческие качества — память, благодарность, дружба — попорчены сведением нелепых счетов, возведением границ. Ведь русский Кожедуб и грузин Габуния были как братья, воевали плечом к плечу, каждый раз оба смотрели в лицо смерти. Даже имена у них такие близкие — Иван, Вано...

Летчики, погибшие в Уразово, похоронены в общей могиле в центре поселка, в зеленом парке. Над нею небольшой памятник в виде пропеллера, а на плите высечено около тридцати имен, среди которых И.С.Солдатенко, В.М.Габуния, В.Г.Ходырев, К.Н.Аверин, Н.К.Гуров, К.Ф.Зайцев, В.М.Козлов, И.М.Кашенцов, И.Х.Макаров, И.Н.Бухтияров. За каждым из них человеческая жизнь, единственная и неповторимая. Говорят, вместе с человеком умирает целый мир — его мир, мир его души. Что мы знаем об этих мирах! Какими они вообще были, эти летчики, молодые ребята, вдвое моложе нас, родившихся после войны. Мы так мало их вспоминаем, так редко о них думаем. Так больно за их безвременно оборванные жизни, вдали от дома, вдали от матерей и любимых...

...Совсем недавно один знакомый принес мне пожелтевшую от времени газету. Оказалось, это наша районка, один из номеров за 1943 год! А в ней заметка или, точнее сказать, военная сводка: «24-го мая, 1943 г., в 16 часов над сл. Уразово в воздушном бою с фашистскими стервятниками героически погиб младший лейтенант — орденоси́нец Иван Никифорович Бухтияров».

Нашлись люди, которые помнят этот бой. Да и как можно было его забыть: происходило нечто ужасное и необычное. Как потом поняли, Бухтияров пошел на таран. Самолет его уже дымил, и боеприпасы, видно, кончились. Противник, достигнув своей цели, надеялся улизнуть. Но не тут-то было! Догнав «мессера», Бухтияров буквально врзался в него своей горящей машиной...

Был ли у нашего летчика выбор? Как знать, может и не было. Но тут важно другое: даже перед лицом верной смерти он помнил свою задачу — уничтожить противника. И выполнил ее... Если говорить об этих вещах без ложного пафоса, то, наверное, человек способен привыкнуть и к риску. Ведь, в конце концов, война это... работа. Изнурительная, опасная, ужасная работа. Но человеку свойственно еще верить в лучшее. Всякий раз кто-то не возвращается из полета, горечь утраты сжимает сердце. Может, о себе в такие минуты и не думается: дружка жалко. Я-то цел! Может, опять пронесет. Чего уж только ни случалось, а все ж выкручивался...

Это лишь мои домыслы. Но летчики — народ отчаянный. Каждый вылет — шаг к подвигу. Свидетельство тому и воздушные бои в наших краях, в одном из которых И. Н. Бухтияров совершил так называемый таран. В годы войны это было примером исключительного мужества и героизма.

АЛЕКСАНДР СТОВПЕЦ

*председатель Белгородского регионального отделения
Союзной палаты Беларуси, России и Украины*

ОВОКИ РУСЬ И УКРАИНА, ПОКА ПЛЕЧА КАСАЕТСЯ ПЛЕЧО

За веру и волю народа русского!

Б. Хмельницкий

После нашествия татаро-монголов пала Киевская Русь (княжеские междоусобицы не позволили дать должный отпор захватчикам). Наш цветущий край — окраина Руси Киевской — превратился в Дикое поле, жизнь здесь едва теплилась...

Победа на поле Куликовом вдохновила новую жизнь и в Дикое поле: отстроился Древний Хотмыжск, возродился Белгород...

А на Русь, теперь уже Московскую, пришла новая смута: годинщина, шуйсковщина, польско-католическое нашествие. Исчезла русская государственность. Закованный в цепи, патриарх Гермоген из темницы призвал к освобождению Отечества. Ополчение Минина и Пожарского изгнало с позором засидевшихся в Кремле захватчиков. Возродилась русская государственность в лице молодого царя Михаила Романова.

Но южная Русь-Украина по-прежнему была под Речью Посполитой. Пань-католики не считали за людей православных русичей, обращались с ними хуже, чем со скотом. Многочисленные восстания жестоко подавлялись. И в наш Белгородский край хлынула первая волна беженцев-переселенцев с Руси-Украины, которым здесь была оказана братская помощь и защита. Было это около 350 лет тому назад, и не случайно — многие населённые пункты Белгородчины: Ракитное, Ровеньки, Борисовка отмечают эти годы как годы своего основания. Об этом просто необходимо напоминать сегодня некоторым идеологам в Украине и в России.

Другая мощная волна, в основном молодых, боеспособных людей, устремляется в Запорожье, где в конце XV века, в нижнем течении Днепра, возникло уникальное образование — православно-славянская республика, оплотом которой являлась Запорожская Сечь.

Земли Сечи располагались на обширной территории от Северского Донца на востоке до Днепра и Карпатских гор на Западе, от Черкасс на севере, до Чёрного моря на юге. Лесостепная дельта Днепра, многочисленные реки и озёра были неприступны для крымско-татарской конницы и войск Речи Посполитой. Лес и степь были богаты птицей и зверем, рыбы в реках и озёрах (сом, судак, осётр...) было столько, что её можно было ловить руками... Мёд и воск были доходными статьями экспорта для Казацкой республики. Воистину жизнь была бы райской, если бы не многочисленные бои и походы для вразумления агрессивных соседей. Память народная хранит самое важное, и, спустя сотни лет, поют песни и не только в Украине, о героях тех времён: Байде, Дорошенко, Сагайдачном, разгромившем войска Осман-паши под Хотинем и снявшем осаду с Вены. Времена эти талантливо отобразил Николай Гоголь в знаменитой повести «Тарас Бульба» и Николай Лысенко в одноимённой опере, которую можно услышать в Харьковском театре оперы и балета.

Забегая вперёд, скажу: во время Екатерины Великой многие российские вельможи, в том числе и Григорий Потёмкин, считали за честь быть принятыми в почётные казаки Войска Запорожского...

Но Запорожье, перед которым заискивала и которого доискивалась Речь Посполитая, Запорожье с его обширными землями, были лишь частью Руси-Украины, а ещё большая её часть: Волынь, Киевщина, Полтавщина — стонала под гнётом чужих и своих панов, там не было вольных казаков, там были холопы-крепостные...

В 1648 году Богдану Хмельницкому Бог дал поднять запорожское казачество на освободительную войну «За веру и волю народа русского, православного». А прежде, более 10 лет Войско Запорожское находилось в блокаде: ни Варшава, ни Москва не поставляли ему хлеб и порох, не позволяли воевать с крымско-татарскими ордами, грабившими Русь-Украину, — боялись прогневить турецкого султана. Но плохо вооружённые, полуголодные запорожцы разгромили в пух и прах сытых, холёных, конных польских жовнёров под Жёлтыми водами. Воистину, «Бог не в силе, а в правде», — как сказал Александр Невский. В результате блестящих побед за один год была освобождена вся Русь-Украина. Варшава, во избежание полного краха, запросила мира. Хмельницкий согласился, но зря: через три года собравшиеся с силой паны снова вторглись в Украину. И, как поётся в народной песне, «почернело чисто поле», почернело чисто поле под Берестечком, где в смертельной битве сошлись войска Речи Посполитой и народное ополчение Богдана Хмельницкого. Чаша весов колебалась... И Крымский хан, шедший не столько помочь, сколько пограбить, предал Хмельницкого и бежал с поля боя. Битва была в июне, на зелёном поле, а почернело оно от воронов, слетевшихся клевать казацкие очи, которые, как у всех православных защитников Отечества, в последний миг земной жизни обращаются к небу. Десятки тысяч запорожцев и ополченцев не вернулись с поля боя...

После Берестечка Хмельницкий окончательно убедился, что ни Крымскому хану, ни королю Польши доверять нельзя. И ещё активнее повёл разговоры с Москвой, в чём ему содействовал Хотмыжский воевода Болховский. В Москве долго колебались: союз с Хмельником означал войну с Польшей для ещё неокрепшей от смуты Москвы. Созвали Собор, единодушия не было, и только решительное выступление патриарха Никона, того самого мятежного Никона: «Не жалейте живота своего за братьев православных», — убедило царя Алексея Михайловича направить полномочное посольство в Переяславль, где 8 января 1654 года по старому стилю на исторической Переяславской Раде было принято судьбоносное решение о воссоединении Украины с Россией. В январе следующего 2004 года этому событию исполнится ровно 350 лет.

Умер Богдан Хмельницкий. Торопясь освоить новые обширнейшие владения, царское правительство часто нарушало свои обязательства по договору с Богданом, посылало своих воевод, которые вмешивались в самоуправление, что вызывало недовольство, особенно власть имущих полковников и гетьмана, и в конце концов породило мазеповщину. Верный друг Петра I Иван Мазепа рубит головы Кочубею и Искре, с его помощью Пётр отправляет в Сибирь Семёна Палия и других истинных защитников веры и воли народа русского, православного. И наконец «верный друг» связывает судьбу Украины с пройдысвитом, как назвал его Т. Г. Шевченко, Карлом XII. Чем всё это кончилось, вы хорошо знаете... «Паны дрались, а у мужиков чубы трещали». Пока запорожцы под Полтавой дрались друг с другом (Гордиенко с Мазепой за Карла, а возвращённый из Сибири Палий — за Петра), Меньшиков буквально стёр с лица земли ряд казацких поселений по Днепру, разорив и могилу нашего земляка, кошевого атамана Ивана Михайловича Сирко, многие годы защищавшего наши южные рубежи от крымско-татарских орд. Времена были суровые.

Но рассказывать об этом надо именно нам, сторонникам созидательных отношений России и Украины, иначе за нас это сделают другие и с другим акцентом. Около ста лет страдал народ Украины от великой руины (смуты): грабили её татары и турки, тысячами угоняя в рабство; грабили польские паны, да и московские власти после Мазепы особенно не церемонились.

Народ отвечал восстаниями. Наиболее кровопролитное, против панов-католиков и их приспешников, вошло в историю под названием «Колиивщина» (поэма Т. Шевченко «Гайдамаки»). И в Белгородский край хлынула вторая волна беженцев-переселенцев. Относительный покой в Украине наступил лишь после окончательного раздела Польши: по совету почётного запорожского казака Грицька Нэчёсы

(Потёмкина) вольным запорожцам Екатерина II «подарила» Кубань, а на остальных, как и во всей Российской империи надела крепостное ярмо.

Прошло более 200 лет, мы пережили крепостное право, революцию, две мировые войны, восстановили страну. Казалось, жить бы теперь да жить, но в 1991 году разрушили Великую Державу... Триединый народ оказался разделённым. Русские и украинцы живут теперь в отдельных государствах, а жизнь от этого лучше не стала. Ответственные политики, каковыми являются Савченко Евгений Степанович и Дёмин Олег Алексеевич (главы Белгородской и Харьковской областей) поняли раньше других, а главное — начали действовать: учредили Совет глав приграничных областей России, Украины, Беларуси. Девиз: «От Беловежья — к Белогорью», цель — сохранить всё лучшее из прошлого и вместе строить будущее.

1995-й год — строится и освящается Звонница на Прохоровском — третьем ратном поле Руси, Храм Петра и Павла.

1996-й год — восстанавливается и освящается Воскресный храм в историческом Хотмыжске, звон его колокола слышен в России и в Украине.

КОЛОКОЛ ЕДИНЕНИЯ

22 июня этого года мы — Белгородское региональное представительство Союзной палаты Беларуси, России и Украины получили приглашение главы Гомельской области А. С. Якобсона принять участие в юбилейном — 30-м международном фестивале «Славянское братство» на схождение границ Беларуси, России и Украины (в этом году в нём приняло участие более 50 тысяч молодёжи и ветеранов из 3-х братских республик).

К сожалению, городская администрация, от которой мы получили письменное уведомление о желании снять фильм «Три страны — один народ», для которого сюжеты фестиваля «Славянское братство», реальная жизнь Беларуси и Украины, вместе с сюжетом о встрече 3-х президентов на Прохоровском поле могли бы стать основой, оказалась не в состоянии нам помочь. Город вначале ответил, что для командировки съёмочной группы денег в бюджете нет, а когда мы предложили свой транспорт, оказалось, что и на суточные для двоих корреспондентов денег тоже нет. Спонсоры, в частности Ф. И. Клюка и другие, ответили нам: «Помочь оплатить автобус, (приблизительно 10 тысяч рублей) не можем. Денег нет, партию «Единая Россия» славянское братство тоже не очень интересует — они отказались от участия.

И только благодаря активной позиции народно-патриотического движения ЗУБР, поддержанной союзом офицеров и компартией, а также учредителями партии «Русский блок Украины» С. Н. Коноваловым, объединённая делегация Белгородской, Харьковской и Днепропетровской областей приняла активное участие в работе «Славянского братства» 29 июня. Наши делегаты В. И. Воронин, П. Т. Страхов, В. Н. Новиков, О. И. Сухина, А. И. Стовец были радушно встречены в братской Беларуси.

Ответственным за пребывание нашей делегации был назначен пресс-секретарь Гомельской областной администрации Валерий Семёнович Ахлестин. Благодаря его заботе и заботе первого заместителя главы Гомельской областной администрации Раисе Александровне Тиханской, а также председателя Совета Гомельского регионального представительства Союзной палаты (председателя Гомельского областного Совета народных депутатов) Валерия Степановича Селицкого мы находились в составе официальной делегации Республики Беларусь, где кроме замечательной белорусской молодёжи на митинге «Преемственность поколений» было много ветеранов. Им мы вручили видеофильм «Наш земляк — полководец Ватутин», буклеты о встрече трех президентов на Прохоровском поле, где очень хотели бы побывать и белорусские ветераны в день 60-летия победы в Курской битве.

Россию и Союз представляли Ответственный секретарь Парламентского Собрания Беларуси и России В. А. Аксёнов, заместитель министра образования Ю. В. Ко-

врижных, председатель ВОП Михаил Шмаков и другие. Украина и Беларусь также были представлены рядом руководителей парламентов и правительств.

Естественно, здесь были и главы приглашённых областей: А. С. Якобсон, Ю. Е. Лодкин, В. В. Мельничук.

В сводном концерте «Мы Славяне» приняли участие замечательные коллективы: «Песняры», госансамбль «Света», «Казацкие Клейновы» и многие-многие другие именитые коллективы. К сожалению, Белгородскую область в этот раз некому было представлять. Но в гостинной «В семье единой» от имени Харьковско-Белгородской делегации слово предоставили координатору народно-патриотического движения ЗУБР (За союз Украины Беларуси и России) П. Г. Страхову.

Белгородцев конечно интересует жизнь Беларуси, потому что из средств массовой информации чаще всего слышим много негатива. Обходя торговые ряды ярмарки «Славянская мозаика», мы обратили внимание на радушие, весёлость, порядок, национальный колорит скромных, но достойных белорусских павильонов, своей помпезностью выделились трехъярусные надувные павильоны россиян, хотя содержимое этих павильонов практически не отличалось от белорусских, к сожалению, павильоны украинцев были и беднее, и озабоченнее...

Игорь Ляпин

ИЗ БЕЛАРУСИ

Нам шлют поклон сябры-славяне
Своими добрыми делами.
Пусть знает мир благуя весть
Про независимость и честь.
Там братство славят в полный голос!
И там не смеет пикнуть Сорос:
Не тот расклад, не та пора,
Чтобы рулить из-за бугра.
Там всё по-людски —
Сеют, пашут,
На праздниках поют и пляшут
И, молча головы склоня,
Стоят у Вечного огня.
По всей республике, как в Бресте,
Есть место долгу, место чести.
Стоим мы тоже, но уже
За ней на этом рубеже.